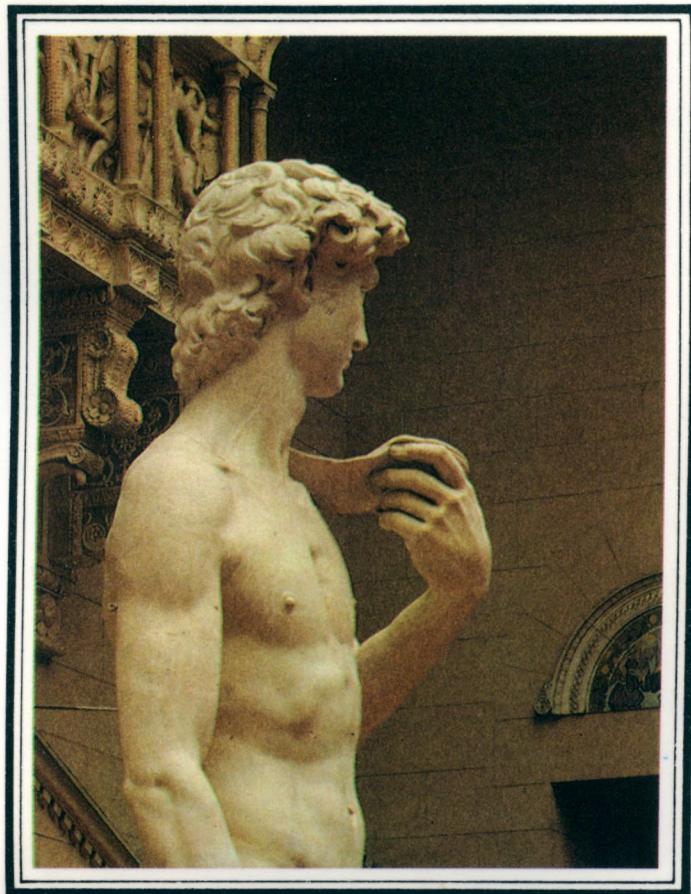

И.В.ЦВЕТАЕВ создает музей

И.В.ЦВЕТАЕВ
создает музей

Две темы составляют содержание этой книги: история создания Музея изящных искусств в Москве (ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А.С.Пушкина) и личность его творца - Ивана Владимировича Цветаева (1847-1913). Эти темы раскрываются на документальном материале, состоящем из дневниковых записей, деловой переписки, очерков и воспоминаний сподвижников и учеников Цветаева, рассказов дочерей - Валерии, Анастасии, Марины. Появление музея предстает от самого первого замысла, "... когда мой отец, - как пишет Марина Цветаева, - сын бедного сельского священника... двадцатипятилетним филологом впервые вступил ногой на римский камень", до торжественного открытия Музея изящных искусств имени Александра III 31 мая (13 июня) 1912 года. Между этими датами заключена плодотворнейшая часть жизни Ивана Владимировича, вся целиком посвященная единой цели - подарить России художественный музей. 25 лет он разрабатывал его программу, собирал коллекции, добивался территории в центре Москвы и лучшего проекта здания, искал единомышленников, и все это время непрерывно, ежедневно хлопотал о средствах, обращаясь к правительству и частным лицам, не боясь быть настойчивым и часто терпеть унижительные отказы, потому что сознавал, что просит не для себя лично. Ничто не могло остановить его - ни возраст, ни усталость и болезни, ни горестные события в семье. И для себя лично ему не нужно было ничего. "Корыстолюбивые люди ... не могут представить себе никакой службы без корысти, без алтына, - писал Цветаев, - не зная, что идея Музея и движется и растет, и получает успех выполнения только благодаря чистоте намерений и высоко поставленной цели ..."

Но, к счастью, рядом с Иваном Владимировичем оказались люди с горячим сердцем, полностью разделявшие его стремления и во всем помогавшие ему, главный меценат музея Ю.С.Нечаев-Мальцев и архитектор, автор "греческого фасада на русской земле" Р.И.Клейн. Они были с ним до конца.

Словно выполнив свое предназначение, И.В.Цветаев скончался спустя год после того, как распахнулись двери музея. Через сорок дней после его смерти не стало Нечаева-Мальцева. Как выяснилось, пожертвовав несколько миллионов рублей, он был почти разорен. Для архитектора Клейна здание музея оказалось высшим достижением творчества. Имена всех троих начертаны на мемориальных досках перед парадным входом в созданный ими музей.

И.В.ЦВЕТАЕВ создает музей

И.В.Цветаев
создает музей

И.В.Цветаев создает музей

Составление и комментарии:

А.А.Демская
Л.М.Смирнова

Вступительная статья:

Л.М.Смирнова

Москва

Галарт
1995

ББК 85.101
Ц27

Издание выпущено при финансовом участии Международного Фонда «Культурная инициатива»

Ц $\frac{490100000-02}{084(02)-95}$ без объявления

ISBN 5-269-00718-5

© Издательство «Галарт», 1995
© А.А.Демская, Л.М.Смирнова —
составление и комментарии, 1995
© Л.М.Смирнова — вступительная статья, 1995
© А.А.Кузнецов — художественное оформление, 1995

Музей — дело жизни

Эта книга об Иване Владимировиче Цветаеве — личности уникальной в истории русской художественной культуры и просветительства. Выход такой книги был предопределен еще в начале XX века всеми неустанными и многолетними трудами ученого-классика, историка искусства, филолога и археолога, который взял на себя смелость впервые в России, в ее исконно духовном центре — Москве реализовать наконец идею «Эстетического музея», возникшую в стенах Московского университета еще в конце XVIII века и упорно пробивавшую себе дорогу в течение всего XIX.

Как удалось профессору Цветаеву создать центр общеевропейского и мирового искусства буквально на пустом месте (пустырь бывшего Колымажного двора), с пустым карманом (сын бедного сельского священника, учившийся исключительно на казенный кошт, совершавший заграничные командировки за счет университета и министерства народного просвещения и т. д.), в условиях политического кризиса и хозяйственной разрухи в стране, в жестких тисках бюрократической системы и вековой культурной отсталости русского общества — об этом феномене на страницах данной книги рассказывает непосредственно сам «виновник» событий и вслед за ним его многочисленные сподвижники, помощники, ученики, друзья и родные.

И вот оказывается, что профессор Цветаев дважды создал Музей изящных искусств в Москве — как руководитель с 1889 года кафедры теории и истории искусств Московского университета он воздвиг беломраморный Храм искусства в центре города, вблизи Кремля, на Волхонке. И он же, будучи филологом и классиком в широком понимании этих слов, воссоздал умоглядный образ Музея, воплотив его в эпистолярном жанре, отметив шаг за шагом его трудное и долгое становление, создав своего рода жизнеописание живого музейного организма, включенного в сложную и увлекательную жизнь Москвы, России, всей Европы. Он остро подметил быт и нравы окружающей среды, характеры и судьбы и в слове воспроизвел тот исторический пласт, тот культурный слой рубежа XIX—XX столетий, который под гнетом неумолимого времени так быстро и беспощадно разрушается и исчезает. Он ощущал это трагическое движение времени как историк, он видел результаты его тотального шествия как археолог. Здесь, в этой двойственности воплощения просветительской идеи, как мы бы сказали теперь, «феномен Цветаева».

Отсюда — этот поток писем сотням корреспондентов во все крупнейшие культурные центры России и Европы. Отсюда эти «пуды» цветаевско-нечаевской переписки (как скажет позднее Марина Цветаева), тщательно переписанные по заданию Ивана Владимировича

ча в огромные, неподъемные фолианты, каждый из которых защищен твердокаменным переплетом.

Ученый-историк-археолог-филолог создавал одновременно два памятника искусства — один в камне, на улице города; другой — в слове, доверенном потоку писем, запискам, заметкам. Оба — на века, «для отдаленнейших родов потомков, которых трудно теперь и представить». Первый памятник — всемирно известен уже около 80 лет, с момента его открытия, а второй, по существу, только сейчас появляется перед глазами изумленного читателя (пришло, наконец, этому время).

Конечно, публикация в полном объеме всего написанного И. В. Цветаевым за 17 лет его ученых занятий классической филологией, а затем за 25 лет, посвященных Музею и истории искусства, нереальна. Это как бы неиссякаемый поток, где научные дефиниции и обобщения перемежаются тонкими наблюдениями относительно конкретных явлений и культуры, и политики, и общественной жизни, и хозяйственных проблем, и курьезов быта, нравов, особенностей тех или иных народных обычаев, характеров и т. д. и т. п. Все идет друг за другом и рядом, на одном уровне ценностей, как это было свойственно исторической науке рубежа XIX—XX веков.

Предлагаемая читателю книга — избранные места из переписки, речей и заметок ученого, наиболее ярко, красочно и обстоятельно рисующих события, связанные с историей создания первого в России музея скульптуры и архитектуры от древнейших времен до эпохи позднего Возрождения. Это позволяет в более современной манере представить уникальное эпистолярное наследие профессора Московского университета Ивана Владимировича Цветаева — миссионера на почве русского просвещения.

По-новому, в изложении Цветаева, его учеников и близких, родных начинает звучать для нас и сама музейная тема. Ее разработка оказывается глубже, фундаментальнее и, как это не покажется парадоксальным, гораздо ближе к нашей современности, чем это представлялось до сих пор. Словно и не было промежутка почти в сто лет между музейскими заботами ученого и сегодняшним днем. Словно вековой пласт русской культуры и просветительских традиций не разрывался, не прерывался на долгое время, и теперь его рассеченные части снова плотно стыкуются друг с другом, соединяясь в едином непрерывном потоке взаимообусловленных общественных и художественных событий. Мы возвращаемся в «цветаевское» время так, как будто возвращаемся к себе, к своим проблемам — бедам — победам. Мы невольно улавливаем параллели между кризисными явлениями общественно-политической и культурной жизни рубежей XIX и XX, XX и XXI веков.

То, что фигура Цветаева-ученого оказалась у истоков отечественного искусствознания, то, что она вобрала в себя, отразила и преобразила всю сложность и многообразие культурно-образовательных процессов, происходивших в тот момент в России, делает ее для нас тем более интересной и притягательной.

В 1870-е годы, когда Иван Владимирович, по примеру многих других своих предшественников и современников филоло-

гов-классиков, начал увлекаться предметами старины, он оставался еще на позициях знатока и археолога. Культ памятника искусства был для него сродни религиозному, хотя предмет и рассматривался в неразрывной связи с фактами истории, мифологии, быта. Но спустя десять лет, в течение которых Цветаев проходил свои университеты в многочисленных европейских и итальянских музеях, ученый сделался сторонником стилистического направления и строго исторического метода исследования памятников искусства, приверженцем той широко распространенной в конце XIX века школы, основание которой было положено немецкими учеными. Для него становятся немаловажными «критика форм, исследование мотивов, лежащих в художественном произведении, изучение художественных и технических приемов отдельных мастеров». В целом наука об искусстве понимается им как большой культурный факт и фактор истории. Блестяще зная классическую литературу и философию, Цветаев воспринимал произведения античной пластики органически включенными в контекст той или иной эпохи. Позднее, уже в 1910-х годах, он, называя себя реалистом, подчеркивал, что когда рассматривает памятник, то видит рядом с ним жизнь, «ту жизненную атмосферу, историческую среду, которая в конце концов это искусство и родила»¹.

¹ Как отмечает современный исследователь, И.В.Цветаев «и в своих искусствоведческих занятиях оставался помимо всего филологом в старинном, широком смысле этого слова. При всей первостепенной важности зримости, Цветаев воспринимал произведения изобразительного искусства не только зрительно. У него была возможность включить свое зрительное впечатление в чре-

звычайно широкий круг лингвистических, исторических, филологических познаний. В каком-то смысле позднейшие иконологические, т. е. интерпретационные, истолковательские идеи Э.Пановского, вероятно, были бы Цветаеву, подходящему к искусству с позиций историко-культурных, ближе взглядов Г.Вельфлина». (Каган Ю.М. И.В.Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность. М., Наука, 1987, с. 87).

Историко-культурной традиции Цветаев оставался верен до конца своих дней, притом что на его глазах возникали стремительно и становились модными новые направления и школы искусствознания. Ученый не уходил от открытого спора со сторонниками чуждых ему направлений, одновременно признавая их право на существование и стремясь понять их положительную основу. Но при этом он неизменно подчеркивал: «только помните, что никогда вы искусство целиком не охватите, будете в пределах формы». Сам же он продолжал следовать сложившейся системе и методу ведения курса искусствознания. «В Ваших лекциях, — писал Ивану Владимировичу его ученик и помощник, искусствовед и знаток западноевропейской живописи Н.И.Романов, — была какая-то особая внутренняя жизнь, образные характеристики, отчетливость мысли, изящная форма и дух любви к науке, который согревал изложение и делал близким для нас самое далекое. Этот дух жизни, враждебный всякому буквоедству, широко понимающий задачи науки <...> присутствовал всегда».

Многочисленные ученики профессора Цветаева, а среди них были и философ В.В.Розанов, и будущие крупные искусствоведы

А.В.Назаревский, А.А.Сидоров и другие, — считали Ивана Владимировича одним из столпов университетской кафедры теории и истории искусств, отдавая должное его эрудиции, необозримым знаниям самого трудного и уточненного свойства (слова В.В.Розанова). Профессор Цветаев, напишет позднее в своих воспоминаниях А.А.Сидоров, «учил своих студентов думать, очень любил сопоставления, но не между отдельными памятниками искусства, то есть не играл он в компрашивизм, а учил видеть, что в данном памятнике вызывало к жизни большое и серьезное знание о культуре того времени».

И тут мы снова подходим к проблеме создания Музея изящных искусств. Но уже не только с внешней стороны — общего состояния и уровня культурного развития в России, но и как бы изнутри, с точки зрения самого процесса обучения новым искусствоведческим дисциплинам. «Что же хотел Иван Владимирович? Он жаждал посеять в душе отчужденных от искусства сородичей семена художественной формы, — скажет об ученом А.В.Назаревский, — он ясно чувствовал, что необходимо начать с наиболее ярких и выразительных моментов художественного творчества. Он избрал несколько узловых центров художественного созидания и, исходя из них, разветвлял на более подробные и мелкие отрасли основные моменты воплощения художественного идеала человеческого гения». Одним из главных моментов в этом процессе, подчеркнет старший хранитель музея, проработавший несколько лет под непосредственным руководством Цветаева, было следующее: «Иван Владимирович ясно чувствовал, что в пластике первым и основным началом является форма и она чище, если можно так выразиться, абстрактнее, отвлекаясь от свойств материала — камня, бронзы или глины, сказывается в гипсе. Но рядом с чистой формой он пожелал все-таки видеть и воссоздать памятники, тонами своими близкие к оригиналам». Отсюда скрупулезная забота ученого о свежести и точности гипсовых отливов с важнейших памятников искусства и одновременно стремление к полноте охвата всего круга наиболее значительных произведений. Из 22 залов музея половина была отведена античным памятникам (как основе, фундаменту всей западноевропейской культуры). Вторая половина залов демонстрировала главные моменты исторического развития восточного и западноевропейского искусства, преимущественно пластики, с древнейших времен до эпохи позднего Возрождения. Закончить этот тщательно выстроенный и строго научный иллюстрированный ряд (около двух тысяч экспонатов) своей наглядной энциклопедией по искусству (а именно таким становится в конце концов новосозданный музей) Цветаев мечтал экспозицией современной скульптуры, поместив в центр ее произведения Огюста Родена. Другое дело, что этой мечте не суждено было осуществиться из-за финансовых обстоятельств.

Вместе с реализацией широко задуманной программы Музея изящных искусств, сбором для него громадных и громоздких коллекций на протяжении по меньшей мере пятнадцати лет, происходила постепенная трансформация и взглядов самого ученого (можно сказать, что не только Цветаев создавал музей, но и музей создавал Цветаева). Он нашел в себе силы и мужество уже

в преклонном возрасте переступить тот внутренний барьер, который замыкал его в любимой и привычной области знаний классической эпохи. Создавая наглядную энциклопедию памятников ваяния и зодчества, он сам становился энциклопедистом в сфере искусствознания. В 1910-е, последние годы его жизни, курсы лекций Цветаева отличались, как скажет один из его студентов, «необыкновенным разнообразием: он читал римское искусство — и перед глазами слушателей возникало постепенное развитие форм античного храма и развертывались картины восстановленных Помпей с их богатой и яркой жизнью форума и терм; он читал искусство древнего Востока — и мы видели сфинксов Египта и крылатых быков Ассирии; он читал искусство христианской эпохи — и мы спускались за ним в катакомбы Рима, изучая гробницы и рассматривая потолки, покрытые росписью; он читал скульптуру Греции — и гипсовые группы как будто оживали перед нами» (из воспоминаний Д.С.Недовича). Примечательно, что последнюю свою книгу Иван Владимирович собирался посвятить древнеегипетским храмам, об этом он писал летом 1913 года, незадолго до смерти.

Но была еще проблема серьезного свойства, которая по мере осуществления Цветаевым его «главного дела жизни», как он называл создание музея, приобретала все большую остроту и значение. Это касалось эстетической ценности копий — гипсовых, бронзовых, глиняных, живописных и т. д., снятых с оригиналов с математической точностью. Понимая неизбежную необходимость муляжей, имитаций многочисленных памятников древности, рассеянных по разным странам Европы, Азии, Африки (чтобы собрать воедино и систематизировать в единой коллекции) — Цветаев очень чутко улавливал и ту грань, которая отделяла подлинник от самой идеальной копии. «Такова уж сила произведений искусства, обозреваемых непосредственно, в самих оригиналах, — писал он в одном из своих писем, — от них веет каким-то не то посвящением зрителя в неведомые чувства и ощущения, не то каким-то сладким насыщением. Копии <... > внушают желание созерцания оригиналов, они, просветляя неясные наши представления, продвигают любознательность, усиливают интенсивность стремлений, но не дают полного удовлетворения, не успокаивают. Последнее достигается только оригиналом, только тем, дальше чего идти уже некуда»².

2
Из письма И.В.Цветаева
Ю.С.Нечаеву-Мальцеву. — Архив ГМИИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 5149.

Поэтому, чем ближе оказывался ученый к осуществлению своей заветной цели, чем завершеннее и совершеннее становился музейный организм, создаваемый в тесном содружестве с московским архитектором Романом Ивановичем Клейном, тем сильнее заявляла о себе неотступная потребность в общении с подлинниками. И когда незадолго до окончания музейного строительства появилась возможность получить из Петербурга всемирно известную богатейшую коллекцию знаменитого русского египтолога В.С.Голенищева, Цветаев сделал все от него зависящее, чтобы добиться этого, как он

считал, необыкновенного счастья. С момента поступления голенищевского собрания подлинников восточных древностей Музей изящных искусств, отмечал Иван Владимирович, вошел в число первых музеев мира.

Таков был итог 66 лет жизни и деятельности ученого, сына бедного священника, появившегося на свет 4 мая 1847 года в глухом местечке Шуйского уезда и скончавшегося в Москве 30 августа 1913-го, спустя год после открытия музея. Можно только в одном не совсем согласиться со словами Ивана Владимировича, которые он повторял в последние годы жизни, что служба Родине ему удалась, а семья — не удалась. Последнее горестное утверждение было, конечно же, вызвано безвременной кончиной обеих жен Цветаева — и красавицы певицы Варвары Дмитриевны, урожденной Иловойской, и замечательно одаренной пианистки и художницы, высокообразованной и преданной делу музея Марии Александровны, урожденной Мейн. И все-таки нам кажется, слова о неудаче семьи несправедливы. Потому что судьбы и характеры трех дочерей И. В. Цветаева — Валерии, гениальной поэтессы Марины, Анастасии, сына Андрея и их детей — все это говорит об уникальности всей семьи Цветаевых, воспитанной в высоких духовных традициях русской и европейской культуры.

Так случилось, что фигура профессора И. В. Цветаева долгое время оставалась как бы в тени созданного им Музея изящных искусств, которому после Октябрьской революции, в 1920-е и начале 1930-х годов были переданы государством первоклассные обширные коллекции западноевропейской живописи, графики и других подлинников. С 1932 года он стал Музеем изобразительных искусств, а с 1937 (юбилейного, пушкинского) — ему было присвоено имя Александра Сергеевича Пушкина. В годы Великой Отечественной войны основные наиболее ценные музейные коллекции были эвакуированы в Новосибирск и Соликамск, затем в 1944 году возвращены в Москву. Здание музея, пострадавшее от интенсивных бомбежек, отремонтировали и отреставрировали — жизнь Музея в его уже обновленном и расширенном составе, начиная с 1946 года, постепенно снова вошла в свою колею.

С 1950-х годов имя профессора Цветаева все чаще снова начинает звучать на музейных юбилейных торжествах, мемориальных выставках, конференциях, лекциях. Перед входом в здание музея в 1962 году устанавливаются две памятные доски — его основателю профессору И. В. Цветаеву и архитектору и строителю академику Р. И. Клейну.

И все же первой замечательной публикацией о И. В. Цветаеве, вызвавшей широкий общественный резонанс тем живым и страстным голосом, как бы прорвавшимся к нам из небытия, были очерки Марины Цветаевой, напечатанные в 1965 году в 10-м номере журнала «Простор» под общим заглавием «Отец и его музей».

Дальнейшие публикации об ученом приходятся уже на 70—80-е годы. Это прежде всего книга «Воспоминаний» Анастасии Цветаевой (выпущенная издательством «Советский писатель» в 1973 году и дважды переизданная — в 1974 и 1983 гг.), где многие страницы и отдельные главы посвящены Ивану Владимировичу и Музею. Затем

в издательстве «Советский художник» был осуществлен первый выпуск писем и материалов (правда, на ротапринтере и малым тиражом) из обширного архива И.В.Цветаева, хранящегося в ГМИИ³. Еще через 10 лет появилась наконец первая книга об

³
История создания музея в переписке профессора И.В.Цветаева с архитектором Р.И.Клейном

и других документах (1896—1912). Т. I—II. Сост. А.А.Демская и Л.М.Смирнова, М., 1977.

ученом — его научная биография: *Каган Ю.М.* И.В.Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность (М.: Наука, 1987 — серия «Из истории мировой культуры»).

Предлагаемая читателю книга приурочена как бы к двойной памятной дате: 100-летию со дня рождения гениальной русской поэтессы Марины Цветаевой и 80-летию созданного ее отцом музея. Того музея, который с детства сестры Цветаевы воспринимали как близкое и родное существо и называли «колоссальным младшим братом».

В настоящее издание включена большая часть прежде не публиковавшихся архивных материалов (писем, дневниковых записей, воспоминаний), а также ряд почти не известных или ставших библиографической редкостью очерков, статей, выступлений как самого ученого, так и его сподвижников и учеников. Кроме того, здесь используются некоторые ранее вышедшие в свет публикации, при этом приводится их наиболее полная версия (это относится прежде всего к воспоминаниям Марины Цветаевой).

Текст печатается в соответствии с правилами современной орфографии. При этом соблюдается хронологический порядок; сохраняется датировка по старому стилю (отдельные случаи употребления нового стиля оговариваются); общепринятые обращения в начале писем и их концовки-подписи снимаются; выделения авторами отдельных слов и выражений сохраняются; сокращения в написании фамилий, тех или иных слов раскрываются в квадратных скобках; сокращения, принятые составителями, обозначаются отточием в угловых скобках.

Л.М.Смирнова

Летопись жизни,
ученой и просветительской деятельности
И.В.Цветаева

1847

родился 4 (17) мая 1847 в селе Дроздово Шуйского уезда Владимирской губернии; у Владимира Васильевича и Екатерины Васильевны Цветаевых — второй ребенок. Отец — сельский священник¹.

¹
Он был из числа тех бедных «священников-земледельцев» (слова И.В.Цветаева), которые помимо службы вели вместе с семьей свое крестьянское

хозяйство, выполняя всю необходимую тяжелую работу. О «босовом детстве» своего отца не раз упоминала в рассказах Марина Цветаева.

1853—1860-е

детство прошло в селе Талицы, недалеко от городов Шуи и Иваново-Вознесенска². Учитя, как и его братья, сначала в Шуйском духовном училище³, затем во Владимирской семинарии, где в течение шести лет изучает риторику, философию, богословие.

²
После смерти жены, оставившей четырех малолетних сыновей (Петр, Иван, Федор, Дмитрий), В.В.Цветаев служил в церкви Николая на Талицком погосте. Свои первые уроки грамоты братья Цветаевы получили у отца.

кроватей, они спали на полу вполвалку, на лавках или на полатах <...> без малейшего признака постельного белья». «Еда была скудная, ели деревянными ложками из деревянной общей миски <...> в первом классе учились 60—70 человек» (цит. по: *Каган Ю.М.* И.В.Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1987, с. 13). Поздними темными вечерами маленький Ваня Цветаев, сидя на печи, при свете лучины готовил свои уроки по греческому языку и латыни.

³
По свидетельству очевидцев, воспитанники духовного училища «ютились в задних избах или на кухнях мешан и причетчиков уездных городов, окруженные невероятной нищетой, не зная

1865—1870

поступает сначала в Медико-хирургическую академию, вскоре «из-за болезни глаз и из-за склонности к изучению предметов историко-филологического факультета»⁴ переходит в Петербургский университет, на классическое отделение⁵, которое оканчивает в числе лучших студентов с золотой медалью (за работу о «Германии» Тацита).

⁴
Слова И.В.Цветаева. Цит. по: *Каган Ю.М.* Указ. соч., с. 16.

древнеримской литературы Н.М.Благовещенский, К.Я.Лютевиль, основатель русской школы греческой эпиграфики Ф.Ф.Соколов. Связи со своими наставниками Цветаев сохранил в течение всей жизни — вел переписку, рецензировал труды, обменивался книгами. Подробнее об этом см.: *Каган Ю.М.* Указ. соч., с. 16—21.

⁵
Среди ведущих педагогов классического отделения, у которых учился И.В.Цветаев, были знаменитый филолог-славист И.И.Срезневский, знатоки античного искусства и истории

1. Село Дроздово Шуйского уезда

1870—1873 оставлен на два года в Петербургском университете для приготовления к профессорскому званию; преподает греческий язык в одной из петербургских гимназий; утверждается в должности доцента Варшавского университета по кафедре римской словесности, защищает магистерскую диссертацию о Таците.

1874—1876 совершает первую заграничную командировку с научной целью в Германию и Италию⁶, работает над «Сборником осских надписей», избирается доцентом римской словесности Киевского университета св. Владимира.

⁶ Цветаев работал в Бонне под руководством известного лингвиста Ф. Бюхелера. Интерес европейских ученых, таких как

Т. Моммзен, Ф. Ричль, Ф. Бюхелер, Дж. де-Петра, к изучению древних итальянских языков и письменности увлек и молодого русского ученого.

1877 защищает докторскую диссертацию в Петербургском университете, получает предложение перейти в Московский университет⁷.

2. Дом Цветаевых в селе Талицы

7
Приглашая И. В. Цветаева в Московский университет преподавать латинский язык, профессор Ф. Е. Корш писал ему: «Вы были бы тем более желательным сподвижником, что

Вы знаете хорошо именно ту отрасль латинской филологии, в которой мы <...> слабоваты: историю латинского языка. Вы явились бы к нам во всеоружии современной науки» (цит. по: *Каган Ю. М. Указ. соч., с. 38.*

1878—1880

совершает научные командировки в Западную Европу, в Италию; подготавливает к печати монографию «Италийские надписи», получает звание экстраординарного профессора Московского университета по кафедре римской словесности; избирается действительным членом Московского археологического общества⁸. Женится на Варваре Дмитриевне Иловайской⁹.

8
В 1880-х гг. Цветаев вместе с В. О. Ключевским и Вс. Ф. Миллером был депутатом от Московского университета в комиссии по выработке программы археологических съездов. Он опубликовал ряд статей по археологии и принимал участие в работе археологических съездов в Тифлисе, Одессе, Ярославле.

9
Предполагалось, что свадьба будет в Италии. В апреле 1880 г. И. В. Цветаев и В. Д. Иловайская встретились во Флоренции, но свадьба состоялась в Москве 23 июня. Ивану Владимировичу было 33 года, его невесте 21 год. Цветаевы поселились в Трехпрудном переулке, в доме, который Д. И. Иловайский дал в приданое дочери и где прежде жил он сам.

1882—1883

приглашается заведовать гравюрным кабинетом, затем хранителем отделения изящных искусств и древностей Румянцевского музея¹⁰, подготавливает

3. Шуйское духовное училище

к печати книгу «Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг.» (М., 1883); продолжает педагогическую деятельность.

10

До И.В.Цветаева эту должность занимал вплоть до своей смерти К.К.Герц, первый

профессор истории и теории искусства в Московском университете.

1883,

22 января

рождается в Москве дочь Валерия.

1885

утверждается в звании ординарного профессора Московского университета по кафедре римской словесности.

1888

посылается делегатом от Московского университета на празднование 800-летия Болонского университета, где избирается его почетным членом за заслуги в области латинской филологии.

1889—1890

приглашается заведовать кафедрой теории и истории изящных искусств Московского университета, совершает командировки в Италию для изучения музеев.

1890,

19 апреля

рождается в Москве сын Андрей, вслед за тем 10 мая умирает Варвара Дмитриевна.

1891—1894 женится на Марии Александровне Мейн¹¹. Вместе с женой совершает поездки в Западную Европу, где начинает систематическое изучение крупнейших музеев; выступает на первом Всероссийском съезде художников в Москве (апрель 1894) с призывом к пожертвованиям на создание первого в России музея классического искусства, ведет сбор частных средств на постройку музейного здания и приобретение коллекций.

¹¹
Мария Александровна писала в своем девичьем дневнике о том, что бывая до замужества вместе с отцом А. Д. Мейном на приемах в доме Цветаевых, она любовалась красотой Варвары Дмитриевны и как ужаснулась ее смерти.

Сама Мария Александровна росла без матери, ее мать М. Л. Бернацкая скончалась, когда дочери не было и месяца. Свадьба Цветаевых состоялась в мае 1891, Ивану Владимировичу было 44 года, Марии Александровне — 23.

1892,
26 сентября рождается в Москве дочь Марина.

1894,
14 сентября рождается в Москве дочь Анастасия.

1895—1898 разрабатывает программу Музея изящных искусств при Московском университете; вместе с М. А. Цветаевой составляет первый проект музейного здания, его планировку; хлопочет о предоставлении земельного участка в центре Москвы; обращается в Академию художеств и принимает участие в проведении архитектурного конкурса проектов Музея¹²; организует Комитет по устройству Музея, куда привлекает лучшие художественные, научные и общественные силы; находит главного мецената Музея Ю. С. Нечаева-Мальцева; издает «Записку о Музее изящных искусств» (М., 1898); утверждается в звании заслуженного ординарного профессора Московского университета.

¹²
Из 15 проектов, допущенных к конкурсу (январь 1897), получили награды 7 проектов петербургских и московских архитекторов, в том числе и проект молодого московского архитектора Романа Ивановича Клейна, который создавался при

постоянных консультациях с Цветаевым (он был отмечен золотой медалью). Благодаря действиям Ивана Владимировича правление Московского университета пригласило на должность архитектора и строителя музейного здания Р. И. Клейна.

1898—1899 организует праздник закладки здания Музея (17 августа 1898); постоянно консультирует Р. И. Клейна при разработке окончательного варианта проекта музейного здания; ведет обширную переписку по делам Музея с русскими и европейскими учеными, исполни-

4. И.В. Цветаев среди сотрудников Румянцевского музея

телями музейных заказов, совершает заграничные поездки для формирования музейных коллекций; продолжает педагогическую деятельность в Московском университете.

1900—1902

круг музейных забот Цветаева все расширяется, он привлекает новых жертвователей, исполнителей заказов, продолжает изучать собрания европейских музеев, по образцу которых создается московский Музей изящных искусств; пишет и публикует книгу «Из жизни высших школ Римской империи» (М., 1902)¹³; ведет преподавательскую деятельность.

13

Книга Цветаева имела самый широкий общественный резонанс. Она не только покоряла эрудицией автора, но и была принята как своевременное и острокритическое произведение просветительского характера.

5. И.В.Цветаев. 1880-е

6. М.А.Цветаева. 1903

1902, лето обнаруживается тяжелое заболевание Марии Александровны¹⁴.

¹⁴
По настоянию Ивана Владимировича, Мария Александровна в течение нескольких лет проходит курсы лечения в Италии, Швейцарии, Германии под наблюдением известных врачей-специалистов по туберкулезным

заболеваниям. Младшие дочери Марина и Анастасия или живут с матерью в частных пансионах, или учатся в частных учебных заведениях. Болезнь то отступает, то под влиянием новой простуды снова прогрессирует.

1903—1905 предпринимает длительные поездки за границу, связанные с необходимостью серьезного лечения Марии Александровны, пользуется возможностью дальнейшего, более детального изучения музейных собраний Италии, Германии, Франции и других европейских стран, продолжает формирование коллекции Музея изящных искусств; избирается членом Академии художеств, членом-корреспондентом Академии наук.

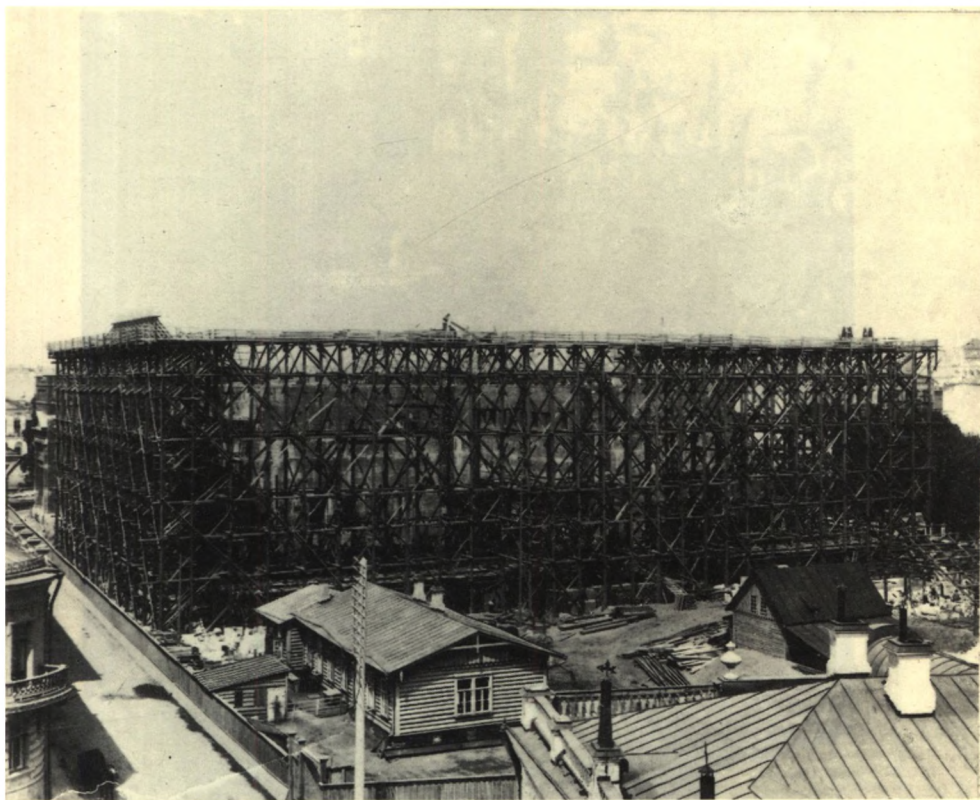
7. Фрагмент письма И. В. Цветаева сыну Андрею 22 января 1903 с видом палаццо делла Синьория (палаццо Веккьо) во Флоренции

1904,
декабрь —
1905, январь

тяжело переживает пожар, случившийся в его отсутствие в Музее, гибель в огне значительной части коллекций гипсовых слепков и помпейско-геркуланумской бронзы.

1905—1906

недостроенное здание Музея оказывается под угрозой консервации и передачи его в ведение министерства народного просвещения из-за отсутствия денежных средств; под настоятельным воздействием Цветаева положение спасает Ю. С. Нечаев-Мальцев.

8. Музей в лесах. 1904

1906, 5 июля умирает в Тарусе Мария Александровна; похоронена в Москве, на Ваганьковском кладбище.

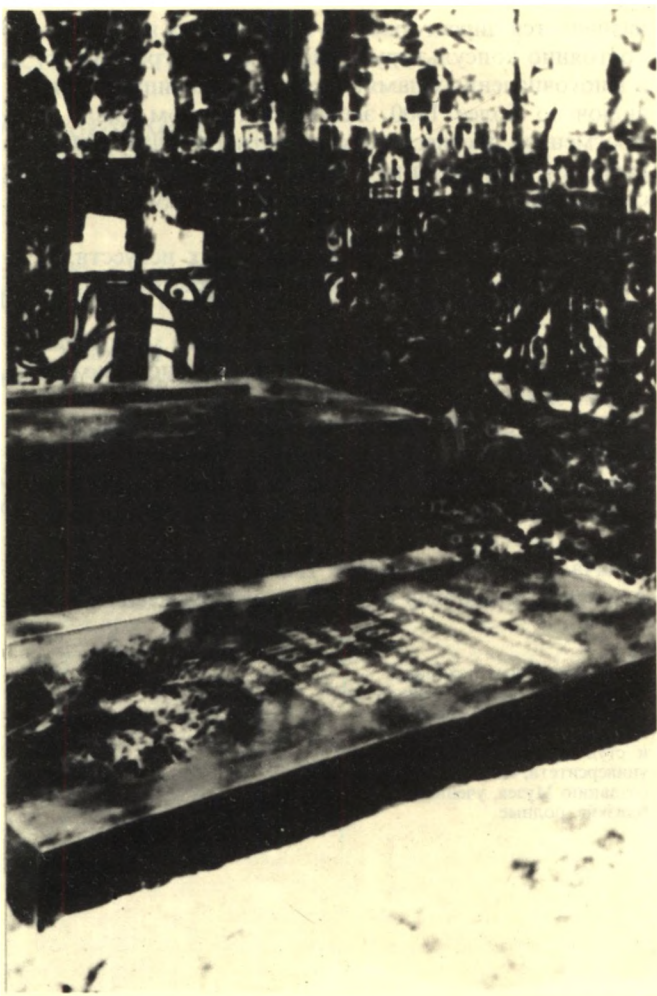
1906, осень находится на лечении в университетской клинике.

1907—1909 совершает заграничные поездки, стремясь закончить формирование музейных коллекций, участвует в работе II Всемирного археологического конгресса в Каире, предпринимает длительные поездки в Петербург в связи с передачей в Музей изящных искусств уникальной коллекции подлинников египтолога В.С.Голенищева; продолжает читать лекции по истории искусства в Московском университете, на Высших женских курсах, в Московской консерватории; тяжело переживает начатую против него клеветническую кампанию министра народного просвещения А.Н.Шварца, обвиняющего И.В.Цветаева «в служебном нерадении» как директора Московского Публичного и Румянцевского музеев.

9.   Фрагмент портика Музея и храм Христа Спасителя

10. Могила И.В.Цветаева на Ваганьковском кладбище в Москве

1910

освобождается от должности директора Московского Публичного и Румянцевского музеев, несмотря на полное и безоговорочное оправдание со стороны Сената¹⁵; проходит курс лечения за границей; пользуется малейшей возможностью, чтобы завершить формирование коллекций, следит за исполнением последних заказов.

15

В свою защиту И.В.Цветаев написал две книги: «Спорные вопросы. Опыт самозащиты профессора И.В.Цветаева» (Москва — Лейпциг, 1910) и «Дело бывших директора

Московского Публичного и Румянцевского музеев профессора И.В.Цветаева и министра народного просвещения профессора А.Н.Шварца» (Лейпциг, 1911), последнюю книгу — уже после отставки Шварца.

1911 назначается директором Музея изящных искусств, постоянно консультирует расстановку огромных и многочисленных памятников (в экспозицию было включено более 1000 экспонатов, в том числе фрагментов древнегреческих портиков в натуральную величину и порталы романских и готических соборов); совершает последнюю поездку за границу.

1912, 31 мая (13 июня) происходит открытие Музея изящных искусств, которое становится всероссийским событием.

1912—1913 организует экскурсионное обслуживание многочисленной публики, желающей ознакомиться с новым музеем, читает лекции об искусстве, проводит практические занятия со студентами Московского университета в залах Музея изящных искусств, привлекает к описанию коллекций древних памятников и составлению каталогов крупнейших отечественных ученых.

1913, 30 августа (13 сентября) скончался в Москве после тяжелого сердечного приступа, похоронен на Ваганьковском кладбище¹⁶.

¹⁶
На многолюдных похоронах И. В. Цветаева присутствовали его дети — Валерия, Андрей, Марина, Анастасия, профессора и студенты Московского университета, его соратники по созданию Музея, ученики, близкие, родные.

**Первая
часть**

У истоков музея

**Отрывки из книги
«Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг.»**

**Памяти
княгини З.А.Волконской**

**Записка
о Музее изящных искусств
имени императора Александра III при Императорском
московском университете**

Письма И.В.Цветаева о двух его путешествиях по Италии были опубликованы в журнале «Вестник Европы» за 1881 и 1882 годы. Как писал Иван Владимирович, «собрать эти разрозненные очерки вместе и издать их особой книгой побудили нас, с одной стороны, советы друзей и знакомых и, с другой, желание еще раз перебрать в памяти пройденные места той чудной страны, воспоминания о которой остаются навсегда дорогими для всякого, кого счастливая судьба водила под то далекое от нас небо, и еще раз помянуть благодарным словом тех представителей итальянской науки, с которыми ставили нас в соприкосновение специальные цели нашего путешествия».

Итак, первое из них 1875 года — первая заграничная командировка недавнего выпускника Петербургского университета, 27-летнего магистра римской словесности и доцента Варшавского университета. Длится эта поездка в Западную Европу более двух лет, и результатом ее явился «Сборник осских надписей с очерком фонетики, морфологии и глоссарием» (Киев, 1877), получивший европейскую известность. Тогда же последовало избрание Цветаева доцентом римской словесности Киевского университета и затем приглашение его в Московский университет.

Другое путешествие 1880 года совершал уже экстраординарный профессор Московского университета по кафедре римской словесности, только что опубликовавший монографию «Италийские надписи», избранный действительным членом Московского археологического общества, почетным членом Петербургского университета, награжденный Российской Академией наук медалью «За усердный труд на пользу и славу Отечеству». Кроме того, молодой ученый уже был связан семейными узами, в 1880 году он женился на Варваре Дмитриевне Иловайской, красавице, одаренной певице, дочери профессора Московского университета, историка Д.И.Иловайского.

И вот оказалось, что неоднократные ученые командировки в Италию и научные центры Европы, постоянная работа в крупнейших зарубежных музеях постепенно все более и более склоняли филолога-классика к занятиям историей искусства (молодой наукой, только только утверждавшейся в России и еще тесно связанной с археологией). Так что десять лет спустя Цветаев мог ответить на поставленный им в конце второго итальянского путешествия вопрос «что делать?» для народного просвещения. 42-летний ученый оставляет свои более чем успешные академические штудии и целиком отдается созданию первого в России музея классического искусства. «С путешествий и работ в музеях начинали все русские археологи, посвящавшие себя изучению искусства классических и средневековых

народов <...>, — пишет он. — И такое начало в особенности для археолога-классика — единственно правильно, единственно возможно, при необычайной скудости России памятниками античного искусства и при отсутствии у нас полно обставленных и хорошо организованных музеев гипсовых слепков с произведений греческой и римской пластики и архитектуры», «учреждений, силы которых направлены не к приобретению земных, материальных благ, но стремятся исключительно к духовным, возвышенным целям».

Отрывки из книги «Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг.»¹

I. Неаполь

В октябре 1874 г. мне выпало на долю счастье переехать Альпы и вступить в ту благословенную страну, видеть которую для человека, занимающегося изучением античного мира, всегда составляет венец желаний.

Здесь встреча с памятниками древности лицом к лицу лишь подтвердила наши прежние сомнения, лишь узаконила прежде робкие вопросы. <...> Я задался целию собрать все надписи древних италийцев (за исключением доселе темных для науки этрусков), представить наиболее верные тексты их и, с помощью соответственной литературы, составить опыт объяснения их со стороны содержания и формы. <...>

Изучение древнеиталийской письменности пришлось начать с Неаполя, так как в нынешнем Museo Nazionale (что прежде был Museo Borbonico) собрано наибольшее число надписей. Во главе этого учреждения, незадолго перед моим приездом, стал профессор археологии неаполитанского университета и руководитель помпейских раскопок Джулио де-Петра. <...>

Мы, русские, при слове «директор» того или иного учреждения, будь то департамент, академия, эрмитаж, театр, банк и т. п., приучены к представлению о человеке важном, малодоступном, поздно являющемся на службу, мало на ней остающемся, сидящем в одном из дальних зал своей канцелярии и обыкновенно скупом на слова и личные объяснения. Таким я представлял себе и директора неаполитанского Museo Nazionale. Но удивительной показалась мне уже крайне скромная обстановка приемной комнаты представителя такого учреждения, на которое обращены взоры всего цивилизованного мира, куда стекаются в силу ученой пытливости, или по простой любознательности, со всех концов света, у кого есть досуг и средства, наконец, учреждения, посетить которое считают своим долгом государи и все сильные мира, раз попавши на берег Неаполитанского залива. <...>

Из соседней маленькой комнаты вышел ко мне человек лет тридцати пяти. По его простенькому сюртуку и форменной фуражке, какую носят все служащие в музее, можно было принять его за одного из хранителей музея. На деле это был сам директор.

¹
Путешествия по Италии в 1875
и 1880 гг. И. Цветаева профессора
Императорского московского

университета. М., Издание
книгопродавца А.Л. Васильева,
1883, с. 1—195.

Мы разговорились о цели моего путешествия по Италии и о ближайшем предмете моих занятий в музее. Директор отнесся к моему делу с таким радушием, на какое я и не смел рассчитывать. Он не скрыл трудности предпринимаемой задачи, так как для меня требовалось не только прочесть и разобрать памятники письменности Самнитов, не только занести их тексты в мое собрание путем простой транскрипции, но и снять с них точные копии, так называемые копии facsimile, что, по крайней мере, во много раз усложняло работу. Надписи оказались самого разнообразного свойства — и резанные на камне, и гравированные из меди, и деланные острием на свище и стукке, выведенные стилем на мягкой глине и писанные кистью и красной краской.

Каждый из этих отделов требовал особых приспособлений, своих специальных технических приемов. <...> Приступая к собиранию Самнитских надписей, я принес с собою лишь одно желание овладеть материалом, но не был знаком ни с одним из вышеизложенных технических приемов. И всему этому научил меня г. де-Петра. Директор неаполитанского музея, спустя неделю после нашего первого знакомства, не потяготился пойти со мною в галерею надписей (Galleria Lapidaria) и, потребовав ведро с водой, губку, щетку, он собственноручно, в виду публики, находившейся в музее и собравшейся вокруг нас, проделал на одном из памятников весь процесс снимания бумажного слепка, сопровождая работу соответственными указаниями. Не довольствуясь этим, он предложил мне сейчас же сделать опыт над другим камнем. Ему же пришлось учить меня и другим приемам копирования надписей.

Это было только началом услуг мне со стороны г. де-Петры, и этим услугам в течение моего семимесячного пребывания в Неаполе, при почти ежедневных свиданиях с ним в музее, не было конца. <...>

Г-ну директору пришлось помогать мне не только в стенах музея, но неоднократно он должен был ездить, ради моих целей, и в Помпеи. Национальный неаполитанский музей служит хранилищем всего, что открывается в Помпеях; сюда переносят все предметы искусства, домашнюю утварь, камни с надписями, словом все, что удобно для переноски и сохранение чего представляет какую-нибудь научную важность.

В Помпеях остается на месте лишь стенная живопись. <...> Вследствие этого, доселе остаются в Помпеях все Самнитские дипинты, деланные кистью и красной краской на стенах древнейшей, доримской кладки, все граффиты на камнях и стукке. Найти их без руководства местного специалиста для иностранца не было никакой возможности. <...>

Таким туземцем Помпей и был для меня г. де-Петра, несколько лет работавший в стенах мертвого города и как ученый, готовившийся к занятию кафедры археологии и как официальный руководитель раскопок. Он взял на себя труд провести меня по всем улицам и домам, где были следы хотя какой-нибудь самнитской надписи; он открыл мне доступ к официальным документам и дневникам, заключающим в себе реестры предметов, находимых при раскопках: он поручил меня специальному руководству д-ра

11. Неаполь. Уличная сцена

Антония Сольяно, молодого неаполитанского археолога <...>; он же, наконец, указал мне на такие надписи, которые, по его мнению, должны быть обследованы подробнее других, обследованы по нескольку раз при резком освещении <...> Догадка г. де-Петры оправдалась на деле: при смачивании стен водой, при осмотре их в разные часы дня и особенно ранним утром и к вечеру, помертвевшие и выцветшие начертания стали вздыматься из-под опадающего стукка яснее, чем читали прежде сами руководители раскопок, так и некоторые немецкие ученые, занимавшиеся этим предметом. Мало-помалу таким образом, между прочим, был добыт нами текст целой надписи, тянущейся на протяжении двух аршин и состоящей из нескольких строк, причем получился и совершенно другой смысл, чем полагали прежде. <...>

И все это делал для меня новый директор неаполитанского музея не на досуге, а в самое горячее время работы, так как лето 1875 г. было чрезвычайно обильно разного рода находками в Помпеях. <...>

Срок моего пребывания в Неаполе уже истекал, между тем для окончания снимков нужно было иметь тридцать воскресений.

Г. де-Петра, сроднившийся с моим делом как со своим, и тут пришел мне на помощь; он заключил условия с рисовальщиками, он взял на себя наблюдение и редакцию их работы. Спустя полгода по выезде из Неаполя, в Мюнхене я получил от него все нужные копии <... >

II. Счастливая Кампания

Из Неаполя мой путь лежал в те места Счастливой Кампании (ныне носящей официальное название provincia di Terra di Lavoro), где хранятся какие-либо остатки письменности осков. Ближайшим пунктом от Неаполя была Капуя. <... > этот город для меня был необходим по своему Museo Сатрапо, устроенному на средства провинции лет десять тому назад. Целию этого учреждения было сохранение памятников древности этих мест, бывших когда-то театром стольких событий и стольких переворотов в римско-италийской истории. И насколько позволяют средства провинции, в настоящее время музей наполняется предметами всякого рода — италийскими, римскими и греческими монетами, надписями, вазами и другой утварью домашнего быта древних, архитектурными украшениями разных стилей и эпох и пр. Все это располагается здесь в строгом порядке опытной рукой хранителя музея, известного в тех местах археолога о. Габриеле Яннелли. <... >

Поезд железной дороги, с которым я отправился из Неаполя, прибыл в Капую после полудня. Музей, до которого довел меня первый попавшийся мальчик, был уже заперт. Но когда служитель узнал во мне иностранца, тотчас побежал в дом о. Яннелли, который и не замедлил явиться. Я вручил ему рекомендательное письмо от г. де-Петри, и мы отправились в канцелярию музея. Здесь он подал мне особую книгу, куда вносят свои имена все, являющиеся в музей для занятий, причем я должен был объявить не только свое звание, но и звание моего отца. Окончив эту формальность, о. Яннелли повел меня по музею. Как учреждение новое, музей, конечно, не богат, и собрания его не поражают численностью предметов; но нельзя не отнестись без полного уважения к мысли учреждения, которым до известной степени предупреждаются порча и потеря для науки памятников такого важного места в древней Италии, как Капуя и «Счастливая Кампания» <... > потому что капуанцы <... > славятся по всей южной Италии не только корыстолюбием, заставляющим их скорее сбывать с рук всякую древнюю находку, но и бесстыдством фальсификации. По крайней мере, ни откуда в Неаполе не получается столько подложных вещей, как из этих мест, от этих «капуанских обманщиков» <... > Но, с другой стороны, редко где и иностранцы, и итальянские антикварины получают столько настоящих древностей, как у капуанцев, которые обыкновенно неохотно доводят до сведения властей о своих находках, как того требует закон. Продажа и покупка производится тайком, и благо если новый владелец поделится с наукой своим приобретением и укажет место, откуда он его вывез. Большинство же вещей, вероятно, остается в неизвестности и гибнет для археологии и истории.

В Museo Сатрапо мне нужно было снять копии с нескольких

дипинт, украшавших стены одной из капуанских усыпальниц, открытых в 1872 г. местными антиквариями <...>. В исполнении этих снимков о. Яннелли принимал самое живое участие, деля пополам нашу работу. Когда понадобились затем услуги фотографа, он тотчас озаботился приглашением его на следующий день в открытый дворик музея. Он же вызвался провести меня по территории древнего города и познакомиться с антиквариями этих мест, наиболее опытными и счастливыми в своих поисках. С этой целью о. Яннелли достал маленькую крепкую кампанскую лошадку, и мы отправились. <...>

12. Неаполь. Вид лагуны. Акварель

В эту поездку мы осмотрели все более замечательные места и в особенности виллу фамилии Паттурелли, в последние годы давшую так много археологического материала. Здесь найдено большое количество статуй из туфа и терракоты, стоявших, вероятно, в храме или около него, разрыты могилы, отделанные внутри стукком и живописью, найдено несколько латинских и осских надписей. Сами владельцы виллы — дряхлые старики, и им наука обязана лишь тем, что они, случайно напавши на древний клад, дали знать об этом одному из видных антиквариеров-копателей в целой Кампанье, синьору Горацию Паскале, живущему с ними по соседству, в деревне Курти. Этот взял раскопки в свои руки, и с начала семидесятих годов работа идет здесь с завидным успехом <...> В особенности емучастливилось на предметы домашней утвари и расписные вазы; собрание их сделало бы честь любому первостепенному европейскому музею. <...>

<...> Лично для нас необходим был один золотой перстень

13. Итальянский пейзаж

с надписью владельца — Самнита. <...> крайне своеобразный характер надписи заставлял меня прибегнуть к помощи какого-нибудь рисовальщика <...> и потому я должен был вызвать сюда моего неаполитанского приятеля и товарища по работам, художника. <...>

Г.Миллер не замедлил явиться ко мне в Капую, и мы снова отправились в деревушку Курти к г.Паскале. Старик живет один в большом своем доме-музее и слывет боязливым нелюдимом, а потому мы принуждены были искать себе ночлега где-нибудь по соседству. <...>

На следующий день мы не тотчас могли приступить к своей работе, потому что синьор Паскале сначала спросил меня о назначении снимка с его перстня. Я было принялся разъяснять ему сущность дела, но мой спутник перебил меня и сказал, что мы оба осматриваем в Италии частные коллекции древностей по поручению петербургского Эрмитажа и графа Строганова, имеющих намерение приобрести здесь все наиболее интересное. Я так был изумлен этим экспромтом Миллера, что не мог сказать ничего ни за, ни против такого неожиданного сообщения. Между тем было ясно, что речь моего товарища очень понравилась нашему антикварию, потому что он тотчас же пустился расхваливать свое собрание <...>. После, когда мы кончили свою копию и отправились пешком в соседний город Казерту, мой Миллер всю дорогу неумолчно смеялся над своей

счастливой выдумкой, без которой едва ли бы, по его словам, пришлось нам так легко и удобно получить нужный предмет. < ... >

В Казерте мы сели на поезд железной дороги и направились в Нолу. В вагоне нам сказали, что мы попадем на большой праздник в Ноле, на праздник св.Паулина, ноленского епископа, память которого чествуется 22 июня не только жителями этого города, но и всей Кампаньей. С каждой новой станцией пассажиров прибывало все больше и больше, так что под конец теснота и давка в вагонах, при палящей жаре июньского солнца, сделались нестерпимы. Но вот мы и в Ноле. Город разукрашен флагами, коврами, цветными тканями и по местам, за неимением ничего лучшего, пестрыми постельными одеялами. Повсюду гирлянды из живых цветов, зелени и приготовления к иллюминации. Площадь и главная улица полны народом, толпившимся вокруг каких-то разукрашенных возвышений < ... > .

Налюбовавшись на пестрые наряды и оживление толпы, в которой преобладал исключительно сельский земледельческий элемент, мы пошли искать себе приюта. К нашему изумлению, вопрос о ночлеге в этом городе оказался столь затруднительным, что < ... > все наши старания отыскать комнатку с двумя постелями оказались напрасны < ... > — так велик был съезд из окрестных мест в этом году. Между тем накрывала темная ночь, наступало время процессии с факелами и свечами, которую мы непременно хотели видеть. Нам оставалось переночевать в какой-нибудь сборной комнате, в соседстве с другими. Делать было нечего, приходилось вооружиться терпением и искать хотя бы такого убежища. Пошли по тем же гостиницам и локандам; наконец, в одной из них, после долгих переговоров с хозяином, мы водворились на ближайшую ночь в большой комнате — в обществе человек тридцати: гости лежали и сидели на полу, на скамьях и кроватях < ... > , мы рады были и этой квартире.

На другой день с раннего утра город уже полон был народом, и лишь кончилась церковная служба, как начался праздник в домах, в кофейнях и на улицах. Открылись ярмарка и гулянье. < ... >

Увлечшись неожиданным зрелищем праздника св.Паулина, мы только к вечеру попали в семинарию, находящуюся в версте от города, и в этот день лишь добыли себе позволение осмотреть музей и приступить с завтрашнего дня к работе. Ректор этого заведения, почтенный старик, долго и ласково беседовал с нами и не только благосклонно открыл нам доступ к интересовавшим меня древностям, но и дал в наше «полное распоряжение» двух кандидатов богословия, которые должны были всячески помогать нам в работе. Эти молодые люди безотлучно находились при нас все время и исполняли всевозможные услуги. < ... >

Не раз заходил к нам и сам ректор с преподавателями семинарии посмотреть на нашу работу, порасспросить о содержании непонятого им текста и побеседовать о России, о которой им пока известно, что это страна очень большая, что она находится очень далеко от их Нолы, что там очень холодно и что у нас весьма много богатых людей < ... >

В кропотливой работе над самнитским камнем, в прогулках по

обширному семинарскому саду и окрестностям Нолы, по их тучным полям и благодатным луговым равнинам, в беседах с воспитателями и учениками, толпами собиравшимися в нашу комнату во время своих перемен, незаметно пробежали двенадцать дней, потребовавшихся для исполнения наших снимков. Мы откланялись ректору и простились с нашими ближайшими помощниками. <...> На другой день с поездом железной дороги, шедшим из Апулии, мы возвратились в Неаполь.

III. Древний Самний

Приведши в порядок материалы, собранные в Капуе и Ноле, я должен был думать о путешествии внутрь страны, в центр древнего Самния, в нынешние провинции Кампобассо и Молисе. <...> И здесь помощником и советником мне явился г. де-Петра: он составил и подробный маршрут предстоявшей мне поездки, он снабдил меня и рекомендациями к местным ученым и антиквариям, он указал мне пути на случай какого-либо несчастья в тех глухих местах, куда редко заходит нога иностранца. <...> Способы передвижения предстояли самые разнообразные, начиная с железной дороги и кончая ездой по горам верхом на муле и ходьбою пешком. <...>

В Изернии я должен был расстаться с дилижансом и продолжать путь на открытой двухколесной платформе, запряженной парой крепких мулов. Спутниками моими были два студента, ехавшие из Неаполя домой, один аптекарь и человека четыре крестьян. В этой молодой и веселой кампании время летело так быстро, что мы и не заметили, как промелькнули три или четыре часа этого переезда, несмотря на то, что мулы шли почти все время шагом, медленно поднимаюсь в горы, которые становились все круче. Толковали о тогдашнем волнении в неаполитанском университете, студенты которого громко требовали отставки министра народного просвещения, известного публициста Бонги, за его проект ограничить привилегии неаполитанского и палермского университетов. <...> Когда этот предмет беседы истощился, мы составили уговор, во-первых, поделиться всем, что у каждого было из съестного, и, во-вторых, после этой общей трапезы каждый из нас должен был спеть какую-нибудь песню solo. <...> Дошла очередь и до меня. Сколько я ни отговаривался от этого, а в конце концов должен был затянуть нашу «Вниз по матушке по Волге». Самнитские горы, может быть, впервые огласились русской песней; но, к сожалению, исполнение этой первой песни было очень плохо и нескладно. Публика слушала внимательно, и когда я кончил, мне сказали, что голос мой очень дурен, но мотив песни для них нов и в устах хорошего певца должен быть приятен. Мы все смеялись и были веселы.

Нужно быть в Италии, нужно видеть итальянский народ и пожить среди него, чтобы убедиться, как скоро завязываются там знакомства, как быстро дается там имя «друга», amico, как легко здесь умеют находить средства общего развлечения люди, бывшие до того чужими и видящиеся в первый раз. <...>

Нынешний Самний несомненно беднее, глуше и запущеннее древнего. <...> И ныне итальянский крестьянин безжалостно разбивает исписанный камень, бросая его в фундамент или закладывая в стены своих построек; и ныне продает он первому встречному памятник письменности, которого после не достанешь ни за какие деньги <...> Но возвращаемся к нашему пребыванию в Пиетрабонданте. Это селение было важно для меня поименованной выше церковью Божией Матери с ее самнитскими камнями.

14. Р.И.Клейн. Итальянский мотив. 1880-е. Акварель

Снимки надписей и осмотр территории древнего города заняли два дня времени. Положение камней на стенах этой церкви таково, что работа над ними была для меня невозможна без посторонней помощи. Здесь я должен вспомнить с чувством искренней признательности о старом «докторе хирургии» г. Марианджелло и о племяннике его, молодом священнике и учителе местной школы: они не только делили со мною труд калькирования, поддерживая лестницу, на которой производилась эта работа <...> Нечего говорить о какой-либо эрудиции этих людей — на нее у них нет и самого слабого притязания; но они оба, и дядя и племянник, обладают тем дорогим качеством, которое теперь отличает интеллигентный класс самых глухих местностей Италии, это — горячей любовью к своим родным местам и почтительным отношением к их древности, к их

отдаленному прошлому. Не имея сил и средств работать для науки сами, такие люди, однако, служат ей добрую службу тем, что дают знать о встречающихся новых кладах в Рим, Неаполь и другие умственные центры Италии <...> Так, доктор Марианджелло с теплым чувством вспоминал при мне об известном итальянском археологе о. Гаруччи, Моммзене, де-Петре и других, в разные годы приходивших сюда для археологических исследований.

IV. Сорренто и Сицилия

Климат Неаполя в летние месяцы можно считать умеренным только сравнительно с жарами таких городов, как Рим и Флоренция; но все же в конце июля и в первой половине августа и здесь бывает очень жарко <...> Тем чувствительнее этот жар при постоянном физическом и умственном напряжении, и большим было бы поэтому подвигом отказать себе в возможности пережить эти палящие дни где-нибудь в соседстве Неаполя — в окрестностях Каstellамаре, в Амальфи или Сорренто.

В последнем из этих всемирно-прославленных мест летом 1875 г. жила значительная колония наших художников, перебравшихся сюда из Рима. Здесь были скульпторы М.М. Антокольский, задумывавший тогда своих Сократа и Спинозу; А.В. Снигиревский, приехавший отдохнуть после исполнения нескольких больших и мелких вещей, которые доставили ему вскоре звание академика; живописцы Н.О. Ковалевский, только что окончивший свою превосходную картину «Раскопки близ Рима», А.А. Риццони, Ф.П. Рейман, собиравшие здесь материалы для своих зимних работ; музыкант М.М. Иванов и др. Со всеми этими соотечественниками я был знаком еще с прошлой зимы, с некоторыми же пришлось сойтись на приятельскую ногу — это было новым побуждением оставить душный город <...>

Незаметно, как сладкий сон, промелькнули для нас три недели этих никогда, ни прежде, ни после не испытанных каникул. Прогулки и экскурсии в обществе симпатичных людей, беседы о России по поводу приходивших к нам сюда газет и писем и разнородные споры, без которых обыкновенно не обходится ни одна приятельская компания, наполняли наше быстро летевшее время. Сборным пунктом русской колонии служил дом гостеприимной москвички М.Н.Б-й, занимавшей со своим семейством одну из самых больших и роскошных вилл города. Любезный характер хозяйки, русские книги и журналы, получавшиеся здесь в большом количестве, прелесть прилегавшего к вилле большого апельсинного сада с открытым видом на Капри и Неаполитанский залив созывали сюда обыкновенно всех, кто любил проводить вечерние часы в веселой и интеллигентной беседе. <...> Другим русским домом, о котором невольно вспоминаешь теперь с искренним удовольствием, был дом Антокольских.

Пришла половина августа; неаполитанские газеты заговорили о приближении ученого конгресса в Палермо. <...> Еще раньше г. де-Петра подал мне мысль подогнать поездку в Сицилию ко

времени этого конгресса и таким образом воспользоваться случаем видеть лучших представителей итальянской науки. Он же снабдил меня рекомендательным письмом к профессору археологии в палермском университете г. Салинасу, который вместе состоит и директором национального музея. Не без его же участия перед самым открытием конгресса я получил официальное приглашение от ориенталиста Амари, стоявшего во главе распорядительного комитета по устройству этого съезда.

Все отправлявшиеся на конгресс ехали из Неаполя на одном большом пароходе, предоставленном к услугам ученых за половинную плату. Приближаясь к палермской бухте, мы были встречены целой флотилией разукрашенных лодок, плывших по направлению к пароходу: это, как оказалось, была депутация от города, явившаяся для приема гостей, которые собрались сюда со всех концов Италии. <...>

Начало ученых конгрессов в Италии относится к 1840 г., и до 1875 г. их было уже одиннадцать. Впрочем, справедливость требует заметить, что характер их до самого последнего времени был скорее политический, чем научный. <...> К 1875 г. в итальянской интеллигенции созрело сознание необходимости поставить это учреждение <...> на иную дорогу <...> решено было учредить особое общество, которое обнимало бы все научные специальности и имело бы целью способствовать прогрессу науки. Этому обществу предположено было дать широкие размеры привлечением сюда возможно большего числа членов по Италии и за границей. <...> От г. Амари мы все получили по экземпляру «Проекта устава итальянского общества преуспеяния наук» (1875). <...> Со своей стороны и сицилианцы употребляли все зависящие от них средства, чтобы доказать свое радушие приезжим гостям и сделать пребывание на их острове интересным для людей науки. <...> Но гораздо сложнее и продолжительнее были приготовления к этому конгрессу со стороны палермских ученых. Их труды в данном случае заслуживают не только похвалы и сочувствия, но и во многом полного подражания при устройстве подобных съездов. Начать с того, что они сочли нужным приготовить ко дню прибытия гостей популярную историю и описание Палермо. <...> Ученые учреждения озаботились изданием последних трудов своих, которые и были любезно раздаваемы всем приезжим членам съезда. <...> Местные археологи подготовили экскурсии в Солунто и Чифалу и привели в порядок Палермский национальный музей, прежде помещавшийся в университете и затем переведенный в особое, большое, светлое и хорошо приспособленное здание. Особенно много в этом отношении потрудились два известные сицилийские археолога, вышеупомянутый профессор Салинас и маститый ученый, директор археологических раскопок в Сицилии Ксаверий Каваллари <...>, первый заведовал устройством музея соответственно новейшим требованиям учреждений этого рода в лучших странах Европы <...>

V. Помпеи и Геркуланум

<... > Новой эрой для Помпей послужил 1860 г., когда с водворением национального правительства в южной Италии поставлен был во главе археологических работ Джузеппе Фиорелли. <... > Италия уже смотрела на него как на своего первостепенного археолога. Такую репутацию он создал себе столько же своим журналом «Annali di Numismatica» (1846—51), сколько и разными специальными художественно-археологическими изданиями, как описанием «Древностей кабинета графа Сиракузского» (1853), составляющих ныне целый отдел неаполитанского музея, роскошным изданием осских надписей Помпей <... >, описанием ваз, найденных в Кумах, и пр. и пр.

Но, при назначении Фиорелли на пост директора неаполитанского музея и начальника раскопок, едва ли не более его ученых заслуг имели силу его нравственные качества — его изумительное трудолюбие, не знающее усталости и в самые жаркие дни неаполитанского лета, его неподкупная честность, его беспощадная строгость к самому себе и всем, кто раз стал с ним в официальные отношения. Фиорелли — администратор по природе, обладающий редким умением заставлять каждого подчиненного делать свое дело. Являясь первым на свой служебный пост и оставляя его с последним служителем, он примером своей неустанной деятельности больше всяких начальнических внушений приковывал ленивых неаполитанских чиновников к исполнению их долга. <... >

И в Неаполе, и в Помпеях Фиорелли досталось тяжелое наследие от его предшественников. Разнородные и многочисленные коллекции музея находились в беспорядке, не было ни надлежащих инвентарей, ни каталогов, далеко не все предметы были перемечены соответственными номерами и знаками <... > тем меньше было порядка в обширной библиотеке музея. Вносить во все это должную отчетливость и норму выпало на долю нового директора <... > Дела оказалось так много, что при всей своей выносливости Фиорелли успел в течение четырнадцати лет своего управления музеем напечатать только подробные каталоги нумизматических и эпиграфических собраний, предоставив продолжение этого труда своему ученику и преемнику г. де-Петре.

Еще большего внимания требовали от нового директора Помпей с их еле двигавшимися раскопками. Что же нового внес сюда Фиорелли, что навсегда соединило его имя с этим городом? Он ввел новый метод в процессе помпейских работ, он первый поставил их на надлежащий путь.

До него везувианский пепел складывали возле Помпей, невдалеке от места раскопок, впоследствии чего образовались целые горы, которые должны будут создать новые затруднения, когда перенесутся раскопки из внутренних частей города на его края и ближайшие окрестности. Фиорелли пришел к мысли построить наклонную железную дорогу, по которой вагоны, двигаясь лишь собственной тяжестью, уносят пепел далеко от города, за помпейский амфитеатр. <... > Далее, он обратил внимание на поддержание и укрепление раскапываемых зданий. <... > Само собой разумеется,

15. Помпеи

что употребляются все возможные средства к предохранению живописи от падения и, по крайней мере, от слишком быстрой порчи ее солнцем и непогодой: здесь пускают в ход и металлические шипы, и известковый раствор против трещин, и небольшие черепичные навесы от дождей и пр.

Фиорелли первый приложил гипсовый раствор для определения каких-то пустот, попадавших в последних, нижних слоях пепла <...>, попробовал влить в одно из таких углублений раствор гипса — и что же? в результате первого опыта получилась целая статуя погибшего помпеянца... С тех пор начали вскрываться такие статуи одна за другою, живо представляя позы и выражения лиц несчастных жертв в последний миг их жизни. Эти гипсовые изображения помещаются в здешнем музее <...> Гипс служит в этом случае для воспроизведения всяких других предметов, которые в плотно окутавшем их и после отвердевшем пепле исчезали мало-помалу, как все деревянные вещи, мебель и пр. Этим способом получаются теперь гипсовые кресла, скамьи, кровати, сундуки, шкафы, ящички и т.д. Так счастливая мысль Фиорелли послужила к открытию вещей, уже разрушившихся и погибших. <...> Если работы будут продолжаться так, как они идут с 1860 года, — а это будет зависеть от тех 60 000 ф., которые ежегодно отпускаются на этот предмет из государственного казначейства, — то, по вычислению Фиорелли, через 60—70 лет площадь, занимаемая Помпеями с их ближайшими окрестностями, будет разрыта. <...>

VI. Беневент и побережье Адриатического моря

<...> Богатый и цветущий Беневент во время империи украшался дорогами и роскошными зданиями, из которых триумфальная арка, воздвигнутая здесь в честь Траяна за восстановление Аппиевой дороги в 114 г., цела и до сих пор. Несмотря на все повреждения, которые неизбежно должно было принести с собою

16. Помпеи. Храм Аполлона. Акварель

время, эти триумфальные ворота принадлежат к замечательным произведениям зодчества в Италии, и по своим несомненным достоинствам могли бы занять почетное место и в Риме. Они стоят на восточной стороне города, на дороге, ведущей в Рим. Сложенные из паросского мрамора, они покрыты множеством барельефов, относящихся к жизни и особенно к военным подвигам Траяна <...> Скульптурная часть исполнена была с большим старанием и искусством. Из фигур многие сохранились в значительной степени и доселе; особенно это нужно сказать об изображениях Виктории, венчающей победоносного императора. <...>

Явившись сюда за остатками письменности самнитской эпохи этих мест, я должен был отыскать здесь здешнего патриция г. Винченцо Колле де-Вита, родственника и наследника ученого беневентинца прошлого столетия Джованни де-Вита, со страстным увлечением собиравшего все, что относилось к освещению древней истории Беневента и смежной области <...> Г. Колле де-Вита

17. Помпеи. Фрагмент

унаследовал если не ученость своего дяди, то, по крайней мере, горячую любовь к древностям своего города, любовь к собиранию их в своем доме. Оттого его палатцо богат латинскими надписями времени империи, обломками архитектурных украшений, древними барельефами, вазами и всем другим, что составляет принадлежность антикварных коллекций любителей. <...> Благодаря в высшей степени доброму и любезному характеру владельца этой коллекции, ни один из ученых путешественников не минует дома г. Колле де-Виты <...>, уносит с собою благодарное воспоминание об этом тихом и скромном труженике на пользу не только итальянской, но и европейской науки: материалами, им собираемыми, пользуются и такие ученые, как Моммзен и неперменные члены Германского Археологического Института в Риме <...> Разбитый параличом и потому лишь с величайшим трудом делая передвижения с одного места на другое, он тем не менее не считал возможным отказать пришедшему к нему иностранцу в материалах и беседе <...>. И собрание древностей, и труды печатные и рукописные его дяди, и необходимые для меня некоторые специальные сочинения о Беневенте <...> — все было предоставлено г. Колле де-Витой в мое полное распоряжение. Не имея возможности выходить из дома и все-таки желая ознакомить меня с достопримечательностями города и ближайшими окрестностями, он дал мне в руководители одного из своих сыновей, сказав ему при этом, чтобы осмотр города начать прямо с триумфальной арки Траяна. Прощаясь, больной старик любезно предложил свои услуги и на будущее время. <...>.

18. Руины Древнего Рима. Форум Романо

VII. Рим

< ... > Рим вплоть до наших дней остается художественной студией, самой большой на свете студией, где кисть, резец, напильник и циркуль напряженно работают до позднего часа. Этот своеобразный «мир дарования, труда и выпачканной глиною и масляною краскою рук» имеет в себе столько обаятельного, что втягивает в себя самого черствого и прозаического иностранца. < ... >

Чувство неудовлетворения, которое испытываешь в Риме на первых порах, сменяется потом какой-то разбросанностью: хочешь узнать вдруг и то, и другое, и третье и при этом оказываешься совершенно неспособным следовать какому-либо определенному плану. Пойдешь из дому на древний Форум, но вместо него попадешь к Пантеону и останешься здесь, пока не налюбуешься вдоволь этим колоссальным зданием, значение которого тем выше в наших глазах, что это единственный храм, дошедший до нас в целом своем виде. После, забыв о Форуме, мало-помалу забредешь на окраину города, куда-нибудь к Иоанну Латеранскому, или в улицы за Тибром к св. Петру, или за Porta S. Sebastiano к памятнику Цецилии Метеллы и остаткам других древних гробниц, если только не задержат вас колоссальные руины терм Каракаллы, или не заплутаетесь где-нибудь на пустынном Авентине.

Бывало не раз, что отправляясь из квартиры в одну сторону, возвращался к вечеру со стороны совсем противоположной, не видел и половины предметов, которые наметил себе с утра.

Подобно всякому увлечению, и эта горячка проходит,

наступает пора более осмысленного отношения к своим блужданиям и большей требовательности от самого себя. Это — период специализации интересов, период работы. От церквей, дворцов и музеев мысль сама собою тогда обращается к ученым учреждениям Рима, к университету, разным академиям и ученым обществам. <... >

В первой половине семидесятых годов римский университет в отделе гуманитарных наук не мог представлять особого значения для иностранца. Новые политические условия страны требовали и сюда новых людей, людей нового направления в науке, а их пока еще не было. Как недостаточны были прежние наличные силы на филологическом факультете и специально по археологии, можно судить по тому, что зимою 1874—75 г. министр народного просвещения Бонги <... > вынужден был пригласить секретаря Немецкого археологического института г. Гельбига для объяснения студентам памятников древнего искусства, находящихся в публичных и частных музеях Рима. Библиотека университета была чрезвычайно бедна иностранными книгами и <... > лишь только начинала наполняться немецкой ученой литературой. <... > Что касается до академий и ученых обществ, то новые учреждения только пускали корни в новой столице объединенного королевства, прежние же, как *Academia Pontifica*, не могли в ту тревожную для папского правительства пору работать спокойно и тем менее были доступны иностранцам.

Лучшими приютами, как и всегда, в этом случае были Ватиканская библиотека <... > и Немецкий археологический институт. <... > Первое из этих учреждений незаменимо для ученого рукописями латинских и греческих авторов, которых здесь собрано свыше двадцати двух тысяч, второе — важно своей богатой библиотекой, легкостью доступа к ней всем и каждому и возможностью пользоваться просвещенным содействием членов и представителей этого Института <... >, которому теперь принадлежит бесспорно одно из первых мест в целой Европе. <... >

Новое влияние Римского Института замечается в преподавании археологии в немецких университетах: прежние его питомцы <... > вносят свежую струю в это академическое преподавание. При университетах устраиваются музеи гипсовых слепков с произведений древнего искусства, пример чему дан был Велькером, создавшим такой музей в Бонне. Благоприятное влияние этих музеев для учащегося юношества было чрезвычайно велико. Хорошие гипсовые копии вполне знакомят с оригиналами, — оттого-то немецкие археологи нового поколения являются в Италию так хорошо подготовленными для продолжения своих занятий древним искусством. <... > Молодые археологи, большей частью ученики Велькера, Ричля, Отто Яна, Гергарда, Бека, Моммзена, Курциуса и др., являлись в Италию хорошо подготовленными и почти всегда имели в виду специальные темы для своих работ. Между последними особенно выделяются разного рода каталоги предметов древнего искусства, целью которых было приведение в известность рассеянного по всей Италии научного материала. <... > Это каталогизирование художественных сокровищ Италии немецкими молодыми учеными, большей частью стипендиатами Института, продолжается и до сих пор.

VIII. Путешествие 1880 г. Рим и Аbruццы

<...> Всего пять лет прошло между моим первым и вторым посещением Италии, а как многого уже нет в Риме из того, что мы видели раньше, и как поразительно много нового появилось здесь в этот короткий промежуток времени! <...> даже путешественники, не бывшие здесь лет десять, с изумлением встретят теперь этот новый город, эту Roma Nuova, как называют в настоящее время целый ряд кварталов, возникших на Эсквiline и на смежных с ним возвышениях и лощинах. На месте прежних овощных огородов, виноградников и больших пустырей, по которым бывало спокойно прогуливались коровы и козы, на месте этой захолустной деревни, существовавшей в стенах большого города, теперь стелются широкие, правильные, по строго выдержанному плану вытянутые улицы, выведены колоссальные дома с зеркальными окнами, устроены изящные кафе, рестораны, магазины и проч. <...>

Новые времена, естественно, должны были отозваться большими переменами в ходе римского просвещения, римской науки и, что лично нас интересовало более, в характере римской археологии. Из очерченной нами выше истории Немецкого археологического института видно, что это учреждение было главным центром учености этого рода, — центром, с которым не могли соперничать ни Папская Академия, никакое другое ученое общество. С водворением здесь нового правительствa археология получает характер государственной науки: теперь учреждается главное управление по делам археологических раскопок и музеев Италии <...> вся страна делится на множество мелких округов с правительственными инспекторами, на обязанности которых лежит следить за ходом раскопок и за всеми открытиями и доводить о них до сведения главного управления. Последнее в свою очередь помещает эти отчеты в специальном ежемесячном издании <...> служащем органом для всей Италии <...> Учреждены новые штаты служебного персонала по ведомству государственных древностей и музеев, составлены и изданы новые правила относительно метода раскопок и пр. Все это потребовало новых издержек, а потому правительство обложило все музеи и собрания древностей, составляющие собственность государства, пошлиной — по франку с каждого посетителя. Свободный вход отнесен теперь лишь на воскресенья и некоторые большие праздники. <...> Во главе этого ведомства стал уже известный нам сенатор Джузеппе Фиорелли, переселившийся из Неаполя в Рим. Летом 1880 г. нам довелось видеть его и на этом новом посту: он все тот же неутомимый труженик <...>

Но что успехи Капиталийского института симпатичны не всем местным ученым, стало для нас ясным из недавней встречи с одним из наиболее видных представителей итальянской археологии, известным писателем иезуитом, отцом Раффаэле Гарруччи. <...>

На этот раз главным полем нашего сильного изучения была центральная полоса Апеннинского полуострова, с ее сабинянами, марсами, вольсками и прочими древними обитателями этой страны, из которых каждый некогда имел свою культуру, свою историю, свой язык. В числе этих народов нам необходимо было обратить внимание

19. Пьяцца делла Синьория во Флоренции

и на небольшую группу фалисков <...> — этот народ возбудил особенное внимание ученых лет двадцать назад, с открытием ряда могил на пространстве между нынешним городом Чивита-Кастеллана и селением Санта-Мария ди-Фаллери. Эти могилы были высечены в скалистых холмах и внутри по стенам представляли ряд ниш, какие в римских катакомбах служили для погребения умерших. Каждая ниша была закрыта несколькими плитами из обожженной глины, — вот эти-то плиты, покрытые надписями, вместе с другими остатками письменности фалисков, найденными в тех же местах, и привлекли интерес специалистов. <...>

Честь открытия этих памятников принадлежит о. Гарруччи, несомненно лучшему знатоку археологических богатств итальянских провинций, в которых он путешествовал много раз и подолгу. <...>

К нему посоветовали нам обратиться немецкие археологи, когда в Риме мы стали наводить справки о месте нахождения этих памятников и о настоящем их владельце. Но при этом они пожелали нам особенного счастья в сношениях с ученым, который, по их словам, не любит делиться своими сведениями с иностранцами. Подробности, сообщенные при этом, были таковы, что я в невеселом настроении духа вступал в калитку дома иезуитов за Тибром, неподалеку от площади св. Петра, и не ожидал ничего хорошего для

успеха моего дела. Черный крест Распятия, висевший над входом, темная и узкая лестница, ведущая в один из верхних этажей, где находилась квартира о. Гарруччи, и мертвая тишина, царившая во всем конvente, только усиливали во мне внутреннее стеснение. Меня ввели в крошечную приемную залу и заставили подождать выхода почтенного отца. Это ожидание почему-то затянулось, так что я уже начинал тяготиться своим положением. Наконец, за дверью послышались чьи-то быстрые шаги и в залу вошел седой старик

20. Р.И.Клейн. Храм св.Виталия во Флоренции. 1880-е. Акварель

в черном полукафтани и треугольном своеобразного покроя берете. Необычная живость движений, быстрота речи и блестящие черные глаза сразу показывали в нем уроженца неаполитанской провинции.

С первых же слов, однако, стало для меня ясно, что мои страхи были ложны и что все полученные мною сведения об этом ученом по меньшей мере односторонни. Узнав о моих отношениях к московскому университету, о. Гарруччи повел речь о Москве, о московском археологическом обществе, о гр. Уварове и ученых трудах последнего. В конце концов, он не только заявил сочувствие моим целям, но и выразил полную готовность содействовать мне всем, чем только может. А это содействие было для меня тем важнее, что большая часть надписей, сверх ожидания, оказалась у него, в его личном владении, что доселе не знал ни один из ученых, к которым

я обращался в Риме, и поэтому я мог приступить к исследованию оригиналов сейчас же.

Нуждаясь в помощи рисовальщика, я попросил у о. Гарруччи позволения привести с собой моего соотечественника, художника Реймана. При звуке этого нерусского имени, лицо почтенного археолога вдруг приняло суровое выражение и затем последовал вопрос: «да это русский, а не немец?» Я должен был объяснить, что нерусского здесь одно имя, что он действительно мой соотечественник, давно живущий в Риме, и проч. <...> В назначенное время мы звонили в ворота конвента, и минут через пять после экзамена, данного г. Рейману относительно его национальности, о. Гарруччи повел нас в самый верхний этаж здания, туда, где, по его словам, хранились фалиссские оригиналы. Зная этого ученого, как владельца многих археологических ценностей, мы ожидали, что увидим сейчас его частный музей; но какво же было наше удивление, когда вместо того мы очутились на чердаке, под самой кровлей, где в беспорядке валялись поломанная мебель, лохмотья монашеских одежд, старые шляпы, пустые бутылки и прочий домашний скарб. Отворивши маленькую дверь и введши нас в такую обстановку, о. Гарруччи не без смеха заметил: «вот вам музей мой!» Тут он с грустью рассказал, как сильно пострадали его собрания древностей при конфискации Collegio Romano и всей прежней резиденции иезуитов в Риме в пользу нового правительства.

«Предметы мелкие и редкие, — между тем говорил он, — я еще храню кое-как у себя, в моей комнате, большие же камни частью здесь на чердаке, частью на летней нашей даче» <...>. Около десяти дней провели мы затем под слуховым окном этого чердака, читая и калькируя фалиссские камни, и хозяин, усердно в ту пору работавший над своим монументальным трудом Storia dell'arte Cristiana, по несколько раз в день приходил к нам и помогал своими указаниями, советами и книгами. <...> Неоднократные беседы о. Гарруччи ясно показали нам, что этот ученый — не сторонник немецких археологов, работающих на Капитолии, особенно тех молодых докторов, которые являются в Италию на короткое время и спешат, по его словам, заявить свою эрудицию полемикой с итальянскими авторитетами <...> «они стараются удивлять своих профессоров отрицанием наших авторитетов и грубым обращением с нашей итальянской наукой. Я прежде ревностно посещал собрания этого Прусского института и печатал свои исследования в его органах, но после увидел, что в мои лета не стоит ломать перьев и тратить времени на препирательства с этими ребятами». <...>

Следуя маршруту, мы должны были отправиться прежде всего в землю фалисков <...>, нам пришлось отыскивать фалиссское кладбище самим, при помощи лишь карабинера, данного синдиком в наше распоряжение, и одного молодого человека, г. дель Фрате, учителя рисования, приглашенного нами для снимания рисунков. <...> Следуя топографическому описанию, составленному о. Гарруччи, мы долго ходили по указанной местности и, в конце концов, нашли здесь утешительного весьма мало. Половина могил несколько лет тому назад была употреблена на починку шоссеиной дороги, причем, разумеется, погибли и надписи, высеченные и нарисованные по

стенам усыпальниц. Другие служат для пригона коз и овец в холодное время: загрязненные и темные, эти могилы не представляли для исследования никакой возможности. Третьи — сыры и поросли ползучими растениями, так что оставаться в них долго было небезопасно. Четвертые обращены во временные сараи и служат для хранения соломы и снопов незадолго перед тем сжатого хлеба. Наконец, некоторые из них находились в состоянии полнейшего разрушения. При таких обстоятельствах работа была невозможна <... >

IX.

С именем Аbruцц обыкновенно возникает представление о стране дикой, о грубых нравах, о разбойничестве, которыми прославили себя жители этих гор в былую пору. Отправляясь сюда, почему-то не ждешь ни хороших путей сообщения, ни прочих удобств, всегда возможных в других путешествиях. <... > Но по мере того, как утро начинало становиться яснее, эти мрачные мысли рассеивались сами собой. Так, прежде всего должна была остановить наше внимание широкая и гладкая дорога, которая поднималась разнообразными зигзагами все выше и выше. Это шоссе, с которым по исправности и гладкости не может сравниться ни одна большая дорога России, не исключая и окрестных мест Петербурга, Москвы, Киева, Варшавы и других виденных нами больших городов, свидетельствовало о громадной затрате труда, употребленного на проложение его среди скал <... > Впрочем, свойства почвы Апеннинского полуострова приучили его жителей издавна к обращению с камнем, и потому, может быть, нет другого народа в Европе, столь способного к минным и инженерным работам, как Итальянцы. Кто ездил по железным дорогам Италии и бывал около Болоньи с ее сорока шестью туннелями или по линии Специя — Генуя с ее тремя туннелями, из которых иные тянутся на два-три километра, — тот знает, сколько они должны были долбить свои горы и какого страшного труда должно было это им стоить. <... >

Хотя тихо, но безостановочно взбирался наш дилижанс вглубь Аbruцц. Города <... > и некоторые другие селения проходили перед нами один за другим, и так как наша дорога постоянно делала неизбежные повороты, то мы могли любоваться их видами по несколько раз, с различных сторон и высот. <... >

При виде всякого большого города Италии уже наперед ждешь, что вот снова охватит вас тот нескончаемый шум и гам, который возможен только в этой стране и нигде более в Европе, — стране, где на улицах не просто говорят, а непременно кричат, не просто беседуют и толкуют о своих обыденных интересах, но как будто все горячо спорят и ссорятся до готовности вступить каждую минуту в рукопашный бой <... > Всего этого ожидали мы, приближаясь к широко и живописно расстилавшейся перед нами Аквиле.

Ничего подобного, однако, здесь не оказалось. Город при своем значительном населении необыкновенной тишиной сделал бы

честь любой захолустной местности Германии. <...> Необыкновенной сдержанностью и приличием тона отличаются здесь и кофейня с простонародными остериями: ни пьяных, ни безобразного галдения и ругательств, без чего не обходится, к нашему стыду, ни один русский провинциальный базар и без чего немислимы наши мрачные и грязные трактиры, харчевни и питейные дома...

Не говоря о высшем техническом училище, гимназии, нормальной школе, нескольких низших учебных заведениях <...> муниципия Аквилы в последние годы приступила к постройке огромного здания для помещения гимназии, музея местных древностей и картинной галереи, находящейся теперь, вместе с большой коллекцией «знаменитых аквиланцев», в здании думы. В числе двигателей этого дела видную роль играет некто Раффаэле Каварокки, один из чиновников местной префектуры. Филолог по образованию, штудировавший в молодости в пизанском университете, он много работает теперь для собирания рассеянных памятников сабинской земли воедино. <...> Страстно увлеченный «величием и трудностью» своей добровольной задачи, он представляет собою своеобразный и в высшей степени симпатичный тип любителя-антиквара своих мест. Горячность темперамента, направляющаяся у него на столь почтенные цели, действует заражающим образом на собеседника, и потому воодушевленная его пропаганда, конечно, не останется без благотворных результатов для науки <...>

Стоило мне показаться в префектуре <...>, как последний сейчас же оставил свою службу и повел меня в магазин древностей, приготовляющихся для музея. Надписи, о которых мы просили его раньше, были готовы и лежали на виду, готовы были и материалы, неизбежные для снятия копий. Вследствие этого мы могли приступить к работе, не теряя ни минуты. <...>

<...> Желая сделать мое пребывание в Аквиле наиболее приятным, г. Каварокки представил меня семейству попечителя учебных заведений округа г. Ребеккини, состоящему из мужа и жены, нашей соотечественницы, урожденной баронессы фон-Штейн. <...>

Около пяти часов пополудни, в доме г-жи Ребеккини собрался тесный кружок знакомых. Скоро завязавшаяся и быстро достигшая, как это обыкновенно бывает у итальянцев, сильного оживления беседа имела своим предметом вопросы народного просвещения Италии <...> Экономическая бедность страны, низкая ступень многих существенных отраслей отечественной промышленности и, как неизбежное следствие этого, постоянная зависимость от иностранцев, не говоря уже о глубокой умственной тьме сельского люда Италии, заставляли аквиланских педагогов желать своему отечеству большого развития технических и реальных знаний, умножения элементарных школ по всем провинциям и вообще поднятия народного образования над тем уровнем, на котором оно стоит здесь в настоящее время.

При этих горячих речах, высказывавшихся с силой полного убеждения людьми, уже пожилыми и близко знающими свой народ, невольно отзывались в душе и наши родные дебаты о тех же народных нуждах, той же общей бедности, о наших народных

21. В.Д.Иловайская. 1870-е

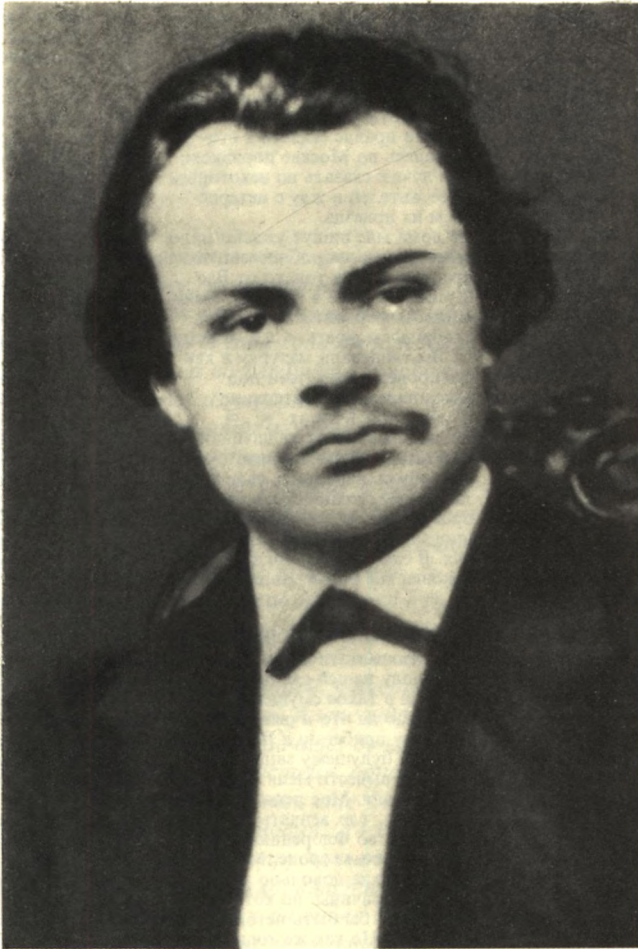
и общественных язвах. Одинаковое горе и одинаковые нужды и здесь, и там ставят ребром одни и те же вопросы: «что делать?», «где искать средств для лучшего будущего?» <... >²

2
Путешествие Цветаева в Италию в 1880 г. было осложнено обстоятельствами личного характера: он сделал предложение Варваре Дмитриевне Иловайской и оно было принято. Предполагалось, что свадьба состоится в Италии, где Иловайская совершенствовалась в то время в искусстве пения. В апреле 1880 г. жених и невеста встретились во Флоренции, но свадьба произошла в Москве

в июне. Сохранились более двадцати писем Варвары Дмитриевны своему жениху, большая их часть написана из Флоренции в феврале 1880; мы приводим лишь некоторые наиболее интересные фрагменты.

Из писем В.Д.Иловайской И.В.Цветаеву
Февраля 4-го <... > Последнее Ваше письмо, Иван Владимирович, нарисовало такое мне

отрадное лето, что заставило меня переменить решение и просить теперь папу устроить свадьбу за границей, но с некоторыми условиями и изменениями. А именно: свадьбу не раньше июля, чтобы до тех пор прожить спокойно где-нибудь в горах или на берегу озера и таким образом избежать итальянских жаров, и потом, чтобы непременно Мамака [воспитательница Варвары Дмитриевны] прислала сюда

22. И.В.Цветаев. 1870-е

и прожила до нашей свадьбы. Этот план мне кажется столь заманчивым, что если бы все так устроилось, я была бы совершенно счастлива. А то приеду я в Москву прямо ко Святой, а там сейчас же и май — уже очень скоро и мне это будет затруднительно. А если бы все устроилось по моему желанию и Вы бы приехали к нам во Флоренцию ко Святой и тут бы встретили праздник все вместе. Как бы хорошо! Поддержите меня, Иван Владимирович!

Февраль 5. <...> Иван Владимирович! Как я сожалею, что в настоящее время не нахожусь

в Москве. Мне кажется, пробудь я там один час и все бы стало совершенно ясно и определено. <...> Я хочу объяснить то, что может быть кажется Вам странным в моем поведении. Издали как-то лучше умеешь ценить людей. Так и я, живя в Москве, мало чем Вас приличала из толпы знакомых, с переездом за границу я даже думала, судя по нашему последнему свиданию, что между нами все кончено. Но услыхав потом, что Вы все еще меня не забыли, я стала припоминать Ваши отношения ко мне и нашла в них столько благородства и доказательства такой чистой души, что невольно меня взяло

раскаяние, как могла я не оценить прежде такого человека. Я даже не думала, что на свете еще существуют, иначе как на словах, качества выказанные Вами. Но теперь вижу, что хотя и редко, а можно еще встретить человека с возвышенными чувствами. Желая поправить свою ошибку, я еще в начале зимы писала, что если уже не слишком поздно, то чтобы шепнули Вам обо всем том, что меня волновало. Но родные мои, зная, как давно мы виделись, боялись сказать Вам что-нибудь решительное, наконец и я с ними согласилась, что лучше все отложить до личного свидания. И вдруг теперь, не предупредив

меня, с Вами начали переговоры прямо о свадьбе.

Меня мучает сомнение, что мы увидимся только тогда, когда все будет решено бесповоротно. А что если, не видав меня целый год, Вы может быть найдете во мне много перемен? Да и я так боюсь, что не сумею Вас сделать счастливым. Я как-то никогда не думала, что мне придется вести семейную жизнь, и мне кажется, я вовсе к ней не подготовлена. Вы ради Бога подумайте обо всем хорошенько. Папина женитьба была для меня самым неожиданным сюрпризом. <...> Я только неделю тому назад получила об этом известие. И вчера я вдруг получаю от папы письмо, где он говорит, что так как он уезжает из Москвы на целые полгода, то надо спешить и с решением моей судьбы, и что он находит удобным устроить нашу свадьбу за границей. <...> Про венчание за границей и Вы тоже пишете, но мне не кажется, чтобы этот план Вам сколько-нибудь улыбался. Вдали от всего родного, встретимся мы на чужой стороне и тут все будет казаться как-то неприятно. Потом я не видела так давно мою добрую маму, которая действительно теперь мне заменяет мать. <...> я написала папе и просила его отменить свою поездку по крайней мере до начала мая. Тогда можно будет устроить все в Москве до его отъезда. Если Вы не против этого, то поддержите этот план и переговорите с папой лично. Конечно в этом вопросе Ваше решение самое веское и я во всем заранее с Вами согласна. Только ради Бога не за границей венчаться!

Февраля 17-го. Иван Владимирович. Не пеняйте на меня, если я не на каждое письмо Вам буду отвечать. Вы там другое дело, окружены живым обществом, а я нахожусь в таком уединении, что имею мало материала для корреспонденций. Конечно, каждым Вашим письмом Вы

меня несказанно радуете, точно луч московского солнца проглянет. Да, из Ваших писем получаем всегда такое живое понятие о Вас и об окружающих, что как будто взглянешь на всех Вас. По правде сказать я стоковалась по Москве порядком, т. е. лучше сказать по некоторым из ее жителей и жду с нетерпением их приезда.

Из дома мне пишут ужасно мало и без всяких подробностей, так что о свадьбе я только от Вас и узнала. А мне в пятницу очень хотелось обратиться в муху, чтобы посмотреть <...> хорошо ли Вы танцевали мазурку и как Вы пропели Ваш гимн под аккомпанемент фортепиано и с бокалом в руках. <...> Желая избавиться от начинающей меня забирать тоски, я стараюсь наполнить свое время заботами, разнообразя их прогулками <...>. Но бывает иногда, что и работа валится из рук. В самом деле, когда же это наконец мы опять увидимся?

Февраля 24-го. Иван Владимирович, меня все эти письма и планы по поводу нашей свадьбы привели в такое смущение, что я не знаю на что и решиться. Поэтому прибегаю к Вам, как к моему будущему защитнику и прошу вывести меня из этого затруднения. Мне решительно все равно, где венчаться, в Москве, во Флоренции или каком другом городе. Мамака мне написала довольно уважительные причины, по которым мне нужно бы быть летом в Москве. Но как же тогда Ваша ученая поездка? <...> или Вы продлите Ваше пребывание за границей, а этого я уже и вовсе не хочу, кажется достаточно и того, что нас целый год разделяла Европа. Мне уже еще что в голову пришло, не набиться ли Вам в товарищи и из Флоренции поехать прямо в Ваши горы <...>. Тогда нам будет возможность видаться и вместе

с тем не вредить Вашей ученой цели. Но если только это Вам не удобно, напишите прямо. Я так боюсь, чтобы из-за моих неважных делов не пострадали Ваши ученые цели. <...> Вот еще какое затруднение, Иван Владимирович, положим, Вы приставите ко мне надежного сторожа и будете спокойны, что я не убегу, но ведь я-то буду совсем не спокойна — вдруг Вы от меня убежите. Потому не лучше, чтобы нам обоим быть спокойными, обручиться во Флоренции. Как Вы думаете? Это будет еще надежней сторожей. Февраль 26-го. Иван Владимирович. Вы все благодарите меня за комплименты, ну поверьте, за это письмо не будете благодарить. Во-первых, как это Вы могли меня счесть за лицемерку. Вот уж на меня не похоже! На лицемерие или хитрость я вовсе не способна. Если бы и захотела, не сумела бы. <...> и вообще, Иван Владимирович, я думала, что Вы имеете ко мне более доверия. Еще я хочу Вам просто сделать выговор, за то, что Вы изволили чуть ли не в каждом письме издеваться над тем, кто мне будет самым близким человеком на свете. Вперед прошу быть острее. <...> К 1-му июня Мамака меня будет ждать совершенно напрасно, на устройство моих делов и месяца довольно. Я в последнем письме домой уже намекала о том, что нам гораздо будет удобным разделиться с папой. Он пусть поедет куда ему надо, а мы, куда нам нужно, т. е. Вам. <...> Я со своей стороны очень рада, что мне нынешнюю зиму пришлось просидеть дома волей не волей. По крайней мере мое пенье продвинулось, а то от постоянных выездов очень страдало. <...> Теперь я все считаю. скоро ли мне придется получить обещанный букет цветов. А цветов во Флоренции теперь уже очень много. <...> Желая Вам веселую Масленицу. Ваша В.Иловайская.

Прежде чем возглавить кафедру теории и истории изящных искусств Московского университета (1889 год), И.В.Цветаев в течение 1880-х годов уже значительную часть времени уделял занятиям искусством. С 1882 года он заведовал гравюрным кабинетом Румянцевского музея, а со следующего года был приглашен туда же хранителем отделения изящных искусств и древностей.

Но основным занятием ученого продолжала оставаться римская словесность, и одним из самых значительных событий в его жизни этого времени было участие в 1888 году в праздновании 800-летия Болонского университета (в качестве депутата от Московского университета) и избрание его почетным членом «за заслуги в области латинской филологии».

Следующее десятилетие началось для Ивана Владимировича с траурных событий. После родов скончалась Варвара Дмитриевна, на руках у овдовевшего Цветаева осталось двое детей — семилетняя Валерия и новорожденный Андрей. Спустя год Иван Владимирович женился на 23-летней Марии Александровне Мейн, блестящей пианистке, художнице, переводчице, дочери А.Д.Мейна, редактора «Московских губернских новостей», одного из директоров земельного банка. Вскоре в семье появились еще две дочери — Марина (26 сентября 1892 года) и Анастасия (14 сентября 1894 года).

К этому времени все труды и помыслы профессора Цветаева уже были отданы новому делу, властно захватившему его целиком до конца жизни. В 1890-х годах он снова несколько раз ездил в Италию и Западную Европу — и один, и вместе с Марией Александровной, но теперь для изучения памятников искусства и собирания коллекций для создаваемого им музея. Он неоднократно выступал и с университетской кафедры, и в печати, и в различных научно-просветительских обществах, пропагандируя свою идею. Самый широкий резонанс получила в обществе его «Речь об устройстве Музея античного искусства», произнесенная на открытии Первого съезда русских художников 24 апреля 1894 года. Она заканчивалась страстным призывом: «Может ли Москва <...> — духовный центр России, центр ее колоссальной торговли и промышленности, Москва — родина и местожительство старых и славных аристократических фамилий, между коими есть и всем известные своим материальным благосостоянием, Москва, покрывшая себя славой широких христианских и просветительных благотворений, — может ли такой город, в котором бьется пульс благородного русского сердца, допустить, чтобы в его всегда гостеприимных стенах остались без подобающего крова вековые создания гениального искусства, собранные сюда со всего цивилизованного света, и притом такие создания, которые в очень большом числе впервые вступают в Россию и двойников

которым нет в нашем отечестве нигде? Может ли Москва это потерпеть?»

Постепенно, по мере поступления все новых и новых пожертвований, большую часть которых профессор опять-таки самолично собирал по всей первопрестольной, одновременно привлекая меценатов и из Петербурга, и из других городов, — проект нового музея становился все обширнее и фундаментальнее. Спустя несколько лет Иван Владимирович вместе с Марией Александровной разрабатывал программу уже не Античного, а Музея изящных искусств. Своего рода итогом многочисленных выступлений этого времени можно считать публикуемую ниже речь Цветаева, произнесенную им в Московском археологическом обществе 20 марта 1898 года и посвященную памяти княгини З.А. Волконской.

Памяти княгини З.А.Волконской³

Посвящается Ю.С.Нечаеву-Мальцеву

< ... > Княгиня Зинаида Волконская, дочь кн. А.М.Белосельского-Белозерского, родившаяся в 1791 году в Турине, воспитанная за границей в духе энциклопедистов XVIII века, широко и разносторонне начитанная, наученная отцом языкам: греческому, латинскому, итальянскому, английскому, и глубоко усвоившая литературные и художественные интересы, принадлежит к числу замечательнейших типов русских аристократок первых десятилетий нынешнего века.

Наделенная от природы блестящим умом, обаятельной красотой, общительным характером, она обладала даром привлекать к себе всех, кто узнавал ее близко, — и потому круг ее поклонников и почитателей ее разнообразных талантов, за границей и в России, был очень широк и разнообразен. Ставши с замужеством княгиней Волконской, она делается предметом истинно рыцарского почтения со стороны императора Александра I, который искал ее умного и интересного общества даже в своих заграничных походах и путешествиях эпохи 1813—1815 годов, куда она сопровождала императора, находясь с некоторыми другими дамами высшего Петербургского общества в царской свите.

< ... > Позднее, в начале 20-х годов, мы видим кн. Волконскую центральной фигурой в кругу русских и иностранных художников в Риме, где в то время жили и работали тогда молодые питомцы нашей Академии художеств — Бруни, Басин, Брюллов, братья Тоны, живописец Щедрин, скульптор Гальберг, а из многих иностранцев-художников — Канова, Торвальдсен, Каммуччини, Орас Верне и др. Все они вращаются около нее — и она полновластно царит над всеми, вызывая общие похвалы и восторги.

В 1824 г. княгиня Волконская с мужем и сыном переселяются в Москву, и в течение пяти лет она занимает здесь выдающееся место среди московской аристократии, родовой и умственной. Превосходная певица, артистка театра, писательница повестей, стихов, статей по искусству, она увлекается вопросами педагогики, философии, религии, но подпадает влиянию иезуитов и принимает католичество. Вынужденная покинуть Россию, она переезжает в Рим, ставший ей новым отечеством, — блещит и там как русская богатая и широко образованная аристократка, пока не становится здесь жертвой эксплуатации католического духовенства, тогда она теряет свое состояние и умирает чуть не на чердаке, в большой нищете (в 1862 г.).

Жизнь этой замечательной женщины, полная необычайного движения, быстрых, резких и неожиданных перемен, представляет

много интересов для историка культурной жизни нашего общества первой половины XIX века.

<...> Проблистав несколько лет яркою звездой на великосветском горизонте Москвы и превратив здесь обширный дом своего брата в настоящую академию наук и искусств, где находили себе горячий привет Жуковский, Пушкин, Мицкевич, Козлов, Дельвиг, глубоко увлеченный ею молодой поэт Веневитинов, кн. Вяземский, Баратынский, Погодин, Шевырев, Ник.Фил.Павлов, Загоскин, Раич, Давыдов, Норов, Киреевский и многие другие деятели литературы и науки, артисты театра и художники, — княгиня З.А.Волконская в 1829 году, к общему огорчению близких ей сфер, навсегда покинула Россию и переселилась в Италию, которой она принадлежала по рождению, своему детству и нескольким годам проведенной там молодости.

Окруженная здесь памятниками искусств древнего и нового времени, пользуясь обширными знакомствами в среде ученых и художников «вечного города» и поддерживаемая в эстетических стремлениях наставником своего сына С.П.Шевыревым — этим горячим энтузиастом искусств, поэзии и литературы, тогда еще молодым ученым, лишь готовившимся к профессорской деятельности, — княгиня Волконская увлекается мыслью об «Эстетическом музее» для Москвы, составляет проект этого учреждения, которое было бы тогда одним из первых по времени соответственных музеев в целом мире⁴, пишет совместно с Шевыревым и М.П.Погодиным докладную записку об этом и посылает ее в Совет Московского университета.

Этот проект представляет в себе многие интересные черты, не теряющие своего значения и для нашего времени. «Эстетический музей» княгини Волконской должен был заключать в себе «полное собрание гипсовых слепков, а по возможности и мраморных копий, с лучших и замечательнейших произведений ваяния древнего, и среднего и нового, копии с отличных картин разных школ классической живописи и, наконец, моделей со всех главнейших памятников архитектуры, древностью и средними веками потомству завещанных. К сему со временем присоединятся и модели разных утварей древней жизни, образцы коих с такою роскошью представляются нам в Музее Неаполитанском». Таким образом, княгиня З.А.Волконская стремилась к созданию систематических и возможно полных собраний по скульптуре и живописи и по моделям древнего и средневекового зодчества, и к организации особого отделения для древностей быта классических народов, — она стремилась к тому, что в наибольшей части составляет предмет и наших дум и забот в настоящее время.

Останавливаясь на организации отделения — скульптуры в гипсовых слепках, по материальной доступности последних, раньше всего, княгиня Волконская рекомендовала здесь порядок историчес-

4
Первый университетский Музей античной скульптуры в гипсовых слепках был основан в 1820 году в Бонне профессором Ф.Велькером.

23. Княгиня З.А.Волконская. 1830-е. Гравюра

кий, «так, чтобы прогулка по галерее статуй живо олицетворяла для нас историю ваяний от начала до наших времен». Признавая трудность установления этого исторического порядка для многих подробностей, ввиду разногласия таких учителей, какими были в свое время Винкельман, филолог и археолог Гейне и Рафаэль Менгс, автор проекта все же верит в возможность установления главных исторических вех при распределении произведений ваяния.

Свой скульптурный музей княгиня Волконская делила на 8 отделений: из них I — для памятников египетских и этрусских, по тем оригиналам, которые она могла найти в Риме, Флоренции и частью других городах Италии; II — для скульптур Греции, каковы Эгинские мраморы и скульптуры Парфенона и некоторые другие

статуи, по стилю своему составляющие «переход от искусства символического к его совершенному и самостоятельному развитию»; III-е отделение, именуемое автором Олимпом, представляя «блистательный расцвет всего искусства древнего, будет содержать статуи всех богов, богинь, полубогов и героев мифологии древней», здесь, по ее проекту, должны найти себе сопоставление работы в том же мифологическом роде новых скульпторов, каковы Канова и Торвальдсен. Для этого отделения проектируется 53 статуи и 8 бюстов из разных музеев Италии и из Парижа. IV-е отделение предназначалось для групп с выражением страстей человеческих, как олицетворение того периода искусства, когда оно сошло с величавого спокойного Олимпа на землю и стало заниматься уже житейскими сюжетами: указываются 16 групп древних и частью новых — из Италии и Парижа. V-е отделение для портретных статуй и бюстов классической древности, греческой и римской, проектировалось в возможно широких размерах. Сюда же вносилась серия портретных бюстов поэтов и художников Италии. VI-е отделение посвящалось скульптуре эпохи Возрождения, именно изваяниям Микеланджело и его учеников, — таким, как его знаменитая Pietà в храме св. Петра, Моисей в S. Pietro in Vincoli в Риме, Христос в S. Maria sopra Minerva там же, Ночь и День с гробницы Лоренцо Медичи во Флоренции. VII-е отделение для эпохи Барокко с его формами насильственными, неестественными, искривленными, в представителях его Бернини и Дживованни да Болонья. VIII-е — для новейшего искусства с его вождями Кановой и Торвальдсеном, трактующими здесь исключительно христианские сюжеты.

Таковы были рамки для предполагавшегося музея скульптуры. Не будем неуместно строги к этой классификации и не станем теперь рассматривать ее с точки зрения успехов науки нашего времени, не будем удивляться, что Эгинские мраморы, целую пропасть отделенные от чудных изваяний Парфенона, здесь классифицируются под одну рубрикою, как произведения какого-то «переходного периода». Не будем строги, памятуя, что этот проект составлялся русскою женщиной во время войны Греции за независимость и что только по основании самостоятельного Греческого королевства, да и то не сразу, не быстро, Греция и ее древнее искусство стали доступны европейцам для их изучения и раскопок. Не будем придирчиво относиться к теориям, в этой классификации высказываемым, теории здесь менялись часто и радикально после и в среде настоящих специалистов, а в подробностях они нередко меняются и доселе, и в наши дни, когда один и тот же памятник древнего искусства с большой свободой пересаживается из одного столетия в другое людьми притом одинакового научного авторитета.

Важнее здесь была самая мысль княгини Волконской обогатить Московский университет и Москву этими статуями, группами, бюстами, рельефами, древнего и частью нового резца. И если бы суждено было этой идее в свое время исполниться на деле, то эти изваяния сами собою, независимо от научных теорий, уже с 30-х годов исполняли бы свою просветительную миссию, содействуя эстетическому развитию и студентов, и нашего общества.

По архитектуре княгиня Волконская проектировала модели

Колизея, Пантеона, древнего Римского Театра, Форума, Помпеи, Геркуланума, греческих храмов в Пестуме, в Агригенте (Girgenti), в Сицилии, гробницы Сципионов, храма св. Петра в Риме и пр.

В горячем воображении составителя проекта носилась уже возможность в будущем иметь в Москве и галерею копий с главнейших образцов европейской живописи. Но, сознавая трудность и дороговизну этого дела, княгиня Волконская на первый раз рекомендует заказать хотя бы пять произведений из четырех главных итальянских школ.

1. Страшный суд Микеланджело как представителя римской школы.

2. Успение Божией Матери Тициана как представителя венецианской школы.

3—4. Преображение и Сикстинскую Мадонну Рафаэля как представителя римской школы.

5. Смерть св. Агнессы Доминикино как представителя ломбардо-болонской школы.

При музее предполагалась и библиотека, в которой должны находиться все лучшие руководства к изучению истории искусств и древностей, образцовые труды Флаксмана, гравюры всех лучших галерей Италии и пр., и пр.

Так обстоятельно и для первого раза относительно полно задуман был план Московского эстетического музея княгиней З.А. Волконской и ее советником и сотрудником в этой задаче С.П. Шевыревым, который, как есть основание думать, был и главным редактором этого проекта.

Под светлым небом Рима, в пленительной обстановке прелестной собственной виллы, и донныне все еще удерживающей в устах народа имя La Villa Volkonsky, княгиня Зинаида Александровна живет этими горячими мечтами, великодушно предлагая Москве и свое время, и свои труды по разыскиванию, собиранию, приобретению и отсылке в Россию памятников искусства — для задуманного ею Музея, и свои обширные знакомства и разнообразные связи во всех необходимых для этого сферах.

«Желая разделить, пишет она, со своими соотечественниками впечатления прекрасной родины искусства, я принимаю на себя обязанность надзирать за приготовлением оных слепков и моделей. Будучи знакома с известными европейскими художниками, каковы Торвальдсен, Каммуччини и пр., с лучшими знатоками искусства, с артистами русскими, при общем их руководстве, я надеюсь, что копии будут отличаться желанной точностью, а слепки живо представлять оригиналы. Знакомства же мои в Риме дают мне возможность иметь все за такую цену, какая берется только с самих художников, а не с частных лиц»⁵.

Увлеченный своею блестящей идеей, автор проекта думает и о месте, и о денежных средствах для будущего Музея. Предполагая, что Московский университет не имеет возможности ответить для этой цели отдельного здания, княгиня Волконская предлагает «положиться

24. Ф. И. Буслаев

на щедрость наших вельмож: не благоволит ли кто-нибудь из сих мужей, известных своей любовью к искусству, до первой возможности Московскому университету определить особое здание (которое расположить должно было сообразно с начертанным планом) — отвести у себя в доме временную гостиницу для гипсовой колонии статуй? Сим уничтожится первая и главная трудность: найти место для Музея». Так легко и просто из прекрасной дали решался ею трудный вопрос о месте для Музея.

На ту же щедрость и просвещенные чувства жителей Москвы и Петербурга возлагает надежды княгиня Зинаида Александровна и в вопросе о материальных средствах задуманного ею предприятия. Для этого она предлагает открыть подписку в пользу Музея. В успехе этого дела она не сомневается и уже говорит о возможности организовать галерею копий с лучших образцов живописи, «если собранная сумма окажется весьма важной». На первое же время для отдела ваения она считает нужным иметь 25 000 руб.

Не смущают ее при этом ни сомнения ее скептика-мужа, указывавшего ей, что «там (в Москве) едва ли постигают надобность знать происхождение Аполлона и Минервы» и что для этого «на первоначальный прием потребуется сумма больше пяти тысяч», ни справедливые опасения ее некоторых московских знакомых за успех предприятия, ввиду скупости и неподатливости тогдашней московской знати на просветительные жертвы. Поддерживаемая Шевыревым

25. К.К.Герп

и Погодиным, она ведет деятельную корреспонденцию с Москвой и Петербургом, стараясь здесь и там увлечь своей блестящей идеей видных лиц аристократического и правительственного круга, и после печатает свой «Проект Эстетического музея при Императорском Московском Университете» в «Телескопе» у профессора Надеждина⁶.

Действительный ход событий, однако, показал, что правда была на стороне лиц, заявлявших свои сомнения. Москва в ту эпоху для такого идеалистического дела свободных капиталов, очевидно, еще не имела, а Московский университет был слишком малолюден и беден, чтобы такое рискованное предприятие взять на себя, да и в среде его профессоров одних горячих усилий молодого адъюнкта Погодина и его, очевидно, немногочисленных друзей дать этому проекту надлежащий ход оказалось очень мало. <... >

Но чем пламеннее были эти мечты и чем увереннее расчеты, тем неожиданнее и горестнее был для Погодина полный отказ Совета Московского университета на представление княгини Волконской об Эстетическом музее. «Университету, — писал огорченный и раздосадованный Погодин, — никаких предложений ученых делать нельзя, ибо теперь это — скопище невежд, плутов и эгоистов. О Музее

⁶
«Телескоп», 1831, кн. III, с. 385
и след.

я удержал все бумаги, ибо и правительству теперь не до дел такого рода».

Так симпатичной мечте русской княгини и ее друзей и пособников о просветительном центре для Москвы суждено было остаться лишь простою поэтической грезой.

Однако эта мысль о Музее Искусств не должна была и не могла заглохнуть и умереть совсем. Погодин и Шевырев позднее долго действовали на видных кафедрах Московского университета, и потому напрашивается само собою предположение, что когда-то столь близкий им обоим проект княгини Волконской нередко бывал затем предметом их оживленных бесед и в профессорском круге, и в среде младших поколений. Особенно хочется это предположить относительно второго из этих ученых энтузиастов, впоследствии трудившегося над насаждением художественных знаний в Москве — и в Университете, и Московском Училище Живописи, Ваяния и Зодчества, членом, основателем и инспектором которого он был. Для нас стоит вне всякого сомнения продолжение мысли о Музее также и профессором Ф.И.Буслаевым, не менее своего учителя Шевырева любившим Изящные искусства и пошедшим гораздо дальше его в их изучении.

Влиянию этой идеи княгини Волконской надобно приписать и первый практический почин в устройстве скульптурного собрания при Московском университете, сделанный в половине 50-х годов профессором П.М.Леонтьевым, который приобрел для Университета несколько бюстов и 5—6 статуй в гипсовых отливках из Императорской Академии художеств. Эта скульптурная коллекция была, правда, очень невелика числом, но она была первой в Московском университете, к тому же она составлялась в такие годы, когда доставка столь хрупких предметов, как гипсовые изваяния, соединена была с затруднениями, которые невозможно и представить людям нашего времени, привыкшим к быстроте и удобствам передвижения. Что ныне для нас так легко, естественно и просто, то должно было по необходимости составлять предмет тяжелых дум и больших забот для наших менее счастливых предшественников.

В конце 60-х годов на дальнейшее устройство этого собрания поступает денежное назначение от известного в свое время писателя В.П.Боткина, а в 1882 году профессор К.К.Герц, непосредственный продолжатель начинания Леонтьева, покупает на эти средства за границей более двух десятков статуй и некоторые рельефы по античным образцам. Проходят затем всего восемь или девять лет — широкая благотворительность ныне очень богатой и на все хорошее отзывчивой Москвы и прежних питомцев Московского университета пролагает себе дорогу именно к тому художественно-просветительному учреждению, над созданием которого для московского студенчества и московского общества, 60 лет тому назад, в Риме, так горячо мечтала и столь искренно трудилась княгиня Зинаида Александровна Волконская. <... >

Записка
о Музее изящных искусств
имени императора Александра III
при Императорском московском
университете⁷

Эстетическое воспитание отдельных лиц и целых обществ достигается, главным образом, непосредственным, частым и внимательным созерцанием художественных произведений. Изобразительные искусства влияют на душу человека прежде всего своим внешним видом, своею формою, и потому непосредственному изучению их памятников в оригиналах или даже в удовлетворительно исполненных копиях приходится отдавать преимущество перед самой красноречивою лекцией профессора или писателя о том же предмете. < ... >

В таком же положении находится и писатель по вопросам искусства. Так, высочайшего энтузиазма и глубокого знания дела исполнены восторженные описания статуи Аполлона Бельведерского или знаменитого Torso di Belvedere Ватикана, оставленные нам Винкельманом; но они бледнеют в силе впечатления перед влиянием на душу зрителя самих памятников или даже гипсовых отливов с них. Никакие описания мастера литературного стиля не дадут нам того впечатления о Сикстинской Мадонне Рафаэля или о Страшном суде Микеланджело, каким дарят нас эти удивительные картины даже в их хороших воспроизведениях. Такова могучая роль непосредственного созерцания в деле искусства.

Музей изящных искусств имени императора Александра III, организуемый при Императорском московском университете с учебно-воспитательною целью, имеет своим назначением представить в историческом порядке судьбы скульптуры, зодчества и живописи у древних и новых народов и чрез это дать учащемуся юношеству и публике необходимые средства к изучению искусств, к облагораживанию их вкусов и развитию в них эстетических понятий.

Скульптура будет изображена здесь в гипсовых слепках, делаемых в натуральную величину оригиналов и с математической точностью в лучших мастерских Западной Европы, преимущественно в самих государственных и частных музеях, где хранятся знаменитые оригиналы. Множество статуй, групп, рельефов и бюстов уже прибыли в Москву для будущего Музея из Лувра, Британского музея, Мюнхенской Глиптотеки, Дрезденского Альбертинума, из Берлинского Королевского Музея, из Национального Музея в Неаполе, из Ватикана и других музеев Рима. Скульптура в лучших и главнейших памятниках будет расположена в Музее по странам и историческим эпохам: 1) Египет, 2) Ассирия и древняя Персия, 3) Финикия

7

Цветаев И.В. Записка о Музее
изящных искусств имени
императора Александра III при
Императорском московском
университете. М., 1898.

26. Больничный корпус Московского университета

и Малая Азия, 4) Греция в различные периоды процветания ее искусств (11 зал и кабинетов), 5) Рим, 6) Средние Века, 7) Эпоха Возрождения и 8) Новые времена и народы.

Этот скульптурный музей, в таком виде и в таких размерах, будет первым примером в России, создаваемым по образцу лучших европейских и американских музеев гипсовых слепков. До сих пор музея такого рода, столь полного и систематического, в России не было. Некоторые отделы его будут к тому же заключать не только гипсовые копии, но, сверх всяких наших ожиданий прежнего времени, и ценные оригиналы. Так, в последние дни получено известие об организации отделения Египетского искусства нашего Музея в Каире и частью в Лондоне гофмейстером Высочайшего Двора Ю.С.Нечаевым-Мальцевым, лично составляющим, при дружественном содействии именитого египтолога Бругша, помощника директора Музея Gizeh в Каире, систематическую коллекцию памятников не только в копиях, но и в подлинниках. Часть их уже находится на пути в Москву.

Лишним было бы прибавлять, что в Музее будут собраны не только образцы монументальной скульптуры, но также и наиболее замечательные примеры скульптурной орнаментики и художественной промышленности как древних, так и частью новых народов.

Архитектура. Зодчество древних и новых времен в музее Московского университета предполагается представить в моделях храмов, театров и других мест общественных собраний, частных сооружений и домов. Главное внимание при выборе материала будет обращено на существенные отличия памятников главнейших стилей

строительного искусства, в разные исторические времена, у разных народов Востока, в Греции, Риме и в Византии, в Европе Средних веков и эпохи Возрождения.

Некоторые модели храмов и различных общественных построек в древней Греции и Риме уже получены Московским университетом и ждут лишь достойного помещения в связи со скульптурою. Местами приобретения моделей этого рода служат для Московского университета Лондон, Вена, Дрезден, Париж, Неаполь и Рим.

В отделе *живописи* будет обращено особое внимание на составление собрания пособий для изучения этого искусства в его истории, каковы фотографии, рисунки, гравюры, художественные издания различных европейских галерей, отдельные увражи, посвященные той или другой школе живописи или тому или другому великому мастеру. Весь этот обширный материал будет расположен в ряде небольших кабинетов по народностям, школам и мастерам. Живопись классической древности в Помпеях, Геркулануме и Риме предполагается представить в художественных копиях, снятых с оригиналов. Для живописи Римских катакомб уже имеется обширное собрание картонов кисти русского художника Ф.П.Реймана, работавшего в подземельях Рима девять лет, при материальном пособии К.С.Попова, и имеющего работать еще три года, при благосклонном содействии князя Юсупова графа Сумарокова-Эльстона. За катакомбным периодом будут следовать образцы христианской живописи и мозаики других исторических эпох. Начало этому собранию в последнее время положено, так же как и Египетскому залу Музея, Ю.С.Нечаевым-Мальцевым.

Особое место в этом отделении займет живопись русской школы, представляемая оригинальными картинами и рисунками одного известного в Москве собрания, имеющего поступить в Музей, по отстройке его здания.

Сверх сих отделов в Музее проектируются еще следующие учреждения.

Антиквариий музея. В этом отделении предполагается поместить Нумизматический кабинет, собрание камней и художественных медалей, бронз в виде бюстов, статуэток, рельефных досок, предметов домашнего и общественного быта у древних народов, в Средние века и в эпоху Возрождения. Здесь же займут место геркулан[ум]ские и помпейские бронзы Неаполитанского музея в художественных репродукциях лучших итальянских ателье. Начало этого любопытного собрания положено дарами Московскому университету со стороны московских граждан из прежних воспитанников Московского университета.

Библиотека музея. При Музее библиотека будет иметь специальный, историко-художественный характер. Здесь предполагается сосредоточить всю существенно-важную литературу для изучения искусств и быта древних и новых народов: атласы, художественные увражи, обширные издания памятников искусств, литературную разработку истории искусства в трудах общего характера и в специальных монографиях на всех главнейших языках. При библиотеке предполагается устроить читальный зал для

27. Кабинет изящных искусств Московского университета

студентов и публики, для которой он должен быть открыт ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней. Начало библиотеки этого рода Университетом уже сделано, остается лишь неуклонно идти по этому практикой намеченному пути.

Аудитория музея. Преподавание истории искусств, с развитием фотографии и усовершенствованиями в области техники, требует в настоящее время особых приспособлений. На это обращено будет, при устройстве специальной аудитории Музея, преимущественное внимание. Ввиду возможностей чтения публичных курсов по истории и различным отдельным вопросам искусства, аудитория Музея, имея свой особый и удобный вход, должна быть поместительна и снабжена всеми лучшими акустическими условиями.

Таковы задачи и состав Музея изящных искусств, организуемого при Московском университете. Обширная программа, которую пришлось в интересах дела начертать для этого учреждения, определила и соответственные обширные размеры будущего здания Музея. Отсутствие необходимой для него земли на собственной территории Университета побудило Совет Московского университета обратиться с ходатайством в Московскую городскую думу об отводе места под это учреждение, которое предназначено служить не только студентам, но и всей московской публике, своей и приезжей. Московское городское управление, при содействии Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича, отвало для

28. Бюсты римских императоров в кабинете изящных искусств Московского университета

Музея имени императора Александра III участок земли на площади бывшего Колымажного двора, по Волхонке, близ храма Христа Спасителя, выставив при этом условие, чтобы новый Московский музей открыт был не только в будни, но и в воскресные дни, не только в течение академического года, но и в летние месяцы.

Августейшее имя, присвояемое Музею, драгоценное место, отведенное под его здание вблизи храма Христа Спасителя, и назначение самого учреждения служить эстетическому развитию учащихся поколений и нашего общества выдвинули на первый план вопрос об особо изящной форме и о желательных размерах зданий Музея. С этой целью Московский университет обратился с ходатайством к Императорской Академии художеств о выработке соответственных проектов фасадов здания и наиболее целесообразного плана. Академия, отнесясь весьма сочувственно к высокопросветительным стремлениям старейшего в России Университета, вызвала путем архитектурного конкурса весьма значительное количество проектов.

Проекты, награжденные Императорскою Академией художеств, пересланы Московскому университету и своими лучшими сторонами служат при выработке нового проекта, составление которого Правлением Университета поручено московскому архитектору Р.И.Клейну. План и проект фасадов Музея в настоящее время уже готовы. Главный фасад, с центральным портиком и двумя колоннадами по бокам его, исполнен в ионическом стиле лучшей эпохи древнегреческого зодчества. Боковые же фасады этого здания, в силу необходимости, обработаны в новогреческом характере.

Изящное по архитектурному стилю и достаточно обширное

29. Пустырь на площади бывшего Колымажного двора

здание потребовало от Московского университета особых материальных средств. Не имея оных в своем распоряжении, Университет решил обратиться прежде всего к общественной благотворительности. Распространение сведений о задачах и пользах Музея в московском обществе и между бывшими питомцами Московского университета привлекло благосклонное внимание видных благотворителей, из коих одни приносят средства для научных и художественных коллекций Музея, другие направили свои жертвы на сооружение музейского здания. Пожертвований этого рода поступило и заявлено с разных сторон до сих пор уже на весьма значительную сумму.

Для устройства Музея, соответственно его высокому назначению, постановлено Московским университетом ходатайствовать об учреждении особого Комитета, под председательством и покровительством Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича, уже изъявившего на то свое милостивое согласие. Цель и организация сего Комитета изложены в проекте Положения об этом учреждении⁸.

⁸
Положение о Комитете по устройству при Императорском московском университете Музея изящных искусств имени императора Александра III. М., 1897.

**Вторая
часть**

**Создание Музея изящных искусств
в Москве**

Из дневника

**Из переписки
И.В.Цветаева 1899—1913 годов**

Из дневника¹

¹ Дневник И.В.Цветаева публикуется по машинописной копии, поступившей в ГМИИ в 1966 году в числе бумаг его дочери В.И.Цветаевой. Подлинник хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И.Ленина, ф. 324, 64-1-3.

² Об этом подробнее см.: «Встречи с прошлым». Вып. II. М., 1987, с. 409—410.

Любовь Марии Александровны к ведению дневниковых записей передалась ее дочерям. Всю жизнь вели дневники Марина и Анастасия Цветаевы. Дочь Марины Ивановны Ариадна Сергеевна Эфрон вспоминала в свою очередь: «Марина выучила меня <...> читать к четырем годам, писать к пяти, а вести дневниковые записи к шести-семи годам».

³ Ю.С.Нечаев-Мальцев окончил юридическое отделение Московского университета, с 1857 года служил в Министрстве иностранных дел. Интересно происхождение его фамилии и миллионного состояния. Отец Юрия Степановича С.Д.Нечаев (1807—1862) — дворянин, один из «безвестных декабристов», поэт, археолог, служащий Сивода. Мать — С.С.Мальцова, урожденная княжна Мещерская. Им принадлежало обширное поместье в Рязанской губернии, близ Данково-Сторожево. Здесь, в своем доме-дворце С.Д.Нечаев устроил первый музей оружия и находок с Кулякова поля, расположенного неподалеку. В 1880 году родной брат матери Юрия Степановича И.С.Мальцов (поэт, художественный критик, дипломат, владелец стекольных заводов в Гусь-Хрустальном), не имея прямых наследников, завещал свое многомиллионное состояние 46-летнему племяннику, с правом присоединения к его фамилии — своей. Но на этом перипетии с фамилией Юрия Степановича не

Представляя читателям отрывки из дневника И.В.Цветаева (в основном посвященные Музею), следует сказать, что ведение дневниковых записей в его семье стало своего рода традицией. Начало ей положила Мария Александровна, с юных лет отмечавшая события своей жизни в регулярных заметках². Именно она склонила мужа к ведению дневника. Сохранились три тетради в черных переплетах, на первой из них рукой Марии Александровны сделана надпись: «Музей изящных искусств». Ею же, вероятно, под диктовку мужа сделаны записи первых трех дней. С 8 марта 1898 года Иван Владимирович, то чернилами, то карандашом, ведет свой дневник, завершая его 7 апреля 1900 года. Таким образом, в нем отражены те два года, которые Цветаев называл «лучезарными», воплощением «самых дерзких грез и мечтаний».

Содержание дневника не только охватывает события, связанные непосредственно со становлением Музея. Оно гораздо шире. Многие страницы посвящены Московскому университету, его профессорской среде, студенческим волнениям 1898-99 годов. Не обойдено стороной и бедственное положение Московского Румянцевского музея. Мимоходом рассказывает о городских новостях, о том, как в патриархальную жизнь Москвы вторгаются конка, телефон и т.д. Цветаев описывает нравы купечества, дает яркие и сочные характеристики всем, с кем ему в его хлопотах о Музее приходилось сталкиваться и вести деловые отношения. Нередко, впрочем, его оценки грешат пристрастием, что вполне объясняется той сложной ситуацией, в которой приходилось действовать, и принципиальностью автора дневника. Среди его героев — Юрий Степанович Нечаев-Мальцев³; история знакомства с русским миллионером, вовлечение его в дело создания Музея описываются Цветаевым подробно.

Почти полностью воспроизводятся впервые записи о приемах, которыми удоставал Николай II основателей Музея изящных искусств. Именно личное внимание императора играло решающую роль в привлечении богатых жертвователей, в том числе и Нечаева-Мальцева, к делу Музея.

ковчались. Получилось так, что в историю стекольной промышленности России и краеведения он вошел под именем Нечаева-Мальцова. (Так же представлял его Цветаев в состав Комитета в начале музейного строительства, обратившись к нему за материальной поддержкой как к бывшему воспитаннику Московского университета.) Но далее, примерно с 1900 года, во всех музейных годовых отчетах, на которых неизменно присутствовал главный меценат, вице-председатель Комитета, в письмах, статьях и публикациях, связанных с музеем, он именуется Нечаевым-Мальцевым. К слову сказать, «музейное» имя обошлось Юрию Степановичу в 3,5 миллиона рублей. Позднее, в своих очерках, посвященных отцу, Марина Цветаева блестяще обыгрывает фамилию Нечаева-Мальцева. Умер Юрий Степанович в ноябре 1913 года, вскоре после кончины Ивана Владимировича Цветаева (на сороковой день), похоронен в знаменитом склепе, отделанном хрусталем и бронзой, в Новодевичьем монастыре. Рукописные 6 томов писем И.В.Цветаева — Ю.С.Нечаеву-Мальцеву (1899—1911) хранятся в архиве ГМИИ.

4

В 1894—98 гг., когда решались вопросы организации Музея изящных искусств, брат Александра III, великий князь Сергей Александрович, будучи генерал-губернатором Москвы, поддерживал все основные начинания и проекты профессора Цветаева, а в ряде случаев проявил и собственную инициативу (к примеру, выступил за предоставление под застройку Музея бывшего Колымажного двора, расположенного в центре города, а не «на задворках университета»). Он рассматривал помощь Музею как свой семейный долг. Был убит И.П.Калыевым 4 марта 1905 г. при выезде из Кремля. Склеп великого князя Сергея Александровича, сооруженный в Чудовом монастыре по проекту архитектора Р.И.Клейна и украшенный фресками работы В.М.Васнецова, был освещен в 1908 году. (Не сохранился.)

Своеобразие дневника Цветаева в том, что нередко он, прерывая хронологическую канву повествования, как бы погружается в воспоминания многолетней давности или исследует историю того либо другого вопроса. К примеру, пространно рассказывает о прошедшем два года назад конкурсе архитектурных проектов здания Музея, обсуждении его результатов в Академии художеств в Петербурге. Или обстоятельно описывает долго продолжавшиеся перипетии с получением земельного участка под застройку, так называемого Колымажного двора. Прежде чем воссоздать в ярких деталях праздник закладки музейного здания, который происходил 17 августа 1898 года, автор дневника погружается в исследование предшествующих ему событий на протяжении последних десяти лет. И т.д., и т.д. Одним словом, как и в письмах и выступлениях, так и в своем дневнике Цветаев неизменно остается прежде всего ученым-историком. Он пишет живую летопись событий.

1898 год

3 февраля, вторник

Сегодня было заседание у великого князя Сергея Александровича⁴. Присутствовали вновь назначаемый Министр Народного Просвещения Н.П.Боголепов, ректор университета П.А.Некрасов, помощник ректора Н.А.Зверев, управл[яющий] канцеляриею Московск[ого] генерал-губернатора В.К.Истомин и я. Предметом совещания был вопрос об исходатайствовании 300 000 рублей из Казны на здание Музея. Эту мысль горячо развивал Истомин, называя данную сумму ядром, вокруг которого должны будут группироваться пожертвования частных благодетелей. Его поддерживали Некрасов, Зверев и я. Великий князь и Боголепов только слушали. Его Высочество, возлагая слишком большие надежды на частные пожертвования, сначала не соглашался на эту меру, но когда ему было доказано, что отсутствие правительственного пособия останавливает жертвователей, опасующихся слишком больших сумм, то Великий Князь изъявил согласие написать об этом письмо министру финансов. Черновое этого письма приняли на себя Некрасов, Истомин и я. Мой проект относительно дворянства Великий Князь обозвал химерой, нисколько не надеясь на участие дворянства в деле музея.

10 февраля, вторник

Сегодня был у Толстопятова и говорил, нельзя ли расположить Е.А.Баранову с детьми принять участие в деле сооружения Музея выстройкою залы их имени. Он обещал позондировать почву и высказал надежду на успех. Ныне же был у И.А.Колесникова, директора Никольской мануфактуры М.Ф.Морозовой с сыновьями. Шел разговор о средствах расположить в пользу дела М. Ф. Морозову. Тем временем вошел ее старший сын Савва Морозов, которого также втянули в эту беседу и стали просить принять на себя ходатайство перед матерью о сооружении в Музее зала имени Морозовых. Сын охотно согласился повести эти переговоры, но не поручился за их успех. При этой беседе присутствовал также и А.А.Назаров, директор правления Товарищества, уже ранее заявивший свои симпатии нашему Музею принесением в дар ему бронзовых копий бюстов и статуэток Неаполитанского музея.

Получил письмо от Адольфа Арманда из Пушкина: очень благодарит за честь избрания его в члены-учредители Комитета по Музею. Тон письма, известная всем его доброта и большое состояние при значительном образовании внушают мне надежду на устройство им зала имени Арманда в Музее.

11 февраля, среда

Сегодня для меня большая радость: Михаил Абрамович Морозов взял на себя стоимость выстрой-ки залы Музея — Венеры Милосской и Лаокоона. Стоимость ее — 27 006 рублей. Условия взноса — три срока: сентябрь 1898-го, 1899-го и 1900-го годов. Это второй дар на залы: первый зал принял на себя 25-го декабря 1897-го года И.А.Колесников, предложивший израсходовать на это 15 000 рублей. Но зато надежды на Н.Д.Стахеева оказались напрасны: сегодня приезжал ко мне с братом Федором доктор Н.И.Самосский, ведший переговоры со Стахеевым, и сообщил мне, что он отказался наотрез. Но, отказав в поддержке Музею, он дал понять в письме, что послужит Московскому Университету иным способом; говорят, что он намерен построить для студентов целое общежитие, которое обойдется, конечно, в несколько сот тысяч рублей.

Забыл сказать, что бал у Юсуповых не состоялся по случаю кончины Митрополита Сергия. Промерз я, ехавши к ним к Харитонию в Огородниках, до костей — почему они не сочли нужным оповестить приглашенных об отмене бала. А в такую стужу не мешало бы.

30. Великий князь Сергей Александрович в кабинете изящных искусств Московского университета

22 февраля, воскресенье

Сделал два визита за Москву-реку в две купеческие семьи — Е.И.Барановой с сыновьями и старшины купеческого сословия С.А.Булочкина.

У Барановых матери не застал дома, а сын лежал в постели больной (другой сын ее, женатый на Ушковой, живет отдельно). Оставил два экземпляра печатной Записки о Музее и карточки. Для дела этого достаточно. Внимание им будет приятно, а деловой разговор о зале их имени поведет Толстопятков, которого надо теперь предупредить. Булочкин, кандидат прав нашего Университета, оказался человеком очень любезным, благодарил за посещение, сказавши, что посещение профессора для всякого питомца Университета должно быть праздником. Для ознакомления его с вопросом о Музее я дал ему свою печатную Записку и просил его, как представителя могучего сословия в нынешней Москве, обсудить вопрос о степени участия московского купечества к делу Музея Императора Александра III, причем указал ему, нельзя ли провести мысль о ежегодном ассигновании Музею какой-либо определенной суммы,

по крайней мере на первые десять лет его существования. (Это та же самая мысль, которую я провожу относительно Дворянства центральных губерний и которая была осмеяна на совещании у великого князя.) Московскому купечеству, как сословию самому богатому, было бы стыдно отказать в небольшой материальной поддержке учреждению, носящему имя Государя, который своею строго национально политикою так много способствовал его обогащению. Булочкин обещал мне свое содействие.

24 февраля, вторник

Ныне получил письмо от сына Г.А.Захарьина, в котором он пишет, что мать и он охотно исполнят просьбу относительно приношения Музею всех скульптур Парфенона. Этот дар будет стоить около 6000 рублей и заполнит собою целый зал. Вместе с благодарностию я послал им два экземпляра моей Записки. Дар этот мне особенно приятен потому, что он завершает собою составление коллекций скульптуры древней Греции. Недели две тому назад такое же удовольствие доставил мне неожиданный дар пергамских рельефов, предложенный архитектором Ф.О.Шехтелем⁵. Скульптуры великого Пергамского алтаря займут целую стену в тридцать пять — сорок арш. Эллинистического зала и будут стоить около 3000 р.

⁵
В 1896 году Цветаев пытался привлечь Ф.О.Шехтеля к участию в конкурсе проектов здания Музея. Однако, из-за загруженности заказами и других неотложных дел, архитектор не успел к сроку выполнять эту работу. В дальнейшем он оставался постоянным консультантом Ивана Владимировича в спорных вопросах архитектурного оформления здания и активным сторонником всего предприятия. Не случайно в марте 1897 года Цветаев писал ему: «Подумайте, Франц Осипович, кого бы из ваших денежно-могучих клиентов можно серьезно заинтересовать Музеем. Во имя искусства <...> и просвещения молодых поколений, сами живой и молодой художник, поработайте для Музея, который после в своей истории горячо помянет Вас добром».

25 февраля, среда

Ныне был в конторе Никольской мануфактуры для свидания с директорами. Их переговоры с М.Ф.Морозовой не привели пока ни к чему. Просьбы мои к Савве Морозову остались безуспешны: он не только не желает дать что-нибудь из своих средств, но и находит нашу мысль о здании Музея бесполезною, так как де можно поместить все наши коллекции в Историческом музее. Рассуждение нелепое: Исторический музей есть музей исключительно русской истории, да и не годится нам ни в каком отношении. Отказываясь сам, он просил у матери, но та отнеслась к делу иронически. Сын решил выбрать другой момент, более благоприятный. И напрасно я только потерял день для этих пустых разговоров. А между тем я накануне получил приглашение явиться в контору

и думал, что готовится жертва. По крайней мере обрисовалась личность Морозова, как совершенно безнадежная. Узнав, что его двоюродный брат М.А.Морозов взял зал в 27000 р., он начал издеваться над ним, говоря: «вот какой выискался меценат». Натешившись над ним, он начал издеваться и над коллегой своим Колесниковым.

27 февраля, пятница

Сегодня был у меня А.М.Муромцов, Рязанский Губернский Предводитель Дворянства. Вечером я был у него в гостинице «Дрезден». Обсуждали вопрос об участии дворян центральных губерний в деле Музея Императора Александра III, как особого покровителя дворянства. Муромцов, как и я, верит в возможность ассигнования дворянами губерний рублей по 500 от каждой губернии в год. Ему кажется, что сюда войдут губерний сорок, что из этих взносов может составиться сумма тысяч в двадцать в год. Это мечта. Практичнее его мысль относительно того, что начать это дело должно московское дворянство. Что-то скажет на это здешний губернский предводитель князь Трубецкой. Пока моего визита он не отдал и ничем не отозвался. Это в [неразб.] Городскому голове князю Голицыну. От Муромцова пошел на заседание Археологического общества к графине Уваровой⁶ в Леонтьевский

⁶ В доме графини П.С.Уваровой в Леонтьевском переулке, где проходили заседания Московского археологического общества, профессор Цветаев неоднократно выступал с различными докладами. Там же в 1890-е годы постоянно обсуждались вопросы, связанные с постановкой и организацией музейного дела.

пер[еулок]. Собрание было большое, был и великий князь. В антракте между сообщениями он долго разговаривал со мною о Музее, радовался начавшемуся разбору зал и вступлению в Комитет Муромцова, как человека исключительно богатого, по его словам, Великий Князь был, по-видимому, очень доволен намерением М.А.Морозова назвать избранный им зал его именем. Отправляясь в Петербург, великий князь обещал мне телеграфировать, когда мне нужно будет

ехать туда же с проектом Музея для представления рисунков государю. Теперь надо ждать со дня на день.

1 марта, воскресенье

Нынешний день был очень счастливым. Виделся с Ив[аном] Карл[овичем] Прове, который оказался человеком очень любезным и расположенным к Музею. Вспомнивши свои годы учения в 3-ей московской гимназии, где его имя записано на золотой доске, он признал особую полезность учреждения нашего Музея и обещал взять стоимость целого зала на себя; цена его определится им с архитектором Клейном. Вместе с этим он высказал намерение заинтересовать Музеем К.Т.Солдатенкова, относительно которого я сам бессилён. Сколько ни писал я ему писем, сколько ни беседовал с ним на эту тему сам, старик оставался до сих пор глух. Причина этого председательство великого князя в Комитете и название Музея именем Александра III. С великим князем он не в ладах из-за Училища живописи, ваяния и зодчества, а император Александр III как государь, оберегавший православие и сторонник строго национальной политики, несимпатичен Солдатенкову, занимающему первостепенное место среди московских

31. Члены комитета по устройству Музея изящных искусств в кабинете изящных искусств Московского университета

старообрядцев и считающему себя «либеральным европейцем», хотя этот западный европеец не знает ни одного иностранного языка и пишет даже по-русски безграмотно, как простой мужик. Разговаривали мы с Прове о том, почему русские капиталисты и природные москвичи, вроде Саввы Морозова, не идут к нам в Комитет и отказываются помогать возникновению Музея, тогда как московские же коммерсанты с западноевропейскими фамилиями, напротив, охотно принимают участие в нашем деле, вызывающем их на материальные жертвы. Причина этого одна: большая культурность иностранцев сравнительно с нами. Наши купцы большею частью внуки простых мужиков — иностранные же коммерсанты имеют за собой, во всяком случае, более культурных предков.

От Прове я поехал к его родственнику И.Ю.Шульцу, занимающему видное место на Московской бирже. Он сильный сторонник нашего предприятия и обещает принести большую пользу своими отношениями к купеческому миру. По его словам, он налаживает жертву для Музея в 150 000

рублей и обещает заняться раздачею зал Музея на выстройку отдельным лицам. Он же повторил Клейну, чтобы мы «спали спокойно» и не беспокоились на этот счет: залы де будут розданы.

От Шульца я переехал к Захарьиным, которых мне нужно было поблагодарить за скульптуры Парфенона. Мать и старшая дочь, А.Г.Подгорецкая, выражали сожаление, что молодой Захарьин, задавленный сейчас делами и большими расходами, не сделал для Музея большей жертвы. Мать при этом сказала: «Погодите, дайте ему осмотреться, он сделает после и больше». Подгорецкая же, сильно увлеченная идеей Музея, неожиданно для меня, предложила мне принять 25 тысяч рублей из ее личного капитала, которым она начинает владеть лишь первые дни. Я, разумеется, отказался ввиду необдуманности такого предложения. Тогда она вместе с матерью стали просить меня принять стоимость скульптур эпохи Возрождения с Микеланджело в центре. За этот дар я горячо поблагодарил, так как он не превысит 5 000 рублей⁷.

7

На средства А.Г.Подгорецкой для Музея были приобретены копии многих произведений Луки и Андреа дела Роббиа, Донателло, Микеланджело. Кроме того, в 1911 году заказано панно А.Я.Головину для зала древнегреческих надгробий (не сохранилось). Интересны подробности последних лет щедрой дарительницы. В 1919 году она была арестована и сослана в Рязанскую губернию. Но затем по коллективной просьбе крестьян деревни Куркино (там находилась больница, созданная ее отцом, профессором Г.А.Захарьиным, местным крестьянам Подгорецкая постоянно оказывала благотворительную помощь) ей разрешили вернуться в Москву.

4 марта, среда

Занес три визитных карточки и печатную Записку о Музее Л.С.Полякову, которого письмом к нему в Париж я просил об устройстве зал: одной — имени их рода, другой — имени умершего сына Аарона Полякова, любившего искусство. Удочка закинута — попадет ли золотая рыбка в виде хотя бы одного зала? Завтра иду к ним вечером пить чай с женой и осмотрю крючок — не съеден ли червяк... или не повис ли на нем банкир...

6 марта, пятница

Были мы ныне у Поляковых, только что воротившихся из Италии. Они полны восторгов от Рима, его древностей и музеев. Под впечатлением Ватикана

Поляков предложил мне для Музея все, что есть наиболее важного в скульптурах Рима. Но мне хочется получить от него на этот раз не гипсовые слепки, а стоимость Ассирийского зала в 20 000 рублей и 3 000 р. на скульптуры Ассирии и древней Персии. Он пока упирается, отделяваясь шуточками на тему, что у него таких денег нет, но по тону видно, что дело состоится.

Там же был и Д.Ф.Кондратьев, душеприкащик покойной Е.И.Бенардаки. И Поляков с сыном Исааком долго убеждали его взять зал стоимостью в 21 000 рублей. Он же, ссылаясь на запутанность денежных дел <... > ловко увертывался, не говоря ни да, ни нет. Толковали и смеялись более получаса — так мы и разошлись ни с чем. Поляков, впрочем, утверждает,

что Кондратьев все-таки что-нибудь сделает в свое время. Сам же, на прощанье, сказал мне: «Мы с Вами столкнемся».

8 марта, воскресенье

Приехал из Петербурга Н.А.Зверев, назначенный к нам в ректоры вместо П.А.Некрасова, получившего место попечителя Моск[овского] учеб[ного] округа. Оба они состоят «членами-учредителями» Комитета по Музею (Комитет Высочайше утвержден), оба уже сроднились с нашей задачей и с интересами Музея. — Первым распоряжением Зверева было послать за мною, чтобы сообщить мне распоряжение Великого Князя приехать мне и архитектору Клейну с проектом здания к нему в Петербург. Уже испрошена для представления чертежей аудиенция у Государя. Ныне же вечером выезжаем оба с женами.

9 марта, понедельник

В Петербурге. Мы остановились по Екатерининскому каналу, против Казанского собора, чтобы быть ближе ко дворцу вел. кн. Сергея Александровича и к только что открытому Русскому музею императора Александра III. Первый визит к Истомину в Сергиевский дворец, запись там адреса и оставление письма к нему с просьбою об указаниях. Увидимся с ним завтра утром. Ныне пойдем к Помяловским поговорить о Музее и новом министре Боголепове.

10 марта, вторник

В 10 часов утра Клейн, остановившийся на Малой Морской, был уже у нас. Поехали в Сергиевский дворец, дорогой Клейн все тужил, что не надел фрака, и потому, когда нам сказали, что Истомин на докладе у великого князя и что будет свободен через $\frac{1}{2}$ часа, мы поехали на Малую Морскую переодеваться. Жизнь великого князя здесь идет усиленным маршем. Около 11 часов стоял целый ряд карет у подъезда его дворца. Истомина осаждают просители и чиновные лица. Покончив на время с ними, он вступил с нами в дружескую беседу. Великий князь, предупрежденный им о нашем приезде, доложил вчера вечером о том государю. Аудиенция назначена предположительно на четверг или на пятницу. Накануне пришлют курьера. В день представления утром Истомин сvezет нас в Зимний дворец и познакомит нас со своим братом, полицеймейстером Зимнего дворца; тут нам укажут, через какой подъезд доставить ящики с чертежами, дадут нам рабочих для вскрытия и переноски чертежей в Концертный зал. За полчаса до выхода государя мы оба должны быть на месте.

32. Ю.С.Нечаев-Мальцев. Конец XIX века

На великое счастье для дела Музея, Истомин увлекается нашей задачей все более и более. В настоящее время у него явилась мысль об учреждении большого зала в Музее для портретных статуй и бюстов славнейших наших деятелей на поприще искусств, наук, литературы. Эту идею о Пантеоне русской славы в этом роде он сообщал великому князю — и как сказать, что она не может иметь будущности? Он просит меня заняться этим вопросом и разработать его в форме «Записки» на имя великого князя и в газетных статьях. Вопрос сложный и серьезный, требующий обсуждения всестороннего, вместе с учеными.

Дело разрастается. Ходатайство великого князя о казенной субсидии Музею теперь в полном ходу. Министр финансов Витте упирается, не желая давать 300 тысяч руб. Торговались с ним Некрасов и Зверев, торгуется Истомин, по словам которого великий

князь не желает получить менее, по крайней мере, 200 000. Ныне Витте будет для этого дела у великого князя. Посмотрим, кто кого осилит. Витте — большой оратор и обладает даром убеждения, а великий князь стоек и силен сознанием престижа, свойственного его положению. К тому же, когда захочет, он может осиливать собеседника лобезностью речи и обращением, чрезвычайно искреннего и как-то женственно-наивного. < ... >

< ... > Ныне прием у нового министра. Клейн и я отправляемся к нему в департамент. — Народу было много: попечители учебных округов, губернаторы, директора средних учебных заведений, дамы, профессоры. В каждой кучке одни разговоры — о новом министре, которому желают счастья в исправлении вопиющих недостатков средней школы и умножении низших школ. На приеме меня и Клейна он был, по обычаю, сдержан и с обычным ему скептицизмом относился к нашим надеждам на жертвователей, повторив свои сомнения относительно Муромцова, которого он издавна считает скупым и мягкобаем. В этом взгляде на наше дело мы с ним никогда не сходились и пока не жалуемся на себя. Он, а не мы, ошибся касательно Ю.С.Нечаева-Мальцева, с которым он не хотел заводить никаких сношений по вопросу о Музее. Склонить его написать письмо Н[ечаеву]-М[альцеву] мне стоило неоднократных трудов и просьб. В таком деле, как наше, без веры в лучшие стороны людей обойтись нельзя. Со скептицизмом ничего нового, ничего большого не сделаешь. Это чувство разрушает, а не создает. Скептицизм — удобное свойство для осторожного чиновника, а в нашем созидательном деле главный рычаг — вера, которая, по Писанию, горами ворочает... И я буду держаться этой веры, при всяких обстоятельствах дела. Обманут ее ныне, восторжествует она завтра. Побьет ее сегодня какой-нибудь Иван, зато приголубит и укрепит ее своей симпатией и щедростью завтра какой-нибудь Петр.

Приходил чиновник Гжельский от В.К.Истомина с извещением, что аудиенция нам государем назначена завтра, в 2 часа пополудни. Указано быть в Гофмаршальском подъезде Зимнего дворца в 1 час: там нас проведут к полковнику Истоминому. Доселе идет все как нельзя лучше. Заботы о нас у великого князя и у Истомина не прекращаются.

12 марта, четверг

К часу Клейн и я были в Зимнем дворце у полковника Истомина. Это еще сравнительно молодой человек, очень лобезный. Он провел нас

парадным ходом с подъезда Ее величества в кабинет государя. В первый раз мы видели лейб-гвардию при отправлении своих прямых обязанностей — оберегание императора и его семьи. При первых дверях, ведущих во внутренние покои их величеств, стояли два лейб-гвардейца в белом облаченных палашами в руке. В следующем зале сидел их целый наряд; начальник их завтракал в сторонке. Для избежания шума полковник Истомин дал им знак не отдавать чести и не двигаться с места. Далее мы прошли темноватым коридором, освещаемым лишь верхним, очень отдаленным, светом и электрическими лампочками, в кабинет императора. Это — небольшая комната в два окна, отделанная в японском стиле, с большим количеством превосходных японских вещей. По стенам картины коронации императора Александра III, последнего зимнего парада в Петербурге того же государя, смотр войскам в Париже императором Николаем Александровичем, превосходная акварель, присланная из Франции, картина Матвеева «Король Прусский Вильгельм II кланяется Москве с кровли Пашковского дома». Этот кабинет служит, как нам сказали, местом ожидания министров перед докладами государю, которые делаются обыкновенно в библиотеке, отделяемой от этой комнаты бильiardной, комнатой также в два окна, сравнительно тоже небольшой.

Нам предложено было расставить картоны и разложить рисунки в этой бильiardной. Бильiard имеет старое, поношенное, выцветшее сукно. Мы сделали все нужное и, по приглашению камер-лакея, должны были возвратиться в кабинет и ждать здесь до $\frac{1}{2}$ третьего, так как великий князь Сергей Александрович мог, куда-то отозванный, прибыть только к этому времени. Мы с Клейном любовались вещами и вещицами японского производства, собирались взять по вещице себе на память, гордились своим положением и положением, которое приняло наше дело благодаря покровительству великого князя и неустанному содействию В.К.Истомина, являющегося каким-то ангелом-хранителем всех наших забот и даже идеалистических мечтаний и, пожалуй, иногда и просто капризов, связанных с Музеем. Говорили и мечтали о том, какое выгодное для дела впечатление произведет в Москве одобрение государем нашего проекта Музея и внимание его величества к нашему предприятию. Мы оба были в эту минуту очень счастливы.

За пять минут до половины 3-го вышел к нам великий князь и поздравил меня с 200 000 руб., испрошенными им на Музей. Министр финансов был у него вчера и дело улажено. Это еще более поддало

33. Великий князь Сергей Александрович

нам с Клейном жару. Мы горячо благодарили его высочество за покровительство и выслушали в ответ обещание вести наше дело до конца. При этом великий князь предупредил меня, чтобы я не забыл доложить государю о ходатайстве Московского университета перед министром финансов на счет казенной субсидии Музею.

Прошло $\frac{1}{2}$ часа 3-го, дверь отворилась, вышел государь, одетый по-домашнему, в серую тужурку.

34. Император Николай II

Подавая руку, он на моей чиновничьей физиономии не остановился особенным вниманием (чиновники в мундирах да служебных декорациях ужасно похожи друг на друга, все сияют, как медный грош, и перед высшими лицами все масляно и как-то беспричинно улыбаются), но фигура Клейна в черном фраке и без всякого намека на украшения (был у него серебряный знак его архитекторского звания, навешенный на него женой, а он и его дорогой во дворец потерял;

прихорашиваясь у полковника Истомина, он хватился белых перчаток, не нашел их и погнался за ними на извозчике своего человека к жене в гостиницу. Наталья Андреевна, зная рассеянность мужа, посоветовала поискать перчаток в другом кармане: здесь они и оказались) и, конечно, его очень интеллигентное лицо резко выделилось в глазах императора, который пристально посмотрел на него не только в первый момент, но и отходя к рисункам опять повернулся к нему головою.

Государь пожелал ознакомиться с проектом подробно: «покажите мне, — сказал он, — все с начала до конца». Я начал объяснения с *главного фасада*. Прежде всего император поинтересовался вопросом о том, в каком расстоянии будет находиться Музей от Университета. Пришлось доложить, что по месту он будет стоять в соседстве с храмом Спасителя, а от здания Университета будет отдален минут на 10 ходьбы. Ионическая колоннада фасада, очень понравившаяся государю, подала повод к докладу, что образцом ее служил восточный фронтон Эрехтейона в Афинах. Император заметил, что он помнит этот памятник Афинского акрополя. Государя затем интересовали вопросы о длине колоннады, о глубинах ее в центре, с выступающим здесь портиком, и по бокам. Высота цоколя определена ему в 4 аршина. При обсуждении достоинств главного фасада, великий князь доложил государю, что в практике этот фасад выйдет еще изящнее, так как есть основание надеяться на отделку его камнем на средства Нечаева-Мальцева. Государь, обращаясь с улыбкой к Клейну и мне, на это заметил: «Поздравляю, Нечаеву-Мальцеву есть из чего сделать вам этот фасад. Какой камень будет употреблен в это дело?» Я должен был ответить, что в Москве употребляется для облицовки «радомский песчаник», что им облицованы памятник императора Александра II в Кремле и Верхние торговые ряды. Затем его величество поинтересовался вопросом, почему этот камень называется «радомским».

Когда, отойдя несколько назад, государь еще раз взглянул на фасад, его внимание обратила античная решетка, которой архитектор снабдил свой рисунок. Император, услышавши, что перед зданием Музея предполагается сквер, спросил о глубине его. Когда было доложено, что сквер проектируется в 15 сажен в поперечнике, он несколько удивился, что пространство, разделяющее решетку от здания на рисунке, так велико будет в действительности, и потому осведомился, не отделяет ли эта решетка самый Музей от сквера. И этот вопрос и это сомнение возникли в государе совершенно правильно, так как

Клейн, рисуя яркую решетку только как интересный бордюр для картины фасада, не обратил внимание на правильность ракурса при изображении пространства, назначенного под сквер. Решетка должна отделять, конечно, улицу Волхонку от площади. Из этого мы вывели заключение, что государь учился рисованию и знаком с условиями перспективы. Последним вопросом его был вопрос о высоте здания, рассчитанного на 9 сажен, за исключением центральной части главного фасада, которая будет несколько выше.

Перешли к боковому фасаду. Увидев окна лишь в первом этаже, император спросил, как же будет освещаться 2-ой этаж? Указание на верхнее освещение повлекло за собою вопрос государя, видели ли мы новый, только что на днях открытый Русский музей Александра III в Петербурге, в Михайловском дворце, где устроено такое освещение через потолки в двух больших залах. Освещение там решительно идеальное, лучше которого и желать нельзя — и нам нужно всячески стремиться устроить у себя такое же. Ответ, что как это освещение, так и весь музей устроены превосходно и что в его залах совершенно забываешься, будто ходишь по одному из лучших музеев Зап[адной] Европы, императору очень понравился: «Я, — сказал он, — бывал там и в дурную, пасмурную погоду — и тогда света в нем совершенно довольно для картин». Второй вопрос его был о том, пойдет ли и до какого места каменная облицовка по этим фасадам. Великий князь указал на первый выступ, которым камень будет здесь оканчиваться. Мне, в объяснение этого, пришлось сказать, что боковые фасады выходят в тесные переулки и что за первым выступом остальная часть стены их не будет видна для идущих ни со стороны Румянцевского музея, ни от храма Спасителя, а потому там камень был бы бесполезен. Дальше Государь просил показать ему световые фонари на крыше. От боковых фасадов передвинулся к разрезу здания. Здесь понравилась ему лестница, сделанная Клейном по образцу лестницы Эрмитажа с устранением ее крутизны и с постановкою характерных скамеек на площадках. Государь обратил внимание на круглый зал, находящийся в центре здания, и спросил об его назначении. Определенного характера этот зал доселе не имел и между собою мы его называли Ruhmeshalle (круглый зал) и предназначили его для статуи императора Александра III, для статуй и бюстов царственных покровителей и крупных жертвователей. Но в последние дни у Влад[имира] Конст[антиновича] Истомина возникла мысль воспользоваться этим местом под статуи и бюсты из мрамора и бронзы славнейших деятелей русской науки,

литературы и искусства. Это может быть как бы Пантеоном русской славы в области высшей культуры. Здесь же вокруг статуи императора Александра III будут бюсты ныне царствующего государя, государынь Александры Федоровны и Марии Федоровны, великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны, при которых это учреждение создавалось. Я доложил об этой мысли государю: он признал эту мысль очень симпатичной, в обсуждении ее принял участие великий князь, по-видимому, уже знакомый с этим проектом. Государь, обращаясь ко мне, заметил: «Но ведь вы, надеюсь, не станете спешить с этим? Это дело требует осторожности в выборе материала». Я должен был сказать, что в настоящее время главная забота о месте для такого учреждения, а организация его не может быть делом произволения одного человека и тем менее моим. Вопрос это обширный и разнообразный, в нем со временем должны принять участие Академия наук, Академия художеств и факультеты Университетов. Согласившись с этим, государь перешел к рисунку перспективных лестницы, сделанному, по общему отзыву художников, очень эффектно. Государь спросил: «Чем будет она отделана?» Я доложил, что «мечтаем о мраморе». — «Мечтаете, — заметил великий князь, — но чего это будет стоить? Довольно с вас и стукка, искусственного мрамора». Архитектор на это высказал уверенность, что гранит на ступени лестницы во всяком случае найти будет можно. Я же отвечал великому князю, что нужно мечтать выше, чтобы действительность поднимать дальше обыденного уровня. Государь внимательно слушал этот разговор, завязавшийся около него, и улыбался.

Осмотр больших рисунков был этим закончен, все повернулись к бильярду, на котором были разложены чертежи плана внутренних помещений здания. Император пожелал начать рассмотрение с 1-го этажа и с такою же подробностью. Облокотясь на сукно бильярда, дальнейший осмотр он производил в наклоненном положении. Сначала был подробно пройден 1-й этаж, причем император интересовался каждым залом, каждым кабинетом, расспрашивая об их назначении. При рассмотрении помещения для Египетского отдела, было доложено о трудах и жертвах на это Ю.С.Нечаева-Мальцева, закупающего большую коллекцию по Египту в Каире. Пройдя обе половины 1-го этажа, из коих одна предназначается для учебно-вспомогательных учреждений — библиотеки, читальни, аудитории, здесь же проектирован и Антикварий. Последнее название заинтересовало государя, который спросил, какие

предметы войдут в это отделение, и узнав, что здесь поместятся Нумизм[атический] кабинет, мелкие предметы древностей быта, статуэтки из мрамора и бронзы, он заметил: «Этот зал у вас наполнится скоро». — Перейдя на другую сторону плана, в зал Эгинетов, он, наклонившись над надписью и не прочитав ее за отдаленностью, спросил о названии и назначении. Когда в объяснение этого чисто специального наименования пришлось назвать «Эгинские мраморы», Государь восклицанием «А!» прервал меня и спросил, как отсюда пройти далее, к началу лестницы, во 2-й этаж.

Вернувшись светлым коридором с окнами в стеклянный дворик, мы по другому картону поднялись вверх. Круглый центральный зал, предназначенный отныне к переделке в овальный, здесь обратил внимание государя прежде всего, причем Клейном указан был задний большой двор, дающий легкую возможность выдвинуть этот зал, удлинить его и совершенно изменить его «конфигурацию».

Император затем пожелал, чтобы я вел его по залам «в историческом порядке». При этом были осмотрены планы зал Олимпии, Парфенона, Праксителя, Лисиппа и другие современные им. При имени последнего художника он спросил: «А где же зал Фидия?» Указание на помещение Парфенона, как единственного памятника, по которому мы можем судить о скульптурах Фидия и его ближайшей школы, удовлетворило государя. Разъяснения пожелал он и для названия зала «эллинистический», спросив, какое время и какие памятники искусства будут здесь представлены. Когда затем дошли до «Римского» зала, государь задал вопрос, будет ли здесь представлено и начало христианства. Это послужило для великого князя поводом сказать, что для этого отдела у нас есть собрание, равного которому нет нигде. Это очень заинтересовало государя. Я, по обращению ко мне великого князя, должен был охарактеризовать художника Ф.П.Реймана⁸, уже 10-й год работающего

в римских Катакомбах, при страшных условиях темноты, сырости и полного одиночества на целые версты кругом, иногда в 5 этажей в глубь их. Эта судьба отечественного живописца тронула его величество, и когда я сказал, что он «прославляет русское имя за границей» и что «по воскресеньям, когда он возвращается в Рим отдохнуть, его студия служит как бы международным пунктом, где сходятся ученые, художники и путешественники всех стран, чтобы, не спускаясь в опасные для здоровья Катакомбы, полюбоваться его прославленными по Риму картонами», государь пожелал знать его имя. — Рейман. —

8

Ф.П.Рейман в начале 1870-х годов переехал из Петербурга в Рим, где продолжил свое специальное образование и окончил Академию св. Луки. Известен как «живописец катакомб». В течение 12-ти лет в невероятно трудных условиях, в темноте и сырости, при свете керосиновых ламп сделал несколько сотен акварельных копий с осыпавшихся и близких к гибели стеновых росписей в древнеримских катакомбах. В 1906 году в Риме на 1-й выставке русских художников, работавших в Ита-

лии, были представлены и картины Реймана. Тогда же в газете «Биржевые ведомости» от 5 мая давалось интервью с художником, в котором он на вопрос корреспондента, жутко ли было работать в катакомбах, отвечал: «Сначала жутко, потом привык». Тишина вокруг сказочная, могильная. Чувствуешь себя отрезанным от мира. Слух мой в этой тишине обострился до чрезвычайности... Я слышал явственно, как ползет паук...» Для Музея изящных искусств Рейман выполнил 130 копий, часть из которых экспонировалась в зале искусства средних веков. В 1911 году больной художник переехал из Рима в городок Спелло, где был избран его почетным гражданином. Там же, спустя 9 лет, скончался.

Русский? — Даже православный, Федор Петрович Рейман, живший прежде в Петербурге. Император сказал, что он желает видеть его работы. Я доложил, что представить его величеству эту коллекцию составляет предмет и нашей мечты и что этого мы надеемся достичь, если будем живы, года через 2-3, когда работы в Катакомбах будут окончены в пределах избранного круга 4 1/2 первых веков христианства. Государь спросил, почему мы остановились на 5-м век в этих копиях. — Далее следует в Катакомбах уже византийская живопись, а Рейман делает снимки только с тех росписей, которые делаются еще классическими приемами. Государь снова повторил желание видеть эти работы.

Перешли после того к отделам средних веков; здесь я доложил о даре Ю.С.Нечаевым-Мальцевым копии мозаичного фриза из собора св. Марка в Венеции, как при докладе о работах Реймана

пришлось назвать кн. Юсупова графа Сумарокова-Эльстона, в настоящее время поддерживающего художника материальным пособием. Когда дошла очередь до залы эпохи Возрождения, его заинтересовали вопросы, с какого времени мы начнем памятники искусств этого времени и займут ли итальянские художники здесь главное место. — Затем следовали вопросы великого князя и государя Клейну о передвижных стенах, проектируемых им для нескольких зал, системы Монье. Клейн очень ясно описал их устройство и удобства при организации отделений в больших залах-коридорах.

Этим обзор планов Музея закончился. Государь пожелал узнать, какие у нас *коллекции* и откуда они составляются. По лежавшим пред ним чертежам планов я должен был указывать, какие залы и кабинеты или уже совсем заполнены или же значительно богаты. При этом великий князь вставил замечание, что все наши коллекции собраны на жертвы частных лиц. Продолжая его речь, я доложил, что даже в самое последнее время поступило предложение наполнить скульптурами целых два больших зала, зал Парфенона и эпохи Возрождения от одной и той же семьи Захарьиных. Государь спросил при этом, о каких Захарьиных идет речь, не о семье ли врача и профессора Захарьина. Великий князь, попенявший мне, почему я не известил его об этом раньше, был рад, что и они отозвались на устройство Музея, так как было известно, что покойный Григорий Антонович намерен был, хотя бы и не в близком будущем, прийти с материальной помощью Музею.

Последний вопрос государя был о *средствах*, о *суммах* Музея. Когда я ответил, что до сих пор у нас

имеется до 200 000 руб., великий князь сказал: «Теперь уже можно считать, что мы имеем 400 000 руб.», так как со стороны министра финансов поступило заявление о согласии его на ассигнование Музею 200 000 руб. из суммы Государственного казначейства. Я считал долгом принести при этом глубочайшую признательность государю за эту высокую милость, которая весьма важна и как материальная сила при сооружении здания, но она получает в наших глазах еще большее значение как знак санкции его величеством всех наших стараний по этому делу, теперь не станут уже называть Музей мечтой, утопией, химерой отдельных лиц; отныне он уже получает реальную силу. На это государь сказал: «Как же не помочь такому симпатичному делу».

Аудиенция кончалась, я подал государю «Записку о Музее изящных искусств имени императора Александра III при Императорском Московском Университете (Москва 1898)», только что пред тем напечатанную по распоряжению Историко-филологического факультета. <... >

<... > В заключение государь подал нам обоим руку, мне пожелал счастливого продолжения дела, а архитектора Клейна поздравил с художественным успехом его проекта и пожелал ему исполнения его в постройке. После этого он возвратился во внутренние покои, а великий князь остался с нами, поздравил нас с успехом и царскою милостию.

<... > Вечер оба мы, очень утомленные силой необычных впечатлений, после рассказов о приеме каждым своей жене, проводили у знакомых. Мы были у Помяловских.

<... > После обеда мы перебрались в 3-ю гимназию, на Гагаринской улице, к директору, моему университетскому товарищу Н.А.Козеко. <... > Разговаривали о Музее, о его воспитательном значении

для средней и высшей школы. <... >

<... > Радовались успехам нашим В.И.Моде-стов, сам в последние годы переходящий в ученых работах к археологии Сицилии и Италии, и вице-президент Академии художеств гр. И.И.Толстой. Оба в один голос, хотя и в разных частях Петербурга, говорят, что теперь дело упрочено и дальнейший успех его вне всякого сомнения. <... >

20 марта, Москва

Хотя беги из Москвы или запирайся в затвор: с кем бы из знакомых ни встретился, каждому рассказывай о приеме государя и непременно ему-то самым подробным образом. Рассказывал со всеми деталями у А.Д.Мейна⁹ в первый же вечер по

9

А.Д.Мейн, бывший воспитанием кадетского корпуса, служил в юности в Кехсгольмском гренадерском полку. В зрелые годы — чиновник и управляющий канцелярией московского генерал-губернатора, коммерсант. Имел коллекцию слепков с древнеримских скульптурных портретов, по этой причине сблизился с Цветаевым. Став его тестем, Мейн принимал живейшее участие в музейных делах, предложил создать Комитет по устройству Музея и помогал разработать его программу, давал советы по финансовым делам, способствовал привлечению полезных деловых людей и т. д.

возвращении, 15 числа, исключительно в своей семейной среде, у Д.И.Иловайского, а также в Румянцевском Музее сослуживцам. <...>

27 марта

Факультетское заседание. Сделал краткий доклад о внимании государя к проекту Музея и его милостивом соизволении на отпуск 200 000 р. из казны на здание. Декан Троицкий с самого начала успехов недовольный, как это делается дело Музея без его руководства, с обычным недоброжелательством отнесся и здесь. <...> Люди, всегда доброжелательные и к Музею и ко мне, как Вс.Ф.Миллер, Р.Ф.Брандт и др., с улыбкою недоверия следили за этой неумной речью завистливого старика; <...> Герье, все еще продолжающий враждебное отношение к вопросу об отдаче земли под Музей на Колымажном дворе <...> написал в ноябре минувшего года письмо Ю.С.Нечаеву-Мальцеву <...> что он <...> не сочувствует «идеи Музея». А какая идея у Музея изящных искусств может быть иная, кроме служения развитию в русском народе чувства и понимания высшего, прекрасного в природе и искусстве? Другой идеи, иной цели у нас нет во всех наших, ни одним медным грошем, никакими чиновничьими «наградами» не оплачиваемых, стараниях и хлопотах по этому, дорожке всего на свете нам сделавшемуся, предприятию. <...> .

28 марта, суббота

Ныне мы ждали возвращения Ю.С.Нечаева-Мальцева из-за границы. Узнавши час его приезда, Клейн, Трескин и я отправились на Брестский вокзал его встретить. Приехал он прямо из Неаполя, живой, добрый и оправившийся здоровьем в Египте. Встречи себе он не ожидал и потому был очень тронут, равно как и две его старушки сестры. Они отправились в свой Славянский Базар, а мы с Клейном поехали к Истомину просить его об особом приеме Юрию Степановичу завтра же у великого князя, несмотря на праздник. Просьба была исполнена, Истомин известил меня потом письмом, что великий князь будет ждать Нечаева-Мальцева завтра, в два часа. В 9 часов вечера, после всенощной, я был в Славянском Базаре и слушал рассказ Нечаевых-Мальцевых об Египте, о жизни в Каире, их путешествии по Нилу, об Египетском Музее Gizeh, об увлечениях Юр[ия] Ст[епанови]ча подбором коллекций памятников египетского искусства и древнеегипетской жизни для нашего Музея, о дружбе его с Брукш-Беем, помощником директора Музея Гизы, сделавшимся его главным руководителем

в египтологии. Нечаев-Мальцев накупил и заказал для Музея целый ряд статуй, бюстов, рельефов в нарочно сделанных для него копиях, приобрел также несколько подлинников. В его коллекции есть папирусы, предметы общественного быта, нарочно сделанные для него акварельные рисунки тех памятников ваяния, делать слепки с которых, по свойствам материала, делать было нельзя. А собрание фотографий по древнеегипетской жизни, приобретенное им для нас, является самым полным в мире до сих пор. Один такой покровитель Музея стоит мне целого десятка московских купцов и бар, сношения с которыми подчас так тяжелы, утомительны и бесплодны. В ответ на эти рассказы о Египте я должен был передать подробно и шаг за шагом обстоятельства приема меня и Клейна государем [12.III.1898 г.]. Когда я привел слова государя о Нечаеве-Мальцеве как человеке богатом и потому имеющем возможность подарить нам каменные фасады Музея, вся семья Нечаевых-Мальцевых покатила со смеху. Видно, что эта колоссальная жертва Юр[ием] Ст[епановиче]м была предрешена. Назначено свидание на завтра, к обеду, т.е. попросту он пригласил меня к себе завтра обедать. Обед будет, наверно, изысканный и дорогой, судя по тому, который он задал в том же Славянском Базаре членам Комитета 23-го ноября минувшего года. Юр[ий] Ст[епанови]ч и любит поест, и умеет накормить других.

29 марта, Вербное воскресенье

Великий князь принял Юрия Ст[епанови]ча с особенным вниманием. Расспрашивал о Каире, где был он сам, о поездке по Нилу и в шутиливой форме извинился перед ним за то, что лишь по слухам зная о намерении Нечаева-Мальцева подарить Музею каменные фасады, доложил о том Государю 12-го марта при нашем представлении. — «Что мне с Вами теперь делать, ваше высочество», — сказал ему, засмеявшись в ответ Ю[рий] Ст[епанович]. — «Теперь уже надо делать, так как Вы уже об этом сказали государю. Поищем теперь камушка получше». Этот ответ свой Ю[рий] Ст[епанович] сообщил мне в тот же день. И с этой минуты он отдался мысли о фасадах. Не ограничиваясь этим, он высказал мне намерение отделать Египетский зал в соответственном стиле, с каменным пилоном при входе, египетской в нем дверью, с колоннами всех египетских форм внутри и с пестрою росписью по стенам и с египетским потолком. Надобно будет провести мысль в Комитет о постановке мраморного бюста Нечаева-Мальцева в этом египетском же зале, в котором будут

и коллекции его же собственного дара. За обедом условились на другой день собраться у Клейна, чтобы ознакомиться ему с последним проектом фасада и плана. После обеда, когда я провожал старушек сестер Ю[рия] Ст[епановича] в их салон, старшая из них, Софья Степановна, выражала мне большую радость, что переписка моя так сблизила меня с их братом, который теперь совсем увлечен нашим Музеем, а в Каире почти все предобеденное время проводил в Музее с Бругш-беєм; этот приходил затем к ним обедать и проводил с ними вечер. «Да ведь брат сделает вам гораздо больше, чем вы думаете, — сказала она мне при этом. — Вы только ласкайте его. Вот если бы вы, — продолжала она, — попросили великого князя добыть ему титул обер-гофмейстера при дворе, тогда бы вы сделали брату величайшее удовольствие и посмотрите, что он вам сделает. Этот титул дается не по старшинству службы, а за особые заслуги и как особая царская милость. Некоторые из обер-гофмейстеров недавно умерли, вакансии есть, а гофмейстерами делают и таких бесполезных людей, как ваш московский чванный и грубый почетный опекун Нейнгардт».

Не знаю я придворных порядков службы, действительно ли это высокое звание дается не по порядку старшинства, но если бы это было так, то, когда вопрос о фасадах решится совсем, буду просить великого князя похлопотать о пожаловании Юрию Степановичу этого звания ко дню закладки Музея. Это самое меньшее, что мы можем для него сделать за такую жертву, которая превзойдет далеко 200 000 рублей. А такое пожалование может произвести по Москве большую сенсацию в день закладки.

30 марта, понедельник

Приехавши к Клейну, телефоном я дал знать Юрию Ст[епанови]чу, что мы его ждем. Через полчаса он приехал и сейчас же приступил к обзору чертежей и рисунков. Быстро освоившись с планом, он сосредоточил все внимание на фасадах. И как только произнес свое слово «о камушках», Клейн вскочил со своего места и вышел из своей студии; минут через пять он явился с подносом в руках, на котором в трех бокалах искрилось шампанское. Сказавши, что для него великий день, он попросил вспрыснуть каменные фасады. Распили мы бутылочку в весьма приятной беседе и в разговорах о том, откуда получать разные породы камня для цоколя, стен и колоннады. Гранит Юрий Ст[епанови]ч хочет брать из Финляндии, спустить его по воде на Волгу и потом через Оку и Москву-реку доставить на барках в Москву.

2 апреля, Великий четверг

Вместе говели и причащались в университетской церкви. Грешные люди, мы и между служб церковных постоянно разговаривали об одном и том же деле. Ю[рий] Ст[епанови]ч продолжал указывать на разные подробности, которые не нужно упускать из вида при дальнейшем течении дела. Вечером я проводил всех их на Петербургском вокзале. И он и его старушки сестры расстались со мной очень дружелюбно; все указывает на то, что сумма денег, требуемая на фасады, не беспокоит его. При прощанье он мне сказал, что в Петербурге будет насчет камня вести переговоры с Боттою. <...>

8 апреля, среда

После приятно проведенного дня в разговорах о вчерашнем успехе со знакомыми, которые приходили, мы с женою поехали к нашим в Неопалимовский переулок поделиться нашею радостью. А.Д.Мейн, по обычаю, принял близко к сердцу наш успех, и мы по этому случаю (как и вообще в подобных случаях) распили всею семьею бутылочку шампанского <...> Составляли планы дальнейшей стратегии в этом направлении, перебирали имена тех, кто даст нам что-нибудь, и тех, кто заведомо ничего не даст. Вернувшись домой в двенадцатом часу, мы нашли на столе письмо из Петербурга от М.С.Скребицкой с извещением о том, что она готова внести в Государственный Банк 20 000 руб. на устройство в Музее зала Праксителя в память своего отца, воспитателя императора Александра II, генерал-адъютанта Юрьевича. Нашей радости, что она так скоро отозвалась на письмо мое к ней от 31-го марта, не было конца. <...>

9 июня, Таруса Калуж[ской] губ[ернии], сельцо
Песочное¹⁰

10

Таруса — небольшой уездный город бывшей Калужской губернии, на берегу реки Оки, любимое место отдыха всей семьи И.В.Цветаева. Там, с 1896 по 1908 год, с перерывами, в местечке «Песочное», на окраине Иван Владимирович арендовал казенную двухэтажную деревянную дачу. Он писал в 1897 году: «Усадьбу мы заcontractировали ныне еще на пять лет за цену сто рублей в год. Здесь местность прекрасная. Большая река у нас под глазами, купание отличное <...> кругом леса, окские луга, поля. Характер усадьбы совсем сельский». И далее: «У нас 30 гряд <...> всяких злаков — свеклы, гороха, <...> редьки, салата, лука

Целых два месяца не принимался за эту тетрадь, удерживаемый от этого и нервною болезнью, и усиленными хлопотами по Комитету Музея, и лечением, и переездом в деревню, и предписанным бездействием на первое время пребывания здесь. Болезнь подкралась и на этот раз так же незаметно, как и в 1896 г. В Светлый четверг, рано утром, я почувствовал такую слабость, что не мог умыться и держаться на ногах. Врач мой Н.Ф.Шаталов уложил меня на несколько дней в темную комнату, посадил на бром и мышьяк, запретил сношения с людьми, приказавши отоспаться, отлежаться и намолчаться.

В этом положении я пробыл до конца Фоминой недели; Мироносицная была подготовительным

и моркови. <...> Сам я поднял осенью всю землю. Огород мы сами поливаем. Воду я вошу снизу, с реки» (ГИМ, ОПИ, ф. 2, ед. хр. 3/17, с. 172. Письмо от 15 июля 1897 г.).

временем к организации дела по открытию Комитета по устройству Музея.

Теперь трудно припомнить подробности тех лихорадочных дней, которые предшествовали открытию Комитета. Было столько письма и диктования писем и циркуляров, что квартира наша превратилась в настоящую канцелярию. <...>

13 июня, суббота

Много было хлопот перед открытием Комитета, которое назначено было на 27 апреля. Звонки в нашей квартире раздавались так часто, появлялись чужие люди и в особенности репортеры и «интервьюеры» московских газет, учуявшие носом, что новое событие в общественной жизни доставит им, этим пролетариям прессы, живущим исключительно подножным кормом, лишний десяток рублей в ближайшие дни, так что детвора, заслышав звонок, кричала на весь дом: «Папа, мама, няня — еще Музей идет». А взрослые члены семьи сетовали, постоянно стесняемые этими прохожими через залу в своих делах. Отдаленность и разбросанность мест жительства всех нужных лиц, при отсутствии телефона, крайне стесняла и затрудняла ход дела. К тому же наступал сезон дачных хлопот и переездов, которые увлекали будущих деятелей по Комитету за город и потому попечитель учеб[ного] округа Некрасов порешил поставить в моей квартире телефон от Комитета. При всем этом жена постоянно следила, чтобы лечение мое продолжалось правильно: чтобы я своевременно принимал мышьяк и бром, в свое время завтракал и обедал. А как тут было быть пунктуальным при визитах, переписке, звонках, толчее в доме, где сидели и товарищи мои Трескин и Романов, и Иезбер, и сторонние посетители. Чтобы выпроваживать гостей, жена придумала средство присылать обед мне в кабинет; но это ничему не помогало. Гости, соболезнуя, сидели и вели свои речи, к бессильному огорчению жены.

Особое затруднение представлял вопрос о мере участия Историко-филологического факультета в деятельности создаваемого Комитета. Как учреждение, служащее пользе Университета, Комитет должен был бы иметь своими членами и всех профессоров нашего факультета. Это было бы корректнее с точки зрения Университета и факультета как единой коллегии. Не видеть этого не мог только слепой. Но практической пользы для дела возникновения Музея это вступление 17—20 человек только в силу их служебного, официального положения принести несколько не могло.

В этом убеждало меня прежде всего соображение, что чем больше числом коллегия, тем она

инертнее, ленивее, бездеятельнее. Является при этом больше слов, разглагольствий, положим, очень хороших, искренних, часто красноречивых, но и очень часто совершенно бесполезных. Большая численность препятствует сплоченности отдельных членов <... > во имя поставленной идеи <... >

14 июня, воскресенье

Это введение всего факультета к тому же несколько не подвинуло бы материальной стороны Комитета, которая, пока не появится здание Музея, составляет главную цель наших стремлений. Оттого, что в коллегию войдет большое количество профессоров, ради одного этого обстоятельства никто не пожертвует и одного лишнего рубля. Приносят деньги Московскому университету, понимая под сим высшего представителя науки и образования в Москве, но не такому-то профессору, не такой-то профессорской компании. Придется по сердцу обществу или более богатым его представителям идея, провозглашенная именем Московского университета, средства потекут с разных сторон. А не будет этого, коллегия профессоров как таковая тут ничему не поможет. Доказательство Московский университет видел воочию не далее $1/2$ года назад, когда Некрасов, Зверев и Боголепов, увлеченные успехом возникновения нескольких клиник на Девичьем поле исключительно на средства дарителей, как Морозовы, Шелапутин, Базанова, Пасхалова, Солодовников (этот дал 200 т. руб. за чин дейст[вительного] ст[атского] советника, торговавший из-за этого до неприличия, до цинизма; теперь он ищет звезды, но с этого нахала и циника не хотят в министерстве финансов взять менее $1/2$ миллиона на какое-нибудь благотворительное учреждение), решили устроить целую сеть студенческих общежитий на благотворительные средства. <... >

<... > С московской точки зрения это «сидение» Университета в роли просителя перед богатой Москвою считается провалившимся. И на этот раз не помогли делу ни роль Московского университета в общественном сознании, ни наш торжественный выход. Не нашла себе сочувствия, очевидно, идея студенческих интернатов, хотя, безусловно, прекрасная сама по себе. <... >

<... > Это событие убедило меня, что ф[акультет]т как коллегия делу Музея в материальном отношении ничем не поможет, а потому и решил ограничиться введением в него только лишь безусловно полезных, каковы проф. В. С. Ф. Миллер, знаток Востока, и проф. П. Г. Виноградов, доказывающий симпатии Музею своими хлопотами в Думе о земле

для здания. Конечно, если бы ф[акульте]т весь или большее число членов его приняли близко к сердцу интересы создаваемого научно-художественного учреждения и каждый по мере сил принялся бы за искание средств для Музея в среде своих знакомых, тогда дело сделалось бы очень скоро и несравненно успешнее. Но у каждого члена факультета есть своя кафедра, свои интересы, свои нужды, свои излюбленные дела. Для большинства этот Музей — дело безразличное, для которого они не ударят и пальцем и не шелкнут языком. Сделайте их членами Комитета — они и в заседания его ходить не станут, как нельзя было заполучить на первые заседания декана ф[акульте]та Троицкого. А иным, как проф. Герье, Шварцу, Шефферу, Ключевскому, самый успех этого дела противен. Ученые мужи ехидствуют, иронизируют, возводя на меня обвинения в каком-то чиновном честолюбии, в искании себе каких-то выгод, какого-то материального прибитка. Корыстолюбивые люди, они не могут представить себе никакой службы без корысти, без алтына, не зная, что идея этого Музея и движется, и растет, и получает успех выполнения только благодаря чистоте намерений и высоко поставленной цели — дать Университету и нашему юношеству новое, идеально-изящное учреждение. В этом все честолюбие, вся награда, все наивысшее удовлетворение, пред которым всякое другое возмездие исключается из души совсем, как тлен, как вздор, как суета. В самом деле, не для чина же тайного советника или какой-нибудь звезды предпринята вся эта совершенно добровольная и большая работа. Тайными советниками и звездоносцами ведь сплошь и рядом делают людей, просидевших спокойно несколько стульев в канцеляриях за неголоволомными бумагами трафаретных форм. У профессора же и могут быть, и должны быть иные цели для честолюбия, — цели альтруистического добра, высшего просвещения, внесения чистых образов и идей в среду современного и грядущего юношества.

15 июня, понедельник

В числе щекотливых вопросов, следовавших к докладу великому князю, находился вопрос об отношении к Московской думе по делу о Колымажном дворе. Купивши эту площадь у Мин[истерства] внутр[енних] дел за очень дешевую цену ввиду предполагавшейся постройки здесь Реального училища имени императора Александра II в память 25-летия его царствования, не исполнивши этого обещания затем много лет и лишь в минувшем или 1896 году нашедши денежные средства путем займа для выстройки здесь

здания Промышленного училища того же царственного наименования, Дума встретила противодействие этого делу в великом князе, который, по положению своему московского генерал-губернатора, нашел присутствие Промышленного училища с его высокой вытянутой трубой, его фабричками и другими техническими учебно-вспомогательными учреждениями (каковы кузнечная, слесарная и т.п.) на этой площади, рядом со скверами храма Христа Спасителя совершенно неудобным. Об этом он сделал доклад государю, указав лучшее место для такого училища на Миусской, большой, пустой площади, где Промышленное училище <...> может <...> развиваться без всякой помехи <...> Площадь же Колымажного двора великий князь <...> предназначил для Музея изящных искусств имени Александра III <...> Дума, увидевши в этом глумление над памятью Александра II, решила <...> не допускать этого. Началась борьба «муниципалитета» с «администрацией» <...> Слушал хлестаковски-легкомысленные речи <...> о том, зачем мы называем Музей именем Александра III, а не Александра II (как будто это зависит от нас, а не от частной и личной инициативы первого дарителя на здание Музея Варв[ары] Андр[еевны] Алексеевой, изложившей эту просьбу о наименовании, лежа на смертном одре своим душеприказчикам М.С.Нагаткину и К.А.Казначееву <...> менее месяца спустя после <...> кончины императора Александра III) <...> Некрасов, Зверев и я упорно вели линию тихого, терпеливого, вполне корректного ходатайства перед Думою и, слыша, что Герье стремится провести мысль о постройке позади Музея училища и народной аудитории, обдумывали средства отделаться от этого занятия площади, которое грозило задержать наше сооружение во всей его полноте.

17 июня, среда

<...> Вопрос о площади для Музея имел для нас жизненный интерес; но какие перипетии ни предстояли бы ему в Москве, как бы на минуту ни возликовали противники Музея <...> Так ли, сяк ли, а место Музей получит достойное себя. <...>

В стороне искания денежных средств для Музея <...> нас ожидали многие разочарования. Люди колоссальных, «громовых» или «темных», как говорится в здешнем купечестве, богатств и лица, известные своею щедростию на приобретение произведений искусств и живописи, в частности, уклонились под тем или другим предлогом от материальной помощи новому Музею. <...> Отказала <...> Мар[ия] Фед[оровна] Морозова, как передавал

Колесников, сославшись, что она и ее покойный муж Тимофей Саввич — только богатые мужики и потому им незачем устраивать какой-то музей. «Эх, не с той стороны и не в час подошли к этой старухе», — тужил по этому поводу С.А.Протопопов, — «деньги у нее громовы, а дети-то в университете учились, да и дочку-то старшую за профессора университета они выдали». Отказал Лев Готье, очень богатый торговец в Москве железом, член фамилии, известной здесь издавна французской книжной торговлей и любитель картин. На приглашение вступить в Комитет он ответил грубой отсылкой *назад* экземпляров Положения и Записки о Музее, носящих надпись его имени. Принять или нет предложение была его добрая воля; но быть грубым на любезное сообщение ему печатных документов он не имел права, и потому зазнавшемуся богачу послано было официальное письмо с выяснением неприличия его неслыханного в практике Музея и неожиданного поступка. Отказал Василий Алекс[еевич] Хлудов, человек огромного состояния и питомец Московского университета. Отказали Савва и Сергей Тим[офеевичи] Морозовы. Отказали Морозовы-Викуловичи; из них некоторые также прошли Московский университет и обладатели состояния, по рассказам, гораздо большего, чем у Мар[ии] Федоровны Морозовой с сыновьями. Отказала Варвара Алексеевна Морозова, пославши к своим детям. Отказали ее богатые сыновья Арсений и Иван Абрамовичи Морозовы. <... >

18 июня, четверг

Было бы странно надеяться на успех повсюду и нелепо впадать в уныние при каждой новой неудаче. Путь создания новых общественных учреждений, при всей высоте их цели и несомненной полезности их, не триумфальный путь, раз материальная сторона их основывается на подачках, на пожертвованиях частных лиц. Нигде люди не являются на 'глаз своими худшими свойствами, как в вопросах денежных. Тут и обыкновенно хороший, благомыслящий человек, умно говорящий, умно держащий себя с другими вдруг съезживается, ощетинивается, начинает уваливать, лгать, так что и не узнаешь в нем прежнего образа. <... >

19 июня, пятница

Эти и другие неудачи, однако, не обескураживали нас с Александром Даниловичем Мейном, постоянным советником по делу Музея. При всяком отказе я вспоминал совет, данный мне покойным профессором Анатолием Петровичем Богдановым, творцом Политехнического музея в Москве, ор-

35. А.Д. и С.Д.Мейн

ганизатором Зоологического музея и Общества любителей естествознания <...> никогда не падать духом, встречая отказы, равнодушие и даже противодействие. «Не дают, идите к соседу», смеясь бывало говаривал он. Принимаясь за это дело под влиянием заграничных музеев такого рода и потом втянувшись в него, я верил и верю собственно в Москву, как воплощение всех и лучших и худших сторон русского народа и русского сердца. А так как в нашем народе и в русском сердце несомненно больше добра чем зла, больше ума чем глупости, больше теплоты чем жесткого эгоизма, больше милосердия чем гнусного

сквалыжничества скряг-миллионеров, то я в глубине и верил, и верю, что цель нашего исключительно просветительного предприятия будет принята другими, а следовательно и достигнута <... >

Одни отказываются по грубости вкуса, другие по скупости, третьи, имея иные области благодворения (странно было бы сетовать на Павла Михайловича Третьякова ¹¹, на Семена Васильевича Лепешкина,

¹¹ Действительной причиной отказа П.М.Третьякова войти в состав Комитета по устройству Музея было его негативное отношение к великому князю Сергею Александровичу, заставившее Павла Михайловича в свое время выйти из Московского художественного общества.

человека очень богатого, но зато создавшего студенческое общежитие, на Бахрушиных, Боевых, Ю.И.Базанову, питательницу студентов и дарительницу целой клиники и т.д. и т.д.), четвертые отказывают в поддержке Музею по политическим соображениям. Музей изящных искусств и политика, кажется, что могут иметь общего между собой? А на деле, оказывается, эта связь существует, К.Т.Солдатен-

ков лишил своего участливого отношения наш Музей с тех пор, как, по просьбе душеприказчиков Варвары Андреевны Алексеевой, ему присвоено было имя Александра III, государя-де не либерального и ничем не доказавшего особого отношения к старообрядцам и раскольникам (а Солдатенков числится старообрядцем), и с тех пор, как подошел близко к делу Музея великий князь Сергей Александрович, с которым у него, а равно и у других членов Совета Училища живописи, ваяния и зодчества, вышло принципиальное несогласие <... >

То же случилось с Александром Владимировичем Станкевичем. Биограф, страстный поклонник и ученик Грановского и младший член кружка лучших людей 40-х годов, богатый помещик, он сначала отнесся было так симпатично к учреждению Музея искусств в Москве, беседовал со мною и прямо обещал свою материальную помощь; но как только объявилось имя Александра III при этом Музее, отвернулся и он. Надо быть готовым ко всему, считаться со всем. Не заставишь думать всех, как ты хочешь, думаешь, веришь сам. Необходимы терпение и уважение права чужой собственности, равно как и права других на свои убеждения <... > Нельзя каждый отказ твоей мечты, твоему излюбленному делу объяснять исключительно грубостью вкусов, недостатком умственного и сердечного развития и одним скряжничеством. Недавний скряга на Музей искусств завтра или перед своим смертным часом, в духовном завещании, явится устройтелем целого филантропического учреждения <... > Надо быть терпеливым.

20 июня, суббота

Как ни много было разочарований в людях и возлагавшихся на них надеждах, но успех дела Музея

перед открытием Комитета и в первые дни его существования превзошли все ожидания. Ко дню открытия дело стало крепким и большим и в глазах великого князя, который до той поры вел себя в разговорах и со мной и с другими как-то нерешительно, сдержанно, особенно наведенный на сомнения графиней П.С.Уваровой, которая долго не верила в осуществимость наших планов. Но жертва за жертвой, посыпавшиеся быстро и с разных сторон, подняли его уверенность. Он стал решительнее, откровеннее, заговаривая о Музее на приемах с нами так долго, что и свита его, и публика, собирающаяся по утрам на его приемы, обыкновенно шутила: «Теперь пошел к его высочеству Музей изящ[ных] искусств, можно и покурить, и отдохнуть часик-другой; раньше великий князь его не отпустит» <... >

Накануне 27 апреля все приглашения были разосланы, заседание подготовлено; открытие Комитета назначено было у великого князя. На это торжество приглашены были от Университета, кроме Попечителя округа, ректор, декан историко-филологического факультета и профессор Миллер. <... > Решено было придать открытию Комитета строго деловой характер, ограничившись лишь «членами-учредителями» <... >

В состав «членов-учредителей» Комитета вошли представителя Университета, видные питомцы Московского университета, художники, капиталисты и знатоки музейной практики в Москве. Из дам вступили графиня Прасковья Сергеевна Уварова, княгиня Зинаида Николаевна Юсупова-графиня Сумарокова-Эльстон и дочь покойного профессора Захарьина Александра Григорьевна Подгорецкая.

Характера краткой деловитости хотел великий князь и от ведения дел в заседании. Ю.С.Нечаев-Мальцев приготовил было ответную речь по случаю назначения его товарищем августейшего председателя Комитета. Но великий князь отклонил это под тем предлогом, что Нечаев-Мальцев намерен был благодарить его <... > «Что вы тут, у меня, за парламент хотите устроить! Какие тут ответные речи? Мы соберемся, выслушаем, в каком положении находится дело, какие у нас материальные средства <... > изберем бюро Комитета — вот и все. Нет, нет, Юрий Степанович, вы мне речи не говорите. Будем работать и так <... >»

22 июня, понедельник

Хлопоты последних дней вместе с болезненным состоянием не давали мне возможности написать доклад к заседанию <... > Письмо мне врачом было запрещено, пришлось диктовать частью Трескину,

36. Групповой портрет жертвователей на Музей изящных искусств

частью жене. Было очень поздно, когда рукопись была окончена. Я, страшно утомленный сутолокой последних дней и этой последней работой, ушел спать, а жена принялась перечитывать написанное <...> На рассвете я проснулся и, передумывая написанное вчера, нашел негодным все начало. Когда все спало, пользуясь тишиной в квартире, я встал и принялся переписывать первую главу доклада сызнова.

Эта работа, вместе с исправлением мест, указанных женою, взяла столько времени, бежавшего чрезвычайно быстро, что за полчаса до открытия заседания я еще не был одет, не завтракал и не привел в порядок портфеля с бумагами <...> По случаю царского дня, от великого князя дали знать, чтобы лица, состоящие на государственной службе, явились в мундирах. Это затрудняло одеванье. И сколь ни ревностно помогали мне домашние, из которых один подавал перчатки, другой шпагу, третий портупею и т.д., как я ни спешил упорядочением бумаг, заменив завтрак большою порцией брома, как ни гнал мой извозчик к генерал-губернаторскому дому, — явился я туда после всех <...>

Приемная великого князя была полна, час назначенный для заседания уже пробил. <...> А.Д.Мейн опасался, не случилось ли чего у нас, ввиду болезненного моего состояния, и потому был он, по его словам, «как на иголках» <...> Меня позвали к великому князю в кабинет, он...просил представить ему тех членов, которых он не знает лично, пересмотрел поданный ему <...> список <...>

Встреча «членов-учредителей» Комитета великим князем была самая любезная. Он встал у входной двери в залу заседания и здесь здоровался со всеми, приглашая и благодаря за прибытие ... Когда все разместились и Ю.С.Нечаев-Мальцев встал по правую руку его высочества, он, по обычаю, застенчивым тоном проговорил: «Высочайше утвержденный Комитет по устройству Музея... объявляю открытым», и, пригласив членов сесть, предложил мне приступить к докладу.

Чтение заняло около 1/2 часа. Центры тяжести здесь заключались в сообщении данных о материальном положении нашего дела. А эта сторона была поистине блестяща. Мысль об устройстве в Музее отдельных зал жертвователями с правом наименования их, по их желанию, опубликованная мною в «Московских ведомостях» и потом в количестве 300 экземпляров отдельными листками, пришлась многим по сердцу и вследствие того денежные средства Комитета стали расти вдруг и необычайно быстро.

К сто пятидесяти тысячам рублей (150 000), раньше присланным Музеею из капиталов покойной В.А.Алексеевой к открытию Комитета, заявили желание взять на себя следующие залы и следующие лица: 1) Иван Андреевич *Колесников* — читальню при библиотеке Музея, стоимостью 12 000 руб., 2) Марья Семеновна *Скребицкая* из Петербурга — залу Праксителя, ц[еною] 21 000 руб., 3) рязанский губернский предводитель дворянства, гофмейстер Леонид Матвеевич *Муромцов* — залу Ниобы, 22 944 р., 4) Дм[итрий] Федосеевич *Кондратьев* и Ив[ан] Викторович *Титов* из Воронежа Греческую залу архаического периода, ценою 25 125 р., 5) Михаил Абрамович *Морозов* — Лаокоона, Венеры Милосской и греческих портретов, ц. 30 000 руб. <...> 6) Иван Карлович *Прове* — залу Библиотеки, ц. 20 000 руб., 7) Степан Алексеевич *Протопопов* — зал Ассирийский, ц. 20 000 руб. <...> 8) Лазарь Соломонович *Поляков* — залу греческих рельефов V и IV ст. до Р.Хр., ц. 22 944 руб., 9) в числе своих будущих капиталов Музей имел сверх сего назначение ему в будущем художником-гравером Николаем Семеновичем *Мосоловым* 100 000 руб. в неприкосновенный капитал, % которого

37. Братья Арманды

должны вечно питать художественные и научные коллекции Музея, 10) но выше всех был колоссальный дар Комитету со стороны *Ю.С.Нечаева-Мальцева*, принявшего на себя стоимость каменных фасадов Музея, оцениваемую свыше 300 000 руб.

30 июня, вторник

...На 2-ом заседании Комитета, собранном товарищем Августейшего Председателя у себя на квартире, в Славянском Базаре. <...> Шульц уполномочил меня, как секретаря Комитета, заявить собранию о желании Ивана Михайловича *Рукавишников* <...> внести стоимость <...> зал <...> имени государынь императриц. <...>

Заявление о присвоении залам царственных имен было уже не первым. Почин этому положен Михаилом Абрамовичем Морозовым <...>

2 июля, четверг

Музеи изящных искусств еще не завоевали в нашей высшей администрации <...> подобающего уважения. На наших глазах разваливалось, ветшало и становилось невозможно тесным здание Румянцевского музея в Москве. Ходатайства управления этого учреждения перед мин[истерст]вами народного просвещения и финансов представляют очень длинный и очень скорбный лист lamentаций, с одной стороны, и бездушных отказов мин[истерст]ва финансов, с другой. И это тянулось с 60-х годов, причем было не исполнено даже повеление императора Александра II о приведении здания этого Музея в безопасный вид в пожарном отношении. Сколько министров финансов сменилось с тех пор, характеры этих людей были различны; но все они в своих стереотипно-однообразных отказах Румянцевскому музею проявили трогательное единодушие. Недаром поэтому кн. Волконский <...> осенью 1895 г., встретившись со мною в Париже и разговаривавшись о Рум[янцевском] музее, с улыбкой говорил мне, что этому учреждению принято как-то отказывать <...> Довели Румянцевский музей до падения потолков, проваливания полов, отхода и отклонения под гору стен, до опасного разрушения всех печей, так что в минувшем году пришлось некоторые отделения совсем закрыть для публики, составить о невозможном состоянии здания официальный протокол и препроводить его министрам финансов и народного просвещения.

Небольшие милости со стороны высшего финансового управления ожидает, судя по опыту, и судьба нашего Музея <...>

Весною 1895 года г.Витте мне грубо и надменно

отказал во всякой поддержке этому Музею, сказавши, что «народу нужны «хлеб да лапти», а не ваши музеи». < ... > После многочисленных переговоров Витте согласился лишь на 200 т.р. < ... >

Да ныне не у одних министров финансов таково отношение к художественному воспитанию юношества и народа. < ... >

Жертвы на Музей до сих пор сыплются обильно; но, за исключением мосоловского назначения в 100 т. р., все они пойдут на сооружение здания, которое обойдется, говорят, свыше *миллиона* руб. А столь обширное сооружение, его изящество внутри и снаружи, многочисленность, сложность и богатство его разнообразных коллекций потребует большего специального, особо умелого ухода. Для этого потребуются большой штат низшей прислуги, человек от 15 до 20; это вызовет необходимость в особом штате чинов, — хранителей, библиотекарей, смотрителя здания и т.д. В число будущих расходов надобно внести отопление, освещение некоторых частей здания, ремонт. < ... >

Надобно воспитать *особую любовь* к этому учреждению в хранителях Трескине и Романове, чтобы положить начало школе администрации этого Музея. Без любви же, без увлечения все дело иначе сойдет на простую, формальную службу, с отбыванием лишь неизбежных обязанностей и получением жалования. < ... >

4 июля, суббота

Ранним утром получена следующая телеграмма из Москвы: «Пророчество ваше сбылось. Просветительная деятельность восторжествовала. Вся площадь отдана Московскому университету. Нечаев-Мальцев, Зверев, Клейн». Спустя часа три пришла оттуда же другая телеграмма: «Земля вся отдана под Музей < ... >».

Этими двумя радостными известиями закончилась история приобретения площади Кольмажного двора под Музей изящных искусств < ... > длившаяся два с половиной года. < ... > Она пережила много фазисов.

Мое ходатайство < ... > было в заседании 20 февраля 1896 г. отклонено < ... > возбуждение нового ходатайства < ... > об отводе на Кольмажном дворе 900 кв. саж. под здание Музея, который предполагалось поставить отступя на 12—15 саж. от улицы Волхонки, обратив этот участок в сквер. Заднюю часть площади просили мы оставить незастроенной, на случай будущих расширений здания Музея в эту сторону. < ... >

Музей должен < ... > расти в своих коллекциях,

38. М.А.Морозов

здание его неминуемо потребует в будущем расширений. Всякая постройка здесь со стороны города погубила бы наше дело, осудив его на существование без развития. <... >

Лучшие проекты только подтвердили наше убеждение в невозможности ограничиться отведенным нам участком в 1 200 кв. саж. и на сквер и на здание. Дело дальнейшей разработки плана перешло в руки Романа Ивановича Клейна. Он и я в течение года вели работу нового проекта, не обращая никакого внимания на застрашивание [городского] головы кн.Вл[адимира] Мих[айловича] Голицына <... >

5 июля, воскресенье

Дальнейший ход обстоятельств <... > показал, что Музею, в конце концов, потребовалась площадь в 1897 ¹/₂ кв. саж. <... > В этом виде доложен вопрос о земле государю 12 марта, когда его величество спросил о размере переднего сквера.

Каково же было наше разочарование, когда Дума, в заседании своем 9 июня, высказалась большинством 57 голосов против 43 за совершенное отклонение ходатайства Университета о какой бы то ни было прирезке земли <...> которые назначены были <...> раньше.

6 июля, понедельник

Это решение было неожиданно столько же для Университета, его администрации, Комитета музея, сколько для общественного мнения Москвы и ее печати. <...> Дело выходило мелочное и мискинное. А потому огромным большинством голосов, в заседании 3 июля, Дума постановила отдать Московскому университету всю площадь Колымажного двора под Музей, без всяких ограничений.

Так окончилась эта история в 9 часов вечера, а в половине 10-го уже послана была радостная телеграмма ко мне в Тарусу <...>. <...> живя, здесь, в глуши, и вдали от быстрого течения дел в Москве <...> я считал <...> что все кончилось к общему удовольствию.

8 июля, среда

Теперь совершенно выяснился вопрос о закладке Музея. Она будет производиться в присутствии государя, особ царствующей фамилии и двора. Церемония <...> назначена на 17 августа, на другой день после открытия памятника Александра III в Кремле. <...>

Теперь настают заботы о подготовке праздника закладки. Дело предстоит много. Надобно поехать в Москву, вопреки советам здешнего врача и увещаниям жены, опасующейся вреда от тамошних неизбежных хлопот и волнений. <...>

Раз площадь нам отдали всю <...> теперь можно бы продвинуть здание на 20 саж., если не более. И сквер, и эстетическая сторона фасада от этого бы только выиграли. Большое свободное пространство <...> даст в будущем возможность возникновения боковых <...> корпусов, которые впоследствии станут служить или новым отделам Музея или расширению прежних.

14 июля, понедельник

Мы с женою в Москве. Нынешний день ушел на переговоры с Клейном на Девичьем поле <...> Клейн — весь в работе по <...> подготовке строительного дела закладки <...>. Трибуны предполагаются на 600 человек.

15 июля, вторник

Пришел великий, давно жданный день вступления на Колымажный двор в роли хозяев этого чудного места. Что скрывать? Когда в 10-м часу утра я шел из Университета по Моховой и Волхонке <...> подгоняла меня какая-то посторонняя сила. <...> Площадь за вчерашний вечер и нынешнее утро совсем преобразилась <...> въезжали и выезжали массы подвод с кирпичом, бутом, бревнами, досками, тесом. На углу к храму Спасителя поставлена была легкая палаточка <...> для архитектора и чертежей. Когда все встало передо мною <...> слезы застлали мне эту незабвенную картину. Расцеловались мы с Клейном, поздравил я его с началом великого дела — и, пока он со своими помощниками разбивали площадь под сквер и здание, я пошел в храм Спасителя помолиться перед начатием земляных работ <...> К 5 часам все подготовительные работы кончились.

19 июля, воскресенье

Подготовивши все необходимое <...> воротился в Тарусу набираться сил к большой трепке нервов и к большим хлопотам перед праздником. Числа 8 августа нужно быть в Москве. <...>

30 июля, четверг

Давно я не видал своей тетради, потому что нездоровилось и от переписки как-то очень устал. <...>

Особую заботу последних дней составляет искание пожертвований <...> Деятельность Комитета до отстройки здания Музея будет исключительно *экономическая* <...>. Роль ученых и художников наступит в свой черед, когда палаты Музея вытянутся во всю свою ширь и длину. До тех пор, именно лет пять, нам придется быть <...> материалистами.

Каждое время, каждое поколение имеет свои потребности и идеалы, которых предшественникам видеть и предугадывать не дано. Мы можем, в данном случае, оставить для будущего строительства лишь место — и чем его будет больше, тем лучше. А со временем, когда начинаемое ныне здание наполнится, здесь могут возникнуть, вдоль переулков, или галерей в один этаж или двухэтажные корпуса — и таким образом тут явится целый музейский город, придать которому гармонию архитектурных форм будет делом талантливости зодчих того времени.

На днях писал Клейну, что на свободе он мог бы после составить проект этих построек, держась классического стиля. Одноэтажные галереи, с верхним освещением, можно было бы исполнить в чисто

греческом стиле — и ансамбль с Волхонки мог бы явиться очень изящным, характерным не только для Москвы, но и на всю Россию. <...> Деятельность человеческого духа беспредельна и потому ни мысль, ни фантазия не идут в роли послушных учеников, только по указке прошедших поколений. Каждое поколение хочет работать самостоятельно, открывать и доискиваться нового, своего. Пусть это новое, это

39. Ф.Фламенг. Портрет княгини З.Н.Юсуповой

40. Почетная грамота Е.Е.Арманда

свое не всегда бывает лучше прежнего, старого; но это не изменяет векового стремления все вперед и вперед. Вот почему бесполезно навязывать готовые формы будущему времени <...> Нам хотелось бы, что[бы] эти грядущие постройки отличались единством и гармонией стиля в связи с главным зданием <...>

Переулоч, лежащий между площадью и владением кн.Долгорукого, очень узок. Правда, до сих пор в эту сторону выходят лишь колоссальный двор да сад с прекрасной каменной стеной; но эта, поистине барская, усадьба в Москве, и притом в таком прекрасном, дорогом месте, просуществует недолго. У старого князя Долгорукого <...> трое сыновей, экономические дела которых <...> очень расстроены и потому это владение или будет продано или же земля будет утилизирована под постройки <...> Архитектор В.В.Барков <...> сообщил мне, что Долгорукие хотят строить <...> по переулку большой 4-этажный, доходный дом.

Для вопросов художественных и научных придет своя, светлая, славная <...> пора. Какое это будет

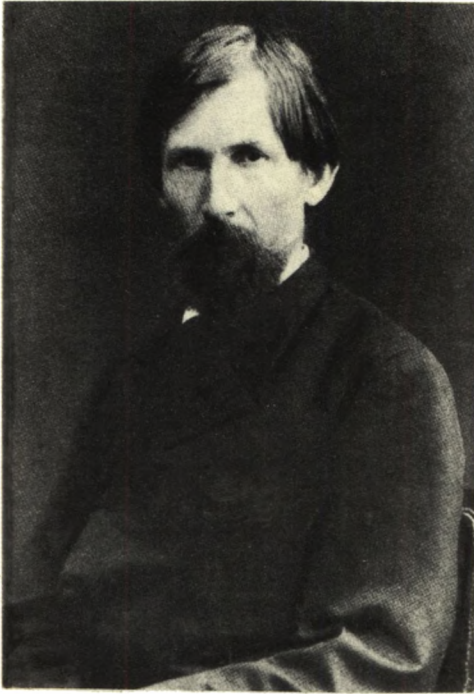
41. Почетная грамота А.Ф.Дерюжинского

наслаждение вносить художественные перлы всех веков и народов в это красивое <...> здание и ставить каждое из них на своем историческом месте. Какое это будет чудное время научной и художественной работы сравнительно <...> с <...> выуживанием денег из чужих карманов, которым поневоле приходится заниматься теперь. Голова болит от этих рыболовных дум <...> заслоняющих в последние годы для меня <...> книжные, научные интересы.

<...> 7 августа надо быть в Москве, 8-го необходимо устроить заседание Комитета <...> .

31 июля, пятница

Работы в Москве идут безостановочно. Приступили к постройке трибун <...> и Царского павильона. <...> И у меня в семье идет второй день несмолкаемый спор-о туалетах: хотя беги вон из дома. <...> Жена и дочь уселись за шитье <...>

42. В.М.Васнецов. 1885

1 августа, суббота

Трудно собрать необходимую публику в это летнее время. <...> прежде всего профессоров и приват-доцентов <...> 85% из них в душе думают: «Ну их там, обойдутся и без меня». <...>

2 августа, воскресенье

<...> Кн.Юсупов <...> приехав в августе в Москву, при первой же встрече со мною <...> взял от имени княгини Зинаиды Николаевны зал стоимостью в 46 650 руб. <...> Имя Юсуповское оправдано достойным образом.

4 июля, вторник

Вчера мы с женою съездили к Поленовым, на ту сторону Оки <...> На закладку Василий Дмитриевич не едет: «куда, де мне! <...> когда настанет время расписывать и убирать стеклянные дворики в Музее, тогда я буду являться на работу хотя с 6 часов утра и стану работать до вечера». Его давнишняя мечта — покрыть фриз этих дворов ландшафтами классических местностей и исторических развалин античного мира. <...>

43. Ф.О.Шехтель

8 августа, суббота

Вчера прибыл в Москву и <...> порадован был интересной новостью. <...> дежурным адъютантом у великого князя ныне был кн.Юсупов, потолковали, какие залы остаются свободными <...> и он избрал «Римский» зал стоимостью в 46 650 руб. Зал должен носить имя кн.Николая Борисовича Юсупова, прадеда княгини Зинаиды Николаевны, сподвижника Екатерины II в устройстве Эрмитажа и основателя знаменитых <...> художественных коллекций <...>

13—15 августа

«Ни сна, ни покоя», как поется в одной песне. Звонки начинаются с 7 часов утра и продолжаются до поздней ночи. И кто только не ставит нам вопросов и не присылает просьб. Московские музеи, архивы <...> редакции газет, иностранные корреспонденты <...> — все ищут билетов на закладку. <...> Приходится напрягать память до последней степени, чтобы не забыть особенно полезных и особо почтенных людей <...>. А как вспомнишь в этой сутолоке среди совещаний по несколько раз в день с Нечаевым-Мальцевым, Клейном, Трескиным, Романовым <...>.

44. Р.И.Клейн. 1880-е

Встаешь в 6 часов утра <...> для выяснения разных вопросов <...>

24 августа, Таруса

Эти дни были так полны всякого дела <...> нельзя было <...> подумать об <...> тетради. Приходится поэтому занести главнейшие события лишь по воспоминаниям.

17 августа

Этот лучезарный день в истории нашего дела должен остаться в нашей памяти навсегда, как кульминационная точка, до которой возвысилось наше, когда-то скромное, когда-то маленькое, предприятие и ставшее теперь предметом всеобщего внимания не только для Москвы, но в эти дни и целой России. <...>

В последние дни барометр начал падать <...> но день открытия был ясный, солнечный. Ночь —

45. Дом Р.И.Клейна в Олсуфьевском переулке. 1890-е

светлая, лунная, так что перебираясь, в 1-м часу ночи, с Девичьего поля от Клейна, за отсутствием в этой глухой местности извозчиков в такую пору, на платформе конно-железной дороги, нагруженной песком, и совершая этот необыкновенный переезд рядом с кучером от клиник по Плющихе, Арбату, Никитскому бульвару ... наслаждался звездным небом, всем сердцем желая солнечного блеска для нашего праздника. < ... >

< ... > Приезд государя ... назначен на 3 часа пополудни. < ... >

Как ни поздно мы расстались с Клейном вчера, он уже с 6 часов был < ... > в павильоне. В 9-м часу я встретил работы там в полном ходу. Нечаев-Мальцев, забыв свой 62-й год, сновал по площади, командуя расстановкой декоративных растений по дороге, ведущей к павильону. < ... >

Нахлопотавшись вдоволь, мы расстались, чтобы переодеться и явиться снова в 12-м часу, перед вступлением гостей на площадь. Дома я застал моих дам в больших хлопотах < ... > Дамы мои явились первыми на площадь, заняли избранные места < ... > Дружно начала заполняться и левая «университетская,

комитетская, интеллигентная» трибуна. <...> На помосте, на видном месте посажены были студенты <...> Дамские туалеты были преимущественно белые и <...> шляпы исключительно светлые. Трибуна эта была очень нарядная <...>

Три часа прошло в сборах публики <...> Павильон наполнился... высшими придворными чинами <...> Втискивались сюда же какими-то путями и корреспонденты газет <...> Не стану описывать прибытия государя с государыней <...> <...> по прочтению закладной записки на медной доске, царь и царица положили первые камни и монеты в особо приготовленный ящик из твердого камня. <...>

<...> Акт закладки, написанный на пергаменте и замурованный в тот же столб, где скрылся каменный ящик с царскими кирпичами и монетами <...>

Взявши в руки золотое перо <...> его величество спросил нас: — А что вы сделаете с этим документом?

— Он будет положен в стеклянный цилиндр, герметически закрытый и сейчас же будет замурован в столбе, — отвечал Нечаев-Мальцев.

<...> Государыня перешла <...> к картонным фасадам Музея. <...> обратившись к Боголепову, спросила по-французски, сколько времени будет строиться Музей. «Около пяти лет», — отвечал он.

26 августа о 17 августа

Этот вопрос о продолжительности постройки заинтересовал <...> государя, которому я должен был доложить, что пятилетний срок избирается нами и ради обширности сооружения и потому, что Юрий Степанович дарит нам каменную облицовку фасада, которые потребуют особо медленной работы. Нечаев-Мальцев к этому прибавил, что он намерен отправить геологов на Урал для исследования одной горы, заключающей в себе различные породы яшмы <...>

28 августа о 17 августа

Праздник наш закончился обедом, данным членам комитета С.А.Протопоповым в ресторане Эрмитаж <...> Много было произнесено речей, много было высказано пожеланий зародившемуся детищу на Колымажном дворе. <...>

7 ноября, суббота

Озабочивает меня чрезмерная предприимчивость Клейна. <...> В минувшем году о получении подряда на постройку Музея, он говорил, что такой колоссальной задаче он посвятит все свои силы, все свое время <...>. Но не то выходит в действитель-

ности. <...> он взял постройку дома Депре <...> на Петровском бульваре <...> берется за постройку дома Берга на Арбате <...> готовит проект здания гимназии имени Шелапутина <...> когда же он найдет силы и время для детальной разработки нашего плана? <...> Надо будет поговорить с ним серьезно, хотя и очень осторожно, при его нервозности <...>

46. Р.И.Клейн. Проект Музея изящных искусств. 1898

10 ноября, вторник

Получил телеграмму от Юрия Степановича о приезде его сюда завтра, утром. Прибытие его двигает наше дело всякий раз, а ныне оно особенно желательно, ввиду предполагаемого отъезда Клейна в Грецию <...>

11 ноября, среда

Юрий Степанович прибыл сюда здоровый и в лучшем настроении <...>. Клейн украсил в проекте колоннаду главного фасада фризом из плит Парфенона. Когда его спрашивали, каким же образом исполнить эту <...> скульптурную ленту <...> он говорил, что купим в Британском музее гипсовые слепки <...> Нечаев-Мальцев ныне сам заговорил о том, кому бы он мог поручить *вырубить* этот фриз из камня. Я заметил на это, что у нас предположено ограничиться лишь гипсовыми слепками: «Ну, нет, ответил Ю[рий] Ст[епанови]ч, гипс потрескается от мороза и полетит на пол <...> вот вам и конец фриза. Нет, надо сделать его из камня, поручивши руководство этим делом хорошему скульптору. Кого бы

пригласить для этого? Опекушин даровит, но мало образован, не захочет, пожалуй, понять греческий образец». Я указал на молодого профессора скульптуры <...> Беклемишева. Что выйдет из этой мысли Ю[рия] Ст[епанови]ча, не знаю. <...> Ю[рий] Ст[епанови]ч не останавливается ни перед какими жертвами. И без этого фриза облицовка фасадов <...>

Г.Д.Гримм, Конкурсный проект Музея изящных искусств. 1896

станет, говорят, от 300 т. до 400 т. рублей. Не дешево обойдется ему этот фриз <...>

15 ноября, воскресенье

Перед отъездом Клейн прислал мне большую копию фасада, которая теперь заняла целую стену в моем кабинете. Все, и домашние, и посетители, в восторге от греческой колоннады, столь необычной в Москве. Как-то исполнится проект на деле, но на картоне, в картине он прекрасен. <...>

20 ноября, пятница

Начался подвоз строительного материала на площадь <...>

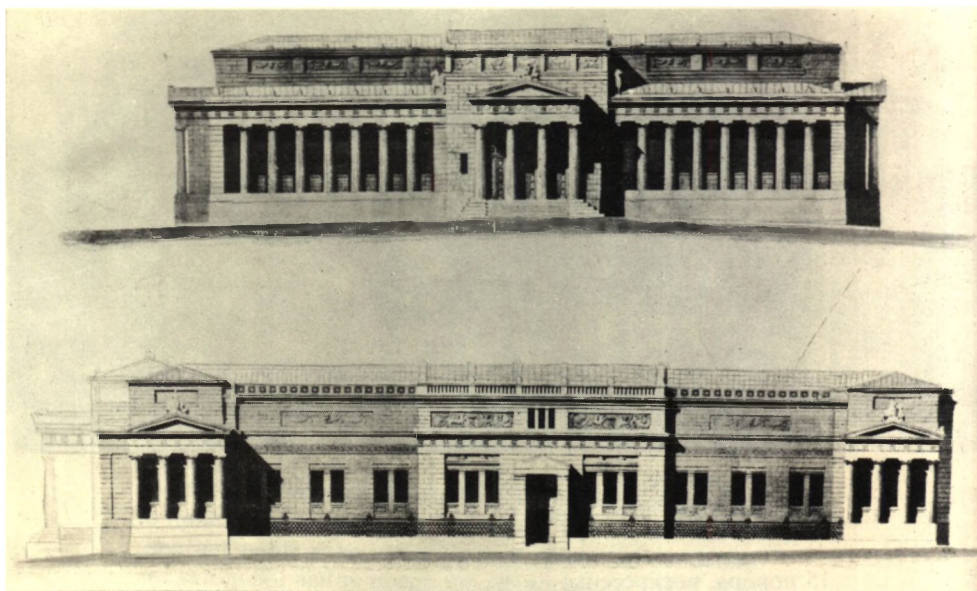
7 декабря, понедельник

Ныне опустили в могилу на Даниловском кладбище Павла Михайловича Третьякова, одного из больших людей, да, пожалуй, самого большого человека в Москве. Да и в Москве ли одной? Его деяния служат украшением и гордостью всей России.

<...> Где же причина такой удивительной репутации этого человека?

Она заключается в верности служения раз принятой на себя задаче, которую он поставил выше всех остальных интересов и забот жизни. Полюбивши отечественную живопись в своей юности, он начал собирать картины сначала исключительно для себя; но потом план его расширился <...> он решил составить

48. П.С.Бойцов. Конкурсный проект Музея изящных искусств.1896

<...> галерею <...> современной русской живописи, чтобы принести ее в дар Москве. <...> Третьяковская галерея для современной нашей живописи стала первой и единственной по своему богатству в России. <...>

Более миллиона рублей истратил он на осуществление своей мечты, посвятивши избранному делу всю жизнь и всего себя. <...>

Наш Музей обязан ему половиной скульптур, приобретаемых в Риме. В 1893 году я просил Павла Михайловича о помощи нашему предприятию — и он тогда, в форме простой и милой, без ломания и <...> нравочений <...> сделал этот дар, сказавши <...> что многого дать он не может, имея нравственные обязательства перед другими художественными учреждениями <...> Мир его праху, радости его чистой и скромной душе и заслуженная слава его почтенному имени!

10 декабря, четверг

Пришло первое письмо Клейна из-за границы.
<...> Увидев воочию Эрехтейон, он в это же утро
принялся за измерение нужного ему восточного
портика и за исследование кладки <...> храма. <...>

31 декабря, четверг

Доходят последние часы 1898 года, этой великой

М.С.Шуцман. Конкурсный проект Музея изящных искусств. 1896

эпохи в истории нашего Музея. Этот год принес мне
такие радости и Музею такие благоденствия, о которых
не было и грез. <...> Завершение грандиозного плана
здания <...> открытие действий Комитета <...>
лучезарный день 17 августа <...> превративший
никому не известный факт закладки <...> во
всероссийское событие <...> получение земли от
города <...> — все это пришлось на этот незабвенный
год. <...> такое возвышение действительности над
возможностью самых необузданных грез, конечно, уже
не повторится в истории созидания моего милого
Музея.

1899 год

11 января, понедельник

Ю.С.Нечаев-Мальцев принял к сердцу две
мысли: а) о фризе Парфенона <...> б) об украшении
живописной лентой всех зал Музея. <...> Яркая
полоса ландшафтов, зданий <...> главнейших

50. Гостевые трибуны на площади Колымажного двора 17 августа 1898

памятников искусств, по историческим эпохам и народам, соответственно каждой зале, как бы загорелась в его представлении — и <...> Ю[рий] Ст[епанови]ч уже мечтает, кого он привлечет к этому делу, называя здесь Семирадского, Васнецова, Поленова, Верещагина, Айвазовского. Со всеми главнейшими живописцами он в приятельских отношениях <...>. Прежде всего надо начать с Айвазовского, который уже очень стар и в то же время будучи несравненным маринистом, он может подарить <...> картинами островов и берегов Греции и Крыма. <...>

Вчера мы с Ю[рием] Ст[епанови]чем были у Васнецова. <...> Говорили там и о нашем живописном фризе, которому Васнецов очень сочувствует <...> обещая в Византийском зале нарисовать многокрылых серафимов.

13 января, среда

Дело о живописном фризе <...> разгорается. <...> Рассуждая о художниках, он [Юрий Степанович] увеличивает число их <...> именем Константина

Маковского, большого колориста. Васнецов, Айвазовский, Поленов, Семирадский, Котарбинский, Верещагин, Маковский — это лучшие наши силы. <...> Надо теперь организовать художественный совет при Комитете, пригласивши сюда лучшие живописные силы со всей России, и здесь выработать в главных чертах круг сюжетов для предположенных картин. Нужно <...> не забыть <...> главное, а подробностями стеснять художников нечего <...>

17 января, воскресенье

<...> Вчера мы виделись с Шехтелем, возвратившимся из-за границы. Разобрали его вариант, одобряемый решительно всеми, кроме Ю[рия]Ст[епанови]ча <...> Музей наш — учреждение общего интереса; не прислушиваться к общественному голосу, при его организации, невозможно. Ссориться в резкой форме с людьми, власть имущими, тоже безрасудно. <...>

22 января, пятница

Воротился из-за границы Клейн восторженным эллином <...> В особом восторге он от Dörpfeld'a, этого положительно гениального реставратора греческих зданий <...> Д-р Дёрпфельд отнесся к проекту его с большим вниманием и на фасаде, в интересах <...> верности греческому стилю сделал ему существенные указания. <...> устраивать греческие фасады под московским небом и в этой мгле наших зим дело нелегкое. Жителям юга приходится <...> укрываться от солнечного блеска, а мы должны хлопотать о достаточном свете в наших помещениях. <...>

26 января, вторник

Вчера было заседание Комитета очень оживленное и даже бурное, затянувшееся с 8 часов вечера до 1-го часу за полночь. Обсуждались вопросы художественные и экономические. <...>

Порешена окончательная форма <...> лестницы прежней, прямой <...> собрались к Нечаеву-Мальцеву на завтрак в Славянский Базар. Было пять человек, в том числе наш славный петербургский архитектор, проф. Леонтий Бенуа, автор проекта <...> миллионного храма на Гусе в[о] Владимирской губ.

<...> Ю[рий] Ст[епанови]ч задал превосходный завтрак с каким-то дорогим бургонским, по 8 р. 50 к. за бутылку. Грешный человек, не понимаю я такой <...> цены. Право, прекрасно вино и в рубль.

3 февраля, среда

<...> Прошло 144 года с основания Московского университета — и при нем создается первый по размерам и задачам в России общеобразовательный Музей изящных искусств. <...> будет здесь <...> быть ключом жизнь и энергия студентов и художественной молодежи <...> Ах, если бы только судьба посылала руководителями этого учреждения людей живых, даровитых, искусством увлеченных и способных увлекать собственным примером других и прежде всего молодые силы!

8 февраля, понедельник, Петербург

<...> Получена телеграмма <...> «<...> Приезжайте в Петербург». <...> Мы с женой выехали из Москвы <...>

10 февраля, среда

Были мы ныне у Ю[рия] Ст[епанови]ча и у его старушек сестер Нечаевых. Богатство и блеск обстановки дома трудно себе представить¹². Тут каж-

12
Особняк в Петербурге на Сергиевской (ныне ул. Чайковского; арх. Р.И.Кузьмин и Г.А.Боссе) был куплен И.С.Мальцовым в 1844 г. у кн.Кочубея. В 1880 г. перешел в собственность Ю.С.Мальцева, поручившего отделку внутренних помещений Л.Н.Бенуа. Дом богато декорирован. Залы первого этажа украшены четырьмя большими картинами и несколькими панно И.К.Айвазовского, вделанными в стены. На втором этаже в концертном зале в стиле рококо плафон работы Г.И.Семирадского, изображающий Аврору, богиню утренней зари. Стены отделаны лепкой, наборный паркет — из ценных пород дерева.

После обновления дома в петербургском обществе ходила эпиграмма известного куплетиста Эзопа-Кактуса о Нечаеве-Мальцеве:
*Плафонами известен и балами,
А более — хрустальными делами.
(Мартынов П.К. Цвет нашей интеллигенции. СПб., 1891, с. 155).*

Историю и описание особняка см. в кн.: Памятники архитектуры Ленинграда. Л., 1969, с. 323.

дый стул, каждая рама, каждая канделябра <...> — предмет искусства. И ковры, и шелковые обои, ткани на заказ по особым рисункам то в Москве, то в Лионе, картины старых западноевропейских мастеров, на лестнице мраморная группа Кановы <...> Плафоны в гостиной и зале писаны Семирадским, есть целый кабинет, расписанный сплошь Айвазовским по размерам стен. Зимний сад полон тропических растений колоссальных размеров, фонтан бьет до <...> очень высокой кровли, из множества гротов шумят ручьи, стекающие с искусственных скал. Это, особенно при электрическом освещении, что-то волшебное, феерическое <...> Но к чести Нечаева-Мальцева должно быть сказано, что все в его доме приведено в гармонию художественным чутьем, вкусом и знанием. Тут не просто пышная, бьющая в глаза роскошь, но роскошь изящная, гармоническая. На видном месте в его кабинете висит фасад нашего Музея, на виду лежат образцы сердобольского гранита <...> предназначаемого <...> для цоколя нашего Музея и <...> для лестницы. <...> для нас такой гранит будет воплощением самой пышной мечты. <...>

11 февраля, четверг

Воротились мы ныне домой. Какой тихую показала нам жизнь московских улиц сравнительно с суматошливым Петербургом, где и пешие и едущие нервно спешат, точно кого-то догоняя.

51. Праздник закладки Музея изящных искусств 17 августа 1898

18 марта, четверг

<...> В последнюю неделю Ю[рий] Ст[ефанови]ч делал свои колоссальные по стоимости заказы <...> истративши на каменную облицовку здания, на каменную колоннаду, на гранитный цоколь и <...> лестницу сумму в 430 000 руб., далеко превысившую наши мечты и грезы <...> эта щедрость русского аристократа телом и душою и этот благодушный и скромный тон широкого меценатства глубоко трогали меня <...>

29 марта, понедельник

Работы нашей строительной комиссии совсем стали из-за студенческих волнений. Беспорядки по всем университетам <...> затянулись <...> В эти дни университет наш потерял более 1 000 студентов, потому что около 250—300 человек не подали обратно просьб о приеме, по закрытию университета <...> Сначала университетское начальство объявило, что

52. И.В.Цветаев, Р.И.Клейн, члены царской семьи на церемонии закладки Музея изящных искусств

< ... > с 29 марта < ... > возобновляется чтение лекций < ... > но третьего дня < ... > Тихомиров разослал повестку профессорам < ... > что университет не будет открыт. < ... > Опять непоследовательность: то жестокая мера изгнания целой 1/4 личного состава студентов, без суда и исполнения < ... > правил справедливости, то это миндальничание и заискивание пред оставшимися тремя тысячами студентов, как будто это последняя мера может подкупить их. < ... >

Нынешний год пропал для студентов. < ... > Довольно репрессалий; пора разобраться в нашей жизни: нет ли в университетском строе причин, создающих невозможность нормального течения учебных занятий. Одной палкой не поправишь дела, по существу очень сложного.

11 апреля, воскресенье

< ... > С Клейном мы были на стройке, там шли земляные работы и укладка бута. Почва сухая, песчаная < ... > которой не нахвалятся и архитектор с помощником своим, военным инженером И.И.Рербергом, уже поселившимся в нашей чертежной

на весь сезон, и десятник Данилов, славный старик <...>, и рабочие, родные мне владимирцы. Работы идут дружно <...>

26 апреля, понедельник

Пасха прошла очень монотонно и грустно после университетских печальных событий. Никому не хотелось видеть друг друга, потому что при свиданиях поневоле весь разговор сводился <...> исключительно к «административной» расправе со студентами.

Клейн — за границей, куда он уехал на Пасху. Хотел быть в Париже, чтобы посмотреть там на устройство потолков из бетона и вообще на роль бетона в больших сооружениях. Бетону он предсказывает огромную будущность в строительном деле ближайшего столетия. <...>

27 апреля, вторник

Ныне — первая годовщина со времени открытия действий Комитета Музея. <...> Долгий период зарождения и разработки проекта здания Музея, начавшийся нашею с женою поездкой осенью 1895 г. в Германию, Францию и Англию по их музеям; выработкой там <...> схемы здания <...>; неудачный конкурс в академии, на который из-за внутренних раздоров архитектурного отделения с живописным <...> никто из больших архитекторов академии не пошел: выступили только второстепенные и молодые силы, не представившие <...> хорошего проекта, вследствие чего <...> остановились на Клейне, хотя тоже не удовлетворившем <...> своим конкурсным проектом, но <...> близко знакомом Звереву <...> и <...> обещавшем возможность разработки планов музея совместно со мною и по указаниям заграничных специалистов, каковую надежду, при художественной своей натуре и отличном нраве, он и исполнил, переделывая 6 раз свой проект. <...>

Без потерь и недоразумений не может <...> вершиться большое и сложное дело. Неприятности обещает <...> чтобы я принял в Музей собрание русских картин и рисунков от здешнего любителя И.Е.Цветкова. Наш Музей <...> музей — скульптуры, деталей архитектуры и древности; для истории живописи отведена <...> лишь одна зала <...> Картин же как иностранных, так и русских собирать мы не имели в виду <...> Русская живопись собирается Румянцевским музеем и Третьяковской галереей <...> устраивать третью коллекцию, ввиду <...> конкуренции, было бы не целесообразно. <...> Боголепов настаивает, чтобы дар был нами принят <...> Коли, мол, университету дарят, то бери; при

таким взглядом, нетрудно обратиться к музею в антикварную лавку и кунсткамеру прежних времен <...>

3 мая, понедельник

Были мы с женою на стройке Музея. <...>
Работа развивается <...> с каждым днем <...>
Площадь неузнаваема. <...>

Для быстроты сношений <...> устраиваем телефон. Отчего у нас в Москве пользование телефоном стоит 250 р. в год, тогда как в Гельсингфорсе <...> оплачивается 25 рублями? Почему мы отстаем даже от финнов? <...> Москва, впрочем, не имеет электрической дороги, когда она уже существует в нескольких провинциальных городах <...>

4 мая, вторник

Клейн возил меня за Тверскую заставу смотреть на модель Музея, исполняемую в скульптурной мастерской бывш[ей] Козлова.

17 мая, понедельник

<...> Было заседание подкомиссии <...> по вопросу об отоплении и вентиляции <...> много спорили <...> высказывались опасения за чистоту воздуха, за присутствие большого количества пыли, при духовом отоплении. <...>

19 мая, среда

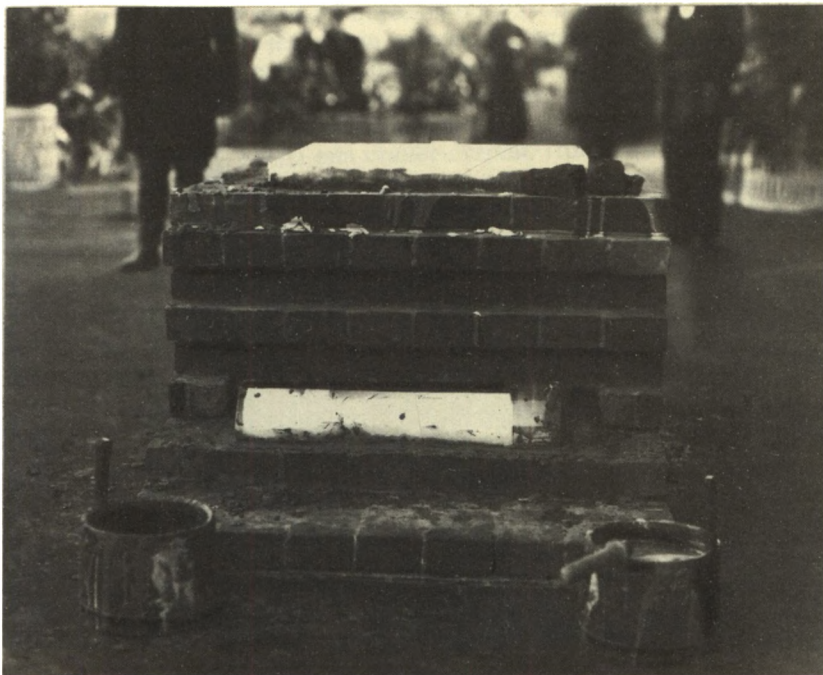
Вопрос об отоплении и вентиляции Музея все остается нерешенным. Не зная, что делать <...> решили отправить депутацию <...> к профессору Николаевской инженерной академии Веденяпину, главному в России авторитету по системам отопления <...>

22 мая, суббота

Осматривал ныне земляные работы. Грунт сухой и песчаный <...> Площадь Кольмажного двора <...> была занята деревянными сараями под «колымаги» <...> Была здесь в старом <...> здании <...> пересыльная тюрьма <...> но <...> лет 16 назад ее снесли <...> Еще недавно этот кусок земли представлял собою грязный пустырь <...> Как поздно и медленно цивилизуется Москва!

29 июля, Москва

Доктора в Берлине были правы. Напрасно было возить туда больного <...> Через три недели по нашем возвращении сюда А.Д.Мейн скончался <...> наше дело лишилось горячего сторонника, с которым мы за последние 8 лет и думали, и говорили о Музее, во всех стадиях этого сложного дела <...>

53. Место закладки памятных знаков

10 августа, Таруса

Дожди льют не переставая все эти дни. Небо свинцовое <... >

1 сентября, Москва

<... > Мы уложили главные вещи, ожидали первого ясного дня для выезда. <... > Радетелем будущих судеб Музея собирается быть моя жена Марья Александровна. Получивши от отца своего до ста тысяч рублей, который разделил свое состояние на две равные части, между дочерью и второю женою, она мечтает все сбережения <... > впоследствии передать Музею в виде капитала имени Александра Даниловича Мейна. <... > Сусанне Давыдовне Мейн, женщине пожилой и скромной <... > капитала в сто тысяч <... > руб. <... > не прожить. <... > Капитал должен остаться неприкосновенным и впоследствии перейдет, если будет жива моя жена, к ней.

Совершенно справедливо полагая, что вполне достаточно будет передать двум нашим девочкам, Марине и Анастасии, по ста тысяч руб. <... > Марья Александровна намерена все проценты с отцовского капитала обратить в капитал имени ее отца, чтобы оставить по нем вечную память в нашем Музее <... >

54. Закладка фундамента Музея

Увековечивая память своего отца, она вместе с тем укрепит судьбу Музея, на созидание которого она положила с 1891 г. столько мечты, мысли и трудов <...> созидаемый Музей для нее является особенно дорогим, как родной, как свой, вырастающий у нее на глазах, при ее личном и живом участии.

6 апреля, великий четверг

Идут приготовления к представлению государю <...> модели Музея завтра в 2 ч. 30 м. <...> Истомин <...> посоветовал цветные уральские мраморы разложить возле модели <...> В свите великого князя <...> много говорят о колоссальных размерах, которые приняло увлечение Ю.С.Нечаева-Мальцева <...> «Только не надо медлить, — сказал он, — ныне счастье людское капризно, да и в жизни нашей Бог волен; <...> вы говорите, что постройте Музей еще 6 лет, да в такое время сколько из нас перемрет». <...>

7 апреля, великая пятница

Оказалось, что жена Клейна и моя, не сговариваясь и в разных частях города, занимались и вчера вечером, и ныне утром приведением в праздничный вид наружности своих мужей. Обе они

заставили их вымыть головы горячей водой и с мылом и привести в лучший порядок бороды и волосы <...> У нас еще с вечера была уложена на диванах вся <...> парадная амуниция. Наша детвора, кружа около мундира, шпаги, треуголки и орденов, создала себе новый предмет для разговоров — кому из них отдаст папа ленту, когда она станет старой. При этом ни та, ни другая дочь не желали уступить одна другой. Поднялся между ними крик, в который вмешался и сын, начавший дразнить сестер, — пришлось их всех из кабинета выгнать.

С утра нужно было побывать в канцелярии обер-полицеймейстера, чтобы добыть проездные билеты в Кремль на выход в Светлую ночь <...> но жена не пустила из дома: «Ты-де пропадешь и не явишься к сроку одеваться и срок во дворец пропустишь; да и нечего мыкаться по улице в такую адскую погоду и устать перед представлением государю» <...> К половине 2-го меня облачили, снарядили и усадили в «ваньку». На улице шел дождь и снег, и дул пронизывающий ветер с самого раннего утра <...> Слякоть ужасная, извозчичья пролетка грязная <...> По распоряжению великого князя должны были явиться <...> на прием <...> только трое — Ю.С.Нечаев-Мальцев, Клейн и я <...>

Модель была выставлена в столовой <...> Из внутренних покоев вышел негр в белой повязке на голове и занял место у дверей <...> Двери в гостиной отворились перед государем <...> Государь подошел прежде всего к модели и стал рассматривать ее. Ионическая колоннада <...> сделанная по Эрехтейону, послужила для него поводом к вопросу: «Исполнена ли эта модель <...> согласно рисункам, представленным ему раньше (т.е. 12 марта 1898 г.)?» Клейн отвечал утвердительно <...> Другой вопрос <...> был <...> о фризах <...> Тут, собравшийся прежде хранить молчание, Юрий Степанович вступил в длинный доклад <...> сделать все фризы <...> из камня руками русских скульпторов <...> Особую мечту Юрия Степановича составляют <...> воспроизвести под главной колоннадой <...> сцены фриза Парфенона <...> Обзорение стало более внимательным, когда Клейн особым механизмом раскрыл модель <...> и обнаружилась вся продольная ось сооружения с ее вестибюлем <...> прямой лестницей, широкой, в три марша и двумя галереями наверху с верхней площадкой, обрамленной 4 колоннами и центральным залом <...> Масса колонн в вестибюле, по лестнице и в <...> «Палате русской славы», видимо, произвели сильное впечатление на его величество. «Это — хорошо», — воскликнул он <...>

Юрий Степанович, доложивший прежде всего, что его намерение поставить на 2-м этаже все колонны цветными, из уральских мраморов. «И, если окажется возможным, то и монолиты с бронзовыми капителями и базами», — вставил от себя тут Клейн. <... > Когда дошла очередь до центрального зала, я доложил, что это — то самое помещение для мраморных статуй, бюстов <... > выдающихся русских деятелей в науке, литературе и искусствах. <... > Тут же великим князем было доложено, что этот зал он находит желательным обработать в классическом греческом стиле. <... > Этим полагается конец нашим рассуждениям о характере обработки этого зала. Но мне жаль византийско-русской идеи Васнецова. <... > Но что делать, когда против этой мысли с самого начала был Ю[рий] Ст[епа]нови[ч], роль которого в материальной стороне нашего, осложняющегося все более и более, предприятия становится первенствующей? Раздражать его я не имею ни желания, ни возможности. <... >

Модель закрывалась и открывалась по желанию государя. Его величество заинтересовался крышами Музея, спросивши, чем будут покрыты галерея и центральный портик. Ю[рий] Ст[епа]нови[ч] ответил, что имеется в виду сделать для этого медную черепицу <... > система стеклянного покрытия всех зал обратила его особенное внимание <... > Когда здание снаружи и изнутри было осмотрено, государь пожелал видеть образцы мраморов, привезенных Ю[рием] Степановичем с Урала и разложенных на столе рядом с моделью.

Здесь раньше всего представлена была глыба белого мрамора <... > Цвет мрамора очень понравился государю, сказавшему <... > что он до сих пор и не знал о существовании белого мрамора на Урале. «Разрабатывается ли там этот камень?», — спросил он у Ю[рия] Ст[епа]нови[ча]. «Да <... > — ответил он с усмешкой, — соседние крестьяне воруют этот камень из казенных дач для своих надобностей». «А на что он им нужен?» — «Они делают из этого камня столики, пресс-папье, ванны для продажи». <... > «Как много там камня?» — «Да надо думать, миллиарды пудов». <... >

Возвращаясь к цвету...мрамора, государь спросил, обследован ли он в отношении прочности? <... > Я доложил <... > что получены <... > самые лучшие отзывы из Петербурга от проф. Белелюбского <... > Для выяснения степени прочности <... > в Инженерном училище раньше сломалась машина, чем раздробился камень. <... > Такого давления машины не выдерживали раньше лабрадор и даже сердобольский гранит.

Из переписки И. В. Цветаева
1899—1913 годов

Письма профессора Цветаева по всему кругу самых сложных и неотложных проблем созидания нового музея пошли потоком уже с 1895 года; постепенно разрастаясь, поток этот охватывал все более широкий контингент адресатов и в России, и за границей. Каждое из писем было конкретно и деловито и вместе с тем глубоко лично и согрето живым чувством искренности и сердечности. До 1900 года преобладали — тема архитектурного конкурса проектов здания музея (январь 1897); приглашение Р.И.Клейна в качестве архитектора и строителя (его конкурсный проект был удостоен золотой медали); организация Комитета по устройству Музея (апрель — май 1897), привлечение многочисленных жертвователей, закладка (август 1899) и начало строительства музейного здания. То есть те самые вопросы, которых касался Цветаев в своих вышеприведенных дневниковых записях.

С 1900 по 1911 год цветаевская музейная корреспонденция сосредоточивается главным образом на двух адресатах. Это почти ежедневные деловые письма архитектору Р.И.Клейну (продолжавшие уже сложившуюся в течение четырех лет систему деловых отношений заказчика и исполнителя и составившие в целом около 300 писем). И одновременно — пространственные послания главному меценату музея Ю.С.Нечаеву-Мальцеву (всего около 700 писем). Так, блестяще пользуясь возможностями и преимуществами эпистолярно-документального жанра, ученый день за днем запечатлевал непрерывную цепь музейных событий — к созданию своего «мраморного детища» он относился как к факту живой истории и духовной культуры России. Естественно, что в предлагаемых фрагментах обширной переписки именно эти письма доминируют.

В сюжетах писем можно выделить ведущие — «мраморный», связанный с отделкой музейного здания внутри и снаружи; неосуществленный проект росписи музейных интерьеров; многотрудное формирование коллекций; финансовая зависимость всего предприятия от воли и расположения жертвователей, чуть было не приведшая к краху в 1905—1906 годах; получение на вечное хранение знаменитого Голенциевского собрания

подлинников; открытие Музея изящных искусств (май 1912).

Это завершающий период деятельности И.В.Цветаева. Он — заслуженный профессор Московского университета, преподает также на Высших женских курсах и в Московской консерватории. Он — член Академии художеств и член-корреспондент Российской Академии наук. В течение десяти лет является директором Московского публичного и Румянцевского музеев. С 1911 года — директор Музея изящных искусств. Таково вкратце, казалось бы, его вполне благополучное служебное положение. Но это только внешняя сторона.

На деле именно на последнее десятилетие жизни ученого приходятся самые многочисленные и жестокие удары судьбы. С 1902 года тяжело болеет туберкулезом Мария Александровна и умирает летом 1906 года. Незадолго до того пожар, случившийся в здании Музея в отсутствие Цветаева, надолго лишает его работоспособности. Остро переживает он и многолетние финансовые затруднения, грозившие благополучному завершению музейного предприятия. А с 1909 года и в течение последующих двух лет ведется недостойная компания против Ивана Владимировича со стороны «черного министра» А.Н.Шварца — министра народного просвещения, которая кончается отставкой профессора Цветаева от должности директора Московского публичного и Румянцевского музеев. «Говорят, «за Царем служба не пропадет», — горько сетует Иван Владимирович в одном из своих писем, — что я скажу по этому поводу своим детям?»

С детьми тоже сложно и трудно. Валерия не хочет жить в цветаевском доме. Марина и Анастасия, по мнению отца, рано и не слишком удачно вышли замуж. Тяжелая сердечная болезнь, заставившая Ивана Владимировича в 1910 году предпринять длительное лечение в Германии, постепенно прогрессирует. Через год после открытия Музея изящных искусств наступает безвременный конец — 30 августа 1913.

Обширная переписка И.В.Цветаева с многочисленными корреспондентами хранится в архиве ГМИИ в фонде № 6. Здесь же находятся и письма И.В.Цветаева — Ю.С.Нечаеву-Мальцеву. Письма Цветаева архитектору Р.И.Клейну (так же как и немногие ответные послания Романа Ивановича) входят в состав фонда № 8. Научная публикация значительной части этих документов осуществлялась главным образом на ротапринте в течение последних

пятнадцати лет. См. кн.: История создания музея в переписке профессора И.В.Цветаева с архитектором Р.И.Клейном и других документах (1896—1912). М., 1977. Т. 1—2. (Из архива ГМИИ); см. также статьи: Демская А.А., Смирнова Л.М. История музея в переписке профессора И.В.Цветаева. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1978. Л., 1979, с. 76—93; Демская А., Смирнова Л. Неосуществленная роспись Музея изящных искусств в Москве. Переписка И.В.Цветаева, В.Д.Поленова, П.В.Жуковского. — В кн.: Панорама искусств' 78. М., 1979, с. 266—291; см. кн.: Выдающийся русский востоковед В.С.Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств. 1909—1912. М., 1987, с. 189—257. (Из архива ГМИИ, вып.3).

Поскольку в предлагаемой читателю книге используются лишь фрагменты цветаевской переписки, составители сочли целесообразным не приводить шифры писем из архива ГМИИ. Отдельные исключения сделаны только для документов, находящихся в других архивных хранилищах, в этих случаях указываются полностью местонахождение и шифр источника. Использован ряд публикаций из кн.: Сахарова Е.В. В.Д.Поленов. Письма, дневники, воспоминания. М.—Л., 1950. В ссылках на это издание даются фамилия и инициалы автора и номер письма.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
13 января
1899

< ... > Сейчас же порадую вас решением Юрия Степановича украсить залы Музея *фризом* из картин работы Семирадского, Поленова, Айвазовского, Васнецова, Верещагина, Маковского Константина. Идея разбросать эти картины, соответственно характеру и назначению каждой залы, его очень увлекла. Надобно Вам будет назначить высоту поля для такого фриза: тогда он начнет заранее сношения с живописцами. Васнецов и Поленов очень этому сочувствуют и все говорят, что такая лента пейзажей и изображений памятников искусств, исполненная первостепенными живописцами России, уже сама по себе явится драгоценностью, ради которой повалит публика в Музей. < ... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
27 января
1899

Чтобы не мешать вам в выработке и отделке новой схемы центрального зала, мне, может быть, лучше к вам завтра вечером не приезжать? Теперь Вам каждая минута дорога.

Насчет освещения этого зала. *Бокового-верхнего*, если вы даже допустите длинные, по несколько аршин, световые стеклянные полосы, свету хватит только на средний неф, боковые же останутся темными. Нельзя ли поэтому проектировать по продолговатому одному или по несколько фонарей в крыше над этими боковыми нефами? Если устроится зал Славы, прекрасно; если же нет, как знать будущее назначение этого большого помещения? Я слышу советы если не составить, то приготовить место для систематической картинной галереи иностранных школ, в их историческом порядке, в копиях. Это пишет мне и Н.А.Зверев. Как знать, что после меня директор Музея, любитель и знаток именно живописи, не пожелает заняться этою отраслью организации Музея? Он будет прав, так как и наименование Музея обнимает все изящные искусства. Надобно поэтому приготовить в центральном зале такое помещение, чтобы хотя *небольшая*, но систематическая галерея по истории живописи могла здесь, в учебных целях, поместиться. И будущие музейцы вам за умелое расчленение места и за *хорошее* освещение будут только признательны. < ... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
31 января
1899

У меня сердце болит от разнообразия ваших дел, отвлекающих вас от ближайшей, грандиозной задачи, перед которой все остальное является пустяками, обыденными заказами, какие получает всякий порядочный архитектор¹. На вас теперь обращены надежды государя, великого князя, Комитета, Комиссии, лиц, дающих средства для Музея, архитектурного мира, который ждет, что-то выйдет из этого исполнинского предприятия, всей Москвы и далеко не одной Москвы. Время дорого, дорог каждый день, каждый час для одного этого музейского дела. < ... >

¹
Речь идет о Классической гимназии им. Григория Шелупутина (1900—1901) и об Институте для лечения злокачественных опухолей им. Морозовых (1901—1902), построенных Р.И.Клейном на Девичьем поле.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
8 апреля
1899

Вы ныне начинаете кладку здания и все Ваши работы на площади. Пошли вам Господь здоровья и душевной энергии для такого большого дела, которое будет занимать вас всецело лет пять и которое, при вашем увлечении, все более и более охватывающем вас, как настоящего художника,

прославит ваше имя и в отдаленных наших потомках. Да не оставляет вас увлечение, без которого такого грандиозного предприятия и начать нельзя, здоровья и бодрость духа. < ... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Дрезден
17/29 июня
1899

Приехавши в Дрезден и проводя второй день в беседах с проф. Треем, я постоянно беседую мысленно с вами. Приехал я сюда в эти дни особенно кстати, так [как] здесь находится депутация к Трею из Будапешта, приехавшая сюда с планом будущего их Музея для его исправления согласно его указаниям.

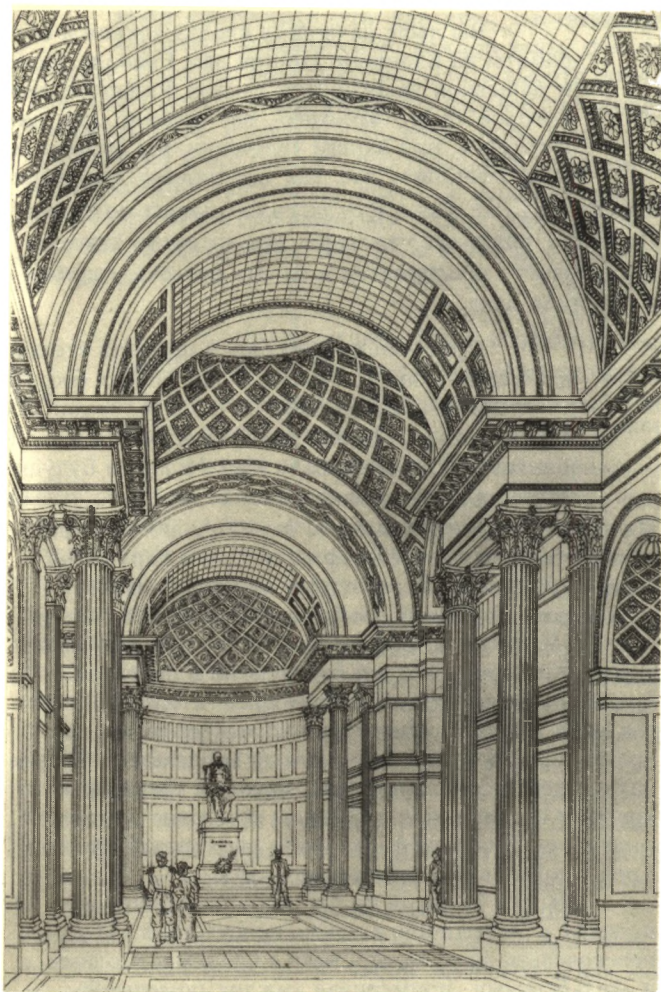
План их грандиознее нашего, так как у них большое место отводится истории архитектуры и картинной галерее. Здание их будет одним из обширнейших музеев всей Европы и Америки, оцениваемое ими по смете в 5 миллионов франков — и это при дешевизне камня. Характер фасадов коринфский в передней половине, более низкой, и Ренессанса в задней, более высокой. По переднему фасаду проектированы три храма, с 2 колоннами и антами по концам и с 8 колоннами в центральном портике. Боковые храмы или храмики соединяются с центром крытыми стеклом галереями. В общем фасад очень эффектный. Внутри Трей многое посоветовал переделать.

Ныне с 11 часов до 3-х шло обсуждение их проекта в Albertinum в моем присутствии. Мы переключивались из залы в залу с планами, столами и мольбертами, примеривая каждое помещение к Albertinum'у.

Вчера вечер я провел в семье Треев; сам он очень тепло и симпатично отзывался о Вас и Вашем проекте;

план у нас был [перед] глазами и мы перебирали по нему одну клетку за другой. Он при этом решительно восстал против *Антиквария* с окнами на колоннаду. Эта зала для мелких предметов, каковы монеты, бронзы, геммы и т. д., будет по необходимости темна. С другой стороны, *Ассирию* он нашел чрезмерно малой сравнительно с громоздкими *волами* и большими, крупными фигурами. По его мнению, здесь надо сделать непременно перестановку следующего рода.

55. Центральный зал Музея. Вариант проекта

Египет поместить в Антикварию, Египетский зал обратить в Ассирию, которая тогда будет действительно импозантна, по окраске ее в шафрановый цвет, а Антикварий поместить в зале, назначенном у нас под Ассирию. Тогда Антикварий отделит несколько Восток со всем его обособленным характером от греческой скульптуры.

Но для Антиквария требуются окна с *двух* продольных сторон: вы и благоволите проложить здесь *окна*, параллельные выходящим на улицу. Надеюсь, что это еще не поздно. При этой остроумной комбинации выигрывает освещение будущего Антиквария и получается большой зал Ассирийский, достойный имени великой княгини. Он будет теперь эффектный; придется только побить челом С.А.Протопопову о доплате, хотя бы в 3 года, недостающей суммы. А 10 000 Армандов употребим на покупку предметов для антиквария, преимущественно бронз из Неаполя.

Какую *отличную* модель Акрополя выставил Altes Museum в Берлине! Я был у скульптора Walger'a и условился с ним о доставке ее нам за 800 марок вместе с зеркальным, железом (никелированным) отделанным, колпаком. Превосходную модель

Парфенона Вы вероятно видели в Albertinum'e. <...>

Р.И.Клейн —
И.В.Цветаеву
Москва
30 июня
1899

Очень благодарю Вас за письмо, хотя должен сознаться, что оно немало огорчило меня, потому, что чувствую, что ваше пребывание в Берлине пока не оправдало надежд на выздоровление больного², и что вы, вероятно, переживаете ужасные часы, видя страдания близкого человека и не будучи в силах оказать ему помощи. Затем я был огорчен еще тем, что лишен всякой возможности даже предложить на обсуждение ваше предложение о перенесении зал, так как стены были уже выложены, когда я получил ваше письмо. Кроме того, та стена, в которой согласно вашему желанию следовало сделать окна, была отдана в жертву вентиляционным каналам, которые и так ее очень ослабляют.

В том и несчастье искусства, что оно не имеет конца: сделаешь, казалось бы, как нельзя лучше, а затем начинаешь переправлять и строить другой музей, после которого, вероятно, явится страстное желание выстроить третий как венец создания. Я много работал и чувствую, что следует непременно остановиться на чем-нибудь положительном, а иначе не кончим начатого.

Могу вас уверить, дорогой Иван Владимирович, что задуманный нами Музей не уступит западным, а, может быть, в некоторых частях даже и превзойдет их.

²
Поездка в Германию в июне-июле 1899 г. была предпринята Цветаевым в связи с тяжелой болезнью его тестя А.Д.Мейна, который в Берлине прошел курс лечения у известного онколога Лейдена.

Когда приедете в Москву и увидите часть уже выстроенных зал, Вы убедитесь, что в них и достаточно места, света и воздуха, сами не найдете нужным вводить эти сложные перемены, о которых вы мне писали в вашем письме.

На постройке у нас все благополучно, уложено 1 200 0000 кирпича и 250 куб. саж. бута.

Жду с нетерпением вашего приезда в веселом, хорошем настроении и от души желаю облегчения больному.

П.В.Жуковский —
И.В.Цветаеву
Петергоф
18/30 июня
1899

Ваше любезное письмо от 10/22-го я получил еще в Гатчине, но в минуту нашего переезда в Петергоф. Спешу благодарить Вас за ваше доверие к скромным моим знаниям в деле искусства и сообщить вам, что был бы счастлив как-нибудь ими послужить вашему прекрасному детищу. Я рад чрезвычайно, что вы желаете дать почетное место в музее скульптуре Ренессанса. Думаю, что для выбора Берлин самое лучшее место, ибо в Б[ерлинском] музее собрано чуть ли не все то, что существует на свете. Вы пишете, что, вероятно, около месяца останетесь в Берлине. Как было бы хорошо встретиться нам именно там! <... >

Итак в надежде скорого свидания желаю вам всего лучшего и родственнику вашему удачное лечение.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Берлин
8 июля
1899

Мне, в силу очень опасного состояния болезни А.Д.Мейна, жилось все это время очень тяжело. <... > А бывали дни такие, когда вставал передо мною грозный вопрос, как я доведу больного до вокзала, как подниму его на лестницу и в вагон, да и повезу ли еще...

Я ушел здесь в немецкую скульптуру сред[них] вв., XV и XVI ст., разнообразя свои занятия эпохой Возрождения в Италии. По итальянскому Возрождению материалы здесь чудные, часто первостепенные. А знакомство с администрацией Музея ³ привело

³
Речь идет о Старом музее (Altes Museum) в Берлине.

к тому, что для нас соглашаются отлить некоторые скульптуры впервые в истории (!!). И я делаю заказы фаянсовых скульптур Луки Della Robbia, которых не видал и не нюхал ни один музей *мира*. П.В.Жуковский, прибывающий из Петергофа сюда на днях, обещает их покрыть эмалевыми красками по оригиналам, так что мы получим точное подобие их. <... > Раздобудем колоритные скульптуры и для средних веков, не говоря о нескольких портретах XV ст. итальянских школ. Трей мне указал мастерские такого рода в Берлине, Париже, Нюрнберге и Флоренции. Жуковский тоже увлечен мыслью поработать сам для нас в этом деле. <... >

56. Центральный зал Музея. Осуществленный проект

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
[август]
1899

Каждый день бываю на стройке. Вашего гранита навезли теперь по двум фасадам. Долго не приходили из Петербурга рабочие Брусова, но на днях приехал сам старик, рабочие вместе с десятником, мужиком очень толковым, приехали и теперь разбираются в камне, который сначала валили безтолку, не обращая внимания на знаки, стоящие на каждой плите <... > ставят у забора по Волхонке кузницу для оттачивания инструментов дикаршиков. С нынешнего дня начинается самая теска гранита

<...> по словам Клейна, отличного качества.
<...> Такая броня переживет всю Москву «белокаменную» и увидит отдаленнейшие времена, которые и вообразить нам теперь нет сил.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
4 сентября
1899

Третьего дня я присутствовал при подъеме каменных плит на дорические колонны и любовался легкостью и спокойствием, с которым делалось это дело рабочими Листа. Видно, что там устанавливается корпорация и школа. И те же наши мужички да не совершенно такие сравнительно с другими рабочими. Эти двумя степенями выше и в смысле внешней порядочности. Очень, очень приятно было устать на них — и спасибо молодому Листу, что он устанавливает дисциплину в своем производстве. <...>

Н.П.Кондаков —
И.В.Цветаеву
Санкт-Петербург
13 сентября
1899

<...> Действительно, ваша идея «Русской палаты» увлекает и меня, как — я думаю — и всех других, кому только известна. Самое счастливое соединение подобной Ruhmeshalle с Музеем будет осуществлено здесь впервые. Счастливо же оно потому, что оно доставит постоянных посетителей этой залы, чего подобные сооружения обыкновенно не достигают <...> Не буду передавать вам, насколько я заинтересован вашей идеей, но не могу и скрыть, насколько вижу здесь трудностей и опасностей. <...> Дело в том, что идея постройки христианской и именно восточно-христианской базилики хотя уже несколько раз возникала (в Москве, в Херсонесе и т. д.), но не была осуществлена нигде художественным зданием. Правда, мы имеем художественную орнаментiku В.М.Васнецова, и это очень много! Но когда я только припомню, что доселе давали в России и во Франции под именем византийских форм, невольно смущаюсь вопросом, что выйдет из этого плана. <...>

В.М.Васнецов —
И.В.Цветаеву
Москва
17 сентября
1899

Спешу ответить на ваше любезное письмо. Вашим светлым и благим начинаниям и мечтам не сочувствовать не возможно — главное, конечно, препятствие к деятельному участию в ваших начинаниях служит недостаток времени и ограниченность личных сил, которые почти все целиком уходят на выполнение уже взятых на себя огромных задач. Но, с другой стороны, хоть чем-нибудь не поучаствовать в таком объединяющем добрые плоды деле, — даже совестно, поэтому на клич ваш, ко мне обращенный, я не могу не отозваться с полным сочувствием. Тем более, что и время для выяснения дела очевидно будет достаточно и не так уже сейчас к спеху. Самая же задача — осуществление зала в русско-византийском характере меня крайне занимает и соблазняет.

Конечно, как и всегда за непреременный успех, с моей стороны, ручаться нельзя, но по мере сил... Такие же добрые советники, как Никодим Павлович [Кондаков], могут значительно придать энергии. Итак, милости прошу ко мне, когда вы вздумаете, и видеть и беседовать с вами и Никодимом Павловичем я буду весьма рад. <... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
2 октября
1899

Вчера мне Колесников сообщил надежду на устройство Катакомбы его женою, женщиной набожною. Ей понравились мои рассказы о Реймане и его подвижничестве. <... >

Теперь надо подумать, где собственно устроить катакомбу. Намеченное место под библиотекой мне не представляется удобным. Это настоящий зал, с большими окнами, что для катакомб вовсе не идет, а замуровывать изнутри окна, уже вырезанные из гранита, на таком видном месте нет никакого резона. Этот подвальный зал надобно сохранить для библиотеки, которая после *органически* спустится в это помещение из 1-го этажа. <... >

Так, дорогой мой, изменим план катакомбы и поместим ее *под* вестибюлем и под центральной частью внешней галереи, *до* крыльца. Эта часть темная, ни на что не нужная: ее и утилизируем...

Иду сейчас к И.И.Рербергу посмотреть конструкцию центральной части. А затем надо будет обдумать расходы на часть архитектурную и живописную. План надо будет заимствовать из действительности. Одну капеллочку возьмем целиком со всею росписью: она так хорошо сохранилась — и потолок, и стены. Но только вам будет необходимо повидать ее самим в Риме, вымерить ее, усвоить ее потолок с ломаными углами. Плафон этот один из лучших по сохранности живописи. Он Рейманом снят целиком, конечно, в уменьшенном размере — и его можно будет воспроизвести во всех подробностях. Затем надо будет на месте высмотреть еще и крипту наиболее характерную по живописи и архитектурному устройству. Остальную часть составит коридор или два с нишами по стенам для покойников.

Катакомба своей таинственностью, своим полумраком будет привлекать особое внимание. <... >

В.В.Стасов —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
9 октября
1899

Мой старинный приятель, профессор Никодим Павлович Кондаков, пишет мне, что недавно, в бытность свою в Москве, он виделся с вами и беседовал о возможности перевезти из Керчи в Петербург или Москву в один из музеев, замечательную фреску (II-го века по Р.Хр.), исследованную, описанную и изданную мною еще в 1875 году. К этому

57. Центральный зал Музея. Осуществленный проект

он прибавил, что этот проект мой встретил ваше сочувствие и что, быть может, вы решились бы содействовать его осуществлению. <... >

Я, со своей стороны, еще в середине 70-х годов думал о возможности и необходимости перенести эту важную и интересную фреску из Крыма в Россию, подобно тому, как в Париже и Лондоне много раз переносились фрески из Египта и Помпеи. Об этом предмете я тогда очень обстоятельно беседовал с покойным графом Серг[еем] Григ[орьевичем] Строгановым, в то время председателем Императорской археологической комиссии, и он очень желал

фреску эту перенести в Императорский Эрмитаж. Все это я рассказал *печатно* в своем исследовании о керченской катакомбе. Но, к несчастью, гр. С.Г.Строганов скончался, не успев привести этот план в исполнение, а сама фреска стала неизвестною и неотыскиваемой, за переменою или смертью археологического персонала в Керчи.

В недавнее время, как вероятно Вы знаете из газет, эта фреска и заключающая ее катакомба снова отыскана, а поэтому становится снова возможным, после 25 лет, подумать о дальнейшей участи их. <... >

В.В.Стасов —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
18 октября
1899

С великой радостью получил ваше письмо от 14 октября, где высказано ваше сочувствие по делу катакомбы. Я тотчас же написал Никодиму Павловичу в Ялту, и, по всей вероятности, мы скоро получим его согласие на посещение и осмотр этой катакомбы — о чем я поспешу тотчас же сообщить вам. В случае же согласия его, мне казалось бы необходимым направить в Керчь, для совместного осмотра, знаменитого *реставратора картин Эрмитажа*, А.С.Сидорова, о котором я докладывал 25 лет тому назад, как о способнейшем человеке для этого дела, покойному графу Сергею Григорьевичу Строганову. <... >

В.В.Стасов —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
30 октября
1899

Как я уже сообщал вашему превосходительству в предыдущем письме своем, я писал профессору Ник[одиму] Павл[овичу] Кондакову, в Ялту, и он отвечает мне, что, конечно, «ему нетрудно было бы (в случае надобности) съездить в Керчь. Но этой надобности он именно не видит, потому что не понимает, что он будет делать в Керчи, и что собою изображать? Иное дело профессор И.В.Цветаев (продолжает он): этот последний — хозяин дела и положения, может многое решить, прибавить, изменить. Нужно бы поехать А.С.Сидорову (реставратору Эрмитажа), можно было бы поручить дело г. Думбергу (состоящему при раскопках в Керчи), и этих двух лиц, сверх профессора Цветаева, было бы предовольно». <... >

Между тем по возвращении сюда, в Петербург, графа А.А.Бобринского из его археологической поездки на юг, я виделся, как с некоторыми наистарейшими членами Археологической комиссии, так и с ним самим и услышал от них, что сколько бы ни желательно было самой Комиссии заботиться водворением фресок катакомбы 1872 года в Эрмитаж <... > но сама Комиссия не имеет на то средств и, если управление будущего Музея Александра III в Москве сделает в Комиссию запрос, эта последняя выскажется вполне сочувственно делу переноса подведомственных

(так сказать) ей — катакомбных фресок из Керчи в Москву.

Последствие всего этого, и вашего желания ознакомиться с ходом дела этой катакомбы, прилагаю при сем краткую «записку»⁴, где я, между прочим,

4
В своей «Записке о Керченской катакомбе, открытой в 1872 году», Стасов писал: «Убедившись еще в Петербурге, раньше поездки в Керчь, даже на основании одних рисунков facsimile г. Гросса, в необыкновенной важности этих фресок, подумал, что было бы хорошо не оставлять на произвол судьбы этот капитальный исторический документ, эту красочную страницу летописей, — в Керченской громадной пустыне. Туда, среди бесчисленных других уже открытых или еще не открытых катакомб и гробниц Митридатовой горы, каждый праздный прохожий или жадный искатель кладов может пробраться по нескончаемой сети подземных коридоров и ходов и безнаказанно портить или уничтожать все попадающееся ему под руку. <...> Таким образом, я и пришел к мысли о необходимости сохранить столько же важно, сколько и интересную катакомбу нашу. Мне казалось возможным выпилить из горы если не все, то значительнейшие ее фрески, положить в ящики, залитые кругом гипсом и потом, со всевозможными предосторожностями перевезти в Петербург (если не по железной дороге, то, для большей предосторожности, морем), и потом поставить их на своих местах в катакомбе, воспроизведенной в одном из наших художественных музеев в величину оригинала, со всевозможной точностью. <...> Не полагаясь на одни собственные свои соображения, я советовался с некоторыми из заграничных знатоков дела, которых специальные занятия соприкасались с моим предметом: в Париже, с г. Вилло, директором картинных галерей в Лувре, и с знаменитым археологом

говорю о первых пробах и испытаниях, предпринятых еще 27 лет назад для укрепления песчаниковой массы, на которой написаны керченские фрески.

В заключение упомяну еще, что упомянутый мною выше реставратор Императорского Эрмитажа, А. С. Сидоров, несмотря на свои годы, полон энергии и технического мастерства и изобретательности, как четверть столетия тому назад, и этими качествами известен во всей художественной Европе. Если же бы, по каким бы то ни было соображениям, на одного Сидорова не признано было возможным возложить все доверие и все надежды — есть еще одно средство получить надежные указания и советы: это — обратиться к реставраторам и техникам неаполитанским, которым нередко приходилось и приходится вынимать фрески со стен помпейских зданий и переносить их в европейские музеи. Подобные же работы не раз производились также французами и англичанами в Египте.

Адриеном де-Лонперье; в Лондоне, с г.г. Ньютоном и Бирчем, консерваторами античных и восточных коллекций в Бригтанском музее. Все они признавали мое предположение, конечно, затруднительным в исполнении, но ничуть не невозможным. Некоторые из них полагали, что всего лучше было обратиться к знаменитому Фиорелли, директору Помпейских раскопок, который естественным образом часто имеет дело с фресками и нередко обязан снимать их с места и переносить в музеи. Главный вопрос при этом состоял в том: посредством какого состава укрепить и связать тот хрупкий известковый слой земли, на котором написаны по тонкой известковой штукатурке фрески — без подобного укрепления немислимо было никакое выпиливание. <...>

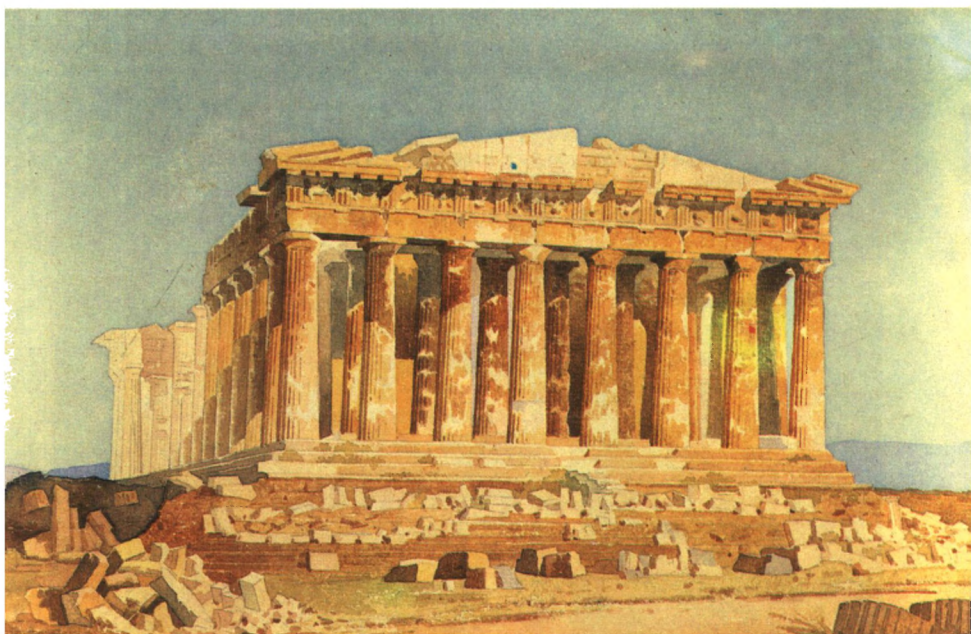
Наиважнейшее историческое и этнографическое значение фресок, покрывающих стены этой катакомбы, единогласно признано как русскими, так и западноевропейскими археологами, и изображения этих фресок входят, в настоящее время, в состав всех художественно-археологических и художественно-исторических атласов современной Европы. Поэтому, казалось бы, в высшей степени желательно и необходимо было бы перенести эти фрески из Керчи в новосоздаваемый Музей Александра III. Здесь они составили бы, конечно, одну из главных и редчайших драгоценностей собрания. Техническая осуществимость такого предположения представляется, при нынешних технических средствах, вполне возможной.

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Москва
29 октября
1899

Очень я был бы рад, если бы вы на меня и на себя рассердились да, оставивши жизнь кочевника, вечно снующего по Москве из-за ста разных дел, засели за серьезную работу, которой отныне суждено стать центральной и главным свидетелем вашего художественного вкуса, исторических познаний и технической опытности.

Я разумею «Палату», это единственное художественное пятно во всем обширном здании Музея. Остальные наши залы, по необходимости, имеют вид коридоров, в которых архитектурному полету негде и незачем было разыграться. Но эта Палата и по коренному месту в системе здания и по предстоящему ей назначению, это для вас и вашей художественной репутации — пробный камень. <...>

Р.И.Клейн. Парфенон. 1899. Акварель

Кто в вас не нуждается и принадлежите ли вы себе, своим думам и мечтам хотя один день в неделю? Нет, мой друг, это не жизнь архитектурного композитора, а какая-то толчея в ступе, какое-то вечное горенье вопросами и интересами, которым и числа нет.

Москва велика, она истолчет всякого, как толчет она и вас, вынуждая размениваться на мелочи. Чужих запросов вам всех не удовлетворить, заказов у вас и было и будет всегда много. Только теперь, когда вы взялись за историческое ваше дело, подобного которому и не будет у вас более в жизни, эти заурядные заказы лишь во вред и делу и вам.

Нельзя работать в одно и то же время и Богу и Мамоне. <...> Исторические задачи не исполняются без самоотречения, без уединения, без отказа от повседневных, будничных интересов и выгод. <...>

Простите, дорогой Роман Иванович, эти речи; они вызваны боязнью за сущность дела нашего, за вас и ваше имя во мнении сведущих и истинно серьезных судей.

<...> Вам нужно уехать из Москвы и запереться, на месяц — на 2, где-нибудь в библиотеке в Берлине, Дрездене, и там поработать. <...>

59. Р.И.Клейн. Памятник Лисикрата в Афинах. 1899. Акварель

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
13 декабря
1899

< ... > Написал я В.М.Васнецову просьбу, чтобы он вам и мне назначил день и час для беседы о живописи Палаты. Мысль о сюжетах из русских былин для плафона ему должна бы прийти по сердцу — и лучшего истолкователя таких тем в живописи нет в России.

Но в сношении с ним по этому вопросу необходима большая осторожность. Я не решился бы в вашем эскизе намечать живописью эти темы. Нужно, чтобы он сам пришел к мысли остановиться на этом сюжете. А то ему, при его имени, являться лишь исполнителем чужой темы нельзя. Необходимо, чтобы эта мысль им овладела мало-помалу и чтобы он ею воодушевился. Тогда успех дела будет обеспечен — и мы можем получить от его кисти нечто могучее и слабое.

Станем подходить осторожно. Тем временем я стану сноситься с лучшими знатоками былевого эпоса и обсуждать с ними, какие сцены и сюжеты живописуют русскую мощь в этой области народного творчества. Не далее как ныне, от 3 до 5 ч., я буду рассуждать об этом с проф. русской словесности Миллером, лучшим знатоком нашего былевого эпоса, и наметим несколько тем вместе с указанием, где прочесть соответственные былины.

Васнецов, впрочем, и сам знает главные тексты, так как он в молодости иллюстрировал былины для разных издателей.

Но весь секрет, чтобы увлекся Виктор Михайлович этим делом: тогда таких Муромцев и Микул Селяниновичей он подарит Музею, что только ахнешь.

В.М.Васнецов —
И.В.Цветаеву
Москва
15 декабря
1899

С великим удовольствием рад буду вас видеть у себя во всякое время. Если Вы с г. Клейном захватите с собой чертежи и рисунки, то это конечно послужит и лучшему решению вопросов нас интересующих. Раз уже рисунки составлены, то особенных затруднений при разработке вопроса об орнаменте, я думаю, не представится, тем более, что заданному стилем уже составленного архитектурного рисунка, характер орнамента предрешен в значительной степени. < ... >

Искренно желаю вам успеха в вашем благом просветительском деле.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
16 декабря
1899

С радостью извещаю вас, что В.М.Васнецов откликнулся на письмо о ваших рисунках и модели Палаты самым сердечным образом. < ... > Он ждет нас обоих. < ... > Ах, как я хотел бы дожить, чтобы и вы были стариком, а я и большим стариком, чтобы видеть вместе людей с Невы и из пламенной Колхиды, от

60. Национальный музей в Будапеште

Вержболово и... ну, хоть до Порт-Артура, собирающихся любоваться Клейно-Васнецовской Палатой...

Давайте жить до тех пор.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
1 января
1900

Просим вас с Натальей Андреевной принять наши сердечные поздравления к Новому Году с наилучшими пожеланиями для всего вашего семейства.

Все святки мы проводим у больной Мейн, где я почти ежедневно выдаюсь с вашим хирургом, г.

Астраган (?), как мне его назвали, не знаю, так ли. Он очень любит все ваше семейство, начиная с Вашей матушки и кончая Катенькой⁵. Завтра я на погребении отца моего младшего сослуживца.

⁵
Дочь Р.И.Клейна, Екатерина Романовна.

⁶
Речь идет о старшей дочери Ивана Владимировича Валерии Ивановне Цветаевой.

Зачем это вы делаете визиты по праздникам? Как вам не стыдно такое легкомысленное деяние? Предоставьте это молодым людям вроде А.Н.Демосфенова, которому скакать по Москве в этикие морозы, как и всем пламенным юношам, решительно нипочем.

Завтра должен сначала свезти дочь⁶ в один дом, потом ехать к Захарьиным обедать, оттуда поеду за дочерью. Целый день в разъездах и по таким разным поводам.

На ближайшие дни падает спешное окончание срочной статьи, уже начатой печатанием: редактор был два раза, чтобы получить окончание. Послезавтра дочь собирает подруг по Институту: надобно будет помочь ей в приготовлениях.

Не позволите ли нам с женою приехать к вам

7
Д.В.Айналов.

6-го, в Крещение, вечером, к 8—8 1/2 часам. Ей хочется быть у Натальи Андреевны и видеть вашу великолепную модель с этюдами Палаты.

Палата, долженствующая сделаться *un clou* Музея, обращает большое внимание историков искусства и археологов. Один казанский профессор⁷ прислал мне описание торжественных палат византийских дворцов. Посылаю его вам: не придется ли сделать новый этюд по этим данным? Мысли у него есть хорошие. Он — специалист Византии, именно Византийского искусства.

Вчитайтесь внимательно. После его покажем Васнецову. Автор этой записки ученик и сотрудник проф. Кондакова.

Что, залу с 4 нишами, по указываемому здесь историческому образцу, можно ли проектировать у нас? Базилики с ее *церковным* характером, при назначении нашей Палаты, надобно бояться. Иначе после нас *осмеют* за неуместную лесть, как бы апофеозой императора Александра III. Этой опасности нужно избежать, устранив церковные формы совсем.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
22 января
1900

Не спешим ли мы с выбором уральского мрамора? Камень этот в Москве неизвестный, совсем не то что коломенский доломит, прочность которого доказана храмом Спасителя. Но и при избрании этого камня мы действовали очень осторожно, запросивши мнения проф. Белелюбского. Не рискованно ли положиться в вопросе уральского мрамора только на торопливое испытание лаборатории Инженерного училища, еще авторитета не заработавшего по своей молодости?

Другой вопрос: можно ли сделать заказ по маленьким кусочкам, присланным в Москву в виде образца? Эти кусочки, разумеется, перлы в среде остальной массы. Можно ли, далее, решать столь коренной вопрос во всем вашем сооружении *заочно*? Как-никак, а нужно будет съездить на Урал и всего естественнее, конечно, вам.

Это у вас отнимет недели 3: этот срок в данное время в отношении Музея не имеет никакого значения. Остальные ваши работы — побочные, которым ваше трехнедельное отсутствие если и принесет некоторое замедление, — туда им и дорога. Заказчики вас малую толику потеряют, побранят, а потом все-таки успокоятся. Работы все равно будут, хотя и крошечку позднее, окончены. < ... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
30 января
1900

<...> Ю[рий] С[тепанович] вчера очень
облюбовал зеленую «яшму» для колонн и, к моему
восторгу, остановился на тонкой пластинке также
светло-зеленоватого камня с золотистыми жилками
и крапинками, как на материале для облицовки стен
лестницы: «и цвет, и толщина лещади прекрасны:
нам (!) ведь толще не нужно», говорил он.
Я ушам своим не верил, что как быстро, легко

61. Р.И.Клейн. Египет. Пальмы. Конец 1890-х. Акварель

и по собственной инициативе Ю[рия] С[тепанови]ча
возбуждается этот чудный вопрос, обещающий чудную
лестницу и entrée воистину царское. Лист говорил мне,
что такая лестница будет в наше время первую
в России и что материал для нее должен быть русский,
который, по его словам, и необычайно дешев и прямо
великолепен по своему цвету и достоинству.

Но вчера же Ю[рий] С[тепанови]ч сказал, что
этот камень и для колонн, и для облицовки будет
нужен через 4 года, когда эта часть здания осядет.

Кстати, об осадке. Вчера вечером у меня был об
этой лестнице разговор с графиней Уваровой.
Сидевший при этом разговоре кн. Щербатов сказал,
что в Историч[еском] музее тоже стенки лестницы

62. Остров Филэ. Храм Исиды

облицевали *мраморной плитой*, но плиту после осадки выперло и потому пришлось после переделывать облицовку снова. <...> Это мне представляется невозможным: после открытия пропадет интерес к Музею — и облицовка камнем, пожалуй, не состоится. Нельзя ли, сейчас по выкладке стен лестницы, нагрузить их чем-либо в степени равной давлению каменных колонн? Ю[рий] С[тепанович] считает вес каждой колонны в 1 000 пудов: 20 колонн будут весить 20 000 пудов. Тогда, года через 3 от сего времени или вернее после будущего лета, можно было бы и облицовывать стены лестницы, не опасаясь осадки. А что это будет за лестница!

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
27 июня
1900

<...> Ныне я видел удвоенную работу наших «египтян»⁸: одни из них ковали гранит, другие волочили камни по легоньким круглякам, третьи поднимали их на спину. И какой выносливый и привычный народ к этой тяжелой работе тверские крестьяне! По острым, как нож, осколкам крепчайшего гранита они не только ходят босиком, но молодежь, парни 17—18 лет, босиком же и волокут по такой мостовой тяжелые куски этого камня <...> Усевшись на большом куске гранита, я под этот стук думал

⁸ Гранитчиков за их неторопливую работу Клейн в шутку прозвал «египтянами».

<...> великую славу и память куют эти люди щедрому <...> дарителю этой чудной крепкой брони нашего здания. Этим камнем, этими великолепными фасадами Юрий Степанович <...> связал свое имя с Музеем. Хорошее употребление своих средств богатым человеком.

И. В. Цветаев —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву
Москва
16 июля
1900

<...> Проодинокествовавши вчерашний крайне жаркий и душный день, вечером я пошел на стройку полюбоваться белым мрамором при лунном освещении. Луна высоко поднималась над храмом Спасителя и серебрила нашу и без того белую от камня площадь. Кругом Музея было пусто и тихо по случаю праздника; итальянцы ушли гулять по городу, разбрелись и «египтяне» от своего гранита. Походивши между камней этой московской Каррары, как нашу площадь теперь величают, я вызвал сторожа и поднялся на стройку. Вид открывшийся оттуда был такой особенный, что этот мрамор, гранит, кирпич в поэтическом беспорядке покрывавшие площадь, эта луна, отражавшаяся и на золотом куполе храма и бросающая полосы серебристого света на камень Музея — меня живо перенесли в такой же лунный вечер, проведенный мною два года назад, летом в портике Altes Museum и Национальной картинной галерее Берлина. Тогда, сидя на каменных ступеньках тамошних портиков, я любовался дивной картиной окружавших монументальных сооружений и массою камня, собранного здесь около строившегося собора, и мечтал о нашем предприятии <...> И как тогда, два года назад, так и вчера мне было очень хорошо, я чувствовал себя глубоко, беспримерно счастливым.

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Таруса
16 августа
1900

Завтра исполнится два года после чудного, феерически-волшебного праздника закладки Музея. Вспомните наше тогдашнее состояние в нынешний день, наши бесчисленные хлопоты, тысячу дел, которые оставалось доделать, и нашу дружескую беседу у вас в доме, затянувшуюся далеко полночь, когда я, возвращаясь домой и не найдя извозчика на Девичьем Поле, с восторгом уселся вместе с кучером конно-желез[ной] дороги, развозившим на платформе песок по линии и так спокойно доехал до самого Тверского бульвара.

Сердечно обнимаю вас ныне, когда вы с гордостью можете смотреть на сделанное в эти два года: вы сделали для вашего исторического создания, которое пронесет ваше имя в отдаленные роды потомства, пока все, что было в вашей власти как архитектора. Никто другой большего исполнить не мог бы — в данных условиях. Не задержи вас камень,

фасадная стена и бока блистали бы теперь на значительную высоту своею вековечною броней, и вы с нашим верным союзником Иваном Ивановичем Рербергом не изобретали бы способов, как бы протянуть дело и сделать его возможно меньше, пока не появится у вас камень в достаточном количестве и пока не войдут в свою роль Лист и Захаров.

63. Р.И.Клейн. Вид храма на острове Филэ. Конец 1890-х. Акварель

С глубоким чувством вспоминаю ныне Юрия Степановича, совсем юношей носившегося в те незабвенные дни по всей Москве из-за дел Музея и закладки. Не знаете ли, когда он будет в Москве? Как будто вы говорили мне, что около 17 августа он придет в Москву. Я буду у вас в воскресенье, если вы не удерете на охоту. С Курского вокзала я спрошу тогда вас телефоном. <... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
15 сентября
1900

Сейчас видел Быховского. Он охотно передает каменное дело Листу, горячо сетуя на себя за то, что взялся не за свою задачу. Человек он несомненно очень хороший, но каменолом никуда негодный. Он мне сказал, что Лист и Демосфенов во вторник едут в Данковское имение к Юрию Степановичу. От всего сердца радуюсь, что дело приняло такой исход. Теперь мы наверное получим мрамор в нужном количестве.

64. Р.И.Клейн. Храм в Карнаке. Конец 1890-х. Акварель

А Быховский собирается разыскивать цветные мраморы, чтобы после указывать на них Листу.

Будете ли делать палатку в подвальном этаже для кладей? Ящики из Афин уже получены и находятся в Университете. Я ныне видел их. Если хотите осмотреть содержимое их, изберите праздник, приезжайте ко мне и возьмите человечка, который сумел бы остороженько вскрыть их. Тогда увидите ваши «детали» Эрехтейона.

Пришли и 32 ящика из Лондона с гипсами Фриза Парфенона. <...>

В.Д.Поленов —
И.В.Цветаеву
Москва
3 октября
1900

<...> Что-то наш Музей? Вероятно уже много подвинулся, и как стоит дело о судьбе картины Иванова, неужели нам не удастся ее с подобающей ей честью поставить в новом Музее и окружить дивными к ней этюдами? Я надеюсь на ВАС!

Н.И.Романов —
И.В.Цветаеву
Москва
8 ноября
1900

Поздравляя с тридцатилетием научной и педагогической работой в Моск. Alma-Mater, желаю вам всего лучшего, а особенно здоровья, чтобы вы, без чрезмерного напряжения своих сил, могли успешно завершить то громадное дело, на кот[орое] вы, не жалея себя, работаете в течение последних лет — Музей Из[ящных] Искусств]. Я убежден, что такое общеобразовательное учреждение в центре России не только поднимет у нас историю искусства как науку, воспитав целый ряд сил, готовых посвятить себя ей, но и окажет громадное влияние на художественное развитие нашего общества и его отношение к искусству. Я думаю, что Музей будет не только замкнутым научным институтом, но *живым воспитателем, доступным для самого широкого* круга посетителей. Я убежден, что и простой народ найдет здесь чему поучиться, Музей докажет, что искусство не роскошь, а великий культурно-исторический фактор. <...>

Я вспоминаю себя студентом, как я слушал ваши лекции по рим[ской] литературе и древностям. В этих лекциях была какая-то особая внутренняя жизнь, живые образные характеристики, отчетливость мысли, изящная форма и дух любви к науке, который согрелал изложение и делал близким для нас даже самое далекое.

Этот дух жизни, враждебный всякому буквоедству, широко поднимающий задачи науки и общего образования, присутствовал всегда в вашей деятельности и отличал вас от других в отдельных временах. Мне кажется, что эта ваша черта стоит в связи с вашим знанием *русского человека*, пониманием его потребностей и любовью к нему. Я искренно и сердечно желаю, чтобы в Музее — *Вашем детище* — *никогда не умирали этот жизненный дух, присутствующий его отцу.*

Нельзя забыть о вашей беготне и хлопотах по поводу студентов, замешанных в последней студенческой истории: все это делалось просто, не на показ, в силу не деланной, но врожденной черты, которую поэтому ценишь еще больше. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
13 ноября
1900

Нынешнюю осень и зиму я все хвораю. <...> Много времени пришлось мне просидеть не выходя из дома. Во весь последний приезд Ю[рия] С[тепановича] я не мог быть у него ни разу.

Вы заехали ко мне перед отправлением

в Париж, но тогда я был в Петербурге. Так мы и не видимся очень давно, противно многолетним нашим с вами сношениям и отношениям.

Третьего дня мне сказали, что и вы были больны за это время свирепствования инфлуэнцы в Москве. У нас она перебирает одного за другим; сейчас больны жена и я. <...>

Ноябрь, ожидаемый приезд из-за границы Великого князя и прибытие сюда не сегодня-завтра на продолжительное время Ю[рия] С[тепанови]ча побуждают меня озаботиться составлением годового отчета.

Минувший год у нас был тихим, но зато исключительно деловым годом, который в значительной доле превратил прежние мечты, замыслы и планы в осязаемую действительность. Но так как эта последняя — исключительно архитектурного свойства, то будьте добры поручить И.И.Рербергу составить для моего отчета подробный перечень *всех работ*, произведенных вами к закрытию строительного сезона, снаружи и внутри здания, а равно и производящихся теперь братьями Бромлеями. <...>

Рядом с этим будьте добры *нарисовать* картину того, что вы намерены и надеетесь сделать в будущий строительный сезон. А так как последнее зависит от Листа, то по телефону снесите с ним, спросивши его, как идет у него ломка на Урале, доволен ли он ею и что он *надеется* сделать по фасадам здания будущим летом.

Эта картинка триумфов будущего нужна для доклада⁹ в Комитете, чтобы вызвать в членах его

наилучшее, радужное настроение. Пожалуйста, но только не очень уже врать насчет грядущего. <...>

Из иных поступлений для Музея следует затем с благодарностью отметить дар члена-учредителя Комитета Ивана Андреевича Колесникова, внесшего в минувшем апреле в Комитет 7 000 руб. на приобретение копий с древнехристианских мозаик храмов города Равенны. Копии сии, будучи плодом многолетних работ покойного равеннского археолога Ланччани, являются единственными в своем роде и, вместе с Реймановскими картонами по живописи Римских катакомб после 12-летних трудов ныне законченными, составят единственное и драгоценное приобретение Музея.

За отчетный год продолжали и продолжают доселе поступать из Италии и Германии художественные копии с главнейших произведений скульптуры эпохи Итальянского Возрождения, делаемые за счет члена-учредителя Комитета Александры Григорьевны Подгорецкой, рожденной Захарьиной, которая,

9

Доклад был прочитан Цветаевым на заседании Комитета, которое состоялось 16 декабря 1900 г. в доме генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича под его председательством. Присутствовали: товарищ Августейшего председателя гофмейстер высочайшего двора Ю.С.Нечаев-Мальцев, графиня П.С.Уварова, попечитель Московского учебного округа П.А.Некрасов, ректор Московского университета проф. А.А.Тихомиров, генерал-лейтенант М.П.Степанов, шталмейстер высочайшего двора П.В.Жуковский, гофмейстер высочайшего двора В.К.Истомин, инспектор студентов Р.И.Державин, проф. Д.И.Иловыйский, князь Н.С.Щербатов, строитель музея Р.И.Клейн, Н.Н.Трескин, А.Е.Арманд, И.А.Колесников, К.А.Казначеев, М.А.Морозов, Л.С.Поляков, Ф.И.Прове,

65. И.В.Цветаев, Р.И.Клейн, Ю.С.Нечаев-Мальцев, И.И.Рерберг в группе итальянцев-мраморщиков на Колымажном дворе

Н.И.Романов, А.Д.Способин, фотограф Музея К.А.Фишер и др. (Полный текст выступления см.: Речь, произнесенная в годовичном заседании Комитета Музея 16 декабря 1900 г. проф. И.Цветаевым. М., 1900, с.1—33.) Приводим несколько наиболее интересных фрагментов.
<...> Его императорскому величеству благоугодно было пожаловать Музею изящных искусств коллекцию расписных греческих ваз и различных предметов греческой древности, найденных близ города Керчи и в разных местах северного побережья Черного моря. <...> В отчетном году особое доказательство внимания к делу преуспеяния нового Московского Музея дано также Греческим Министерством Народного Просвещения, которое прислало ему в дар обширный транспорт гипсовых отливов со всех замечательных частей Афинского храма

находясь в настоящее время во Флоренции, сама там следит за исполнением делаемых от имени нашего Комитета отсюда заказов. Получен Музеем большой транспорт портретных бюстов работы Донателло, Дезидеро да-Сеттиньяно, Мино да Физоло, Бенедетто да-Майано, Антонио Росселино, Андреа Верроккьо, Маттэо Чивитали, Франческо ди-Лаурана, Кавалли Витториа и превосходные произведения неизвестных мастеров XV—XVI ст., — с изображениями, между многими другими, нескольких представителей знаменитых исторических родов разных областей Италии, этих Медичи, Сфорца, Строцци, Гонзага и др. <...>

Из Берлинского Королевского Старого Музея (Altes Museum) получены и первые образцы раскрашенных скульптур Луки и Андреа делла Роббиа, исполненные под наблюдением директора Берлинского Музея д-ра Вильгельма Бодэ, этого прославленного специалиста скульптуры Итальянского Возрождения.

Как замечательное по своей исключительности почитают долгом отметить приобретение, на средства

66. Владимирские рабочие на стройке Музея

Эрехтейона, по справедливости считаемого в истории искусств перлом ионического стиля, столь блистательно развившегося на почве Аттики во второй половине V ст. до Р.Хр. Отливывши имеют величину оригиналов и сделанные, при авторитетном участии директора древностей и археологических раскопок в Греции, г.Каввадия, прямо для нашего Музея, в большинстве двойники себе досель не имеют нигде. <... > Ю.С.Нечаевым-Мальцевым, кроме того, в истекшем году принесены Музею: гипсовые отливки со всего ионического фриза Парфенона в количестве 102 плит, сделанные, по заказу его, в Лондоне форматорм Британского Музея Бруччиани, и полная коллекция больших фотографий с оригиналов того же фриза — Парфенона. <... >

одного из наших сочленов, для зала Парфенона большой модели Афинского Акрополя, сделанной в $\frac{1}{425}$ долю этой горы. <... >

Эта модель — самая большая по размерам из существующих доселе <... > наш образец пополнен указаниями на самые последние открытия, сделанные на Акрополе, — согласно наставлениям живущего в Афинах профессора Дёрпфельда и профессора Страсбургского университета Михаэлиса. Приобретенная модель Афинского Акрополя замечательна и тем, что все наименования руин и урочищ нанесены на нее рельефом по-русски, в каковой работе любезно принимал участие настоятель Русской посольской церкви в Берлине, о. протоиерей А.П.Мальцев, — корректировавший здесь русские начертания <... >

Февраль месяц того года ушел на собиране сведений о залежах камня в разных местах Урала и на организацию особой экспедиции туда с этой целью.

11-го марта снаряженная экспедиция выехала из Москвы в Уфимскую губернию под личным руководством Ю.С.Нечаева-Мальцева. Последствием этой поездки, в которой принимали участие строитель

Музея Р.И.Клейн, инженер-механик А.Н.Демосфенов, производитель каменных работ в Москве Захаров и один московский комиссионер по сбыту уральского камня, было ознакомление с залежами белого мраморовидного доломита в Златоустовском уезде Уфимской губ., близ станции Самаро-Златоустовской ж.д. «Кусинская платформа». Камня найдены залежи на месте очень большие, а произведенные заранее одновременно специальные испытания свойств его строения профессором Н.А.Белелобским в Петербурге и лабораторией Императорского Московского Инженерного Училища единогласно засвидетельствовали пред Строительной Комиссией Музея замечательную его плотность. <... >

Этот каменный вопрос, пережив тяжелые и продолжительные испытания и доставивши Ю.С.Нечаеву-Мальцеву много забот и огорчений, в настоящее время находится в опытных и сильных руках. Ломка камня Г.Листом ведется теперь с особенной энергией и под руководством специального Вгучmeister'a, курляндского уроженца, много работавшего в каменоломнях за границей; рабочих поставлено на дело, по донесению Г.Листа, весьма значительное число; установлена строгая последовательность работ как по выламыванию камня, так и по первой его обтеске; для доставки его с горы к ближайшей станции железной дороги проводится Г.Листом особый подъездной рельсовый путь. По полученным в Комитете сведениям, с ближайшего января начнется доставка камня в Москву и в самом начале строительного сезона 1901 г., вполне обработанный облицовочный камень пойдет уже в кладку стен. <... >

Представленная архитектором Музея смета расходов на предстоящий строительный сезон 1901 г. указывает на необходимость иметь наготове 540 000 руб. <... > Денежные расходы Строительной Комиссии за отчетный год выразились в сумме 116 683 р. 48 коп. <... > а всего истрачено Строительной Комиссией до сих пор 383 389 р. 19 коп.

Заключая обозрение результатов отчетного периода, мы видим, что минувший год был деловым годом по преимуществу. Деятельность по устройству предпринятого Музея усиленно развивалась и в Москве и в Петербурге, в скалах Финляндии и на горах Урала, в Лондоне и Афинах, в Берлине и Риме, во Флоренции и Равенне. <... >

Пережитое время принесло нам, правда, и неожиданные затруднения и большие заботы; но они горячей любовью к делу и твердой волей одного из нас властно устранены — и дело снова поставлено на гладкий и надежный путь.

Профессор Трей, работающий надъ восстановленіемъ
Фронтоновъ храма Зевса въ Олимпіи по гипсовымъ слѣп-
камъ Альбертинимъ въ Арзентъ въ 1891 году.
Залъ Олимпіа.

Даръ профессора Трейа Музею Ивана
Цветаева Московскаго Университета.

А потому хочется верить, что в предстоящем году Университетский Музей Императора Александра III в Москве достигнет той высоты, откуда уже будет можно видеть начало его благополучного завершения.

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
23 декабря
1900

<...> Вчера был у меня Георг Лист <...> Он привез мне большое донесение от его уполномоченного на Урале, который пишет, что объездил все места, известные по залежам мраморов <...> но все его старания отыскать цветные монолиты не привели ни к чему. (Их оказалось, по словам Листа, легче найти в Венгрии, Швейцарии, Норвегии, чем на Урале).

В.М.Васнецов —
И.В.Цветаеву
Москва
4 марта
1901

Приношу Вам глубокую благодарность за присланный диплом и название действ. члена Комитета Музея имени Имп. Александра III. Удостоенный великой чести боюсь быть ее не достойным. <...>

В.М.Васнецов —
И.В.Цветаеву
Москва
12 апреля
1901

Очень рад хоть малым послужить Вам. — Только до утра воскресенья, к сожалению, не могу быть в Музее, т.к. отлучусь из Москвы. На следующей неделе, в понедельник или вторник, в указанные часы постараюсь быть у вас в Музее и передать вам подлинное впечатление свое от картин.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Таруса
3 июля
1901

Не знаю, приедет ли Ю[рий] С[тепанови]ч в Москву теперь, так как и двух недель не прошло с начала его лечения водой. Он хотел прервать его именно через этот срок.

На всякий случай я просил генерала Степанова описанием волшебств нашей будущей лестницы и всего этого царственного входа, рóвне которому нет ни в одном царском дворце — предрасположить их высочества *особо милостиво* принять Ю[рия] С[тепанови]ча, если он явится с образцами мраморов в Ильинское. <...>

Сейчас у меня целый лазарет: больны жена и две дочери. Что-то вроде холерии. Выехать не могу. Если пройдет беда, приеду 9-го числа.

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
20 сентября
1901

<...> Белый мрамор стал уже поступать на Колымажный двор по вагону в день или около того, но камень привозится не той меры, какая нужна для нижних рядов <...> Слава Богу, что возят камень, хотя и не той меры, какая нужна теперь. Этот камень наш, и не ныне, так завтра уйдет он в стены Музея. При дальности Урала и это должно служить нам немалым утешением. Хорошо было облицовываться храму Спасителя, когда коломенские ломки были под боком. <...> Легко возводить монументальные сооружения

за границей, где и камня всякого много и разработка его налажена веками и расстояния для перевозки крошечные, сравнительно с нашими <...> Но с этими расстояниями и с условиями добывания мраморных глыб из девственных недр Урала, при недостаточности и непрочности рабочих, — ничего не поделаешь. <...>

И. В. Цветаев —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву

Москва
30 сентября
1901

<...> Много мы [Кондаков, Васнецов, Цветаев — А. Д. и Л. С.] спорили насчет составления проекта рисунка этого фриза¹⁰. Васнецов и другие собеседники были такого мнения, что если Поленов возьмется за реставрацию отпавших частей, то под его руководством чертежники и рисовальщики отлично де исполнят все дело. Я же сомневаюсь, чтобы у Поленова хватило энергии на эту работу. <...>

10
Речь идет о компоновке
наружного фриза с изображением
Панафинейского шествия.

П. В. Жуковский —
И. В. Цветаеву

Москва
5 января
1902

Простите, что так поздно приношу вам мои сердечнейшие пожелания с Новым годом и мою благодарность за ваши любезные строки от 31 <...>. Все это время я был очень простужен и не выходил во время холодов. Теперь <...> надеюсь на днях наконец видеть новые устройства вашего музея¹¹, которые привели в восторг Д. А. Хомякова.

11
Из Речи, произнесенной в годичном заседании Комитета Музея 20 февраля 1902 г. Проф. И. Цветаевым (М., 1902, с. 1—55).
<...> Лишь на 4-е лето со времени начала строительных работ архитектор Музея, узнавши уже много разочарований, мог приступить к укладке уральского мрамора <...>. Неудачи на Урале отражались застою мраморных работ у нас, и партия итальянских каменотесов, выписанная Георгом Листом, оставалась, за недостатком камня, иногда без дела, а чтобы чем-нибудь занять этих дорогостоящих рабочих, приходилось их временно посылать на другие подряды и стройки в Москве <...>, а потому появление обоза с белым мрамором у ворот музейской загороди было приветствуемо всякий раз общою и шумною радостью и почти о каждом таком вагоне летело послание к Ю. С. Нечаеву-Мальцеву, который в течение минувшего лета то и дело приезжал к нам всячески подталкивать это затянувшееся дело. Телеграф между Московскою конторой Листа и каменоломней на Урале работал почти каждый день.
<...> Вся административная машина музейского дела

Очень буду рад побеседовать с вами также 12 ч [исла] янв. о залах музея Александра III и мечтать о Ренессансе. Но как мне старику приступить к такой обширной задаче? Как-то не верится, что достанет сил. <...>

Не разрешите ли вы мне вступить в сношения с проф. Треем? Прежде всего необходимо сделать рисунок из фидиевских плит Парфенона так, чтобы две ленты панафинейской процессии приближались от углов к центру. Этого рисунка в Москве сделать некому <...> Если бы мне разрешено было это вами, я приступил бы немедленно, так как Клейн торопит с определением масштаба всего фриза. Для него важно, чтобы архитектурные детали портика не убивали скульптуру и чтобы последние своими размерами не нарушала гармонию архитектурных линий.

находилась в постоянном движении, сделавшем минувший строительный сезон поэтому особенно памятным по стечению затруднений и всех несбывшихся надежд и расчетов. <...> И если при всех исключительно невыгодных складывавшихся обстоятельствах, все-таки первый этаж Музея получил в отчетном году свою мраморную облицовку, то не будет слишком смелою наша надежда увидеть будущее

осенью всю облицовку здания уже совершенно законченною. А с этим откроется путь и к завершению железобетонных перекрытий Музея. Перекрытия сии за отчетный период производились, по донесению строителя Р. И. Клейна и его помощника И. И. Рерберга, с замечательною аккуратностью и уже достигли значительных размеров. Железные балки, стропила, связи и вся железная

арматура для стекла уложены по всему заднему фасаду и в оконченных кладкой боковых частях. Свое дугообразное перекрытие получают и световые дворы, предназначенные для обширных скульптур и архитектурных памятников. Эта работа братьев Бромлеев идет безостановочно и лето и зиму, так что если наружные стены Музея, в мраморной его части, будущим летом встанут во всю свою высоту, кровля над всем зданием к следующему 1903 году явится несомненно. <... >

Успешно, за отчетное время, двигались работы и по установке системы отопления в задней, отстроенной части Музея. Фирмой «Залесский и Чаплин» сделаны необходимые для того приспособления, установлены и замурованы котлы и подготовлена установка батарей, так что с будущего года эта часть Музея, в случае надобности, могла бы в нижних этажах уже отапливаться. <... >

Минувший год был <... > трудным и глумим временем борьбы с препятствиями и работ, для постороннего зрителя не особенно видных. <... > Однако отчетный период отмечен и таким событием, которое <... > перенесило воображение многих из нас в область как бы волшебного и сказочного. Это событие — привнесение Ю.С.Нечаевым-Мальцевым Музею блестящей мраморной лестницы и богатого убранства для всей лестничной клетки. Московский Музей Изыщных Искусств получил с этим даром вход решительно превосходящий входы почти всех музеев мира или, по крайней мере, всей Европы, за исключением разве создаваемого в настоящее время художественного музея в Венгрии, в Будапеште <... > Что же касается России, то даже Императорский Эрмитаж с его превосходными яшмовыми колоннами отныне должен уступить свое первенствующее место московскому Музею. Пред нами лежат образцы этих прекрасных мраморов южной Венгрии, которые с ближайшего же строительного сезона начнут получать себе место сначала в столбах колоннады, на ступенях, а позднее и на стенах всей лестничной клетки. Темно-розовый мрамор пойдет на моволиты колонн, которых будет 24, темно-пунцовый мрамор покроет стены прилегающие к лестнице, имеющей 67 ступеней;

этот желтый, такого теплого тона камень пойдет на лестницу, светло-коричневый на греческую балюстраду колоннады и на пилластры, молочный, темно-красный, дымчатый на большое панно и серпантин на цоколе стен всей лестничной клетки, <... > этот царственный вход должен будет производить востану чарующее впечатление. А монументальность твердого материала, здесь употребленного, и отдаленным поколениям будет красноречиво говорить о том, на что было способно великодушное русское человека в начале XX столетия. <... > Другому пожертвованию Ю.С.Нечаева-Мальцева Музей обязан получением обширной коллекции гипсовых отливов с памятников греческой скульптуры, хранящихся в Афинских музеях. Особое место по художественному значению занимают здесь слепки с надгробных памятников VI, V и IV веков до Рождества Христова. Как по количеству, так и по художественному подбору это собрание будет первым в России и одним из первых в однородных музеях Западной Европы. Эти надгробные памятники Древней Греции или так называемые надгробные стелы <... > будут расставлены в нашем Музее в особом кабинете, который не существовал в первоначальном плане и который явился лишь при дальнейших работах. <... > Также Ю.С.Нечаевым-Мальцевым принесена в дар полная коллекция Микенских древностей, исполненная гальвано-пластическим способом и состоящая из золотых масок Микенских царей, кубков, кинжалов, мечей, золотых масок животных, золотых блях, диадем и других предметов убранства. Такая коллекция лишь в 1-й раз везена в наше отечество и только отдельными предметами становится достоянием западноевропейских музеев. <... >

Юрий Степанович предполагает в залах Музея устройство живописных фризоз или живописных медальонов под потолок, которые своим содержанием и характером говорили бы о назначении зала и о смысле исторической эпохи, каждым залом представляемой. Организация работ этого рода, с таким успехом примененных в музеях Берлина, Дрездена и Парижа, уже начинается. <... > Особый предмет поощения Ю.С.Нечаева-Мальцева состав-

ляют два фриза, имеющие занять место на главном фасаде. Из них верхний, по мысли автора проекта здания Р.И.Клейна, должен своим содержанием выражать характер Музея и служить ему как бы вывеской или главной надписью. Длина его 10 сажень. <... >

Другой фриз, длина которого около 35 сажень, будет находиться под потолком колоннады главного фасада и должен представлять точное повторение лучших частей ионийского фриза Парфенона <... > и для этой цели им [Нечаевым-Мальцевым] приобретены в Лондоне гипсовые отливы всего фриза, которые и должны будут служить оригиналами для художника, имеющего исполнить это воспроизведение памятника школы Фидия.

Предприятие сие, обещающее, по его благополучному окончанию, подарить фасад Музея небывалым в России украшением высокохудожественного свойства, представляет немало трудностей. <... > Из ученых знатоков греческой скульптуры V века до Р.Х. эта задача нашего Музея живо заинтересовала профессора и директора королевского Альбертинума (Albertinum) в Дрездене Егора Егоровича Трей (Georg Treu) <... > Выдающиеся ученые заслуги соединились в этом нашем соотечественнике с замечательным административным и организаторским талантом. <... > Его многолетними стараниями создан этот Albertinum, занимающий в ряду однородных музеев первое место во всем мире. Образованное устройство Альбертинума служит в новейшее время идеалом при создании новых музеев этого типа в Европе и Америке; оно служило и служит руководящей нитью и в деле организации Музея изящных искусств имени Александра III в Москве.

Вставши в самые близкие отношения к задачам нашего учреждения, профессор Трей зорко следил за составлением плана здания начиная с осени 1895 года; он постоянно делался с нами и со строителем нашего Музея плодами своей общепризнанной опытности. <... > Под его руководством и в управлении им Albertinum'e будет составляться по гипсовым слепкам, занимающим там все стены обширнейшего зала «Парфенона», художественный рисунок всего (нашего) фриза

в большом масштабе <...>
Всего по сооружению здания, по
содержанию Строительной
комиссии и канцелярии Комитета

и на вознаграждение строителя
с 1898 г. до сих пор израс-
ходовано 563394 руб. 77 коп.,
из коих на долю Ю.С.Нечаева-

Мальцева, не считая здесь его
многочисленных и дорогих даров
памятниками искусств, прихо-
дится 126126 руб. 86 коп. <...>

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
24 марта
1902

<...> Васнецов просит вас обратить внимание
на петербургского скульптора Залемана, человека-де
удивительно даровитого и долго работающего над
античными образцами <...> Отдать-де этому, вполне
своему, ваятелю этот венчающий фриз нет никакого
нравственного затруднения. Залеман-де человек очень
скромный, застенчивый, сразу станет отказываться,
а потом поймет задачу и отдастся ей уже весь: он
составит проект, он, по принятии его вами, и вырубит.
Задача-де такая почетная, что он пустит свои силы во
весь размах. Я обещал вам написать эту рекомендацию
и «убедительную просьбу» Виктора Михайловича.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
15 апреля
1902

Сердечно поздравляем Наталью Андреевну,
Катеньку и Вас с Светлым праздником. И у нас
праздник неблагоприятен: заболел простудой я,
болеет наша средняя девочка, на днях лежал сын. Экая
скверная весна!

Юрий Степанович дал весточку из Рима, я его
порадовал письмецом с указанием тысяч на 10 франков
приобрести нам Римских гипсов, в том числе статую
Нил и Умирающего галла. Просил его взять для
дальнейших работ по классической живописи Реймана:
пусть он делает копии с древних образцов Рима,
Помпей и Геркуланума с памятников живописи
Этрусских гробниц в Корнето и в др. местах.
Вознаграждение ему я указал, по примеру прежних лет,
в 6 000 франков в год. Это — очень немного, но
Реймана, при его пенсии в 1 200 руб. в год, это
устроило бы очень хорошо.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
25 апреля
1902

Обдумывая Вашу идею новой обработки
Центрального зала, я нахожу ее превосходной и по
совершенной самостоятельности. В этой композиции
он будет исключительно вашим, тогда как храмовид-
ная форма в 2 нефа была бы все же более или менее
удачным подражанием древним христианским базили-
кам или, за исключением ниши, греческим древним
храмам. Постановка статуи императора Александра III
в храме, хотя бы и языческом, мне всегда претила;
внутреннее чувство этим возмущалось и в конце
концов, и от современников наших и после нашей
смерти это навлекло бы на всех нас упрек в лести и как
бы незнании приличия.

Теперь центральный зал будет только залом,
с античными деталями, — статуя императора будет
стоять в зале, но не в храме.

68. Полировка мраморных колонн на заводе Г.Листа. Подпись под фотографией сделана рукой И.В.Цветаева

Я бы из прежней схемы удержал только хоры по задней стене, над входом. Их балюстраду можно бы обработать в греческом стиле. Хоры нужны для случаев торжественных песнопений. Самое молебствие в день открытия Музея будет, если не в *Солг Vitrée*, то в этой зале — и пение естественно должно нестись сверху, с хор; певцы, хотя бы оперные, должны быть помещены выше публики. Поле для живописи и без задней стороны необычайно обширно.

Посылаю это как мысль. <... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Урал,
Шишимская
гора
8 июня
1902

Посылаю вам сердечный привет с пункта Русской земли, о котором мы в последние 4 года положили столько дум и мечтаний и который был предметом неминуемых бесед наших при каждом свидании.

Измученный разноречием письменных, личных и телеграфических донесений о ходе мраморных ломок с результатами их на Колымажном дворе и вынужденный в годичных заседаниях Комитета докладывать

о ломках мрамора на Урале, никогда не выдавши их и во сне, я решил отправиться на место сам, в сопровождении жены. 1-го июня мы выехали в Нижний, в Троицын день сели на большой пароход Общества пароходства по Волге 1843 года и спустились до Сызрани, желая близ нее полубоваться колоссальным железнодорожным мостом Александра. Плыли мы, при чарующих впечатлениях чудных берегов ныне незапамятно многоводной и потому часто мореподобной Волги, трое суток. Глазели, ели, пили, спали, гуляли по палубе американского парохода-исполина и отдыхали от сутолоки жизни вволю.

Воротившись в Самару и налюбовавшись совсем европейским видом этого необыкновенно растущего, богатеющего и украшающегося прекрасной архитектурой города, мы сели на Сибирский путь и покатали по нему сначала до Уфы, которая поразила нас своим дивным местоположением на громадной горе и при слиянии двух красивых рек; потом мало-помалу вдавались мы в очаровательные долины Урала, перебегая от одного окна к другому, чтобы не упустить удивительных пейзажей, как в калейдоскопе менявшихся перед нашими глазами.

Но людям одни наслаждения в здешнем мире не суждены. На Вязовой нам объявили о крушении переднего поезда невдалеке от Кусинской платформы и посадили нас на много часов ожидания. Продвинули еще на станцию и остановили на 4 часа в Бердяуше.

Измученные мы прибыли, наконец, в знакомую вам деревушку Медведево или Медведково. Принятые здесь весьма радушно в колонии Листа, мы, попивши чайку, сейчас же отправились на каменоломню. Вы в свое время видели на Шишимской горе только несчастные «шурфы»: теперь здесь уже очень обширный карьер, обнесенный целыми горами ослепительно белых отвалов, с целым рядом построек, — лавкой для съестных припасов, мастерскими, кузницами, навесами, сараями, конюшнями, кладовыми, конторками надсмотрщиков, железной дорогой, вагонетками и массой рабочих, спящих по всем направлениям. Европейец пришел сюда со своей энергией, деньгами, инструментами, и вековечное безмолвие горы сменилось кипучею жизнью великороссов и башкир. Блуменау работает в двух местах; в Большом карьере он углубился на 7 ¹/₂ сажен и врубился в сферу больших каменных глыб. К сожалению, и внизу расположения мрамора не из утешительных. И там расположение камней хаотическое, и там капризные трещины и сухие жилы, портящие для нашего дела самые большие находки. Утомленный разочарованиями в ожиданиях, Блуменау также отказывается от

доверия большим размерам камней, как вы отказываетесь более верить всяким известиям о скором прибытии очередных в работе кусков уральского мрамора. «Вы видите, профессор, какие большие глыбы я нашел, а выйдут ли из них стволы колонн и их капители, или длинные №№, я сказать заранее не могу. Надо ждать обработки каждой глыбы».

И рабочих много, и работы идут ускоренным темпом; но крупные №№ и доселе составляют и все лето будут составлять предмет опасения. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
25 июня
1902

Считаю долгом вас поставить в известность, что Юрий Степанович изъявил свое согласие на то, чтобы в центральном зале два яруса колонн были расположены в следующем порядке: 1) нижний ярус должен быть исполнен в коринфском стиле и 2) верхний же в ионическом или коринфском.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Таруса
11 июля
1902

У меня 3-й день кружится голова и со вчерашнего утра началась тошнота — обычный признак переутомления. В мои годы и, при расшатанности нервов, так много ездить, видно, не приходится. Второй день лежу в темной комнате, по совету Рота. <...>

Получил письмо от Блуменау: он заболел от разочарований, доставляемых камнем, и почти отчаивается доставить в этом году большие камни. Архитравы мучат его. Это письмо — новый повод просить о заказе архитравов и капителей в Норвегии. Письмо его совершенно пессимистическое, т.к. из больших камней, которые видел я, вместо 10 барабанов он мог получить только 2. Сейчас же настал сенокос — и люди убегают по деревням; работ до 20-х чисел августа, в сущности, не будет.

P.S. Привет Ивану Ивановичу [Рербергу] вместе с просьбою принять на себя труд по составлению контрактов с Залеманом и Листом (норвежские камни). <...>

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
[июль]
1902

<...> Он [профессор Трей] прибудет сюда и 22—23 числа проведет в Москве. Хочет сделать доклад о фризе. Необходимо оказать ему гостеприимство. Останется он в гостинице Billo. Едет прямо из Дрездена.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Таруса
27 июля
1902

Это письмо придет к Вам незадолго до Вашего отъезда на Гусь. Хочется мне напомнить о вашем прежнем намерении воспользоваться этим случаем получить от Ю[рия] С[тепанови]ча поручение заказа колонн центрального зала. Улучите после церковного

69. Ломка белого мрамора на Урале

торжества и соответственной трапезы случай побеседовать с Ю[рием] С[тепанови]чем и получите от него согласие заняться этим вопросом вам. Пока большего, кроме мраморной части зала, возбуждать теперь не стоит. Раз вы решили стены сделать, при помощи Д'Аксерию, из стукка, эта статья уладится сама собою и в свое время. На нынешнее же лето достаточно покончить с мраморными колоннами и карнизами.

Между нами, ведь решено, что белоснежный и ровный, сплошной шведский мрамор будет здесь желательнее всего. < ... >

Указание Ю[рию] С[тепанови]чу на конструктивное значение этих колонн уже выкладываемого зала также подвинет его на окончательное решение этого вопроса, как вы, в свое время, достигли этого на лестнице. < ... >

Сердечно желаю, чтобы решение этого дела было результатом Вашей вынужденной поездки на 30-е число, особенно в эту адски-ненастную погоду. Не знаю, как в Москве, а здесь льет — льет — льет без передышки. < ... >

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Таруса
3 августа
1902

Неподалеку отсюда, на той стороне Оки, в имени Поленова, живет И.П.Хрущов. Он навестил меня на днях, как здешнего сторожила, вчера вместе с здешним доктором мы отдавали ему визит. Иван Петрович зорко следит за отчетами по Музею и говорит, что в Петербурге в мире министерства народного просвещения и придворном удивлены тем, сколько души влагаете вы в это дело и как вы отделились одновременно изучению истории искусств, при массе других занятий ваших и при стольких разъездах. Присутствовавший при этом разговоре Поленов сказал: «Я очарован Юрием Степановичем; для искусства столько делающего теперь нет другого лица в России». На этой неделе он хотел приехать ко мне, чтобы серьезно побеседовать о росписи Египетского и Греческих зал. Этюды у него готовы для Египта и Афин. Надо будет узнать его экономические расчеты. Об этой беседе я вам тотчас же отпишу.

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Таруса
10 августа
1902

Был у меня В.Д.Поленов для беседы об украшении Музея картинами. Он передал, что у него была об этом серьезная речь с В.М.Васнецовым и результатом их разговора получилось согласие Виктора Михайловича встать рядом с Поленовым во главе этого дела, если Вам будет угодно им поручить его. Главная тяжесть организационной работы падет на Поленова, который готов заняться и подбором необходимых и полезных сил для этого сложного предприятия. Само собою разумеется, что центральной силою будете Вы сами; с Вами прежде всего Поленов и Васнецов будут иметь суждение о задачах, характере и количестве предполагаемых картин Музея. Вам раньше всего будут представлять этюды задуманных изображений, с Вами станут они совещаться о необходимости или желательности тех или иных мероприятий.

По представлению Поленова, залы Музея должны будут получить главным образом ландшафтные картины, соответственно своему назначению каждый зал. Для себя он желал бы взять Египет, Палестину и Афины с важнейшими местами Греции. Видами Палестины он предлагает украсить стену зала, непосредственно следующего за Римским, зала древнехристианского и средневекового. Эти ландшафты местностей, где учил и жил Спаситель, он исполнит сам — с особенной любовью, и нечего прибавлять, с особенным мастерством. И это будут единственные в мире картины в ярких красках и первостепенного художника! Для исполнения касательно Египта, Палестины, Греции и Италии он считает необходимой поездку с 2—3 помощниками, сроком на 3 месяца.

Материальное обеспечение этой экспедиции он полагает самое умеренное, он и его товарищи пройдут этот путь, как серьезные и бережливые ученые и художники в их специальных странствиях. В Греции он был раз, в Египте и Палестине был два раза — и поэтому тамошние расходы он знает по опыту < ... > «Расписывать Музей, украшаемый мраморами и гранитом, — говорит он, — по фотографиям или гравюрам или повторяя подобные картины Берлинского музея невозможно. Необходимы для такого небывалого в России учреждения картины оригинальные и написанные под непосредственными впечатлениями». Зная Поленова со студенческих лет (мы были вместе с ним в Петербургском университете) как человека очень серьезного, я верю, что он исполнит эту задачу серьезно. Экспедиция его не должна стоить дорого. На всякий случай я попрошу написать мне его соображения на этот счет и письмо его перешлю вам. С Васнецова он не надеется получить ландшафтной картины, т.к. Виктор Михайлович ландшафтов не пишет; но зато он рассчитывает иметь от него для Музея картину «Древний иконописец» из цикла картин по истории искусств. По словам Поленова, могут быть полезны Музею: брат Васнецова Аполлинарий, ученики Поленова Коровин и Головин, которые будут работать под его прямым руководством, Серов, Репин и др.

От Репина он думал бы попросить в заключение изображений по истории искусств, — картину русского кустика. Поленов, стоя за оригинальность и свежесть сюжетов и за их исполнение, характерное и колоритное, не находит нужным заполнять живописными изображениями сплошные фризы, как это сделано в Берлине. На его взгляд лучше на зрителя будут действовать отдельные картины и картинки. Моменты из истории художественного труда в мире он полагал бы изобразить отдельными сценами по стенам наших двух колоссальных зал-дворов, крытых стеклом, начавши эту серию с древнейших, доисторических времен и закончив русским кустарем. Эти отдельные картины он думал бы исполнить одновременно силами нескольких наших художников, подбор которых, при Вашем участии, они с Васнецовым сделать готовы. Само собою разумеется, что Семирадский, если ему суждено выздороветь. Пошли ему Господь сил. Предложенная им картина «Возвращение Траяна, или Марка Аврелия из похода на север» в Римском зале будет, конечно, великолепно, и обещавший свой труд П. В. Жуковский будет работать самостоятельно.

Поленов оставался у нас долго и обыкновенно скромный, уклончивый, молчаливый, он тут разошелся: говорил горячо и много, так, что жена едва могла

узнать его. По его словам другого такого случая показать нашим художникам свои силы и поработать сообща и для одного, такого видного, места нет в настоящее время и не предвидится в будущем на долгое время. Поэтому, — говорил он, — наши лучшие художники все отнесутся к задаче Музея с величайшей готовностью и Юрий Степанович соединит их вокруг себя всех — и дело это составит эпоху в истории нашей бедствующей заказами живописи. <...> На первой очереди будет вопрос об экспедиции Поленова с товарищами. В какой цифре определит стоимость ее сам Василий Дмитриевич, я узнаю на днях и отпишу Вам. Академия художеств разослала членам Совета записку о предстоящем избрании Вашем, сама судьба дает случай ответить художественному миру этой поленовской экспедицией на академический почет. Какое совпадение.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Таруса
12 августа
1902

Эти дни ушли у нас с Поленовым на беседы о росписи Музея. <...> Зная, как близок Вашему сердцу этот вопрос достойной росписи Музея, спешу поделиться с Вами этой весточкой. Я вчера написал об этом Ю[рию] С[тепанови]чу, который интересовался материальной стороной работ Поленова. <...>

Палестинские виды, в которых Поленов будет, конечно, великолепен, займут место в зале следующем за Римским (Древнехристианского и Средневекового искусства) и будут единственными в мире. Над этим Поленов работает много лет, если не всю жизнь. И художник найдет им монументальное место, и Музей будет счастлив иметь такую прелесть, из-за которой одной какие толпы будут собираться к нам!

Лишь бы состоялась эта Поленовская экспедиция, лишь бы положила она начало делу, а там уже покатится само собою <...> Мне верится, что от осуществления этой экспедиции зависит весь секрет, быть или не быть росписи Музея, сделанной лучшими нашими силами. <...> Надо только поднять переписку с нашими лучшими живописцами от имени Комитета, чтобы они не ценили свой труд уже слишком дорого, рассчитывая на Нечаево-Мальцевскую щедрость. На нашем Музее мы все проживаем, кто что имеет <...> Пусть прокинут кистями немножко и они.

Поленов осенью увидится с Вами и будет просить указать ему залы Египта, Эгинетов, Олимпии, Парфенона и Средневековый (Древнехристианский), чтобы вместе с Вами определить высоту поля живописи.

И.В.Цветаев—
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
13 августа
1902

<...> Необходимо обратить внимание и на залы государынь-императриц (Олимпия — царицы матери, Пергамский — государыни Александры Федоровны), в.кн.Елизаветы Федоровны (Ассирийский) и в.кн.Сергея Александровича (Лаокоон и Венера Милосская). Как только полы настелют и весь второй этаж будет покрыт, Поленов с товарищами должны будут изучить места своих будущих картин и освоиться с соответственными залами.

Как быть с Ассирийским залом? Поленов говорит, что там хорошо было бы изобразить Персеполис и другие развалины, но что туда надо бы послать особое лицо для предварительных этюдов.

Государь на Курских маневрах будет, но посетит ли он проездом Москву? Едва ли.

В.Д.Поленов —
И.В.Цветаеву
Борк
16 августа
1902

Мысль Ваша, которую Вы высказали лет десять назад, когда мы в первый раз здесь свиделись и когда Музей истории скульптуры был только у нас в мечтах, теперь начинает как будто осуществляться. Но выполнение этой чудной мысли настолько трудно, сложно и ответственно, что я со страхом приступаю к составлению общего плана работ.

Задача живописи в нашем музее, по-моему, двоякая:

1) Она состоит из иллюстраций скульптурных зал видами тех мест, где находились эти скульптуры.

2) Из создания картин на темы из истории искусств и преимущественно скульптуры. Последняя категория может украсить портики (фризы) крытых дворов, наподобие пизанского Campo-Santo.

Конечно, предварительно надо получить согласие Юрия Степановича. Когда это будет получено, то я обращусь за помощью к Виктору Михайловичу, и мы немедленно приступим к составлению подробной программы работ.

Относительно первой категории картин неперменным условием должна быть поставлена работа на месте событий, если не самих картин, то этюдов для них. Это же условие чрезвычайно важно и для второй категории, хотя тут могут быть сделаны исключения.

Сейчас прочел в газетах и узнал из Вашего письма о кончине Семирадского, какая крупная потеря для искусства. Я всегда восхищался его дивными пейзажами и особенно пейзажами Италии. В этой области ему не было равного. Но что делать, надо мириться с совершившимся фактом, а работу передать кому-нибудь другому.

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву

Таруса
17 августа
1902

Ответ от Поленова пришел ко мне ныне, ныне же отправляю его Вам в подлиннике. <... >

Виктора Михайловича Вы знаете и любите давно, но и Поленов — превосходный характер, работать вместе с ним и вести общее дело Вам будет приятно. Этот человек хорошо воспитанный, в приемах и речах мягкий и деликатный, а в работе неутомимый энтузиаст. Если Вы почтите его поручением руководить делом, то самое большое количество труда он будет нести сам. — Васнецов, всецело занятый другими Вашими заказами и иными работами, нужен будет ему как консультант в подробностях и отдельных случаях, а также для полновесности имени руководителей порученного Вами им дела.

Васнецов и Поленов это — большое зная, большое ручательство успеха и славы предприятия. В конце письма Поленов говорит о кончине Семирадского и о необходимости теперь передать его работу в Римском зале кому-нибудь другому. На ком теперь остановится Ваш выбор? Наиболее проникнутыми Римом из всех наших современных художников, после несравненного Семирадского, является Бакалович и Сведомский, оба постоянно живущие в Риме. Первый из них отличается, как Вам известно, большой тщательностью отделки, кисть другого более размашистая. Раз колоссальной картины Семирадского получить Музею не было суждено, может быть, и относительно Римского зала придется ограничиться отдельными видами Римских развалин — Форума, Палатина, священной дороги, Колизея и др. руин и пейзажей Рима и окрестностей.

Ныне прочел в «Московских Ведомостях» известие о назначении Клейна в Строительную комиссию памятника Александра III. Если поручение составить план работ Поленову и Васнецову Вами будет дано, то не найдете ли нужным выразить при этом им условие, чтобы этюды картин были, по возвращении из экспедиции, препровождены Вам для представления государю. Тогда этюды будут отделаны чище. А государя это заинтересует несомненно.

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву

Москва
5 сентября
1902

Вас[илий] Дм[итриевич] Поленов, отправив семью в Москву, почти до самой зимы будет жить в деревне. На свободе и в уединении он с обычной ему энергией готов заняться составлением, совместно с В.М.Васнецовым, плана украшения Музея живописью.

Но чтобы не очутиться в положении художника, навязывающегося со своей работой, ему хочется получить Ваше разрешение на этот подготовительный труд. В течение сентября и октября он разработал бы программу этого дела и после представил бы ее на

Ваше утверждение. Для начала дела достаточно Вашей ко мне телеграммы или двух строчек по этому вопросу — и работа Поленова—Васнецова начнется в ближайшее же время. Если предложение Поленова Вам угодно, будьте добры почтить меня Вашим извещением.

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Москва
14 сентября
1902

Залеман очень желает получить от Вас немедленные указания насчет нижнего пояска или карниза, находящегося под его фризом. Он приступил к исполнению работы в натуральную величину, и потому нуждается в Вашем решении занимающего его вопроса, о котором он писал Вам уже два раза. <... > Разговор о цветных мраморах лестницы внушает мне мысль спросить Вас, не лучше ли будет для ступеней избрать красный гранит? По ступеням будут двигаться постоянно толпы; это будет самое бойкое место всего Музея. Что, как нами избранный желтоватый мрамор начнет лопаться? Университет и министерство будут бессильны заменять испорченные такими же мраморными плитами. Ну, а гранит сам стоит за себя. <... >

Может быть, я и чепуху мелю; но раз у меня является сомнение, я, по принятому правилу, прежде всего исповедую его Вам. Ну как по жилам этот очень красивый и эффектный мрамор начнет после трескаться и колотиться на куски? Я заблаговременно слагаю перед судом потомства вину с себя и прошу его хлестать тогда нещадно Вашу архитектурскую милость.

Вот мраморной лещади на стенах лестничной клетки я Вам не уступлю: пусть она не будет так однотонна, как в искусственном мраморе; это будет даже лучше. Эта относительная пестрота будет говорить о камне, о мраморе, которые и в мягком и несовершенном виде станут внушать к себе почтения на 200% больше, чем всякий, даже наилучший, искусственный «мрамор».

Нет, дорогой мой, о мраморах лестницы так много писалось и говорилось, что изменять мраморных стен уже не будем.

И. В. Цветаев —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву
Москва
27 сентября
1902

Вчера я написал письмо М. П. Степанову с просьбой доложить о семейном моем деле, вызывающем необходимость поездки моей в Италию¹². <... > Его высочеству писем по личным делам я не писал, ограничиваясь и по вопросам Музея

исключительно сношениями со Степановым и Истоминым. Не знаешь, как выбрать средний путь, чтобы тон не был ни приниженным, ни чересчур санфасонным. В письме на секретарском бланке я прошу председателя Комитета об исходатайствовании мне служебной

12
Имеется в виду резкое ухудшение здоровья Марии Александровны, вызванное обострением туберкулезного процесса.

70. В мраморном карьере

командировки за границу до мая 1903 г., высказывая намерение и надежду послужить делу Музея за это время заказами и приобретением памятников итальянского искусства. < ... >

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
4 октября
1902

Я получил уже и телеграфическое разрешение на заграничный отпуск. Идет дома укладка вещей. Завтра еду заручиться купе до Вены. Ныне была у меня в Румянц[евском] Музее А.Г.Подгорецкая, чтобы уполномочить на приобретение скульптур Итал[ьянского] Возрождения на сумму 8 тыс. руб. < ... >

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
6 октября
1902

Великому князю необходимо получить от Вас, как его Товарища по Комитету Музея, скорое извещение, что для пользы Музея необходимо мое пребывание за границей, что этого требуют подбор, заказы и приобретение памятников скульптуры в разных городах Италии и что приобретения и заказы мною будут производиться за счет Комитета до какой-то суммы приблизительно. < ... >

71. И.В.Цветаев, М.А.Цветаева на разработках уральского мрамора

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
11 октября
1902

Вчера был у меня Поленов, только что возвратившийся из деревни. Он за осень много думал и об экспедиции на Восток для собирания этюдов тамошних ландшафтов и о работе над росписью зал и стеклянных двориков. Василию Дмитриевичу хочется увидеться с Вами и совместно с Васнецовым побеседовать относительно этого серьезного предприятия.

В деле ландшафтной живописи он намерен просить Вас дать ему хорошо известных и близких учеников его по школе ваяния и живописи Константина Коровина и Головина в помощники. Силы их он знает и уверен, что избранную им часть работы он с ними исполнит. <...> Он высказал мысль, что в интересах дела и экономии было бы лучше назначить художникам, работающим с ним, месячное или годичное содержание под его, Василия Дмитриевича, за них ответственностью. Платил бы он им по понедельно, по проверке работы их, в случае прогула их или одного из них, плата бы за этот прогул вычиталась. При этой остратке, по его мнению, работа двигалась бы скорее. Сам он хотел бы работать безвозмездно, но желание не играть роли барина между художниками, могущими заподозрить его в заключении с Вами или Комитетом

какого-либо, для себя выгодного, сепаратного договора, он решил работать за плату одинаковую с другими его помощниками. Экспедицию же он совершит на свой счет.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
12 октября
1902

< ... > Какой результат дала проба тирольского мрамора? Армбрустер прислал проект контракта Ю[рию] С[тепанови]чу на исполнение фриза в мраморе. Цена небольшая: за мрамор 5 000 руб. и за исполнение 17 000 руб., итого 22 000 руб. При этом он обещает отослать *мраморный* фриз из Дрездена 1 июля 1904.

И цена подходящая, и срок отличный. Но при этом он просит не медлить с контрактом¹³, для того

13
Контракт с Армбрустером (которого рекомендовал проф.Трей) был подписан Нечаевым-Мальцевым на следующий день, 13 октября.

чтобы он мог еще осенью до снегов получить из Тироля несколько плит мрамора. Насчет последнего он пишет, что видел отлично сохранившиеся работы, сделанные 350 лет назад и стоящие на воле. Он ручается за выносливость этого камня в наши русские зимы.

До свиданья. Утром я буду у Ю[рия] С[тепанови]ча в Славянском Базаре, а в 3 1/2 часа вместе с ним приедем на стройку. < ... > А вот когда мраморный фриз Залемана (послали ли Вы ему обещанные сведения? Я поэтому не отвечал ему) появится на своем месте, — вопрос.

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
14 октября
1902

Вчера после Вашего отъезда со стройки мы некоторое время стояли у ворот и продолжали беседу. Поленов в восторге от Вашей личности. «Юрий Степанович и знает и чувствует искусство; работать у него будет легко, принципиальных разногласий у нас с ним не будет, я теперь готов отдаться делу всеми силами, лишь бы он разрешил мне иметь моих близких учеников».

Так говорил он в тоне возбужденном. На днях он надеется получить от Вас приглашение к Вам в Славянский Базар вместе с Васнецовым. Виктор Михайлович, по просьбе Поленова как непрактика, обещал в эти дни выработать минимальные цены за квадратный аршин картин. < ... >

Не смотрите на то, что он [Поленов] такой молчаливый да скромный: это — натура огненная, когда она развертывается. Какое счастье, что готов или вернее просит у Вас работы Куинджи. Поленов того мнения, что он пейзажи греческих поселений по северному берегу Черного моря может написать эффектно и что для нашего Музея Александра III такого рода картины были бы по своей русской природе так кстати. В 1-м часу мы будем ныне у П.В.Жуковского.

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
15 октября
1902

Совещание у П.В.Жуковского прошло вчера очень оживленно. Поленов говорил, что после вчерашней беседы на стройке он был до того взволнован, что не спал ночь. Прежде всего его поразили успехи строительного свойства: уже так много выстроено и в каких размерах задуманы, сконпонованы и возведены залы 2-го этажа Музея.

Сколько простора, света, сколько удобства для размещения скульптур и других художественных предметов. А эти и грациозные и вместе импозантных размеров 2 стеклом крытых дворика, эта пышная и дух поднимающая лестница с колоннадой и мраморными стенами, этот большой Центральный зал, в своем Вами ему вчера объясненном, белоснежном виде с целым лесом колонн и хорами, этот уже оштукатуренный Римский зал, и такой длинный зал Ренессанса — все это превзошло его представления о строящемся здании. Поленов утверждает, что до сих пор он не видел музея, столь широко задуманного, и что музеи обыкновенно страдают переполненностью и теснотой помещений, при других неудобствах. Увлечен был Василий Дмитриевич и интимностью нашей беседы. «Я впервые разговаривал и с Юрием Степановичем и с Вами, Р[оманом] И [вановичем], Пав[лом] В[асильевичем], так близко, откровенно, так интимно о делах Музея. Впервые я так просто рассматривал отношение Юрия Степановича к Музею, его задачам и его пользе — и ушел из собрания очарованным его личностью, как он внимательно выслушивал различные взгляды и мнения, как пускал он вперед вопросы украшения здания и потом уже обращался к материальной стороне этого предприятия», — так вспоминал Поленов позавчерашний вечер. И Жуковский и он говорили, что с росписью Музея встает, благодаря Вам, для них такая чудная задача, которая придает прелесть и силу их начинающейся старости, что они с этим оживают, поставленные в близкое общение с молодыми художниками, которых они подберут, каждый в своем отделе работы. Был разговор и о принципе «поаршинного» вознаграждения художников. Признавая эту меру единственно удобной, они просили меня передать Вам их усерднейшую просьбу, чтобы известное об этом принципе не выходило из тесного круга Вы — Васнецов—Поленов—Жуковский и я. <... >

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
17 октября
1902

У Романа Ивановича вчера собрались Поленов, Жуковский и я к 8 часам и просидели у него в мастерской за длинным столом до 1-го часа. Разложены были планы зал и строительные рисунки разрезов всех помещений. Задачей рассмотрения этих

документов было определение maximum'a площадей, годных и желательных для покрытия росписью. Измерения циркулем делал Клейн, запись квадратного содержания этого рода в каждом зале — Поленов, Жуковский и я участвовали в обсуждении, где и как великое могло бы быть отводимое место под живопись. Мои сочлены остановились на 5 аршинах высоты живописного поля во 2-м этаже и 3 аршинах для 1-го этажа. Мне сдается, что первая цифра очень велика, 5 аршин из 10 высоты зала отдать на декоративную живопись, это очень много. Мне сказали, что если иная статуя и врежется в живописный фон, то это будет только эффектно. Как maximum, в который вошли и промежуточные пространства между картинами, которые никакой живописью заполняться не будут, определилось в конце концов <...> пространство в 1 600 кв. аршин. Мы ахнули от такого неожиданного результата, так колоссально вышло это число. <...> Завтра, в пятницу, назначен сбор у Поленова для разработки деталей. <...>

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
18 октября
1902

Вчера половину дня мы провели с Поленовым. Им совсем овладела возлагаемая на него задача. Наэлектризованный, он явился на стройку и нашедши меня там (поставлено уже 6 колонн по лестнице. Эффект — превосходный) попросил копию планов Музея. С нею под мышкой он отправился к Васнецову и на 8 часов вечера пригласил Романа Ивановича и меня к себе. Роману Ивановичу было приехать нельзя, провели мы вечер до 2-го часа вдвоем. <...> Поленов приготовил проект: 1) письма Вашего к нему и П.В.Жуковскому и 2) договора их обоих с Вами. <...>

У нас идет укладка в дорогу. Выедем завтра.

В.Д.Поленов —
И.В.Цветаеву
Москва
[октябрь]
1902

Постараюсь исполнить все Ваши советы и подробно и обстоятельно выяснить Ю[рию] С[тепановичу] все, что мы за эти последние дни выработали.

С радостью буду получать от Вас весточки о Вашем путешествии и сообщать Вам о ходе дела. Я все эти дни в таком нервном состоянии от той ответственности, которую беру на себя, что каждое утро хочу отказать от работы, но вспомнив данное Вам слово, еще до начала осуществления Вашей и моей мечты, я подбираю себя и стараюсь казаться бодрым и храбрым.

От души желаю Вам счастливого пути и полного выздоровления Марии Александровне.

В. Д. Поленов —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву
Москва
2 ноября
1902

Все это время я был занят возложенным Вами на нас поручением: выработать программу живописных работ для Музея Императора Александра III.

Общий их план был Вами широко намечен, и на основании его тогда же, на частном совещании у Романа Ивановича Клейна, под руководством Ивана Владимировича Цветаева и при содействии

Павла Васильевича Жуковского, мы составили программу. Потом я, с общего согласия, обращался к Виктору Михайловичу, прося его дать указания для оценки стенной живописи, что он любезно и исполнил.

На основании этих данных я составил список сюжетов для картин, долженствующих пояснять и оживлять скульптуру.

Последнее время я довольно часто виделся с Романом Ивановичем, который начал разрабатывать разрезы и определять размеры площадей живописи и когда этот труд будет закончен, то можно будет вычислить общее количество живописной работы и с Вашего согласия приступить к детальному выяснению этого чудного дела, которое может сделаться эпохой в Русском искусстве. < ... >

П. В. Жуковский —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву
Москва
5 ноября
1902

Опять пишу Вам почти по такому же поводу, как прошлый раз. Мои старые друзья имеют очень неясные понятия о музее Александра III и все обращаются к Хомякову, который посылает их письма мне, а я Вам.

Если не ошибаюсь, Вы сами уже думали о Бакаловиче для Римской залы. Несомненно, это самый лучший знаток античного мира из всех наших русских и действительно прелестный, скромный человек, с которым приятно иметь дело. < ... >

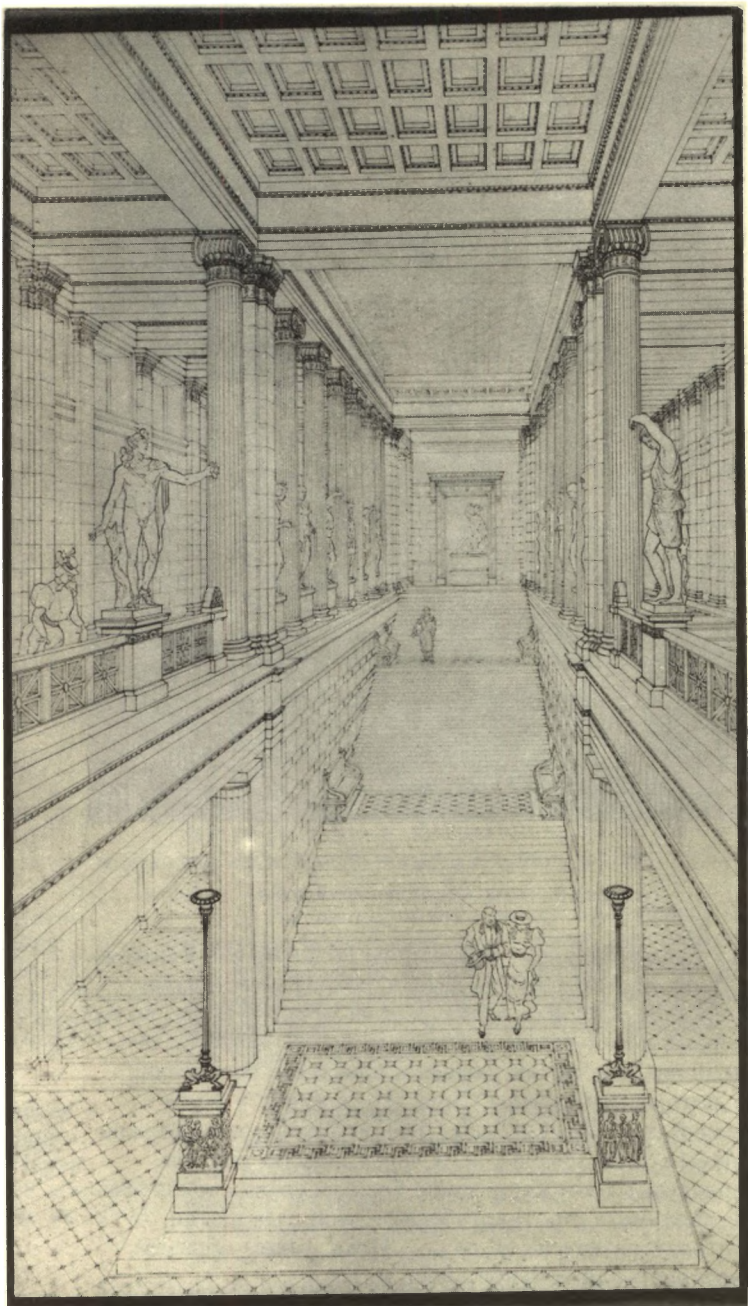
И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Nervi,
Pension
Russe
20 ноября
1902

Какая даль разделяет нас теперь друг от друга!

Чтобы перекинуться словом, нужно не менее 12—13 дней. По необходимости наши взаимные отклики за эту зиму будут очень редки, раз мы будем ждать ответов на наши письма.

Переезд до этих мест мы сделали с большим трудом, так как в дороге М[ария] А[лександровна] простудилась в заграничном вагоне и до Генуи растеряла и тот небольшой запас сил, какой вывезла из Москвы. В Генуе она слегла, 2 раза консультировали мы у проф. Маральяно, считающегося знаменитостью и далеко за границею по туберкулезу.

Он нашел состояние жены небезнадежным и в Нерви излечимым в течение предстоящей зимы. Но, на несчастье, инфлуэнца все еще мучит больную и к тому же с большей силой. Врач, которому она поручена здесь, борется пока только с лихорадкой

72. Р.И.Клейн. Эскиз главной лестницы Музея. Рисунок

73. Парадная лестница. Осуществленный проект

и ужасным кашлем, лишаящим больную сна и покоя. До сих пор М[ария] А[лександровна] не вставала с постели. Силой ее переселяли на морской берег, но на первых порах она не выносит морского воздуха; шум волн наводит на нее уныние и плаксивое настроение — и потому вынуждены были это лежание у воды прекратить. Врач утешает тем, что инфлуэнца должна пройти свое течение — и через неделю еще он приступит к возобновлению впрыскивания мышьяка с железом и противотуберкулезной сыворотки, которой назначено 60 раз. — Пока, таким образом, хорошего для больной очень мало.

Я с хлопотами очень устал даже физически. Хотелось бы отоспаться прежде всего, но сна-то мне и не хватает из-за страданий жены по ночам. Так, в позапрошлую ночь она не могла заснуть до 5 ч. утра, а в 7 ч. здесь звонят к завтраку и все встают, начиная шум и гам обыденной жизни.

Отсюда я писал Ю[рию] С[тепанови]чу два раза и в последнем письме просил его об угле Парфенона, стоящем в *Солг Vitrée* Академии Изящ. Искусств Парижа. Этот угол существует только там и ни в каком другом музее мира. Раз в Петербург должен прибыть «Директор Изящ. Искусств» из Франции для установления условий франко-русских выставок в Париже и Петербурге, и с этим господином будет вести [дело] от имени Об[щест]ва Поощр[ения] Художеств Ю[рий] С[тепанови]ч, то этим случаем следует воспользоваться, чтобы получить от Acad. des Beaux-Arts слепок этого великолепного предмета для нашего стеклянного дворика, без которого последний много проиграет. Не увидите ли Вы скоро Ю[рия] С[тепанови]ча, *попросите* и *Вы* его об этом со *своей стороны*. Сейчас случай выпросить эту вещь у французов — весьма удобный, так как для них выставки в Петербурге, я уверен, будут выгоднее, чем для русских художников парижские выставки. Наша публика будет покупать французские полотна, а парижская больше станет смотреть, чем приобретать, особенно при обычае русских художников назначать слишком высокие цены за свои произведения.

Здесь еще цветы и необозримое море зелени на деревьях и кустарниках. Некоторые только начинают цвести, чтобы дать плоды весною. Но ныне дождь с крупинками снега; в Генуе же такой снег, что трамваи не работают.

Завтра собираюсь обозреть художественные собрания Генуи. После поеду в Каррару и Пизу. < ... >

И.В.Цветаев —

Р.И.Клейну
Pisa —
Campo-Santo
8 декабря
1902

На этом дивном месте вспоминаю Вас и мечтаю предложить Вам устроить по стене Христ. дворика на месте лестницы в катакомбу (ее придется устроить под Ассирией) галерею с этими дивными окнами. Зачем списывать двор Bargello целиком? Какая это чудная галерея!

И.В.Цветаев —

Р.И.Клейну
Нерви
25 декабря
(н. ст.) 1902

Возвратившись из путешествия по городам Тосканы, я нашел здесь целую гору писем из Москвы и из разных других мест; но между ними не было никакой весточки от Вас, в ответ на мои два письма к Вам, одно, посланное отсюда, из Нерви, и другое, открытое, отправленное мною из Пизы или Лукки.

Получили ли Вы их? В первом я, между прочим, просил Вас выслать мне точные сведения, необходимые для годовичного отчета по постройке Музея < ... >

Желая сделать набор памятников скульптуры по Средним векам и Эпохе Возрождения, я поделил Италию на группы народов, — и на 1-й раз осмотрел все, что могли представить важного Пиза, Лукка,

Пистойя, Прато и частью Флоренция, говорю частью, потому что колоссальное богатство этого города памятниками ваяния заставило меня ограничиться на первое пребывание музеями Bargello и S. Maria del Fiore (Duotto), медичейской усыпальницей, Академией художеств и некоторыми церквами, владеющими наиболее замечательными произведениями флорентийских скульпторов XIV—XVI вв. Остальное отложил до новой поездки туда.

Почти каждый день я бывал в Bargello и каждый раз вспоминал Вас в его чудном дворе. Это один из наилучших образцов монументальной флорентийской архитектуры XIV в.; но здесь же я убедился, что великие создания Вашего искусства почему-нибудь не повторяются целиком в последующие времена. Очевидно, всему свое место и своя пора. Увлеченный монументальной красотой этого двора, копируемого художниками и снимаемого фотографами без числа и конца, Вы решили воспроизвести его у нас. Но осмотрев оригинал, я боюсь, что он не будет отвечать своему назначению. Нам нужны будут площади стен для больших архитектурных вещей, а их-то, при форме этого двора, и не будет у нас. Где мы приладим наприм. портал какого-нибудь Собора Готического и Романского ст.? Где будет место для дверей Флорентийского Баптистерия? Передняя стена — в окнах «Антиквария», у другой стены лестница на Галерею, третья и чуть ли не четвертая в арках. К тому же отсутствие окон 2-го этажа, где существуют такие дивные окна в Bargello, придаст у нас двору колодцеобразную форму, однообразную и скучную. Куда поведет галерея, т. е. будет ли дверь из нее во внутренние помещения. Лестница Bargello имеет *служебное* значение. Нельзя ли у нас будет направлять этой лестницей во 2-й этаж, вместо парадной, роскошной? < ... >

Вчера я послал заключение Ю[рию] С[тепанови]чу на запрос его о плане росписи Музея, доставленном ему Поленовым. План этот я вполне разделяю и прошу только прибавить вид о. Крита, где произведены англичанами раскопки, не менее важные, чем в Микенах. Да в зале Возрождения прошу оставить *узкие стены без живописи* — для больших архитектурных и скульптурных вещей. Направляйте вопрос *об экспедиции Поленова с сотоварищи* на Восток и в Грецию. Это будет *началом* всего дела < ... >

Р. И. Клейн —
И. В. Цветаеву
Москва
23 декабря
(ст. с.) 1902

Прежде всего позвольте Вас поблагодарить за Ваши письма и извиниться за свою неаккуратность, что задержал ответом. Я очень сожалел, узнав, что супруга Ваша перенесла во время переезда такие

74. Парадная лестница. Осуществленный проект

страдания; слава Богу, что врач нашел болезнь излечимой и что она не приняла серьезного оборота. Во втором письме Вы ничего не упоминаете о здоровье Вашей супруги, что меня заставляет думать об улучшении ее здоровья, но все-таки жена и я просим Вас написать нам об ее положении.

Отчет в текущем году, ввиду сложности технических сооружений, при большом количестве счетов и вследствие увеличения числа подрядчиков, вышел чрезвычайно обширный, а потому и мог

75. Парадная лестница. Осуществленный проект

быть закончен и представлен лишь 20-го декабря сего года. <... >

Великий князь возвратился в Москву в субботу 21-го декабря, почему о годичном заседании еще не было и речи. Если это заседание по каким-либо причинам отложится, я буду очень доволен, так как тогда успею кончить и представить детально разработанные чертежи лестницы, залы возрождения и римского.

Лестница мною совершенно переработана.

Пилястры уничтожены и сделана совершенно гладкая стена, облицованная мрамором чудного сероватого цвета. Вместо белых мраморных решеток в окнах будут вставлены бронзовые решетки особого рисунка, материалом для которых служили мне греческие вазы и блюда. Пролеты в стенках, выходящих в зал Славы и Праксителя, я заполняю в первом случае — решеткой с дверью, а в другом такую же решеткой, но с незначительными изменениями. Рисунки решеток составлены из мотивов Олимпийских игр и греческих растений, как то: листьев винных ягод и лавровых деревьев. Наконец, лестница вполне определилась и созрела. Очень много я над ней работал и теперь, кажется, удовлетворен.

Зал возрождения я обработал в духе лож Рафаэля, но никак не библиотеки Сиены, рекомендованной Павлом Васильевичем [Жуковским]. Распалубки сиенского потолка казались бы в нашем грандиозном зале слишком мизерными — ничтожными. Сделана общая падуга, в которой из длинных сторон расположены по три картины, а на узких сторонах по одной картине. Обширная гробница Медичи, работы Микеланджело, лишь немного задевает падугу; но Вы этим не смущайтесь и приобретайте это чудное произведение искусства. Что же касается *Santoria Donatello*, то желательно иметь размеры для правильного размещения ее в зале. Рисунок лестницы и зала Возрождения видел Поленов и, кажется, остался очень доволен.

Римский и Египетский залы находятся в настоящее время в работе. К святой думаю окончить большую часть рисунков. Крытый двор, предположенный обработать в духе *Bargello* с лестницей, ведущей на верхнюю галерею и верхние залы, по моему мнению, вполне целесообразен, если, конечно, не будет идиотически скопирован, а передано лишь общее настроение. Через этот дворик и по этой лестнице, вместе с главной, конечно, можно будет пускать публику. Так как в дворике имеется верхнее освещение, то скульптурные произведения можно расставить художественно и эффектно <...> Во всяком случае галерея и лестница чрезвычайно красиво расположатся и уничтожат то впечатление колодца, каковым Вам кажется этот дворик. <...>

Наш Ю[рий] С[тепанович] все такой же щедрый, веселый и с необыкновенной любовью относится к нашему общему делу. Ваши письма производят громадный эффект, он читает их с большим увлечением.

Как-то при удобном случае я рассказал ему, что В.Д.Поленов очень огорчен тем, что до сих пор не

подписан с ним договор по делу живописи в музее, и что В[асилий] Д[митриевич] боится, что декадентские картины Коровина и Головина на существующей в настоящее время выставке пошатнули к нему доверие. Ю[рий] С[тепанович] через час после нашего разговора уже был у Поленова, чтобы выснить это недоразумение, но чем кончился у них разговор, мне неизвестно. Я думаю другое — Поленов боится, что Нечаев-Мальцев, получив звание почетного члена Академии, может подпасть под влияние петербургских художников, и Поленов таким образом лишится почетного звания *руководителя*. Подумайте об этом, и если найдете нужным, успокойте почтенного В[асилия] Д[митриевича]. <... >

Итак, дорогой Иван Владимирович, из моего письма Вы можете видеть, что все, что касается музея, идет своим чередом. Другое дело — памятник Александру III. Попал я на эту тяжелую обязанность благодаря какой-то случайности, и даже олимпийские боги, которым я так усердно и всей душой служу, не могли меня спасти. Мало того, что нужно работать, но приходится заниматься политикой, для чего я совершенно не годен. Чтобы быть полезным в Комиссии по памятнику, нужно быть дипломатом, психиатром, юристом, квартальным и вообще чем угодно, но только не художником. Мне жаль времени, которое я трачу совершенно непроизводительно на чужое дело, когда у меня своего дела много. Вы можете себе представить, какое наслаждение я испытываю, сочиняя и работая над художественными залами нашего Музея.

Глубокоуважаемый Иван Владимирович, с 1896 года мы работали с Вами, и из склада гипсов образовался храм искусства. Это будет действительно художественное сооружение, которое прославит Ваше и Ю[рия] С[тепановича] имя. Все наши мечты постепенно осуществляются. Если бы видели этот роскошный фриз, который делается в Дрездене, а другой рельеф в Петербурге! Я был в Дрездене один день, чтобы посмотреть фриз, я был очарован. Каждый уголок этого рельефа дышит классикой. Я настаиваю, чтобы бронза тоже была заказана Armbuster, тогда она будет исполнена как следует, а у нас не сумеют сделать.

Псылаю Вам мой сердечный привет, с Наступающим Новым годом! Будьте же счастливы-здоровы. Искренне желаю Вам и Вашей семье всего лучшего, здоровья, бодрого духа и хорошей пользы от заграничной поездки.

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
[Нерви]
30 декабря
1902

На днях я напишу Полену, чтобы он не беспокоился неполучением ответа Вашего на его письмо, от 2-го ноября; вина здесь исключительно моя, так как за время моей поездки по Тоскане Ваше предложение по поводу этого письма пролежало в Нерви, ожидая моего возвращения к праздникам. Поленов — и человек очень нервный и художник,

выросший в почтенной дворянской семье, сын дипломата в молодости и ученого в старческие годы; он очень боится, чтобы на него не посмотрели, как на живописца, навязывающегося со своими работами и предложениями таковых. <... >

И.В. Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
[Нерви]
31 декабря
1902

Поленов в ожидании Вашего решения живописного дела начавший, по мнительности своей, питать опасение, как бы профессора Академии художеств не воспользовались близостью с Вами, как почетным членом в их Совете, для того, чтобы отнять у него роль Руководителя расписания Музея, утешен визитом Вашим к нему и теперь примется за дело, которым он дорожит в настоящее время всего более, со всей силой своего способного к беззаветному увлечению характера. <... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Нерви
1/14 января
1903

Примите с семейством Вашим наше сердечное поздравление с Новым Годом и наилучшие пожелания всем Вам на длинный ряд лет счастливой жизни.

Сердечно благодарим Вас за славные Ваши, теплые, дружеские письма, получение коих накануне Нового года доставило нам столько истинного удовольствия. Слава Богу, что Все здоровы и бодры, а Вы, Роман Иванович, полны энергии, труда и блистательных надежд на ближайшее будущее.

Мы также не имеем права жаловаться на какие-либо новые удары судьбы. Напротив, она как будто смиловалась над нашею больною, которая около 3 недель, как встала с постели и, проводя дни при всех открытых окнах нашей квартиры, а ночи при одном открытом окне, привыкая к обильному питанию и гуляя в нашем большом, богатом зелению и цветами. спускающемся к самому морю саду, чувствует себя несравненно лучше прежнего. Ежедневно производящий вспрыскивания мышьяку и антигуберкулезной сыворотки профессора Маральяно врач чрезвычайно доволен ходом лечения: кашель, действительно, как бы миновал, мокрота постепенно дошла до пустого минимума, пораженное левое легкое, говорит он, получает ожидаемые рубцы. Но одно не поддается до сих пор лечению, это — туберкулезные железы, образующие целое кольцо. Мышьяк оказывается тут

бессильным. Теперь врач, посоветовавшись с проф. Маральяно, думает давать приемы йода внутрь, утверждая, что бывали на его глазах уничтожения таких желез этим путем в 3—4 недели. Придется попробовать и это средство. Но уже теперь мы составляем план пребывания М[эрии] А[лександров]ны с девочками летом в Швейцарии, а следующей зимой в Ајассіо на Корсике, чтобы испробовать климатическое лечение вполне.

Обрадовали Вы меня, Роман Иванович, подробными сообщениями по нашему дорогому, величественному Музею. Я вполне понимаю Ваше увлечение этим великим делом Вашей жизни. Это чудное здание и грядущее художественное учреждение способны овладеть всеми силами души, составляя для его творца и отраду, и гордость, и предмет самой чистой и сильной любви. Я вполне понимаю, что Вы сюда уходите, сюда возвращаетесь от других Ваших работ, имеющих характер прозаический сравнительно с этим кругом поэтических Ваших архитектурных мечтаний, полетов и грез.

Как при таком счастье исполнения всякой серьезной мысли, всякого сильного желания, не вспомнить с чувством благодарности и удивления о нашем беспримерном Юрии Степановиче? Пошли ему Господь энергии и здоровья на много-много лет! Как бы хотелось, чтобы Великий Князь чем-нибудь подбодрил его энергию. Не будете ли Вы у него, попросите его об этом со своей стороны...

Я очень благодарен Вам за указание, что с галереи Христианского дворика будет сделана дверь во 2-й этаж и что лестница получит чрез это также и служебное значение, сделавшись параллелью главного входа, по которому мне жаль пускать простую публику и неряшливо держащую свою обувь учащуюся молодежь. Попробуйте достать сердобольский гранит на ступени этой лестницы и тем придайте ей несокрушимый характер. <... >

Безоконные в верхнем этаже стены Христианского дворика я стараюсь украсить *большими цветными* фаянсами Делла Роббиа, нарочно заказывая таковые в *pendant'ax*. Такие характерные пятна придадут разнообразие обширным пустым полям верхних стен. Вообще на приобретение цветных Делла Роббиа я не скуплюсь, в предположении, что они будут симпатичны для публики.

Думали ли Вы о *цвете* стен и колонн этого помещения? Нужно ли делать его ярким и праздничным? Нелучше ли обработать его в желтовато-темно-сером тоне, чтобы он казался не вчера построенным, не кричал своей юношеской свежестью.

Надобно бы придать ему характер некоторой исторической давности.

Как нам с Вами поступить при устройстве Римской катакомбы? *Не видавши* избранных образцов, Вы строить 1-ю в мире копию этого рода не возьметесь. Гостил у меня здесь Рейман. Он приготовил несколько мест в катакомбах для Вашего ознакомления, полагая, что никто другой не заменит

76. Вид Нерви

Вас в этом деле. И правда, как строить то, чего никогда не видал и что представить себе по существующим немногим и недостаточным археологическим описаниям и рисункам нет возможности?

Нельзя ли бы нам с Вами съехаться в Рим для этой цели? <...> Мною располагайте до апреля, но только укажите заранее, когда мне ждать Вас. А то мне предстоит много разъездов по всей Италии. На днях я выезжаю опять во Флоренцию для продолжения изучения XV в. Оттуда проеду в Сиену, Киузи, Орвието и Рим.

В 1-е пребывание во Флоренции я составил себе представление о Донателло, Делла Роббиа и Микел-

анджело; теперь следует ознакомиться и сделать выбор скульптур других мастеров XV ст. В Риме и Неаполе придется заняться, сверх скульптуры XVI и XVII ст., также в значительной степени античным миром и первыми веками христианства, приобрести многие из Помпейских бытовых предметов и купить слепки древнехристианских саркофагов.

Сердечно радуюсь, что мои письма нравятся Ю[рию] С[тепанови]чу. На это дело я времени не жалею и пишу ему много и часто. Подвигайте дело отправления экспедиции в Грецию, на острова Эгейского Архипелага и в Египет. Ужасно хочется мне побывать на Ниле — и, если соберусь с деньгами, съезжу недельки на 2 в Каир и оттуда в другие главные места, Луксор с Карнаком, на о. Филе и пр. А то у меня об Египте и его искусстве нет надлежащего представления.

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Флоренция
14 января
1903

< ... > Но всесветную славу Верроккьо составляет Венецианский Colleone. Это лучшая конная статуя всего европейского искусства. Берлин давно имеет ее — и ужели мы не приобретем этого гипсового конька и его гордого всадника? Мы с Треем мечтаем заказать его отлить в Берлине по тамошнему гипсу — и чтобы вышла цена сходнее, уговорились еще летом заказать одновременно для Albertinum'a и для нас. Этот всадник и этот прекраснейший конь будут так величавы в стеклянном дворике! В Москве есть всякие лошадиные общества и беговые и скаковые, — я готов был бы прочесть там будущей зимою лекцию, лишь бы лошадиники собрали деньги на это изваяние. < ... >

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Флоренция
18 января
1903

< ... > Сравнение «Porta del Paradise» Гиберти с гипсовыми отливками оказалось не так просто, как я представлял себе наперед. Хотя в указанное выше время у Баптистерия двери были открыты и в церковь входил всякий, но когда прислуга увидала, что мы намерены внести 2 формы гипса, она потребовала на это особого разрешения. Пошли мы с Лелли в Opera del Duomo, но там не оказалось никого из властей и сторожа не могли сказать, в каком часу придут они. Делать было нечего, пошли назад к Баптистерию, надеясь сравнить гипсы через решетку, которой защищены эти двери от улицы. Подвезли мы тележку с гипсами и начали было располагаться для этих студий. Место, как Вы знаете, тут чрезвычайно бойкое, народ постоянно кишит на этой площади, и едва подмастерье Лелли снял покрывку с гипсов, как нашу тележку совсем окружили откуда-то взявшиеся уличные мальчишки и все бросились на наши гипсы, оттеснивши нас от этого полка. За

мальчишками в одну минуту обступили нас и взрослые зеваки, ожидая нового зрелища. Мигом образовалась толпа, которая не понравилась городовому <...> Городовой счел нас за артистов, вздумавших устроить возле Баптистерия и Собора выставку сделанных вещей на продажу и, по долгу службы, гнал нас с места в соседние улицы.

Чтобы как-нибудь выиграть время, я, пока рой мальчишек и остальная публика были удалены, старался сравнивать гипс и подлинник, притворившись, что не понимаю слов городского. <...> Лелли сообразил в чем дело и понес черт знает какую ахиною на мой счет: «это-де из Москвы царь прислал археолога изучать нашего Гиберти, что ему-де одну минутку посмотреть на этот гипс и на двери», и иное что-то в этом роде. Слово «lo Zar» на мгновение

произвело свое действие; наш городской было притих, но потом все-таки потребовал от Лелли разрешения на наши занятия. Я за лучшее счел прикончить эту комедию, тем более, что убедился в свойствах гипсового отлива¹⁴.

14

«Райские двери» Гиберти, о которых здесь идет речь, позднее были вмонтированы в узкую стену зала Раннего итальянского Возрождения.

И.В.Цветаев —

Р.И.Клейну

Флоренция
27 января
1903

<...> обсудите хорошенько с Ю[рием] С[тепановичем] вопрос о том, которая Cantoria, Донателло или Луки делла Роббиа, скорее желательна для нас <...>

Донателловская воспроизводится у Bondi из терракоты цвета старинного мрамора *so veisei*, золотую и других цветов, *мозаикою*. Как вещь архитектурно-декоративная, помещенная на значительной высоте, она будет эффектна чрезвычайно. Ее приобрел Дублинский музей прямо с Парижской выставки. Стоимость ее — 11 000 фр. — Мозаика на фотографии обозначена черными точками. Размеры ее 5 метров длины, 3,45 metr. вышины и 1 1/2 метра глубины. <...>

Где Вы ту или другую Cantoria поместите, во дворике или в зале? Думаю, что во дворе. <...>

Плаваю теперь в ваянии Ренессанса. На завтрашний день назначены опять Верроккьо и Антонио Росселлино. Надо проверить себя еще раз, прежде чем решить окончательный выбор. <...>

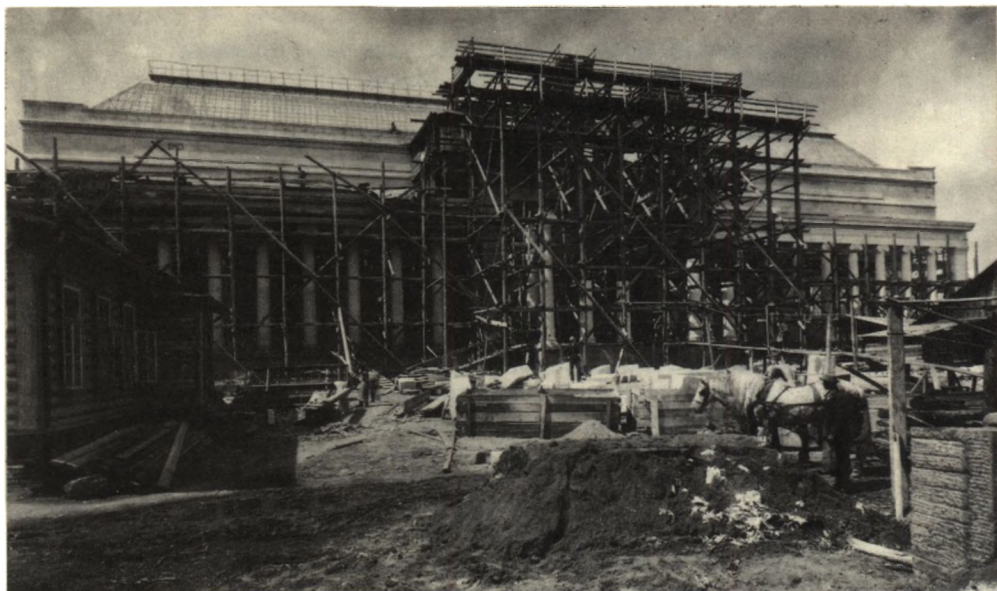
И.В.Цветаев —

Р.И.Клейну

Флоренция
29 января
1903

Посылаю Вам фотографию дверей одной из зал Palazzo Vecchio, сделанной из мрамора в XV в. Бенедетто да Майяно. Нам придется делить зал Возрождения как бы на капеллы подвижными деревянными стенками. Не приходится ли этот гипс для двери одного из таких отделений? Без отделений мы не обойдемся, иначе потеряешься в этой сложной массе гипсов всякого рода. <...>

77. Музей в лесах. 1900-е

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Флоренция
31 января
1903

Гипс дверей Pal. Vecchio должен быть дополнен статуей Иоанна Крестителя — юноши в середине и двумя группами ангелов на концах карниза. — Она так высока (5 1/2 метра), что лучше ее вделать во входе в зал, как в Средневековом в дверь нужно вставить «Золотые врата» Фрейбергского собора, наподобие Albertinum'a. Подбираю мебель XV в. — кресло Саванаролы, скамьи-диваны Медичей, свадебные кофры, стулья <...> Уезжаю: Болонья — Равенна — Венеция — Падуа — Павия. <...> Пишу Ю[рию] С[тепановичу] каждый день обо всем, что нахожу.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Равенна
1 февраля
1903

С сердечным приветом из Равенны, места Ваших грандиозных раскопок¹⁵, шлю Вам благодарность за присылку пакета, догнавшего меня здесь.
<...>

Я в восторге от Равенны. Хожу, как почталъон, по ней целый день с раннего утра и до заката. Помышляю о слепке максимианова кресла, главных капителей, сквозных балюстрад и некоторых саркофагов. От Архиепископа разрешение уже получено; но может помешать церковный капитул, а равно и представитель Мин[истерства] нар[одного] просв[ещения] в вопросе о максимиановом кресле. Некоторые недостающие таблички слоновой кости его находятся у гр. Строганова в Риме. Хотелось бы

15
Именуются в виду работы в связи с обмерами базилики Санкт-Аполлинаре Нуово, которые производил Р.И.Клейн во время своей стажировки в Италии в 1884 г., после окончания петербургской Академии художеств.

приобрести 3—4 *карандашные* копии мозаик у наследников Lançiani, чтобы воспроизвести мозаики в натуральную величину. Краски взяли бы из купленных нами. Эти 3—4 полосы были бы в Музее эффектны.

В.Д.Поленов —
И.В.Цветаеву
Москва
21 февраля
1903

<...> радостно было получить Ваше интересное и вдохновенное письмо из далеких, чудных, теплых стран; оно своим высоким художественным настроением, как луч солнца, озарило нашу серую будничную жизнь, впрочем, тоже наполненную художественными треволнениями. Выставок у нас без конца, споров и толков много.

А на улице что-то вроде весны, но такой ранней грязной и холодной, что того и гляди начнется ненастье, метель и всякая невзгода.

Наши с Вами мечтания относительно стен музея остаются пока в полной неприкосновенности. Время их осуществления еще не настало, но я не теряю надежды. А пока большую доставляют мне радость мои молодые и немолодые друзья-художники, они так горячо и сочувственно относятся к нашим замыслам, что сам оживаешь и начинаешь опять верить в великое значение нашего дела.

Я провел зиму в работе, оканчивал свое второе путешествие по Востоку, выставил его в г. Петербурге на выставке передвижного товарищества и имел огромное удовлетворение, несколько картин и этюдов были приобретены для Америки.

Меня и жену очень порадовало известие, что Мария Александровна поправляется. Будем ждать свидания на берегах Оки. <...>

P.S. В нашем деле происходит какая-то запинка, в чем она состоит, не знаю, но я сказал Клейну, что пока Иван Владимирович меня от должности не отставит, я буду стоять на своем.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Нерви
1 марта
1903

Я просил Трея выслать Вам фотографию «Золотых врат» Фрейбергского собора, отливаемых для нас в Дрездене. Трей пишет, что он отправил Вам вместе с фотографией чертеж и определение размеров этого памятника.

В Albertinum'e он вделан в дверь соответственного зала. То же самое надобно сделать и у нас при переходе из Средних веков в небольшое помещение, приходящееся за апсидою Центрального зала. Будьте добры приладить этот слепок колоссальных размеров в этом месте, при разработке плана Средневекового зала. <...>

Кстати, о мебели. Для зала Возрождения я подыскал, вместе с директором Bargello образцы во Флорентийских музеях <...> Я заказал вещи

стоимостью до 700 фр. <...> Это не будет мебель «в стиле» только, но верные копии образцов, уже принятых в музеи Флоренции. Все будет доставлено в Москву в кусках и д. б. собрано дома у нас. Некоторые вещи будут с позолотой (матовой, как бы на старинных вещах). Если окажется нужным кое-что повторить, как, например, очень простые, но стильные рамы для рельефов, ведь можно будет сделать это в Москве?

Ах, как бы хотелось мне беседовать с Вами о многом! Всего не напишешь! Еду через 3 дня в Сиену, покончивши с Северной Италией. Обо всем пишу Ю[рию] С[тепанови]чу, спрашивая разрешений купить и заказать то-то и то-то. Он писать не любит, я принимаю молчание за знак согласия — и заказываю. <...> М[арии] А[лександров]не лучше; легкое зарубцовывается, но туберкулезные железы не поддаются. Решаем пробыть ей на юге до июня 1904; девочек отдаем в Пансион в Лозанне. Что делать!

И. В. Цветаев —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву
Рим
20 марта
1903

Сиена, где я нахожусь в эти дни и откуда завтра выезжаю в Киузи — Орвието — Рим, славится, между прочим многим, своими резчиками по дереву (орех и дуб глав. образом). Это искусство и ремесло непрерывно здесь идут с эпохи Возрождения. Работы этого рода так дешевы, что английские и американские музеи заказывают здесь свою мебель, — резные двери, каминные панно, кресла, диваны, etc. <...> Кресла XV ст., так назыв. «Саванароловские», стоят по 25 фр. если взять дужину за счет производителя. Я пишу Вам в ателье лучшего мастера Carlo Cambi. <...>

В свободную минутку подумайте, как нам придать домовитости и *gemütlichkeit* нашим залам. Без мебели, разбросанной по уголкам и по середине зал, без столов, характерных диванов Музей будет холоден и сух. <...>

И. В. Цветаев —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву
Рим
20 марта
1903

<...> Я бы снова повторил челобитную о великолепном Ниле, как замечательном явлении эллинистической эпохи. Ни Тибра, ни Рейна я просить не стану, но это замечательнейшее знамение указанной поры разрешите иметь в Музее. Ведь изображение этой величавой группы существует в любом учебнике античной скульптуры. Со стороны моральной оно безупречно, для молодежи соблазна никакого оно не представляет. Формы Нила существуют в Латеране, и стоимость, сравнительно с размерами этого колоссального произведения, в 3050 фр. (с ящ[иками] и упак[овкой]) невысока.

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Неаполь
18—19
апреля¹⁶
1903

В последнем письме я просил Вашего разрешения заняться в Неаполе набором предметов из бронзы в подражание помпейско-геркулан[ум]ским образцам. С главным производителем этой репродукции Sabbatino de Angelis сношения наши начались уже несколько лет назад <...>

Наше собрание будет весьма значительно по разнообразию и количеству предметов — и чтобы этот, всем доступный для понимания, материал производил надлежащее впечатление, не нужно его помещать в «Антикварий»; отдельные категории будет целесообразнее распределить в греческих залах Эллинистической эпохи и в зале Римском. <...> Как рады будут гимназисты и гимназистки встретить в нашем Музее рыболовные снасти и письменные принадлежности римлян, а студенты-медики будут удивлены, найдя у нас набор медицинских и хирургических инструментов. Военных займут образцы вооружения древних, любители чаепития встретят прообраз тульского самовара в геркулан[ум]ском экземпляре. <...>

16
П.В.Жуковский —
Л.З.Мсеряианцу
19 апреля 1903
Москва
Так как вчера Юрий Степанович Нечаев-Мальцев сообщил мне, что 9000 рублей, предназначенные для исполнения картин в порученной моему ведению зале «Ренессанса» в Музее Имени Императора Александра III в Москве, будут выдаваться по мере моего требования и на мою ответственность, имею честь покорнейше просить Вас препроводить тысячу рублей (1000 р.) художнику Клавдию Петровичу Степанову, проживающему в гостинице «Альтенроз» на Софийке, взявшему на себя исполнение вида Венеции, Villa d'Este и один медальон со статуей Коллеоне в Венеции. <...> Деньги эти могут быть выданы ему теперь, так как они составляют треть его вознаграждения, и он прямо едет в Италию, чтобы приняться за предварительные работы. <...>

В здешнем университете я имею двоих давних друзей, профессоров Де Петра и Сольяно, около четверти века стоявших во главе музея. Под их руководством Sabbatino de Angelis делал копии с оригиналов; они охотно возьмут на себя проверку точности исполнения нашего заказа.

Что касается до мраморов здешнего музея, то почти все значительное мы имеем в слепках, приобретенных мною в 1895 году на средства И.А.Баранова, мануфактуриста Александровского уезда.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Неаполь
23 апреля
(н. ст.) 1903

Я писал Вам и посылал фотографии некоторых архитектурных деталей из разных мест. Дошли ли до Вас эти доказательства моих о Вас помышлений, я не имею никаких сведений. Ни Ю[ри] С[тепанови]ч, ни Вы не достаиваете меня своими ответами, сколько бы я ни просил о них, сколько бы в них ни нуждался.

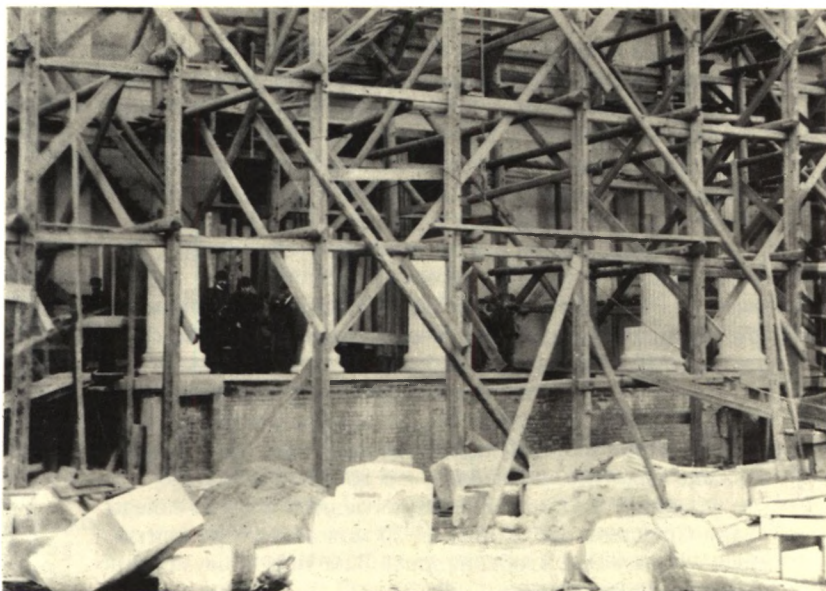
В каждом письме Ю[рию] С[тепанови]чу я напоминаю о разрешении заказать такой-то, более важный и ценный, предмет или целую партию предметов; посылаю я ему пакет каждую неделю, всегда заказным — и, за исключением одной телеграммы, которой он разрешил купить одну греческую вазу, подлинник, я не получил никаких указаний.

И принимая его молчание за знак согласия, я делаю заказы и приобретения в каждом городе, приобретаю все лучшее, все, что составит украшение нашего Музея. Не делать приобретений я не могу, работая все время с утра и до ночи; иначе к чему же свелась бы вся моя миссия? Если бы ограничиваться одними словами и намерениями покупок в будущем, со

мною и говорить бы серьезно никто не стал ни о чем путном. А мне, по важности предприятия, причиняющего большие заботы властям учреждений, с которыми приходится иметь дело, оказываются неизбежными сношения и личные и форменно-канцелярские с Министром нар[одного] пр[освещения] и с различными органами папского правительства. Дело восходило чрез нашу миссию при Ватикане даже до самого Папы. В Риме же я *должен* был представляться Министру нар[одного] пр[освещения] и лично перезнакомиться с главными чинами мин-ва, имеющими отношение к предметам изящн. искусств. Не говорю уже о властях провинциальных музеев, галерей, монастырей, церквей. Там, да и в Риме, и во Флоренции, и в Венеции, и в Неаполе, иначе не считают меня, как *Императорским* посланцем для приобретений памятников искусств в Музей *Императора* Александра III. Кто-то еще в начале зимы напечатал в римских газетах известие о такой моей миссии, — и меня завалили антиквары и частные лица письмами, адресуя их даже в наше консульство в Риме.

Рассчитывая на все лучшее в будущем, и я действовал соответственно положению. Все более замечательное в Ватикане заказано и уже теперь идет работа по исполнению. Я избрал такие статуи, которые никогда не копировались из-за больших размеров и из-за цены, — и эти чудеса скульптуры теперь у нас будут. Помните в Ватикане *Круглый зал* (Rotonda)? Помните эти дивные статуи Юоны-Барберини, Цереры, Juno-Sospita, колоссальные и изящные, или статую имп. Нервы, сидящего налево — высоко в нише? Все это у нас будет. Работа над этими колоссами начнется в июне, как только минует сезон наплыва иностранцев и как закроется Ватикан на летние месяцы. Может быть, получим 7—9 метров и Трояновой колонны. Группа Pietà Микеланджело, наход. в Св. Петре, уже упакована в чудесном слепке с оригинала. Получим и Моисея.

В Неаполе я занялся гл. обр. Помпейскими и Геркуланумскими *бронзами*, которые отливают здесь в совершенстве, с полным подражанием оригиналам. Главные музеи Европы и Америки приобретают *бронзовые* репродукции, которые дороже гипсовых, но зато *вечны*. Я набрал их тысяч на 40 фр. <...> Поддержите репутацию этого заказа в глазах Ю[рия] С[тепановича], которому отписал я об этом вчера в Слав[янский] Базар. Гипсы погибнут рано или поздно, и одно из следующих поколений вынуждено будет выбросить, как старый и негодный хлам, все, что теперь приобретается с такими хлопотами и издержками; но бронзовые репродукции будут переживать

78. И.В.Цветаев и Р.И.Клейн на стройке Музея

многие века вместе с учреждением. Ввиду их столь почтенного существования, что значат эти 40000 франков? Что на такую сумму получит меньше безумный, говорят, кутила Демидов, наследник Ю[рия] С[тепанови]ча, мне право не жалко. < ... >

Поездка в Египет не состоялась: и денег нет, да и время теперь для этой страны уже позднее. Там теперь уже очень жарко.

Закрываю свою беседу о Неаполе большою новостью. Новый директор Музея, проф. Паис, проводит коренную реформу в размещении всего материала, причем обновляются и все залы, комнаты, коридоры. Стены в нижнем этаже, в отделении мраморов, обтянуты где сплошь, где громадными панно из пунцовой бумажной дерюжки. И это вышло прямо импозантно. Дерюжка, рогожка, как бы там ее ни называть, стоит 1 1/2 фр. за метр. В другом этаже для бронз взят бумажный атлас палевого цвета — и опять очень хорошо. Я бы только рогожку допустил разных цветов, красного, зелено-бутылочного и др. Вообще нам нужно отказаться от простой окраски по штукатурке. Тогда нельзя после прибить ни одной полочки, ни одного кронштейна, не портя стены.

Много интересного представляет и новая деревянная, прекрасно окрашиваемая под разные мраморы, мебель, вводимая Паисом по Помпейским

образцам. Мне думается, что приезд Ваш сюда с целью ознакомления с формами оборудования Музея принес бы и Вам и нашему делу большую пользу. Раз Ваша поездка в Рим, будущей зимой, для ознакомления с катакомбами и избираемыми образцами их для нашего воспроизведения является безусловной, то может ли быть разговор о заезде сюда. Ни один из итальянских музеев так не реформируется теперь, как здешний.

Что нового в Москве? Не читая наших газет и изредка видя здешние, я ничего не знаю. Здесь со мною М[ария] А[лександров]на и дочь Валерия. Были в Помпеях и в Поццуоли. Но ныне погода отвратительная. Через 8—9 дней из Рима двигаемся в обратный путь. Устроивши М[арию] А[лександров]ну с девочками, вероятно, в Лозанне, я с дочерью побываю в Мюнхене и Нюрнберге. В последнем сделаю заказы для Средневекового зала. К 20 мая нашего рассчитаю быть у Вас, чтобы надрать Вам уши за неумеренно частые Ваши письма.

И. В. Цветаев —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву
Рим
29 апреля
1903

<...> Все, о чем можно было мечтать для музея таких больших размеров, как наш, из Италии будет в ближайшие годы подходить к Колымажному двору <...> — целая рошица дивных изваяний древности и нового мира, которые готовятся для нас по всей Италии, начиная от Венеции и до Палермо.

Долго ли остается мне жить, — я не знаю, но знаю, что эта зима и весна навсегда останутся счастливейшими периодами моей жизни в сфере идей и мечтаний. <...>

И. В. Цветаев —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву
Рим
1 мая
1903

<...> Отправляясь за границу, я имел намерение не делать ни одного, даже малоценного заказа, не испросивши предварительно на каждый отдельный случай Вашего согласия. Будучи лишь «сведущим лицом» в предпринятом деле, я хотел только быть посредником между приобретаемыми предметами и Комитетом Музея. <...> Но скоро я увидел невозможность такого приема действий.

<...> Я volens-nolens должен был из области предположений выйти в круг действий, деловых сношений и заказов по исполнению избираемых предметов. Мне оставалось только своевременно каждый день и каждый раз писать Вам о положении нашего «предприятия» и ждать Вашей депеши в случае несоответствия моих предположений Вашим ожиданиям и взглядам. Но Вы за весь этот длинный период времени лишь один раз остановили меня телеграммой <...> И за это доверие Ваше к моей посильной опытности и добросовестности в издержках на приобретения приношу Вам глубокую признательность...

Ю.С.Нечаев-
Мальцев —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
[май]
1903

Удивлен заказами на значительные суммы.
Прошу подождать с заказами до Вашего возвращения
и заседания Комитета¹⁷.

17
Телеграмма дается в переводе
с французского.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Мюнхен
7 мая (н. ст)
1903

Получил гневную депешу, но поздно. Контракт
на бронзы заключен. Нельзя оставлять 7 месяцев без
ответа. Вопрос впрочем в 15 т. руб. Это будет чудное
украшение среди скучных в большой массе гипсов. Это
будет вечное имущество Музея. <... >

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Мюнхен
8 мая
1903

Телеграмма Ваша получена мною в момент
выезда из Рима, когда производилась укладка корзин
и чемоданов. Своевременно я по этой причине не мог
Вам на нее ответить. Тон ее дал мне знать, что
в заказах я не должен отныне идти далее сделанного
мною <... > Отсутствие точно назначенного мне
предела меня сильно смущало с первой же недели моих
материальных переговоров с учреждениями и исполни-
телями заказов. Сумма назначена Вами «значитель-
ная», но как я мог определить это назначение в цифры?
<... > Значение, которое Вам угодно было придать
Музею, сделалось моим критерием при выборе
предметов для приобретения, моей путеводною
звездой... Я при этом ни на одну минуту не забывал,
что я здесь только «сведующее лицо», что, служа
душой и телом приобретению сокровищ Музея, сам
я не в силах оплатить ни одной статуи, ни одной
группы. <... >

[Только подбор памятников первостепенного
значения] был самой большой наградой <... > за эти
переезды в отвратительных итальянских вагонах
3 класса, за искание себе приюта в гостиницах совсем
совсем бесклассных, с их холодными и сырыми
комнатами без печей и каких бы то ни было средств
для нагревания, за эти высокомерные взгляды моего
брата американского директора музея, когда он
садился в том же поезде в 1 класс <... > и на другой
день ходил бок о бок со мною по тем же церквам,
монастырям, музеям и делал набор памятников только
в гораздо большем числе и с полною свободой, и за
эти доселе мне неизвестные ревматизмы, которые
я нажил при таких условиях. Ради поставленной цели
я переносил все это, не считая этого ни жертвой, ни
заслугой, как дело самим мною избранное.

И. В. Цветаев —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву
Нюрнберг
10 мая
1903

XV и XVI столетия у нас будут представлены богато мастерами итальянского Возрождения; но в эту пору были свои мастера и свои, пользующиеся известностью, скульпторы во Франции и Германии <...> Но пока этот вопрос для меня очень темен, как и вообще состояние французской скульптуры требует с моей стороны изучения, для которого у меня до сих пор не было ни времени, ни случая. Немного более

79. Двор Барджелло во Флоренции

того я знаком со скульптурою занимающей нас эпохи и в Германии. Но именно поэтому мне хотелось завершить свое заграничное пребывание заездом в Мюнхен и Нюрнберг. <...> Проведши жизнь в изучениях древнего мира и частию лишь в последние годы занявшись итальянскими ваяниями, я вижу, как далеко от меня лежит понимание мира германского. Тут для меня все ново, все темно и непонятно. <...> Лишь для очистки совести я до головной боли ходил по Национальному музею в Мюнхене и хожу здесь и в музей и по разным церквам <...> Надобно поучиться, почитать историю немецкой скульптуры у Бодэ, считающегося теперь первым знатоком этого предмета, и в общих трудах по истории ваяний

у Любке и Штрингера. Бодэ — очень любезный человек и прекрасный корреспондент <...> его можно будет попросить сделать указания тех первостепенных вещей, слепки с коих во всяком случае иметь будет нужно.
<...>

П.В.Жуковский —
И.В.Цветаеву
с. Богу-
чарово
18 июля
1903

Простите, что отвечаю Вам так поздно на прелестное письмо Ваше из Нерви, прелестное, как все Ваши письма, но грустное вследствие обстоятельств, в которых Вы там находились. Надеюсь, что теперь все хорошо и все близкие Вашему сердцу здоровы и Вы сами с радостью вновь смотрите на Ваше скромное и изящное детище на Колымажном дворе. Я очень рад, что Вы довольны моими действиями относительно залы Ренессанса. <...> К сожалению, с первого шага неудача, даже очень грустное несчастье: молодой Матвеев, живущий в Риме и получивший от меня заказ вида на Рим, заболел отчаянной чахоткой. Я послал ему вперед 500 рублей для начала работы, но боюсь, что он их проживет. Тогда я сделаю сам Рим, ибо это самый трудный сюжет и поручить его некому. Степанову я поручил Венецию и Villa d'Este, Южанину вид на Флоренцию, Алексееву Assisi или Сиену, что ему по сердцу.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Таруса
18 июля
1903

В эти дни печаталась в Моск[овских] Вед[омостях] статья моя о состоянии дел Музея за 1902 год, предназначавшаяся для Комитета. <...> На днях ее переверстают в отдельную брошюру, каковую я и буду иметь удовольствие доставить Вам, как магу и волшебнику поднимающегося колосса.

В записке перечислены, по бумаге Вашей, представленной в Комитет в начале января, Ваши предположения и планы касательно работ текущего сезона. Будут ли они хотя на $1/2$ -ну выполнены? <...>

Насчет Римских потолков я написал Трею; если он не в отпуску, что в летнее время так естественно, то он укажет нам подходящий увраж скоро. Есть очень интересный труд по архитектуре классической и эпохи Ренессанса — Bühlmann'a. Его, как мне кажется, я выписал для библиотеки Кабинета. Есть также у нас издание реставраций Помпейских зданий, что для нашего Римского зала идет менее.

Думали ли Вы о потолке Египетского зала? Он д[олжен] будет иметь форму плоского свода, и на голубом фоне должны быть рассеяны звезды. В центре его символ солнца. Просто и солидно обработаны стены и столбы в Египетском отделе *Археологического Музея* (Museo Archeologico) во Флоренции <...> Следует Вам побывать также в Египетском отделении Венского Музея, недавно отделанном.

Наш Египетский зал весь в окнах, в простенках поместятся большие статуи Фараонов, поэтому для Поленова останется место для двух панно, на узких стенах, над дверью и vis-à-vis. Поленову следует обойти с нами вместе залы пока нижнего этажа, чтобы представить себе, где возможны будут для него работы. Хотя сейчас же можно было бы указать ему стену древнехристианского — Средневекового зала для его Палестинских картин. Когда выяснится форма зала Олимпии, Парфенона и др. Греческих зал, нетрудно будет определить минимум живописного поля. Но пора заинтересовать его, раз Жуковский и Степанов уже получили работу. А то бы его не обидеть. На этих днях я поеду к нему — подогреть его в нашу пользу.
< ... >

И. В. Цветаев —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву
Москва
31 июля
1903

В настоящее время идет усиленно оштукатурка зал Средневекового и XVI и XVII ст. < ... > Ящики с [венецианской] мозаикой перевезены из Университета, где они хранились до сих пор, на стройку. Туда же поступили египетские скульптуры и все остальные ящики, бывшие в старом и новом зданиях Университета. Оттуда вытурили их ввиду перестройки. Перевезли мы их при помощи солдатиков Румянцевского музея, как более опытных в обращении с деликатными предметами. Придется им дать что-нибудь за хлопоты, которых было много. И ящиков было более 200, да и многие из них очень велики и тяжелы. Последние перекатывали на кругляках. Перестройка в Румянцевском музее заставила переправить и ящики со скульптурами, хранившиеся с 1897 года там. Кладовая на стройке переполнена. < ... >

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Москва
19 августа
1903

Посылаю Вам обещанную Записку о Музее за минувший год. Следуя девизу immer vorwärts, мы идем вперед, идем и когда-нибудь достигнем же конца. Еще год-два работ существенного значения, как полы, потолки, крыши, двери, оштукатурка, отопление — и можно будет сказать: «Ныне отпускаеши». Остальное уже не страшно. И главный фасад и лестница обеспечены, они явятся в это время сами собою. Уладится захлестка с вопросом о росписи зал и с делом о гипсах, стоимость которых составит сущий пустяк в остальных тратах и расходах. Не останутся, конечно, ни Олимпийские фронтоны без окружения, сходного с Дрезденским, ни статуи и бюсты без постаментов, ни рельефы без деревянных поперечных стенок. В свой черед понемногу все это придет, лишь бы жил и не охладел к делу Ю[рий] С[тепанович]. < ... >

80. Греческий дворик во время строительства

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
5 сентября
1903

Посылаю Вам плохонькое изображение знаменитой мраморной, носящей следы позолоты, двери в Palazzo Vecchio, раб. Benedetto da Maiano (XVв.). Она 5 метр. вышины и 2,60 метр. ширины. Она придет разделенною на 15 кусков, которые придется соединить. В натуре она очень эффектна — и я поручил воспроизвести также и остатки матовой позолоты. В Palazzo Vecchio показывают ее, как одну из наибольших достопримечательностей <...> В зале Ренессанса у нас неминуемо будет отделение для *цветных* скульптур — вот эта дверь и могла бы вести в такую капеллу. Ее обставим мы и характерною мебелью (кстати, где хранить ящики с нею? Не разохлась бы она в складе?).

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
29 сентября
1903

Юрий Степанович просит назначить Строительную комиссию когда Вам угодно. Нельзя ли в Среду, в 3 часа, в зале Правления? <...> Мои бронзы как будто идут на лад; Ю[рий] С[тепанович] сам о них заговаривает. Их надо окончательно провести через Комитет в этом же

заседании, чтобы не толковать столько о 13—14 тыс. руб. < ... >

Пришли двери Гиберти, сделанные под бронзу и даже с признаками позолоты. Где мы поставим их? Во дворике? Тогда надо окружить их по узкой его стене другими имитациями и несколькими Делла Роббиа.

Пришли 30 №№ различных помпейских и геркулан[ум]ских бронз, заказанных мною одному бедному, но старательному кустарю в Неаполе. Вещи любопытные: блюда, хозяйственная изящных форм утварь, как ведра с серебряной инкрустацией, столовые и «чайные» ложки, колокол для созывания челяди и, наконец, бронзовая ванна (!) И все это за 650 фр. На днях получим ящики на стройку и посмотрим. — Это — настоящие бронзы, распаковывать их можно. < ... >

P.S. Другие большие Равеннские мозаики заказаны. Как-нибудь выкарабкаемся с уплатою за них. «Авось» нам с Вами до сих пор служило хорошо...

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Москва
5 октября
1903

Вчера я на минутку видел Ю[рия] С[тепано-ви]ча и застал его в весьма благодушном настроении. Он ждет Вас с известием насчет Ваших разговоров с Васнецовым о мраморах лестницы. На свое мнение он не полагается, а желает проверить его Васнецовым.

Я, грешный человек, боюсь, что медля с этим выбором, мы подвергаемся опасности зимою ничего не сделать на лестнице, если избранного, наконец, мрамора не окажется на ломках готовым. Это будет, пожалуй, препоной к открытию Музея в 1905 году, о чем говорил Ю[рий] С[тепанови]ч и вчера, как деле для него очень желательном. < ... >

Я лично пока благодарен судьбе за прошлое заседание Комитета: шутка ли сказать, у нас будут обе кантории и Донателловская и с золотой инкрустацией в терракоте! Мы забрались и в немецкую скульптуру с двумя грандиозными вещами Peter Vischer'a: его Sabaldos-grabmonument в Нюрнберге и надгробный памятник имп. Максимилиана в Инсбруке.

Я в Европе не видал ни одной кантории, кроме той, которая теперь в Дублине. Оттого-то, что форма лежит без употребления, Лелли и согласился с меня взять 4000 фр. за Делла-Роббиевскую вм[есто] 6000 объявленной цены и принялся за ее исполнение сей-час же.

А прелестная кафедра Бенедетто да Майано в S. Гюсе во Флоренции! Это также чудесная висячая на стене декорация.

А указание, золотое, бриллиантовое, бесценное и Зевсовски-авторитетное указание Ю[рия] С[тепано-ви]ча перевозить мои геркулано-помпейские бронзы

морем для удешевления перевозной платы! Это — такое счастье!

Если бы я пил *водку*, от этих счастлих я все пил бы водку. Так я доволен курантом гипсовых, терракотовых и бронзовых дел. Ныне же буду делать заказы в Нюрнберге, Мюнхене, Неаполе, Флоренции и Равенне. Пусть люди бедные поработают для нас, людей богатых. < ... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
6 октября
1903

Вчерашний день я считаю *Erochemachend* по своим решениям и одним из самых интересных моментов всей эпопеи созидания Музея, по своей форме. Многотысячные дела, всей своей тяжестью ложившиеся на Ю[рия] С[тепанови]ча, решались им в один миг, без колебаний, без возражений, без денежных расчетов. «Да будет, *Fiat*» так и сыпалось из его уст, говоривших о необыкновенной щедрости его сердца, которое в этот момент хотело одного — возможно блистательного, возможно монументального и, если возможно, возможно-скорого окончания большого дела. < ... >

Как знать, что и в самом деле Музей не может окончиться к августу 1905 года? Не забудьте и сад, и ограду, и тротуары каменные, и по боковым сторонам ограду и сзади. Все внесите в представление для *экстренного* заседания Строительной комиссии, которую хорошо бы собрать в субботу (мне ранее нельзя) этой недели. < ... >

В.Д.Поленов —
И.В.Цветаеву
Борок
10 октября
1903

Очень порадовала меня Ваша весточка!
Значит можно надеяться, что наше заветное желание — оживить однообразие скульптурного музея стенной живописью — начнет переходить из заоблачных мечтаний в действительность, для глаза доступную. Как только приеду в Москву, являюсь к Вам и тогда мы все подробно обсудим.

Наконец-то Юрий Степанович решил сделать попытку выйти из заколдованного круга разрезов, кессонов, карнизов, капителей, монолитов и других дорогостоящих предметов. Честь и хвала ему!

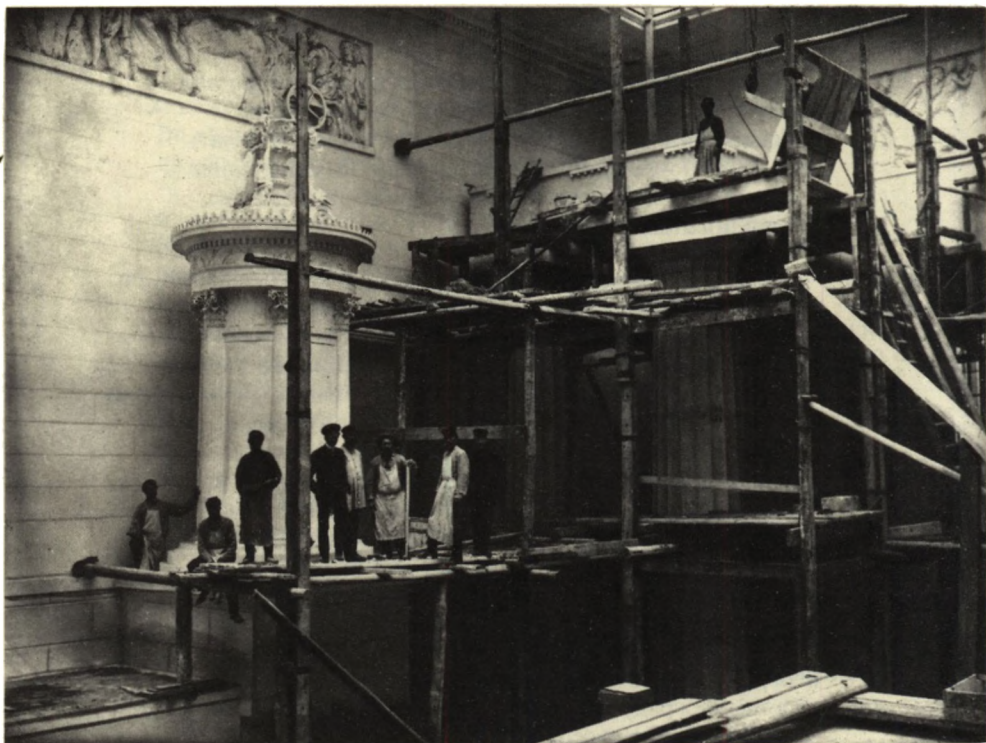
Не могу не сознаться, что приступая к такому большому художественному делу, испытываю значительный страх, ну как сил не хватит?

18
Архив ГМИИ, ф.6, оп.1, ед.хр.
3222; Е.В.Сахарова, № 360.

Впрочем, что загадывать вперед, будем надеяться, авось и удастся^{18?}

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
11 октября
1903

Великий князь вчера очень интересовался настроением Ю[рия] С[тепанови]ча (который, оказывается, все же пожаловался ему на меня: это сказал мне сам в[еликий] кн[язь]) и советовал «беречь его, чтобы он не переставал давать нам, особенно при

81. Установка угла Парфенона в Греческом дворике

конце дела». Он спрашивал про Вас и вспомнил о «зале Славы» (!!); пользуясь моментом, я заметил, что настает пора заказа статуи Императора. Вел[икий] кн[язь] сказал на это: «да, да, разумеется, пора; нам надо поговорить об этом в более свободное время».

Готовьтесь теперь к представлению ему и заготовьте краткий доклад о ходе дел, ввиду окончания Музея в 1905 г. <... >

Теперь весь секрет в Ваших руках и в Вашей воле. Что касается меня, то у меня и мундир готов для праздника открытия. <... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
14 октября
1903

Эти дни мне никак нельзя было условиться с В.М.Васнецовым насчет нашего к нему наезда. Да вчера вечером он был на панихиде по М.А.Морозове. Завтра утро уйдет на погребение, а вечером я, м. б., с дочерью [Валерией] буду в театре на «Юлии Цезаре». Удобно для меня отправиться к Васнецову вечером в четверг <... >

Кто нам выведет формулу стоимости отопления? Пока на зиму 1904/5 года дали бы денег на

отопление и на минимальный штат прислуги. Интеллигентные работники найдутся с желанием потерпеть. На эстонца Пэрка, которого я выписываю из Юрьева и который может появиться здесь недели через две, да на Мсерянца я возлагаю большие надежды. Также и Дмитриев, новый письмоводитель Комитета, — прекрасный и опытный работник. Летом, когда светло и после обеда можно сделать многое по части распределения скульптур по залам. <... >

А фронтоны Олимпии и Эгинетов и совсем станут в большую копеечку. Они и громоздки, и потребуют специальной раскраски. Не знаю, как выйдут фронтоновые рамы Олимпийских скульптур, но Эгинский фронтон потребует и раскрашенных триглифов, как в Берлине. Загляните в Neues Museum, когда будете там. <... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
19 октября
1903

Вчера, в ответ на мое письмо, Васнецов мне сообщил чрез посланного, что он будет ждать нас с Вами вчера и ныне в 5 или в 8 часов. Так как вчерашний день телефоном я Вас разыскать не мог, то остается нынешний день. Проще, я думаю, быть у него «между собакой и волком», именно в сумерки. Тогда мы менее обременим его своим просвещенным посещением, а дело сделаем.

Мысль Степанова утилизировать для мозаической картины «зала Русской Славы» идею Мира, в соответствие историческому титулу Миротворца, мне нравится; но едва ли нужно насаждение Афиной оливковых деревьев; она их не насаждала, по мифу, а прямо создала Оливковое дерево на Акрополе, от которого и пошли оливки Аттики. Да и оливковое дерево Афины — не символ мира, а источник благосостояния Аттики, питавшейся оливками и продававшей их. Аллегория тут не прямая, не скоро ее и поймешь. У нас маслин своих нет — и Александр III тут ни при чем.

Не лучше ли изобразить идею мира, которой служил покойный Государь, картиною благословений мирного времени: развитие наук, искусств, ремесел (земледелия, садоводства, торговли?). Места много — можно уложиться со всем этим на таком пространстве. В одежду лиц, которые будут составлять эту композицию, можно ввести и 2—3 русские костюма, прически и т. п. Пусть эта картина будет национального характера.

Вот о чем потолкуем ныне с Васнецовым. Не возьмется ли он составить картон и тем оставить частицу Васнецова и нашему Музею. Подумайте.

<... >

Б.В.Фармаковский —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
27 октября
1903

<...> Относительно живописного карниза в Музее я напишу сейчас брату, который живет обыкновенно в Одессе и только редко бывает в ПБ [Петербурге]. По получении ответа от него я напишу Вам. Картинки на вазах подберу. Но предварительно мне было бы важно знать *высоту стен* залы, равно как ее ширину (длина ее = 24 арш.). Будьте любезны сообщить мне эти размеры, и тогда я скоро подберу подходящие картинки. По-моему, главным образом

19
Речь идет о зале древнегреческих надгробий на 2-м этаже, коллекция которых была приобретена Нечаевым-Мальцевым в Афинах.

следовало бы воспользоваться картинами белых лекифов, на которых и настроение и вообще весь стиль столь близки к рельефам надгробий, что они объясняют и дополняют друг друга¹⁹.

Б.В.Фармаковский —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
7 ноября
1903

Только что получил я письмо от своего брата насчет росписи карниза в Вашем музее. Он очень благодарит Вас за внимание к нему и сообщает, что он с удовольствием возьмется за это дело. Он мог бы на Рождестве побывать в Москве и мог бы даже привезти с собой пробные эскизы. Для этого ему важно было бы только знать длину карниза от каждой стены и ширину карниза. Для того, чтобы подобрать нужное количество рисунков с ваз, и мне это было бы весьма важно знать. Какой приблизительно величины должны быть фигуры? Не откажите сообщить мне эти сведения. Тогда я подберу древние вазовые картины, укажу их брату, а он приготовит эскизы карниза для всех 4 стен залы.

Б.В.Фармаковский —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
5 декабря
1903

Дело, которое Вы сделали в Москве, великое дело. Созданный Вами музей отметит новую эру в истории нашей науки в России. Разве можно отрицать большую роль берлинской коллекции слепков в истории германской науки? Ваш Музей так же, как берлинский в Германии, поднимет на должную высоту занятия историей искусства у нас в России.

Будущие наши историки искусства всегда будут с благодарностью вспоминать Ваше имя; они все будут Вам весьма обязанными. Да и разве одни специалисты скажут Вам спасибо?

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Таруса
12 декабря
1903

Не знаю, как, наскольколюдно и в каком усиленном темпе проходят святочные дни у Вас, в Вашем кругу; а сам я с дочерью и сыном²⁰ приехал сюда, в тихую и малолюдную Тарусу, чтобы отдохнуть на свободе от визитов и приемов этого времени. Дети гостят в семье моего двоюродного брата, здешнего врача <...> сам я живу один во флигельке у м-ме Мейн и вот второй день, как наслаждаюсь тут невозмутимым покоем.

20
Речь идет о Валерии и Андрее.

Дом находится на окраине этого города-села, окна моего флигеля обращены к огородам, сейчас

82. Греческий дворик. Осуществленный проект

представляющим белую пелену. А соседний переулочек такой глухой и безлюдный, что летом он зарастает ромашкой и крапивой, зимою же мимо этих садов и огородов нет никакого движения, лишь раз в сутки водовоз развезет воду по 2—3 дворам, составляющим все палаты и дворцы этого сказочного тихого места. После суматошной жизни, какую мне суждено вести в Москве, лучшего санатория для натянутых нервов и соединенных с этим бессонниц, кажется, нет в мире: хоть изъезди всю Ривьеру, всю Италию, Крым и другие благодатные места.

И. В. Цветаев — < ... > Желание графини П. С. Уваровой сделать
Ю. С. Нечаеву- Мальцеву доклад о путешествии по Италии я исполнил для
Москва Археол[огического] Об[ществ]а, сделавши там
21 декабря сообщение о Луке делла Роббиа и в частности о тех его
1903 произведениях, копии которых приобретены для
нашего Музея. Здесь первое место должны были занять
его Cantoria и две большие люнеты Флорентийского
собора Воскресение и Вознесение. Первая из них
вызвала сравнение с канторией Донателло и речь
о талантах и характерах последнего в отличие от Луки.
Хорошие фотографии циркулировали по обществу
и в публике; рассказаны были наши сношения
с фабрикою фаянсов и терракот Ligna во Флоренции
и подробности приобретений обеих канторий, чего в их
полной форме, с архитектурной рамой не имеет ни
один музей в Европе. < ... >

Б. В. Фармаковский — Весь материал, собранный мною для росписи
И. В. Цветаеву одной из зал Вашего музея, я передал брату, который
Санкт- делает уже эскизы. В Москве он вручит Вам свои
Петербург проекты лично. Если Вы одобрите их, он будет
5 января работать дальше. Во всяком случае, когда будут
1904 эскизы, легче будет обсудить это дело.

Мст. В. Фармаковский — Думаю, что Вы вернулись из Петербурга,
И. В. Цветаеву и осмеливаюсь беспокоить Вас этим письмом.
Одесса Понравился ли мой эскиз Нечаеву-Мальцеву, имеется
25 января ли в виду изменить его и вообще, какова его участь? Вы
1904 понимаете, что я жду с нетерпением решения этого
дела, так как считаю для себя редким счастьем
применить разом и свои знания и свои художественные
способности в столь широко задуманном деле,
долженствующем воскресить в холодной России целую
эпоху истории искусства. < ... >

В. Д. Поленов — Ваше письмо, пришедшее из наших милых
И. В. Цветаеву краев и целебной Тарусы, довольно утешительно,
Москва и мне кажется, что в конце концов у нас что-нибудь да
20 февраля и выйдет. — Уж то, что Юрий Степанович ничего не
1904 возражает против материальной стороны дела,
действует ободряюще.

Что касается до названных Вами лиц, могущих
исполнить такие-то и такие работы, то там так много
места, что на всех хватит, да пожалуй еще немножко
и останется.

В искусстве я совершенно равнодушен к направ-
лению — либеральное оно или консервативное,
хорошее или плохое, мне все равно. Искусство
и художников я делю на два сорта — на талантливый
и бездарный; и во всяком направлении талантливый
художник интересен, а бездарный плох.

21
Архив ГМИИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр.
3224; *Е. В. Сахарова*, № 361.
Приводим отрывки из переписки
двух художников, развивающих
эти мысли:
В. Д. Поленов — В. А. Серову
25 марта 1904
<...> Вообще вчерашний
разговор меня очень оживил
и порадовал, и я буду стараться,
чтобы дело выгорело. Если бы он
взялся исполнить Лисиппа,
пейзаж Ниобид (гора Киферон
в Беотии) и еще что-нибудь, напр.
Эгиу; Косте Коровину мы
поручили бы развалины Олимпии,
Аттики, Аркадии и т. д.;

Мст. В. Фармаковский —
И. В. Цветаеву
Одесса
25 февраля
1904

И. В. Цветаев —
Ю. С. Нецаеву-
Мальцеву
Москва
2 марта
1904

Что касается до декадентства, то это такое широкое понятие, что Маковский и Мясоедов этой кличкой называют — все свежее, живое и талантливое, за такое декадентство я горой стою²¹.

Головину — Акрополь, Парфенон, Панафией и Праксителя; Грабарю — Архипелаг; Мусатову — Пергамы и т. д., то, пожалуй, дело вышло бы неплохое. [*Е. В. Сахарова*, № 362]
В. А. Серов — В. Д. Поленову
26 марта 1904
Дело это вообще очень интересное, и если бы я мог выразить на стене, что ли, то ощущение,

которое я всегда испытываю, глядя на то, что выходило из-под рук греков, т. е. то живое, трепетное, что почему-то называется классическим и как бы холодным, да... ну, это невозможно, пожалуй, а попробовать попробуем — и от Аполлона и Лисиппа не отказываюсь! [Там же, № 363].

На днях я получил от моего брата письмо, в котором он сообщает мне, что виделся с Вами в Петербурге и разговаривал относительно моего эскиза. Самое главное для меня — это то, что эскиз одобрен. Изменения, которые предполагаются согласно желанию жертвователя, именно изображение афинского Керамика, на мой взгляд, будут способствовать красоте зала в значительной степени. Разумеется, что этому виду должен соответствовать на противоположной стене другой пейзаж, имеющий столь же важное значение и такую же тесную связь с погребальным культом греков. Так как наступает весна, то может быть было бы весьма уместным сделать поездку в Афины: пейзажи и типы требуют этюдов с натуры, нужно проникнуться тем духом, который руководил вкусами греков, нужно подпасть под обаяние аттической природы, чтобы картины наши не были копиями или раскрашенными фотографиями. <...> Итак, буду ждать Ваших предписаний, как относительно новых изменений, так и насчет поездки в Афины. <...>

Художник Фармаковский из Одессы, приславший свои эскизы для Погребального кабинета Музея, просит меня походатайствовать перед Вами о поручении ему съездить в Афины, чтобы написать там Керамик. Просит он в форме очень скромной и деликатной, как была скромна и его цена в 50 руб. за квадратный аршин исполнения картин, когда другие поставили своим условием 100 руб. за такую же меру живописи пейзажа <...> О таких суммах этот ученик Дюссельдорфской школы и не знает. Я уверен, что и на поездку в Афины и окрестности он попросит вашей помощи в минимальной мере. Ему хочется поехать ранней весной, чтобы уловить нежный колорит воздуха и раннюю зелень и чтобы окончить работу до жаров.

83. Греческий дворик. Фрагмент

Б.В.Фармаковский —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
2 марта
1904

Получив от Вас экземпляр Отчета и речи, читанные Вами в годичном собрании Комитета Музея <...> спешу выразить Вам мою глубокую благодарность. Читая эту книжку, я приходил все время в восторг и изумлялся Вашей энергии и благоговел пред Комитетом и московским обществом. У Вас, благодаря, конечно, главным образом, Вам, сделано дело, о котором трудно было мечтать в России, так как у нас вообще мало лиц, которые были бы готовы жертвовать такие суммы, какие Вы имеете в Москве. Честь и слава престольной. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
4 марта
1904

<...> Украсьте зал Ассирии посылнее эмалевой росписью всяких крылатых существ. Это будет мощно действовать на зрителей. Я бы умненько колорировал и гипсовых крылатых быков. А в белом гипсе они будут чересчур модерны и не станут производить впечатление в должной степени. А над Греческими залами не мудрствуйте лукаво: Олимпия и Парфенон должны иметь дорические кассетоны и никаких фокусов больше; Пракситель, Лисипп, Ниоба, Лаокоон и Эллинистический залы — только ионические кассетоны без всяких лепных карнизов. По местам здесь будут пятна живописи. И довольно. Так будет дешевле, проще и работа станет двигаться скорее в своих существенных, нам теперь остающихся частях. <...>

Целую Вас братским целованием, чтобы Вы обрабатывали египетский портал сногшибательной силы и показали Москве настоящую Ассирию.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
6 марта
1904

Я думал этими днями насчет рисунка метлахских плиток для наших полов — и все не могу помириться с маленькими квадратиками их обычной формы. Претит она мне своей мискинностью и общим распространением по всем передним и баням. При одноцветности их на широких полях наших полов эти квадратики будут действовать на глаз несколько лучше; но все же эстетическое чувство полного удовлетворения никоим образом не найдет.

Несравненно лучше действует на зрение форма продолговатых кирпичиков, образцы которых недавно присланы в Музей и находятся в вестибюле аудитории. Если скомпоновать рисунок пола наподобие паркета, так назыв. «Специал», состоящего из продолговатых кусков, то такие полы будут очень походить на кирпичи красных флорентийских музеев и старинных палаццо. <...> Цвета их для разных зал могут варьироваться, по вашему выбору <...>

И. В. Цветаев —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву
Москва
11 апреля
1904

Прибыл мастер от Фролова для сборки и помещения Венецианской мозаики. Вчера я попросил его разложить на полу зала мозаические плиты в порядке, указанном в описании собора св. Марка. Это описание выслал нам Онганья. Там помещены и латинские надписи, сопровождающие мозаические картины. По этим данным легко установить порядок плит. Только у нас они будут вероятно в одну ленту вытянуты, тогда как в капелле св. Зенона они идут в несколько отдельных рядов по потолку. <... >

И. В. Цветаев —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву
Москва
14 апреля
1904

Приехал сюда во второй раз В. А. Фролов для исправления Венецианских мозаик и для укрепления их в стене Средневекового зала. Какой это знающий мозаическое дело, скромный, деликатный, симпатичный молодой человек. Он находит, что постель мозаики на их фабрике делается более прочно <... > Слабость постели, состоящей из гипса и цемента, трудно соединяющихся, была причиной того, что в дороге некоторые плиты сильно пострадали. Одну из них приходится почти наполовину перекладывать, т. е. перебирать вновь. Хорошо, что квадратики не высыпались из своих мест; их приходится лишь вынимать и укреплять снова. <... >

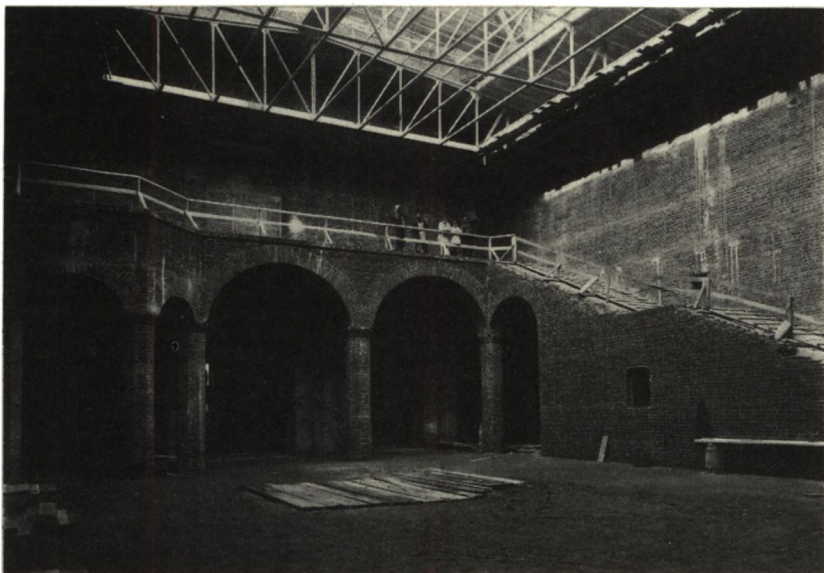
Оставить всю противоположную стену свободной нужно и ради обещанной Поленовым картины из видов Палестины для этого древнехристианского зала (разумеется, если вы того пожелаете) и для высоких архитектурно-скульптурных гипсов. <... >

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Москва
16 апреля
1904

Мне кажется, что Христианский дворик нам придется отдать преимущественно большим порталам западноевропейских Средневековых соборов. Есть у нас Goldene Pforte Фрейбергского собора в Саксонии, будут скульптурные двери Бамбергского собора, портал Клермонского собора и портал наиболее чистой французской готики в Bourges. Надобно очень подумать, как разместить их. <... >

Насчет Средневековых немецких скульптур мы будем счастливы. Статуи соборов Наумбургского, Бамбергского и Страсбургского отливают в Берлине и Кельне, в последнем городе им дают и Sandsteintönungen, каковые я непременно закажу. Уставим этими статуями целую стену Средневекового зала. Он у нас с его Равеннскими и Венецианскими мозаиками и цветными статуями (некоторые будут имитированы под дерево) будет очень оригинален и по-своему красив, особенно когда Вы распишите его кронштейны и насаждаете городских гербов. <... >

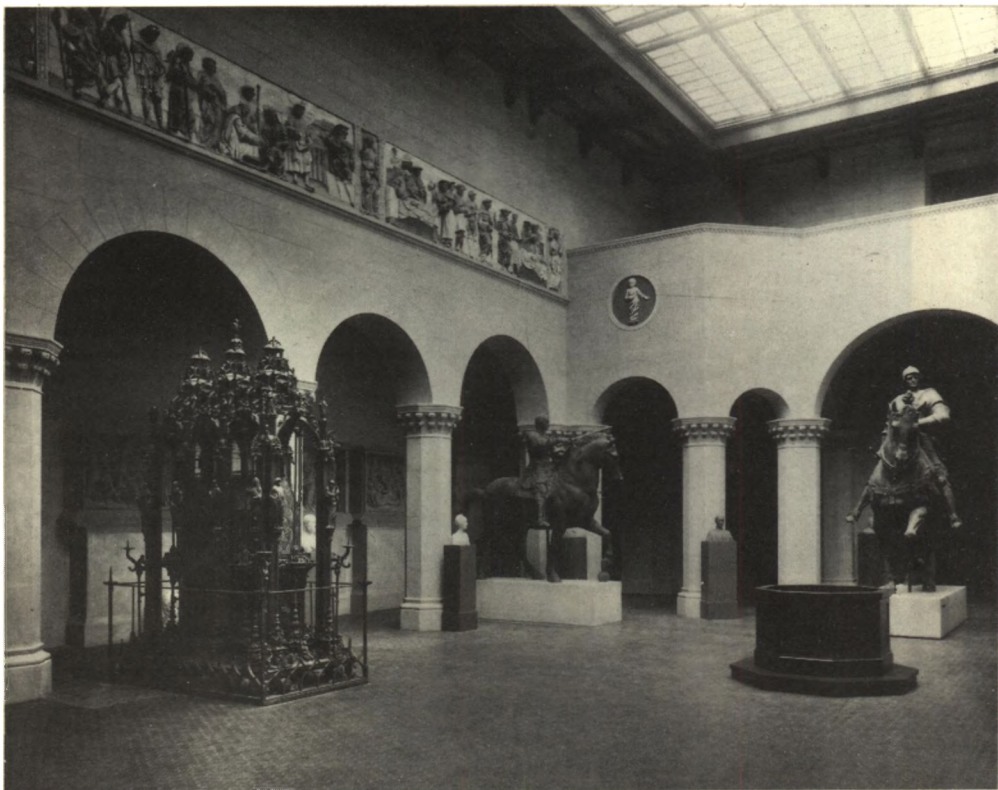
Надобно позаботиться о расцветении Христианского дворика. 1) Там можно было бы исполнить

84. Итальянский дворик в процессе строительства

несколько городских гербов яркими красками, в том числе и нескольких русских городов, где отразилось Византийское искусство, Киева, Москвы, Владимира, Ярославля, или искусства Западного, как Новгорода, Петербурга; можно было бы поместить и гербы всех университетских городов, где изучается история искусств; последнее в университетском музее имело бы смысл особой деликатности Московского университета в отношении своих собратий. <...> При этих гербах, сделанных в одном или, для разнообразия, в нескольких масштабах. Ваш московский Барджелло хотя и без дивной синевы Флорентийского неба, будет больше походить на свой чудный прообраз. 2) А то вот другой способ. Есть в Тоскане, в Пистойе, госпиталь, на фасаде которого тянется длинная лента *горельефного* фриза школы Della Robbia *многоцветная*. Содержание его — все несчастные и обездоленные: больные, узники, бедные и т. д. <...> Эта декорация была бы прямо поразительная для Христианского дворика. Что бы Вы сказали на эту мечту филолога? Подумайте и скажите. Необычного ничего нет. Гипсы перешлют в Пистойю. Там найдется какая-нибудь школа рисования, учитель ее и распишет эмалев[ыми] красками. Даже можно будет попросить Марию Александровну, — она съездит в Пистойю. Это от Нерви какие-нибудь 5 часов. Она найдет школу и разузнает дело. Жду Вас ныне на стройку, где Вы и скажете мне Ваше мнение.

85. Итальянский дворик. Часть экспозиции

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Москва
24 апреля
1904

< ... > Посылаю Вам — видите, какой я щедрый — и каталог гипсов, приобретаемых в *École des Beaux-Arts* в Париже. Здесь архитектурного материала хоть отливай. Всякого жита по лопате. Для меня важно иметь Ваши отметки существенно интересного и подлежащего заказу; отметки делайте цветным карандашом.

Я подготовлюсь к путешествию по Германии и Франции, где будут занимать меня, на этот раз, главным образом Средневековые церкви и соборы. Без подготовки по книгам и рисункам не сделать нужного выбора памятников скульптуры. Ими так усыпаны, ими залиты фасады и порталы, так что глаза разбегаются. Надо поэтому искать там общепризнанных в науке вещей. Надо их наметить заранее для каждого места и приобретать только царственно-важные вещи < ... >

В Германии остановлюсь на соборах Наумбургском, Бамбергском и Страсбургском < ... >; во

Франции на соборах в Reims, Amiens, Париже, Chartres, Bourges, буду в Дижоне для Puits de Moise, в Клермоне, Тулузе.

Жатва предстоит интересная. По Франции мы будем путешествовать с женою. Провинции французские, говорят, не интересны; не то что провинциальные города в Германии. Но провинциальные кафедралы не уступят в историческом значении Notre Dame Парижа. До Воскресенья, когда я рассчитываю быть у Вас, Вы архитектурные детали подберите.

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Париж
22 мая
1904

Сюда я благополучно приехал утром 20-го числа, и в одном маленьком отельчике (Hotel d'isly) на углу rue Jacob и rue Bonaparte, на левом берегу Сены, нашел жену с кофеем и чаем, ждавшими моего внимания. Этот старый квартал с его École des Beaux-Arts институтом, множеством книжных и художественных магазинов, такими книгоиздательскими фирмами, как Didot, Legoux и даже F.A.Brockhaus, такими фотографическими заведениями, как Giraudon, рассылающие свои листы по всему ученому и художественному миру, и с этим оживлением, которое придает этому углу Парижа юношество École des Beaux-Arts, мы очень любим. Отсюда близко и до Лувра, и до музея Cluni, и до Notre Dame и до Trosadégo на пароходике менее 10 минут плавания. Здесь мы с женою жили осенью 1895 г., к той же хозяйке, в ее архаический отель приехала жена и теперь, прибывши сюда раньше меня.

У нас комната в первом (по-нашему втором) этаже в три окна, светлая, угловая. Взяли мы ее на месяц за 55 фран. Питаемся на bouliet S.Michel в том же ресторане, что и в прошлый приезд, платя за завтрак и обед по 1 фр. 25 сант. и 20 сант. гарсону. Дают нам за эту уйму денег суп, мясное блюдо, лягуше или рыбу, и сладкое, теперь по сезону обыкновенно землянику или вишни; что бутылка красного или белого вина ставится при этом в тот же счет, это разумеется само собою <...>

В Париже кроме хорошего настроения нам нельзя иметь другого. Тепло, погода чудесная, весна в полном цвету деревьев и кустарников, а цветами, в данный момент пионами, завалены каждый перекресток и целые площади. С 6 час. утра и до 11 вечера я на ногах, но утомления пока никакого.

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Париж
1 июня
1904

<...> Угол Парфенона в натуральную величину, с тремя колоннами, антаблементом и трехступенной крепидомой оценен здешней E.d.B.-Arts в сумме от 22 000 до 25 000 фр. <...> Я при своих 12 000 руб. и подумать об этих вещах не смею. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Париж
3 июня
1904

В намеченном пути я прошел Берлин, Кельн, Амьен, Шартр. Париж приковывает меня своими Trocadéro, Лувром и École des Beaux-Arts, кроме Notre Dame, Sainte Chapelle и др. более древних церквей.

По мере сил, стараюсь везде освоиться с нужным для нас материалом. К сожалению, чудный подбор Средневековья в скульптуре и архитектуре в Trocadéro сделан и продолжает делаться без желания делиться этими сокровищами с другими. Форм, по которым можно бы получить слепки, у них очень мало. Здесь даже нет обычая разрешать делать отливки по существующим у них гипсам. Да и то, что есть у них для продажи, оценивается очень высоко. <...> Но что можно получить в Trocadéro или кое-что в École d. B.-Arts по Средневековью, я заказываю, — и коллекция наша будет не только интересной, но и единственной в России. <...>

Ходко идут дела и в Лувре. Нашел отлитую форму знаменитой *Персидской* капители с бычачьими головами. Она займет *всю* высоту зала (!) Хлопochу о 2 Ассирийских быках, которых в отливке *нет*. Ныне иду к нашему послу Нелидову за помощью в этом деле. Приобретаю статуи и архит. детали из новых раскопок в Дельфах. Раскопки делаются французами, и получить первые отливки можно только здесь, в Лувре. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Париж
12 июня
(н.ст.)
1904

Имея главную квартиру здесь, я делаю поездки в другие, намеченные в моем маршруте, города Франции. Был я до сих пор в Амьене, Шартре и Реймсе. Отовсюду будет у нас жатва обильная и драгоценная. Приобретаю статуи с архитектурным окружением, что так отлично характеризует Готику. Приобретения эти дороже, чем гипсы Италии и других стран, потому что Средневековая скульптура и архитектура монополизированы здесь одним ателье, именно ателье Трокадеро; собственник его лупит цены в других странах прямо несообразные <...>

Как бы то ни было, для Французской скульптуры у нас будут чудесные, характерные вещи.

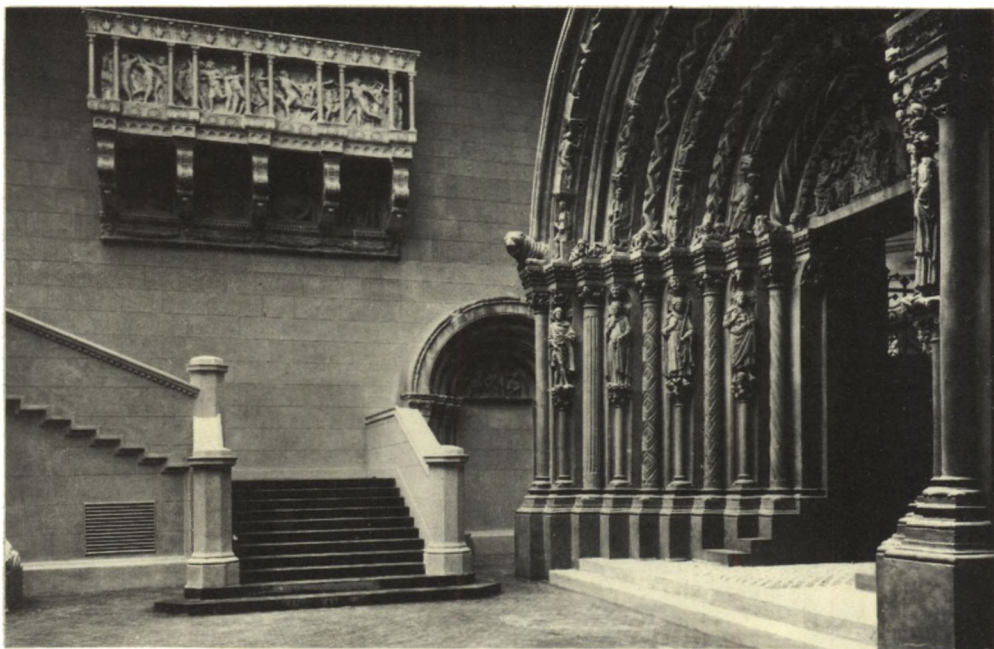
Хлопochу об Угле Парфенона <...> Иметь его мы будем непременно, надобно будет подумать о его помещении. Какова будет высота нашего Стеклянного дворика? Высота слепка до 20 метров (?), трехступенное основание достигает моей переносицы, высота колонн 10 метров, остальное идет на антаблемент. Придется, вероятно, спустить все основание вниз, как это сделано в Es. d.V.A. для реконструкции детали храма Jupiter Stator. Это надо иметь в виду! <...>

86. «Золотые ворота» Фрейбургского собора в Итальянском дворике

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Париж
18 июня
1904

< ... > Видя, что помощи ждать неоткуда — и бывая в соседней с нашей квартирой галерее École des Beaux-Arts каждый день, я обдумывал способы получения этого угла (Парфенона) за возможно меньшую цену. Тем временем я сблизился с формовщиком этой Школы г. Sadaune, оказавшимся хорошим покладистым малым. Его собственная мастерская на соседней rue Visconti, туда я захожу тоже очень часто. С ним и его associe по этой мастерской мы начали обсуждать это дело, причем я наотрез сказал им, что о 25 т.фр. Комитет нашего Музея и рассуждать не станет < ... > Два-три раза мы компанией ходили в Cour Vitrée Школы, осматривали этот Угол со всех сторон, измеряли и делили его на части трудные и легкие для отливки. < ... > Результат наших общих совещаний выразился в следующих решениях: < ... > полный экземпляр отлива обошелся бы около 10 000 фр.

87. Итальянский дворик. Фрагмент

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Лозанна
23 июня
1904

За эти дни мы побывали в Дижоне <...> я ознакомился достаточно и с Дижонским музеем, считающимся самым лучшим между городскими музеями Франции, и с дворцом Бургундских герцогов, с более древними церквами. <...> Главная сила музея по отделу скульптуры — в гробницах Бургундских герцогов Филиппа Смелого, Иоанна Бесстрашного <...> и его жены Маргариты Баварской со статуями этих лиц наверху. Первый памятник — работы того же Claux Sluter. Украшенный живописью и позолотой, он послужил и конструкцией и орнаментацией образцом для последнего. Ни тот, ни другой в слепках не существует, только знаменитые статуэтки плачущих монахов первого памятника распространены по музеям и художественным школам Франции в виде образцов. <...> Эту серию статуэток я заказал за пустяки еще в Париже, в E.d.V.Arts.

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Лозанна
29 июня
1904

На днях я получил официальное извещение дирекции Берлинского музея, что, пользуясь затишьем в делах, отлили для нас конную статую Colleone раньше, чем предполагали, и что уже приступили к отливке Того Farnese. Пишут, что готовы послать первый слепок в Москву. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Лозанна
9 июля
1904

Я писал Вам три раза, не страдая праздностью и незнанием, как бы и на что бы убить время. В последний раз я Вас спрашивал насчет возможности отлить колонны Угла Парфенона у нас <...>

Напрашивается другая просьба к Вам — подумать о потолке Средневекового зала. <...> Тут необходим для древнехристианских памятников и памятников строгого в своих формах Средневековья *спокойный, однотонный*, всего бы лучше цвета или *песчаника* или *мореного дуба* потолок. Пестрота его раскраски вступит в конкуренцию с игрою красок и золота на мозаиках — и это будет мешать одно другому. Если Вы не начали раскраску кронштейнов, подумайте и оставьте ее. Поверьте, мозаики и люнеты погубят ее, да и весь зал будет беспокойно и крикливо пестр. Скульптуры будут все в тоне красок оригиналов.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Лозанна
12 июля
(н.ст.)
1904

Ходя по заграничным музеям, имеющим *верхнее освещение*, я везде встречал старание архитекторов разнообразить форму рам. Очень хорошо действует при этом на глаз появление в стеклянных рамах — двух *поперечных балок* конструктивных или декоративных, это безразлично. У нас, пока нижние рамы не повсюду еще поставлены, *надо* ввести эти

балки (вероятно системы Монье?). А то без них потолки с этими истинно рамами будут убийственно однообразны и скучны. Толщина этих декоративных балок зависит от эстетических соображений.

По безграмотству архитектора я начинаю просить вестей о ходе дел Музея у дворников соседних домов. Спасибо им, они грамоту помнят и отписывают.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Langackern
bei Freiburg
21 июля
1904

Большую радость я почувствовал, получивши Ваше подробное письмо, которого я так страстно и долго ждал. Не падайте духом: дела все же двигаются, все же мы идем *immer vorwärts*, а это главное. По переживаемому Россией периоду и данный темп наших работ — большое счастье. Сколько начаты в других учреждениях предприятий остановилось, без надежды на скорое возобновление! Везде сокращения смет, урезки, приостановки. А Вы возводите колоссальную мраморную колоннаду, Вы обшиваете лестничные стены драгоценными мраморами. Вы — беспримерный счастливец. Вот у нас, в Рум[янцевском] м[узее], архитектора взяли от работ и от красавицы-жены в солдаты, и гонят его в Тамбов, в гарнизонную службу.

А насчет уплат... «все образуется», все понемногу будет отпущено и заплачено. Буду ждать Вашего рисунка для угла Парфенона. Только 6 метров опускать в землю это ужасно. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Фрейбург
5 августа
1904

Меня брат мой, варшавский профессор, живущий в Швейцарии, известил, что 13 июля посетил стройку Великий Князь, о чем он вычитал из «М[осковских] в[едомостей]». Очень радуюсь этому, п.ч. предсказание Ю[рия] С[тепановича] — будто в[еликий] к[нязь] раньше окончания не придет на стройку, не сбылось. Я утверждал противное. Он проиграл и должен платить проигрыш. Я заказал ныне поэтому 7 статуй с этого портала XIII ст. Они будут и расписаны здесь, как в подлиннике. Это будет Фрейбургский уголок — весь цветной раззолоченный. Это 7 свободных Искусств Средних веков: Грамматика, Риторика, Геометрия, Астрономия, Музыка и пр. в виде 7 женщин. Какая же особая прелесть в Средне-век[овом] зале. Это Вы упростили в[еликого] к[нязя] быть на стройке? <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Фрейбург
9 августа
1904

Напрасно Вы так пренебрежительно отзываетесь о соседних дворниках. Они целой сворой подсматривали событие 14 июля, сейчас же хором составили описание и в печатном экземпляре на другой же день послали мне. О, нет, они — народ зоркий, любознательный и меня не забывающий многими месяцами, подобно Вашему грядущему Превосходительству. <...>

Событию 14 июля я и сердечно радуюсь и придаю особенно большое значение — нравственное и материальное. Оно подняло энергию Ю[рия] С[тепанови]ча, как давно жданный знак внимания. Этому подъему нужно приписать ассигнование 25 т[ысяч] руб. в месяц на нынешний год, кроме уплат Листу, вместо ранее назначенной, недостаточной для Вашей ненасытности суммы. Ведь, если Вы с июля или даже с августа будете аккуратно получать это ассигнование, то до декабря уплатите много крупных вещей.

Дай Вам бог покрыть Музей, где он может быть покрытым, и гнать дальше штукатурку и бетонные работы под полы. Зимой заключите контракты на эти последние — и мы будем близки к берегу. <...>

О детали храма Юпитера Статора нельзя будет думать, но мы, м. б., получим метров 10 Траяновой Колонны для pendant'a углу Парфенона. И это будут величественные фрагменты, особ[енно], если Вы в уголке поместите еще портик Кариатид Эрехтейона. Тогда, пожалуй, публика не захочет и смотреть ничего более, а будет здесь останавливаться и ложиться спать, обеспеченная величием впечатлений.

Плохо читает мои письма Ю[рий] С[тепанович]. Моя командировка по 1-е сентября. И я завтра еду в дальнейший вояж. А пока платите из кассы его конторы. <...>

88. Письмо И.В.Цветаева сыну Андрею с видом Женевского озера и впадающей в него рекой Роной. Фрагмент

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Фрейбург
27 августа
1904

Получил я письмо из Сиены от скульптора Giuseppe De Pisto, исполнившего для нас несколько отливов по местным оригиналам эпохи Возрождения в прошлом году и теперь, с разрешения итальянского правительства, вследствие письма вел[икого] кн[язя] Сергея к итальянскому министру нар[одного] просвещения, приступившего к копии Пизанской кафедры Николо Пизано. Из Сиены он переселится в Пизу с целой компанией подмастерьев. В ноябре наш отлив будет готов. Это явится редчайшим в мире экземп-

ляром. Из публичных музеев есть слепок только в Лондоне, в Южно-Кенсингтонском музее. < ... >

Весною из Парижа я писал Вам о появлении в E. D. Beaux-Arts только что сделанных во Флоренции и Риме новых форм Медицейских гробниц и Моисея: на днях г. Sadaune, le Chef du Moulage этой Школы, написал мне, что все эти вещи он уже отлил за те самые неимоверно низкие цены, назначенные Школой, о коих я в ту пору писал Вам. Весь Микеланджело достается нам за плату, которая меньше назначавшейся итальянскими формовщиками только за одно из больших произведений. А мы будем иметь в том числе и большую группу Богоматери с младенцем из капеллы Медичисов во Флоренции, которую я видел в отливке только в École des Beaux-Arts, где она занимает центральное положение в кругу остальных скульптур Микеланджело. < ... >

Мст. В. Фармаковский —
И. В. Цветаеву
Одесса
13 сентября
1904

Не имея возможности лично представить Вам мои новые эскизы, я поручил сделать это моему beaufrèrè'у, который живет в Москве. Постараюсь теперь вкратце объяснить те мотивы, которыми я руководствовался при этой новой работе. Один эскиз (несколько больший) дает вид афинского Керамика по фотографии, помещенной в Weltgeschichte Spalmer'a.

Вид восстановленный: он дает не только памятники донныне сохранившиеся, но и те, на месте коих остались только груды обломков. Я старался дать картину Керамика в эпоху его «жизни», если это слово применимо к кладбищу. < ... >

Меньший этюд дает знаменитую Via dei Sepalergi в Помпеях по фотографии Brogi во Флоренции. Здесь я старался дать точный портрет местности, полагая, что и такой вид представляет огромный интерес. Решение задачи в первом или втором направлении зависит от Вас. < ... >

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Берлин
26 сентября
(н. ст.)
1904

За этим зданием, в самом углу Museen-Insel спешно оканчивается к открытию 18/X Friedrichs-Museum, назначенный для Христианского искусства, с самых первых времен, для скульптуры внизу и живописи вверх. Это самое грандиозное предприятие такого рода. Колоссальная масса зал и комнат. Для Средних веков — один очень большой зал, разделенный подвижными деревянными щитами, обитыми особой грязно-зеленой частой серпянкой. Для цветных скульптур, для деревянных — это чудесно. Мы не обойдемся без щитов. Зимой съездите в Берлин. Для убранства нашего Музея найдете много поучения. Руководят делом люди глубоких знаний и вкуса. Важно будет ознакомиться с этим новейшим Музеем

Европы и для подобающей мебелировки. Для Ренессанса несколько зал: и тут будет, чему поучиться при размещении предметов по стенам, формой кронштейнов, полочек для бюстов, статуэток, рельефов и пр. Это для нашего Музея большая польза, что такое колоссальное предприятие оканчивается теперь.

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву

Берлин-
Шарлоттен-
бург
29 сентября
(н. ст.)
1904

<...> Это огромное учреждение [гипсовая литейная мастерская в Шарлоттенбурге, близ Берлина] с массами всевозможных форм, сделанных в разных городах Германии и, по особому дипломатическому договору — в Италии. Оттого есть здесь вещи большого значения, которых в формах нет в других местах. Нечего говорить о музеях Берлина: все замечательное здесь отлито и может быть получено в слепках, хороших по достоинству и дешевых по цене. Конная статуя Коллеоне для нас отлита одновременно с экземпляром для Friedrichs-Museum. Колоссальна по размерам и эффектна она и в Венеции на pizza S.S.Giovanni e Paolo, на своем очень высоком постаменте, но здесь, вблизи она внушает мне сознание моей большой малости сравнительно с этой громадой. Отлив — резкий, отчетливый, свежий. Отливов, очевидно, делалось мало: я видел только в Дрездене и Берлине.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну

Москва
24 сентября
(ст.ст.)
1904

Уйдя от Вас вчера, я раздумался насчет данной Вами распланировки Классического дворика и до сих пор нахожусь под сильным впечатлением этой органически и художественно расчлененной схемы. <...> Не откладывайте ввести Вашу схему в масштаб и с Богом прикажите рыть землю: только бы эти углубления не повредили соседним стенам. Раз создадите разные плоскости и явится самая низкая из них для Парфенона — дело будет уже на $1/2$ сделано бесповоротно. Радостно рукоплещу Вашей художественной идее.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну

Москва
29 сентября
(ст.)
1904

Прикажите топить в квартире, где снесены вещи из Кабинета Из[ящных] иск[усств]: там сыро, холодно, работать нельзя. Я боюсь за порчу вещей золоченых, как Микенский клад, и массы дорогих фотографий и переплетов. Укрепляетесь ли в мысли о бронзовой крыше портика? Закажите побольше образец к Комитету, поимпозантнее. Пройдет...

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву

Москва
6 октября
1904

Пришла первая партия Геркулано-Помпейских бронз. Ящики небольшие, но какая их тяжесть сравнительно с гипсами. Вот какое сомнение начинает меня мучить. Хватит ли у нас технических сил исполнить достойным образом образец Римской

89. Письмо И. В. Цветаева сыну Андрею 24 июля 1904 с видом уголка Фрейбурга. Фрагмент

Христианской катакомбы? Достаточно ли всмотрелся Р[оман] И[ванович]? Хватит ли его на такое серьезное, специально научное дело? Не отказаться ли от этой

идеи, а жертву в 15 000, внесенную для этой цели г-жой Колесниковой, обратить, с ее согласия, на уплату за эти бронзы? 40 000 фр. и составят приблизительно сумму ее пожертвования²² <... >

22
Отчет и речь, читанные в годичном собрании Комитета Музея 29 ноября 1904 г. проф. И. Цветаевым. М., 1905, с. 91—131.

<... > Желание окончить фасады воздвигаемого здания заставило строителя сосредоточить особое

внимание на мраморных работах. Для этой цели были приняты все меры к тому, чтобы

необходимое количество белого мрамора с Урала и из Норвегии было доставлено на стройку

своевременно <...> было вызвано большое, сравнительно с прежними годами, число итальянских каменщиков и орнаментистов в мраморе и наряд с ними содержалась большая партия русских мраморщиков <...> Русские рабочие быстро усвоили технику итальянцев, делившихся с ними охотно своим замечательным искусством, не зная никакой зложелательной и эгоистической ревности. Энергические работы шли и днем и вечером; в последнем случае при особенно больших лампах. Русскими работы не прерывались и зимой <...> Работы над мраморными фризами продолжались одновременно в Петербурге профессором Залеманом, в Одессе учеником его, скульптором Мормоном и в Дрездене г. Армбрустером. Дело это находилось под особым попечением товарища Августейшего Председателя Комитета Ю.С.Нечаева-Мальцева, который <...> совершил для сей цели две поездки в Одессу и Дрезден. <...> Поднятие сах мраморных фризов на высоту, под непосредственное действие наших московских холодов, возбуждает в Москве опасения, выдержит ли особенно каррарский мрамор [фриз Залемана «Олимпийские игры»] скульптур верхней ленты низкую температуру нашей зимы, и потому в бюро Комитета поступает много предложений и советов <...> Минувший год в истории сооружения Музея был преимущественно мраморным годом. В течение его шел подвоз цветных мраморов из Венгрии и обработка их для облицовки ими клетки главной лестницы. Темно-розовым мрамором покрыты ее четырехугольные

столбы и пилястры, в pendant 20 колонн-моновитов, поставленных здесь раньше. Заготовлен, наплавлен и подвергается полировке бледно-зеленый мрамор, получаемый из Бельгии, для облицовки стен этого помещения <...> дело будет двигаться всю зиму, и потому есть надежда, что большая часть облицовочных работ на лестнице будет окончена к весне. <...> Отчетному периоду принадлежит начало исполнения плана живописных работ <...> Художником К.П.Степановым исполнено и сдано в бюро Комитета 20 живописных панно со сценами из древнегреческой жизни, назначенных для колоннады по главной лестнице. Эти полотна нашего даровитого и широко образованного художника вызвали во всех, их видевших, общее сочувствие и одобрение. <...> П.В.Жуковский руководит росписью зала XV века в стиле Итальянского Возрождения. Из художников, им для этой цели приглашенных, выделяется достоинством г. Южанин, приславший эскиз панорамы Флоренции с горы S. Miniato, исполненный им в натуральную величину. <...> Сам Павел Васильевич работает над большим видом города Рима. По-прежнему Комитет питает надежду на участие в этой живописной работе своего почетного сочлена В.Д.Поленова, когда для этого будут готовы Египетский и некоторые Греческие залы. <...> Счастливым минувший год мы должны назвать и по другой причине. Никогда, за все время существования Комитета <...> не приходило в Москву из разных стран столько образцов ваяния и архитектурных деталей,

как за отчетное время. Большие и громоздкие кладя гипсов, фаянса, терракоты, бронз и резного дерева направлялись в Московский Музей <...> из Неаполя, Рима, Флоренции, Сиены, Равенны, Венеции, Мюнхена, Парижа, Кельна и Берлина. Многие и большие проблемы программы нашего Музея в этом году были существенно <...> заполнены. Счастье не оставило создания Комитета и в момент, одно приближение которого должно было бы наводить <...> страх и опасение за будущее всего предприятия. К половине отчетного года иссякали материальные средства Комитета, как опущенные правительством, так и составившиеся из пожертвованных частных лиц. Расход по возведению здания достиг цифры 1 548 900 р., не считая здесь расходов по приобретению памятников <...> Оскудение шкастулки Комитета произошло в такое время, когда понятные всем основания не позволяли надеяться на прилив новых средств со стороны. Но <...> лицо, пожелавшее остаться неизвестным*, заблаговременно объявило строителю и секретарю, чтобы работы по сооружению и украшению здания продолжались установленным ходом, не прерываясь из-за денежной стороны ни на минуту. И вот уже с июля месяца строительные дела Музея оплачиваются <...> из личных средств этого лица. Его щедростью заранее обеспечен ход работ на будущий год <...> до благополучного конца, относимого общим желанием не далее лета 1907.

* Имеется в виду Ю.С.Нечаев-Мальцев.

В.Д.Поленов —
И.В.Цветаеву
Борок
27 октября
1904

<...> Мы до сих пор в деревне, где я в это лето соорудил себе мастерскую, но вышло почему-то аббатство. Тем не менее я несказанно доволен: окно огромное, свет чудный. Я всю жизнь об этом мечтал, а теперь как-то не верится, что это осуществилось.

<...> Очень хотелось бы Вас повидать и поговорить. Я в политике никогда ничего не понимал, и может быть с точки зрения политики петербургского благополучия все это так и нужно... но меня эта людская бойня совсем придавила. [Е.В.Сахарова, № 364.]

90. Последние леса на боковом фасаде Музея

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Фрейбург
1 января
(н. ст.)
1905

23
Речь идет о пожаре, случившемся
в Музее в конце 1904 года.

С самого начала здешнего нового года, после телеграфических известий о нашем несчастье²³, я страдаю бессонницей; в 4—5 часов утра я уже терял надежду на закрытие глаз и в течение недели ждал в 8-м часу прихода почтальона с письмами. Не имея ни строки от Дмитриева до нынешнего утра, которое принесло мне Ваше милое послание и его подробную, толстую рукопись, я терялся, и голова моя горела в предположениях. Не откликнулись до сих пор ни

Романов, ни Пэрк. Дни шли, меня осыпали тут вопросами о причине несчастья, о подробностях и, зная, что письма идут до Москвы отсюда 3 дня, качали головой и, как могли, старались говорить слова утешения. Мое положение было тем тяжелее, что состояние моей больной за эти дни не улучшалось ни на йоту: она не выходит из постели; приходится отвлекать ее от черных мыслей насчет ближайшего будущего <... >

91. Последние леса на боковом фасаде Музея

Отсутствие с болью в сердце ожидаемых вестей, отсутствие покоя и бессонница сделали то болезненное напряжение, в котором я написал три бранчивые открытки Романову, Дмитриеву и Вам, за которые я, получив нынешние подробные описания всего, Вами и Дмитриевым пережитого за эти ужасные дни, горько раскаиваюсь и искренно у Вас обоих прошу прощения. Как ни сильно волновался я тут неизвестностью положения дел, но моя доля была уже тем счастливее Вашей, что в Москве мои нервы не вынесли бы картины несчастья — и я давно лежал бы там, может быть, в опасном положении.

Телеграмма Дмитриева «Пожар потушен, успокойтесь, сгорело *мало*», посланная им с целью уменьшить впечатление, сделала свое. Я представлял потерю большою, она сильно была по сердцу, но все это было далеко от положения, раскрывшегося в нынешних описаниях. Погиб на деле результат

многолетних хлопот и исканий; погибли чудные вещи, которые Бог знает придется ли увидеть теперь в нашем Музее; исчезли звенья, без которых не поймешь остального; Египетские скульптуры, приобретенные в Каире, не существуют более, так что для Египетского зала у нас нет ни одного №. Дмитриев пишет, что сгорели 70 университетских ящиков, возможно, что там были и Эгинеты: тогда новый зал оставался без содержания.

Печаль охватывает меня ныне, по мере течения дня. Ваши с Дмитриевым письма, полученные на рассвете, были прочитаны с перерывами от слез, наконец совсем лишивших меня возможности видеть строки; доканчивала чтение уже М[ария] А[лександров]на. <... >

Но с завтрашнего дня надо взять себя и свое горе в руки. Как и что делать впредь для хотя бы частичного возвращения погибшего, теперь не придумать. Покажет время. <... > Умилило меня Ваше известие о спокойствии Ю[рия] С[тепанови]ча. Кроме него, пока не на кого возлагать надежды. <... >

Оправляйтесь духом и нервами и Вы, дорогой Роман Иванович: работы еще много и без ниспосланного нам горя. Так двое больных горем будем лечить друг друга утешениями. Будем стараться быть молодцами и философами в несчастье. Может быть, нам с Вами это и удастся.

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Фрейбург
2 января
(н. ст.)
1905

Какое несчастное начало нового года постигло меня тут! Вчера обе наши девочки явились с прогулки на высокую гору окровавленными: их дура-воспитательница повела на гору, когда под ногами был лед, они, спускаясь по крутой дорожке, упали одна на другую, причем младшая разбила себе нос до хряща, а старшая сорвала кожу на колене. День был холодный и ветреный; жена, не зная последнего обстоятельства, вышла на воздух, простудила себе горло и теперь опять сидит с бесчисленным бронхитом, повторяемость которого приводит ее в большое уныние. А эту ночь и утро засыпали меня телеграммами о несчастье, постигшем нас в Музее. Пять депеш лежит предо мною, из них три с советами не волноваться и не двигаться в обратный путь. <... > Только из Вашей депеши я узнал, в каком пункте здания случилась непоправимая беда. Но эта же телеграмма поставила для меня вопрос: каким образом случился пожар вдали от обитаемой части Музея, в зале, запертом со всех сторон, изолированном? Как мог случиться пожар с воскресенья на понедельник, когда в передней половине здания не должно было быть ни одного рабочего?

92. Главный портик Музея во время строительства

Еще ночью, когда в 1-й телеграмме Дмитриева я прочел: «Горит в Музее Александра III», у меня блеснула мысль о поджоге со стороны рассчитанных дворников или кого-нибудь из недовольных рабочих.
< ... >

Первый вопрос жены был: «А застраховано ли было ваше художественное имущество?» И потом: «Дежурят ли дворники при входах ночью и стоит ли сторож при кладовых?» Что мог я сказать на это, кроме — *нет, нет и нет* < ... >

93. Ассирийский зал

Р.И.Клейн —
И.В.Цветаеву
Москва
28 декабря
(ст. ст.)
1905

<...> вчера получил Ваше письмо от 2 января, из которого узнал, какое новое горе Вас постигло. Жена и я очень сочувствуем Вам и просим Вас написать о дальнейшем ходе болезни. У детей такие повреждения проходят обыкновенно бесследно <...> Как видно противный 1904 год из русских людей никого не щадил, вся Россия разорилась материально и нравственно; как он нас задел, не знаю, но думаю, нравственно и материально.

Передать Вам не могу о всем случившемся. Вот как все было: — В ночь <...> с 19-го на 20-е декабря, в 12 1/2 часов ночи, мне сообщили, что леса музея горят. Немедленно я отправился на постройку, и по мере приближения моего становились виднее клубы дыма и, наконец, подъехав к постройке, я увидел языки пламени из окон залы антиквария. Войдя на двор, я встретил пожарную команду, которая только что принималась за дело и, конечно, стала делать то, что именно не нужно, — поливать нагретый фасад.

94. Великая княгиня Елизавета Федоровна

Я остановил эту работу, но было уже поздно, так как наличники окон успели уже получить трещины. Затем отправился в само помещение антиквария, куда еще можно было проникнуть, но с трудом, так как воздух был пропитан дымом и жаром. <...> Пожарными распоряжался лишь пьяный брандмейстер Тверской части, почему я сделал распоряжение <...> о присылке еще 3 пожарных частей. Через час действительно общий пожар был потушен, но в ящиках упаковка продолжала тлеть, и пожарные, не церемонясь, пробивали ломami насквозь ящики и таким образом громили все содержимое. Меня отчаяние охватывало до слез.

После пожара получилась следующая картина: снаружи обгорели наличники и мраморные перемышки окон, закоптились в некоторых местах мраморные стены; как под колоннадой, так и на боковом фасаде; исковеркано и поломано 14 железных рам.

Внутри попорчена вся штукатурка зала антиквария и библиотеки; сгорели все гипсы и попорчена бронза. На сводах стояла вода вершков на 8. Конечно, при 27 градусах мороза, все обратилось в общую ледяную массу. <...> Хладнокровнее всех,

как мне показалось, отнесся к случившемуся Юрий Степанович, который в данное время в Москве; он успокаивал меня, говоря, что убытки небольшие и ограничатся суммою не более 25 000 рублей. < ... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Фрейбург
20 января
(н. ст.)
1905

При разборе пепла от ящиков и соломы, надо употреблять решета, чтобы не выкидывать мелких вещей: хирургических инструментов и других предметов бытовой жизни. Некоторые из них очень небольшого размера. Собранное все мы после сфотографируем, особенно обезображенное в форме, взвесим вещи искалеченные и спросим De Angelis, исполнителя бронз в Неаполе, стоят ли они пересылки? Сам я очень ослаб, все плачу, к заботам жены. Врач не спускает ее с постели; *поездки* из-за ее гланд на шею и диаметрально-разных суждений и советов здешних врачей, в *Париж*, отстоящий отсюда на 9 часов, отложил. Из-за положения жены *должен* прожить здесь до 15—16 числа нашего. Нуждаюсь в укреплении сам, говорю Вам: мужайтесь!

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
23 января
(ст. ст.)
1905

Если погибло до 175 ящиков с гипсами, то значение этой утраты до некоторой степени умалется следующими обстоятельствами: 1) 70 ящиков заключали в себе бюсты из Лувра, Британского музея и Берлинского музея, принадлежавшие университету и приобретенные мной в начале 90-х годов на средства покойного А.Д.Мейна и в 97 году на дар А.Г.Подгорецкой, стоимость их не более 3 000 руб. с пересылкою; 2) числу ящиков не соответствует число статуй, так как большие статуи перевозятся в 2-х, а иногда и в 3-х ящиках; 3) вещи, отлитые нарочито для нашего музея < ... > будут, конечно, куплены совершенно иначе теперь сравнительно с прежним. Я снесся с Lelli во Флоренции и с нашими комиссионерами в Риме, — и они все < ... > проявили полную готовность сработать повторения за *pressi bassissimi*. Даст Бог, понемногу, в течение двух лет, погибшее как-нибудь будет восполнено, ибо это — очень малое в сравнении с тем большим, что возведено и что уже стоит.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
24 января
(ст. ст.)
1905

С Великим Князем²⁴ и Юрием Степановичем была у меня беседа о возможно крепком ограждении всех подходов к залам, где хранятся гипсы. < ... >

24

Вероятно, это была одна из последних бесед с великим князем Сергеем Александровичем незадолго до его гибели.

95. Зал архаики

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
23 февраля
1905

Мне написано из Комитетской, очевидно, среды следующее письмо. «У Музея *нашего* (?) множество врагов и завистников, на основании чего желательно было бы со стороны строителя большей внимательности к содержанию оконченных частей Музея <... > Было бы желательно, в возможно скором времени, удалить эти неурядки, о которых говорят уже всю зиму». <... >

Не медлите составлением контракта на внешние работы и скорее подготовляйте форму контракта 1) на полы, 2) потолки, 3) внутреннюю штукатурку всех зал зараз. Вспомните, в каком *дурном* состоянии ветхости мы расстались с Ю[рием] С[тепанови]чем. Необходимо, чтобы он подписал все эти контракты в ближайший приезд. Работы могут не исполняться в один сезон, но *сдача* каждой из них должна быть полностью. <... >

П.С.Уварова —
И.В.Цветаеву
Москва
3 марта
1905

<... > Не знаю, дипломат ли Вы или царедворец, но знаю, что у Вас дело спорится, и приписываю это не так дипломатии, как *истинной преданности и любви к делу*, которые и подсказывают Вам Ваши

96. Зал Олимпии. Фрагмент экспозиции

отношения к людям, с которыми приходится работать и которых приходится приручать к любимому Вами делу. Это по-моему и есть главная дипломатия, главная задача в жизни. Дорога, Вами избранная, самая верная, и дай Бог, чтобы она и впредь Вам осталась верна.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
5 марта
1905

Согласно обещанного посылаю Вам *надписи имен художников* для фасадов. Я не знаю, ленты, назначенные для них на боковых фасадах, равны ли передним двум лентам. Для передних <...> я проектирую <...> по 12 имен на ленту. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
21 марта
1905

<...> Мотивировка 11 200 руб. на отопление Музея мною отправлена в Петербург еще в субботу.
<...>

<...> Ю[рий] С[тепанович] в весьма благодушном настроении мне сейчас сообщил, что он контракты подписал. Теперь работы надо вести

97. Зал Олимпия. Фрагмент экспозиции

возможно быстро. К следующему приезду или не далее мая надобно подготовить контракт на все *стекла покрытый и окон*. <... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
26 марта
1905

<... > Так как Ассирийская скульптура состоит главнейшим образом из барельефов, то барельефные доски придется нам располагать на щитах, поставленных ребрами в простенках между окон, п. ч. только при освещении сбоку будут видны очень *мелкие*, тонкие рельефы Ассирийских плит. Их никоим образом нельзя будет ставить *против* окон по продольной стене: там они совершенно пропадут. <... >

Но, повторяю, для компоновки падуг и потолков [Ассирийского зала] надобно Вам *видеть* залы Лувра. <... >

98. Зал Фидия. Парфенон. Фрагмент экспозиции

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
2 апреля
1905

В этот приезд Ю[рию] С[тепановичу], слава Богу, куда лучше, чем в два предшествующие. Дал бы Господь сохранить ему силы возможно дольше и, во всяком случае, до окончания главного дела его благотворений последних лет <... >

После его ухода из Строительной конторы вчера я раздумывал о причине его желания знать стоимость всех остающихся работ и обязательств — и пришел к решению, что его вопрос не случайный, не знак обычного любопытства. Он находится в связи с моим разговором в Петербурге с Анной Степановной [Нечаевой] о завещании или о письменном заявлении Комитету готовности обеспечить нужною суммой окончание Музея, чтобы Комитет через будущего Председателя (Великую Княгиню)²⁵ мог ходатайствовать тогда о награждении званием Обергофмейстера. <... >

25 Начав свое постоянное покровительство и помощь создаваемому Музею изящных искусств с оплаты стоимости Ассирийского зала, в дальнейшем великая княгиня Елизавета Федоровна (после смерти мужа) передала в дар Музею часть великокняжеской коллекции, в том числе и ряд

Трудно проникать в тайники человеческой души, но как знать, что желание, заявленное Ю[рием] С[тепановиче]м вчера, не находится в связи со всем этим? <... >

99. Зал Фидия. Парфенон. Фрагмент экспозиции

подлинников. Отказываясь официально заместить великого князя Сергея Александровича на его бывшем посту председателя музейного Комитета, она тем не менее принимала необходимые меры по продвижению и решению неотложных организационных и материальных проблем. Благодаря ее энергичному вмешательству был окончательно решен спор о месте размещения Голенищевской коллекции в пользу нового московского музея. В деле Шварца — Цветаева

великая княгиня также сыграла заметную роль как верный союзник Ивана Владимировича. В историю русской православной церкви Елизавета Федоровна вошла как «княгиня милосердия». После гибели мужа она посетила его убийцу Ивана Калая и простила его. На месте взрыва бомбы в Кремле на ее средства был воздвигнут памятный крест, на котором высечены слова: «Отче, отпусти им, ибо не веда, что творят». (Не сохранился.) Великая княгиня

стала основательницей и наставницей Марфо-Мариинской обители на Ордынке. В 1918 году вместе с другими членами царской семьи была сброшена в шахту в Алапаевске (позднее ее прах был перевезен в Иерусалим, в Гефсиманскую обитель). В 1980-х годах канонизирована, причислена к лику святых. Тогда же в бывшей обители (ныне Научно-реставрационный центр имени И.Э.Грабаря) ей воздвигнут памятник по проекту скульптора В.М.Клыкова.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
5 апреля
1905

<... > Сейчас получил письмо из Albertinum'a о полах. Мы можем получить квадрат в натуру их пола. Он мне нравится тем, что поверхность его, разбитая на квадраты, имеет сетчатую, а не гладкую полированную, как делают в России, поверхность.

<... > В Дрездене это — весьма распространенный terrazzo. <... > Пола эти моются водой; в Albertinum'e этим занимаются простые бабы. <... >

Ныне слышал случайно очень нехорошее мнение о здоровье Юрия Степановича. Ему пророчат паралич. <... >

100. Зал Фидия. Парфенов. Продольная сторона

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
11 апреля
1905

Вот что мне приходит на мысль относительно рисунка полов. Все узоры должны быть так рассчитаны, чтобы никакая часть их не попадала под постаменты статуй, имеющих занять места у стен. Там всякая красота рисунка и колеров совершенно пропадет — и рисунок возле стен будет непроизводительной роскошью. <...> С таким расчетом проведена орнаментация полов в Альбертинуме; там все узоры рамок — впереди постаментов, на коих покоятся изваяния.

Иное дело — Центральный зал: там у Вас рисунок пола продолжается и за колоннадой. Там эффект пола важен сам по себе. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Таруса
17 апреля
1905

Примите мои сердечные поздравления с Праздником для Вас и Ваших милых Наталии Андреевны и Катерины Романовны. От души желаю вам радостей и семейного благополучия на многие, долгие годы.

Лично Вам, как и себе, особой бодрости, энергии и военной отваги желаю, на этот особенно год, от мая до мая на лето следующего 1906 г., в нашем общем, все более и более озабочивающем и ставящем деле. Вы счастливее меня здесь в двух важных

101. Зал Фядия. Парфенон. Продольная сторона

отношениях: лет на 15 Вы моложе меня и Вы счастливее в семейной жизни. Вам легче быть бодрым и смело вести все становящееся более и более серьезным предприятие <...> тогда, как все ухудшающееся положение моей больной постоянно отвлекает мою мысль вдаль и на летние месяцы гонит меня за границу.

Но что бы ни стояло впереди, приходится ставить *все* на карту в смысле ускорения работ строительных и декоративных. Дамоклов меч весит над нами и избежать его можно только одной скоростью в нашем деле. Приходится идти на риск и смело объявлять: *va banque!* <...>

Очень напряженный, страшно усиленный темп работ предстоит нам, дорогой друг, но таков склад обстоятельств, таково веление Судьбы.

Мст.В.Фармаковский —
И.В.Цветаеву
Одесса
10 мая
1905

Принося Вам глубокую благодарность за посылку отчета и Вашей речи, я не могу, конечно, не выразить и того сожаления, которое я чувствую по поводу неудачного окончания моего дела. Не дерзаю винить в этом кого бы то ни было, кроме сердитого Ареса, взбудоражившего всю нашу жизнь, и, конечно,

102. Зал Фидия. Парфенон. Общий вид (не сохранился)

вместе с Вами удивляюсь, что такое громадное предприятие, как постройка музея, все-таки близится к концу, вызвав такую горячую поддержку в московском обществе. Для меня останется приятным воспоминанием уже и то, что я мог бы участвовать в создании великолепного памятника. <... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
28 мая
1905

Сейчас получил депешу от Ю[рия] С[тепанови]ча, извещающего о приезде в Москву через два дня, 30 числа. Что нам нужно сделать в этот раз? На очереди стоят два вопроса — о надписях на фасадах и о росписи зала Возрождения Степановым. <... > Там была бы решена участь не только этого зала с Микеланджело во главе скульпторов, но косвенно и других зал. После получилось бы непременно хотя бы 5—6 больших живописных пятен в виде картин и в залах других эпох.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
2 июня
1905

Посылаю сим Вам «прости или до свидания»; — сегодня уезжаю через ПТБ[Петербург] в Берлин, оттуда в Лондон. В Париже буду и что Вам нужно для Ассирийского зала, добуду. <... > До свидания всем счастливым у стен Музея, уже освободившихся от лесов.

П.В.Жуковский —
Р.И.Клейну
Москва
16 июня
1905

Получил я сообщение об отсылке большой скоростью работ Алексеева. Они, может быть, будут в Москве на этих днях. Так как он послал их с уплатой в Москве и Южанин на днях тоже высылает свои работы, то прошу Вас препроводить мне 200 рублей на всякий случай.

У Вел[икой] Княг[ини] я исполнил все, что мог.

Она поч[етное] председательство ни за что не хочет взять на себя, но все остальное сделает с удовольствием, так как пламенно интересуется Вашим чудесным созданием. Она пригласила завтракать Ю[рия] С[тепановича] и тоже пригласила его в Ильинское.
<... >

Надеюсь, что Вы скоро позовете меня посмотреть залу.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Берлин
23 июня
(н.ст.)
1905

<... > Эти дни я провожу в музеях Берлина, делая здесь окончательный подбор того, что иметь нам необходимо к открытию Музея. Ю[рий] С[тепанови]ч перед моим отъездом сказал мне, чтобы я никаких заказов за границей, в этот раз, не делал, а лишь представил список избранных мною предметов в Комитете, в Годичном заседании. По окончании

здания, он собирается поехать за границу и там приобрести вещи согласно этим спискам и при моем личном тогда участии.

Здесь, на месте, я рассудил поступать таким образом: до той поры оставить вещи *покрупнее* и *более ценные*, а стоящие недорого, в десятках марок, франков, шиллингов, заказывать теперь же <... >

Тут у меня созрел план приобрести 2 *колоссальные* группы, какие только дошли из древности, это — группы «Диоскуров с конями» на monte Quirinale в Риме.

<... > И раз мы приобретаем эти группы, то надо приготовить им место в Классическом дворике. <... >

В Египетском зале между балками *по потолку* нельзя писать никаких картин, кроме звездного неба и некоторых сцен его же небесного мира, исключительно желтой краской по синему звездному фону. <... > Здесь все это сделано Лепсиусом и другими первостепенными египтологами. <... > Здесь идет роспись греческих потолков в Старом Музее. Приезжайте зимою и сделайте этюды. <... >

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Берлин
24 июня
1905

Я увлекаюсь здесь в Friedrichs-Museum организацией Христианского (впрочем есть и магометанского и персидского) искусства. Какая масса знаний у немецких ученых; как велик организаторский талант и как любят они порученное им дело! <... > Как прекрасно утилизировал архитектор угловую, омываемую с 3-х сторон водою Шпрее и канала, оконечность

этого участка! Здание возведено в стиле Ренессанса с множеством света снаружи и из нескольких дворов. Здесь пока выставлены оригиналы живописи, скульптуры, архитектурных обломков, произведений художественной промышленности <... >

Бодэ, директор этого Музея, получил шутовское прозвище «рыболова» за необыкновенное искусство добывать в Италии оригинальные произведения скульптуры и живописи. И чего-чего он ни натаскал за свою продолжительную музейскую службу! Приобретения идут постоянно, даже до сих пор, несмотря на затруднения вывоза предметов искусства прежних веков из Италии. Рука об руку с приобретениями все новых и новых предметов, с размещением их, в высшей степени наилучшим и легким, и целесообразным — идет описание коллекций для ученых и для публики. Работает над этим целая ассоциация, каждый по своему отделу. У Бодэ — целый штат ученых молодых пособников <... >

Интересное нововведение составляет соединение скульптуры с живописью в нескольких залах. Рельефы и бюсты размещены в небольших кабинетах обок с живописью. <... > Согласно совету Вашему я составляю список вещей, необходимых для нас.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Берлин
26 июня
1905

Наше намерение выставить полы *столь* монументального здания посредством terrazzo встречено *решительным* сожалением. Даже и итальянская работа выбивается и, скоро выкрашиваясь, дает губительную для гипсов минеральную пыль. Советуют безусловно *метлах* <... >

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Гильдесгейм
27 июня
1905

<... > Kunsthardt исполняет для нас главнейшие Романские памятники: здешние «бронзовые» двери и «бронзовую» колонну, т. наз. Bernwards-colonne начала XI в., фотографии которых я представлял Комитету в последнем годичном собрании. На месте здесь убедился в свежести форм отливов и в необыкновенной тщательности работы. Kunsthardt — человек средних лет, сын профессора скульптуры, хорошо образован, влюблен в Романские памятники архитектуры и ваияния, которые в такой чистоте сохранились и в таком количестве именно в его своеобразном городе-музее <... > У нас будет немного вещей отсюда, но они первостепенного значения в истории Романского стиля.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Париж
29 июня
1905

Я намерен просить Е.Н.Самарину срисовать в красках потолок или точнее падуги Ассирийского зала в Лувре. Ныне, я хорошенько для нее намечу этот зал. Она копирует прямо *чудно*. Я видел ее копии

103. Зал греческого искусства конца V века до н.э.
(не сохранился)

итальян[ских] картин; думал, что это — оригиналы.
Для нас она чистая находка. Свободна, богата, любит
писать. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Париж
30 июня
1905

Сейчас узнал, что E.d.V.Arts исполняет: 1)
Памятник *Лисикрата* и 2) Портик с *Кариатидами* по
заказу из Америки. Заказчик платит за реставрацию
и форму. <...> Руководит работой профессор
Архитектурной школы. Нам 1-й отлив того и другого
за недорогую сравнительно цену. Я решаюсь на
покупку для нашего Дворика. Угол Парфенона пошел
уже в Москву. <...> Можно будет обставить дворик
чудно. Побудите Дмитриева произвести скорее
справку, почему не уплачены 5 000 фр. *Лувру*.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Париж
1 июля
1905

<...> Разбирает меня мечта о дивном
надгробном памятнике Francois II duc de Bretagne и его
жены, находящемся в Нанте, раб. Colomb. Если мы для
XVI в. в Италии приобрели Медицейские гробницы, то
для Франции той же эпохи Colomb был тем же, чем

104. Зал греческого искусства конца V века до н.э.(не сохранился)

Michelangeli для Италии. Эти памятники можно было бы поместить в одном зале. <...> Надгробный памятник Нанта = 4 200 фр. Как-нибудь выкарабкаемся. Буду писать и интриговать Ю[рия] С[тепанови]ча. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Лондон
7 июля
1905

Все, что было особенно нужно, осмотрел, приторговал и теперь составляю список необходимых вещей из Британского музея. Desiderata делятся между Египтом, Ассирией и разными периодами Греческого искусства. <...>

Пребывание здесь обогатило меня очень важным фактом из последней практики Британского и Южно-Кенсингтонского музеев. И там, и тут стали заключать рельефы в рамы под стекла, во избежание порчи их от прикосновений публики, от пыли и копоти отопления. <...>

Британский музей ремонтируется снаружи и тщательно расписывается в греческом, гл[авным] обр[азом] дорическом стиле внутри, внизу. С большим знанием и очень красиво убраны потолки с их кессонами, балками, а равно и карнизы. Окрашиваются в разные тона, то масляными, то клеевыми

105. Зал Ниобид (не сохранился)

красками, красного и теплого желтоватого цветов
стены, пилястры, колонны. Все это производит
чарующее впечатление верностью стилю. <... >

Да и руководители этого ответственного
дела — первые археологи мира. <... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Баден
15 июля
(н. ст.)
1905

В Лондоне дела я окончил. Ничего пока не
заказывая, я наметил для Ю[рия] С[тепанови]ча
лучшие вещи, как по Востоку, так и по Классическому,
гл[авным] образом Греческому искусству. <... >
Насчет окраски черных и др. египетских и ассирийских
скульптур запросил цены в ателье Brossiani. Обещали
прислать их сюда. Огромные египетские вещи в белом
гипсе приобретать не стоит: они ослабят впечатление.
Иное дело изваяния в красках. <... >

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
St. Blasien
8 августа
1905

В одном из прежних писем, говоря о скульптуре
Ассирии, я известил Вас, что стоимость намеченных
мною памятников Британского музея простирается
приблизительно до 1 900 руб. На днях я получил
точную смету стоимости из ателье Brossiani, в которую
вошли также и цена ящиков и упаковки <... > за все
выходит 217 ф. ст. 12 шилл. и 6 пенс. В мой подбор

106. Зал Ниобид (не сохранился)

вошли: 1) все наилучшие по сохранности и наиболее интересные по содержанию рельефы из царствований XIV—VII ст. включительно до Р. Хр., найденные в развалинах дворцов и храмов Хорсабада, Нимруда и Ниневии; 2) статуя Ашшурнасерпала II; и 3) «черный обелиск» Салманасара III (860—825 гг.) с надписями и рельефами, повествующими о победах этого царя.
<... >

П. С. Уварова —
И. В. Цветаеву
Москва
20 сентября
1905

И грустно и вместе с тем приятно было читать письмо Ваше из Севастополя. Грустно потому, что я не догадывалась, что Вам приходится переносить такие тяжкие минуты в Вашей семье, а приятно потому, что несмотря на Вашу физическую усталость и нравственное угнетение, без которого не обойдешься при тяжелой болезни близкого человека, — Вы все так же бодро и задумчиво относитесь к Вашему Музею, все так же озадачены его пополнением и обогащением. <... >

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Москва
28 ноября
1905

Вчера я видел Ю[рия] С[тепанови]ча. Он выглядит очень нездоровым. Как будто силы его уменьшаются постепенно. Худеет, жалуется на слабость в ногах и во всем теле. Его поразило известие,

что в трех будто бы имениях, в трех губерниях, крестьяне рубят его леса.

Он мне говорил, что ждет от Вас сметы ближайших строительных работ, собственно по оштукатурке. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Таруса
29 декабря
1905

Удрученный общим горем, имея не одну, а две, три причины личных ждать новых несчастий и не обладая ни одним утешением в эти скорбные времена, я, по обычаю, налаженному многими годами, и ныне уехал на Святки в Тарусу, этот село-город, где я, бывало, всегда находил отдых и успокоение от московских дел, шедших прежде таким усиленным темпом. <...>

Что ждет в ближайшие 2 года наше с Вами дело? Я не считаю его погибшим ни в коем случае, даже если бы болезнь и унесла раньше окончания нашего пособия. Слишком много сделано, чтобы ему остаться недоделанным; слишком это хорошее, монументальное и изящное здание, чтобы ему Москвою быть возле храма Христа Спасителя завершенным. Но пока пособие жив, гоните усиленнее единственно необходимое, это — потолки и оштукатурку внутреннюю, усильте и гоните. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Таруса
4 января
1906

<...> Несмотря на некоторый страх, почувствованный мною при виде Мурета Клейна в подписи под телеграммой, я был очень обрадован Вашей и мне передаваемой мечте о счастье и благополучии, на новый год, для нашего общего дела.

Да, для нас обоих это дело стало таким большим, что оно поглотило в сущности все другие думы, интересы и внимание. <...> Неокончание так широко веденного предприятия равносильно нашему бесславию в глазах современников, равносильно их праву упрекать нас в легкомыслии расчетов, в неумении соразмерить средства с целью и в неисполнении обязательств, принятых относительно Университета. <...> Но и независимо от этих соображений, наше общее дело должно двигаться потому, что оно привлекло всю нашу с Вами любовь, все увлечение, перед которым все иные дела померкли в их значении. Успехи Музея стали равносильны нашей жизни последних лет.

И мы не можем не напрячь всех сил, чтобы он двигался до благополучного конца, по крайней мере, в неизбежном, — в стекле для окон, в дверях, в оштукатурке стен и потолков, в окраске стен, в мебели самой простой и неизбежной. <...>

107. Ф. П. Рейман. Древнеримская катакомба. Акварель

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Москва
7 января
1906

В ноябре и декабре Ю[рий] С[тепанович], по действию общих причин, страдал безденежьем, обстоятельство, которое так тяготило Вас и Ивана Ивановича [Рерберга], при необходимости расчетов с подрядчиками и поставщиками по Музею.

Начало января для него изменяет в значительной мере положение дел. Это время получения купонов с массы %% бумаг, вращающихся на русской земле. Следовательно Ю[рий] С[тепанович] сейчас — при больших наличных деньгах, и пока он не отдал распоряжение обратить их в новые %% листы, — спешите авторитетным письмом просить его о высылке тех 70 т[ысяч] руб., которые он обещал и которые Вам так необходимы. < ... >

Славен тот, кто кончает предприятие, но не

уходящий без достаточных для того оснований от него в трудную минуту, при опасности, грозящей гибелью всему делу. Раз и Государь, и Москва, и вся образованная Россия смотрят на Ю[рия] С[тепановича], как на центральную силу в деле созидания этого беломраморного «Дворца Изыщных Искусств», раз из-за Музея даны ему 2 высшие орденские отличия, на которые, по своей службе в Мин[истерст]ве

108. Ф.П.Рейман. Деталь росписи древнеримской катакомбы. Акварель

Народ[ного] Просвещения, он не имеет права (а в Мин[истерст]ве Двора, по должности гофмейстера, его совсем давно почему-то обходят), оставить Музей на произвол судьбы Ю[рий] С[тепанович] мог бы только при полном денежном банкротстве. Но кто же не знает о целой поленице бумаг, обладаемой им; кто не согласится с тем, что достать ему 200—300 т[ысяч] руб. для окончания Музея под эти бумаги не составит никакого труда, особенно не сразу, а небольшими частями, по мере надобности. <... >

Но беда, мой друг, в необыкновенной сложности этого характера. Скажи ему, попроси, посоветуй, — этого-то он и не сделает, потому что *не* он это придумал, *не* он это решил. Может быть, в интересах дела, будет лучше — усилить оштукатурку потолков и стен, совсем, пока Господь его милует, не говоря с ним об этом? <...> Останутся раскраска потолков, окраска стен, двери и стекла для окон. Неужели мыслимо, чтобы дело наше рухнуло только из-за этого? Милостив Бог, этого не будет. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
23 января
1906

Пишу Вам, сейчас увидевшись с Ю[рием] С[тепановиче]м. Он имеет вид совершенно здоровый: он бодр и весел, как бывало. Этому обстоятельству очень радуюсь. Авось тогда обещанные 10 т[ысяч] руб. в месяц пойдут обычным путем и на будущий год и на следующие 2 года. Тогда наше общее с Вами детище встанет на ноги... Будем же об этом молить Небо, Вы на юге Франции, в дивной природе, я — здесь в Москве, при морозах и снеге...

О Вашем отъезде за границу я узнал по возвращении из Калужск. губ <...>

Пишу в Конторе Музея, vis-à-vis Ивана Ивановича Рерберга, за чайком. Мысли у нас — самые бессеребряные: как бы с Ю[рия] С[тепановича] получить Вам обещанные 50 т[ысяч] руб. для уплаты долгов...

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
10 марта
1906

<...> Но в каком положении я встретил Р[омана] И[вановича]! Он лежал в своем кабинетике — бледный и с помутившимися глазами. Первая моя мысль была, что ему дурно и нужна помощь врача. Из разговора выяснилось, что он боится начала жалоб на него в Коммерческий суд на этих же днях со стороны поставщиков и подрядчиков, которые не могут ждать <...> чтобы остановить процессы потихоньку продолжая работы, ему с Рербергом для постепенных расплат необходимо 15 т[ысяч] руб. в месяц. Он снова просит меня бить Вам челом об этой ему милости в его безвыходном положении. Я докладывал Вам, как глубоко лежит у меня в сердце все величие отношения Вашего к Музею, как ясно и благодарно я сознаю колоссальность назначения 120 000 руб. в год. <...> Просить не смею, лишь докладываю о положении Р[омана] И[вановича].

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
12 марта
1906

Видел я сейчас Ю[рия] С[тепановича]. Он здоров и в наилучшем настроении <...> говорит, что ему очень трудны 2 месяца в году, Март и Ноябрь, и что, если, по смете расходов, окажется у него остаток, то он Вам поможет.

Настаивая, чтобы впредь расходовались на работы по 120 000 руб. [в год], Ю[рий] С[тепанови]ч находит, что потолки надобно обрабатывать даже проще, гладью. <...> А полукруглые падуги и гладкие потолки даже разнообразят впечатление. Меньше будет и лепной работы, и дело двинется быстрее. <...>

109. Ф.П.Рейман. Копия фрески «Тайная вечеря». Акварель

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Ялта
3 апреля
1906

Посылаю Вам и милому Вашему семейству сердечное поздравление с Светлым Праздником и самые искренние пожелания всего Вам — всем наилучшего. И тем более с большим усердием я желаю семейных благ друзьям моим, что мне самому судьба уже давно отказывает в них. Уже давно мои помыслы сосредоточиваются на страданиях моей больной, на способах и местах лечения, на лекарствах и врачах разных национальностей всей Европы. И самого слабого утешения не принесла мне почти совсем распутившаяся в своей зелени южная весна, не подарила никаким радостным чувством и теплая здесь Пасха. Семейное горе все собою заслонило и заполнило все мысли и чувства, для которых, по-видимому, нет ни просвета, ни надежды на лучшее будущее в сфере семейной. Под тяжестью личного горя я не чувствую интереса даже к тому, что так волнует, так живо занимает теперь всю Россию, ее выборы в Думу и Совет. <...>

И если, вне круга семейных забот и печалей, что останавливает на себе внимание и служит предметом

110. Ф.П.Рейман. Фрагмент росписи одной из катакомбных стен
Акварель

дум и желаний, так это наш Музей, с его движением к концу. Буря, принесшая России столько несчастий во всех родах и видах, не могла пронестись бесследно и для нашего детища <...> так что ни Вы, ни я по совести не можем теперь сказать, когда окончатся строительные и декоративные работы и в какой год и в какой месяц откроется Музей как учреждение.

<...>

Что остается нам с Вами делать в этой ситуации, когда опасно медлить, рискуя погубить все предприятие, и трудно ускорять течение работ? <...> За окончание в тюрьму не посадят, а за неоконченную, хотя бы и очень пышную, руину здания всякий осудит и никто продолжать и вершить чужое дело не захочет <...> Подумайте — и двинем работы в этом штукатурном направлении.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Ялта
11 мая
1906

Все это время мы жили между страхом и слабой надеждой. Страх доходил в иные дни до полного отчаяния. В предчувствии конца, писалось духовное завещание и отдавались последние распоряжения... Врач, перепробовавший всю здешнюю аптеку, начал говорить уже о Божией помощи <...> Он сам предложил и консилиум из главных здешних знаменитостей. Это предложение еще более обескуражило М[арию] А[лександров]ну, которая в этом увидела желание его «умыть руки». Склонился к такому заключению и я. Но случилось обратное. Врачи сошлись, рассмотрели больную, побеседовали с ней, ушли в цветущий наш сад посоветоваться и воротились снова. Между консультантами оказался один — очень смелого характера, еврей, который так «отделал» М[арию] А[лександровну] за ее уныние и отвращение от пищи, что больная сразу поддалась этому «внушению». <...>

С тех пор стало как будто лучше. Больная после двухмесячного лежания встает, чтобы перейти по комнате на террасу и силится глотать, хотя и с большим трудом. <...> Теперь мы серьезно собираемся дней через 20 двинуться в Тарусу — и авось эта надежда исполнится. В Тарусе ремонтируется наша дача. <...>

И[ван] И[ванови]ч представил картину производимых работ. Сердечно радуюсь Вашей решимости расширить их. Как-нибудь с уплатами дело «образуется». А гнать их к концу надо. Повторяю и буду

твердить, что при окончанном здании легче расплатиться с долгами, чем найти деньги для окончания палат. Двигайте, Роман Иванович; в крайнем случае продадим землю и 2 дома Клейна в Олсуфьевском переулке²⁶; я же принесу в уплату непроданные свои, очень интересные сочинения. Вот и расплатимся.

²⁶ Имеются в виду скромный особнячок Клейна, в котором располагалась также его архитектурная мастерская, и построенный рядом трехэтажный каменный доходный дом Клейна в Олсуфьевском переулке.

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Москва
10 июня
1906

Одну длинную и заднюю короткую стену Пергамского зала надобно назначить для Рельефов Пергамского Алтаря. А. А. Пэрк Вам доставит каталог слепков с обозначением *высоты* рельефов и их архитектурных частей. Места под эти рельефы не нужно оштукатуривать с той тщательностью, как остальные части стен. <... >

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Таруса
16 июня
1906

Нам не удалось увидеться в этот приезд более одного раза. Бывал я в Музее многократно, но не мог Вас встретить.

Виделся я с Юрием Степановичем: он опять выглядит очень плохо. <... > Сохрани его Господь для нашего дела, которое требует еще столь много для своего окончания от его щедрости. <... >

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Таруса
27 июня
1906

Положение моей больной становится все хуже. Жаропонижающие лекарства перестают действовать, а очень высокая температура, при непрерывающихся плевритах и бронхитах, жжет ее с ужасающей силой. Все, что называется телом, съедено и исчезло. Не знаю, выеду ли я в Москву 30-го²⁷, как я надеялся и сделал распоряжение в Румянцевском Музее.

А мне хочется попросить Вас оштукатурить *главный вестибюль*, придавши его потолку простой Дорический стиль кессонов. <... > Я потому тороплю Вас этим вестибюлем, что осенью придут чины для Контрольной Палаты определять, в какой мере продвинута отделка здания внутри. Они командируются к нам по приказу из Петербурга — по поводу ходатайства о штатах. <... > Надо теперь мрачный и грязный вестибюль отделать и тем осветить его, чтобы не лишиться ассигнования. <... >

27
Мария Александровна скончалась 5 июля 1906 года в Тарусе.
И. В. Цветаев
Памяти Марии Александровны Цветаевой и Александра Даниловича Мейна, многолетних сотрудников по Музею*
Своим долгом почитаю помянуть почтительным словом наших сочленов, покинутых безжалостною смертью. <... > Мария Александровна Цветаева, с самого начала 90-х годов, сделалась горячей сторонницей мысли о новом Художественном Музее для Москвы. Дочь давно почившего нашего сочлена А. Д. Мейна, человека обширной начитанности и в течение большей части своей жизни принадлежавшего к современной литературе, М[ария] А[лександровна] получала основательное и разностороннее образование: в редком совершенстве владевшая также и практически четырьмя иностранными языками, превосходная переводчица лучших беллетристов Италии, Германии, Франции и Англии, отличная пианистка и большая любительница палитры, она горячо отдалась делу созидания

нашего просветительного учреждения. Не один раз она ездила в художественные центры Западной Европы, принимая живое участие и в разработке требований для нового Музея <... > и в собирании памятников искусств для наших коллекций. <... > Область классической скульптуры она знала, как, может быть, немногие женщины в нашем отечестве; она вела в течение ряда лет дневники и все записи по музеям и церквам во время специальных изучений <... >. М[ария] А[лександровна] зарисовывала планы тех помещений, которые в том или в другом музее представляли своей конструкцией особо поучительный образец для нас. Особенно в этом отношении улевал ее Albertinum Дрездена. <... > Обладая выходящей из ряда вон

памятью, она отлично помнила места нахождения не только главных памятников искусств, но и второстепенные по размерам, разные небольшие рельефы, статуэтки и бюсты. В 1897 г. с живейшим интересом она изучала конкурсные планы на выставке их в Петербурге в Академии художеств. <... > Когда <... > внезапно ее поразила неизлечимый недуг, то и больная в Италии, в Германии и на Южном берегу Крыма, она до самой преждевременной кончины (5 июля 1906 г.) не переставала думать об успехах нашего Музея. И одной из ее предсмертных печалей была горечь сознания невозможности увидеть свою Москву, свой дом и Музей, который она справедливо считала учреждением, ей сердечно близким. <... > Мария

* Записка, читанная в годичном собрании Комитета Музея 25 января 1908 г. проф. И. Цветаевым. М., 1908, с. 81—87.

Александровна завещала значительную часть своего достоинства в вечный капитал Музея изящных искусств для составления из

процентов при нем отделения библиотеки имени ее отца. Об этой любви ее многих лет к нашему делу, любви большой

и искренней, но скрывавшейся от других и потому мало кому ведомой, доложить <...> я счел сердечным долгом.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Таруса
4 сентября
1906

В последний приезд мой в Москву Вы были больны, поэтому я побоялся беспокоить Вас своим визитом. Ю[рий] С[тепанови]ч мне сказал, что Вы в тот день были в постели. А видеть Вас мне очень хотелось после свидания моего с Ю[рием] С[тепановиче]м. В это пребывание он обнаружил определенное желание знать сумму, которая нужна для окончания Музея. <...>

Я пришел в контору Музея как раз в такое время, когда там И.И.Рерберг дал Ю[рию] С[тепанови]чу ответ на этот вопрос с документами в руках. Сумма предъявлена ему была в цифре 600 000 руб. Если бы мне показали такой долг, юридический или моральный, я бы упал на пол и скончался. Но Ю[рий] С[тепанови]ч лишь в шутиливом тоне сказал мне, что Музея ему не окончить, так как ему еще 6 лет не прожить. Я в ту минуту нашелся утешить его лишь указанием принадлежности его к крепкому и долговечному роду Нечаевых. Семейные дела меня торопили, я должен был ехать с дочерью [Мариной] в пансион на Старую Басманную, а потому подробнее дискутировать этот щекотливый вопрос с Ю[рием] С[тепановиче]м не мог, особенно не переговоривши с Вами. <...>

Для него, конечно, является роковым 8-й десяток лет, а меня, вступающего ближайшей весной в 7-й десяток, страшит склонность к головокружениям и неомненное усыхание ног. <...> Слабеет и их работоспособность: ходить с былою бодростью и в прежнем количестве без усталости я уже не могу. <...> Подкатывает старость с ее очарованиями.

Как миновало Ваше нездоровье? По летам Вам стыдно болеть. Но забот, хлопот и кручин, доставляемых музейскими платежами, у Вас много, много и опасности простуды на стройке большого

Мерилизовского дома²⁸. Но переживаемые Вами годы полной зрелости, полного расцвета, — великое дело; они вынесут то, что лет через 15 будет Вам уже не под силу. <...>

Сейчас посещать музейские работы очень грустно, потому что, кроме гранитных работ на крыльце и на 2-й лестнице, да заготовления мраморных наличников для дверей и карнизов для пилестр вестибюля, все остальное безмолвствует. Прекращены существеннейшие работы по оштукатурке стен и устройству потолков; прекращена работа по настилке полов. <...>

P. S. Мой низкий поклон Вашим семейным.

28

Речь идет о торговом доме Мюр и Мерилиз (ныне ЦУМ), построенном Р.И.Клейном в 1906—1908 гг. в Москве (ул. Петровка, 2).

Я остался здесь совершенно один, чтобы отдохнуть в безмолвии окружения. Старшие дети в Москве, младшая девочка [Анастасия] в городе, в семье моей кузины, жены здешнего врача, одна из девочек [Марина] в пансионе. В [половине] этого месяца жду воспитательницу для младшей дочки из Ялты, будем к тому времени и сами уже дома.

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Таруса
15 сентября
1906

Мне из Румянцевского музея протелеграфировали депешу Ю[рия] С[тепанови]ча о приезде его в Москву, назначенном на вчерашний день. К сожалению, я мог отозваться на это известие только письмом к Ю[рию] С[тепанови]чу, так как в эту ужасную погоду я не имею возможности двинуться вместе с младшею девочкой [Анастасией], остающейся здесь, в семье моей двоюродной сестры. Ее до железнодорожной станции, отстоящей отсюда в 17 верстах сейчас убийственной грязи, распростудишь в здешних ужасных «пролетках», по которым ветер пролетает так удобно для себя и с такими неприятными ощущениями для пассажиров. К тому же мы немножко поздно надумались шить ей шубку и зимнее пальто, забывши, что портнихи и тут так же обманывают в сроках исполнения заказов, как и в Москве, и везде на Руси. Зимние одежды моей дочери еще не готовы — и volens-polens я вынужден побыть здесь 2—3 дня. <... >

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Таруса
15 сентября
1906

Написавши Вам большое письмо, которое теперь должно быть в ваших руках, я на другой день занялся укладкой вещей; но тут с утра случилось со мной несчастье: начались головокружения и тошнота. А когда я переехал в Тарусу к моему двоюродному брату, местному врачу, чтобы 17-го выехать в Москву, здесь, через полчаса по приезде, случился со мной обморок, с повреждением речи и формы рта. Меня донесли до кабинета хозяина, где я до сих пор и лежу, не подымая головы, обложенный компрессами. <... >

Эта болезнь является повторением той же мозговой болезни, какая была со мною вследствие переутомления и служебных неприятностей десять с половиною лет назад, в 1896 году. В течение этого промежутка было два повторения. <... >

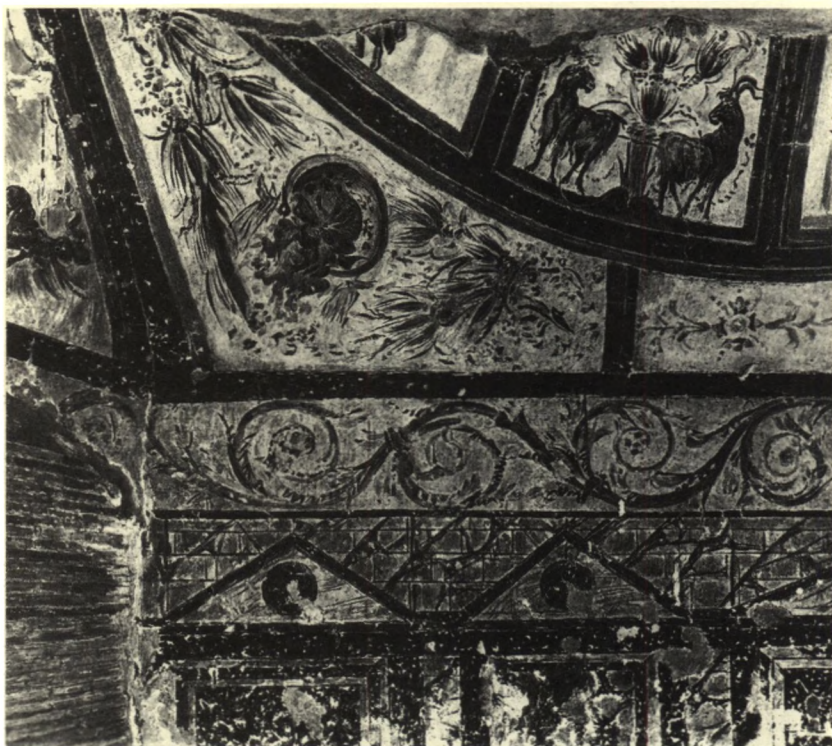
Когда я встану теперь, еще неясно; мой врач не

разрешает мне подымать голову над подушкой, а равно и резко повертываться с одного бока на другой. Я получил депешу от Дмитриева приехать, по Вашему указанию, в Москву возможно скорее; но несчастье тем временем со мной уже случилось²⁹ <... > Нужно ли прибавлять, что я от всего сердца желаю благополучного разрешения денежных вопросов по Музею с Юрием Степановичем.

29
И. В. Цветаев написал духовное завещание 19 сентября 1906 г., в котором, в частности, указывал, из каких источников нужно уплатить заграничным музейным кредиторам: Комитет — 3000 руб., А. Г. Подгореская — 5000 руб., С. Г. Захарьин — 6000; рента Музея — 5000; князь Ф. Ф. Юсупов — 8650 руб.

111. Ф.П.Рейман. Одна из капелл катакомбы. Акварель

112. Ф.П.Рейман. Вид древнеримской катакомбы. Акварель

Р.И.Клейн —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
[октябрь]
1906

< ... > Я пришел к заключению, что иного выхода нет, как постепенная ликвидация дела постройки Музея. Вы, Ваше превосходительство, можете себе представить, как мне тяжело и грустно об этом говорить, — одно сознание, что после нашего общего десятилетнего труда по созиданию этой постройки, мы будем видеть теперь постепенное разрушение ее; сознание это приводит меня в полное уныние, но другого выхода из настоящего положения, как предлагаемая мною мера, я не усматриваю.

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой сообщить, когда Вы можете быть в Москве, чтобы собрать Комитет и Строительную Комиссию для обсуждения тех мер, которые можно принять для сохранения здания Музея в его настоящем виде и вопроса о передаче Музея и его имущества Министерству Народного Просвещения.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
6 ноября
1906

< ... > Если удастся комбинация с топливом, то экономия куда пойдет у Вас? Так как у Вас нет никаких долгов, всякие долги уплачены, то не обратите ли Вы эти 3 000 руб. на пол в Олимпии и Пергамском зале, а то так на Библиотеку, т. е. на ее шкаф колоссальных размеров по длине. Форму фаса его надо очень обдумать, чтобы она была и монументальна, и удобна для пользования, и прочна в своих створах, которыми казенные люди станут пользоваться, конечно, небрежно. Нижнюю часть придется проектировать более глубокую и с глухими дверками; верхнюю, стеклянную, надо снабдить значительными переплетами: переплетчатые дверцы, которые потянутся по всей стене, легче для глаза и монументальнее, чем голое стекло < ... >

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Универси-
тетская
клиника
Москва
6 ноября
1906

< ... > Теперь он [Дмитриев] вскрывает ящики с Cantoria Луки делла Роббиа. Все части ее дошли хорошо. Сумеют ли только, в свой черед, собрать их в одно целое, которое должно быть помещено высоко, почти под потолком < ... > Но едва ли не труднейшую в этом отношении поставит задачу ее pendant Cantoria Донателло, уже оконченная и теперь находящаяся в пути между Флоренцией и Москвой. Она исполнена из светло-желтоватой терракоты и послана в 38 ящиках. Части ее следовательно значительно мелки: как собрать, а главное, повесить эту тяжелую и ломкую вещь? < ... > Во всяком случае, на Парижской Всемирной выставке 1889 г. прикрепление этой репродукции к стене на высоте ставило столь трудную задачу, что вынуждены были выписывать мастера из Флоренции. Нам надобно быть очень осторожными с этим делом, так как этот памятник нам стоит 9 000 фр. за одну репродукцию < ... > и это второй экземпляр ее в мире музеев (первый куплен после выставки за 16 000 фр. для Ирландии). < ... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
8 ноября
1906

Врачи не разрешают мне писать много самому, находя связь между глазным переутомлением и головными болями, поэтому я пользуюсь помощью нашего Дмитриева.

Вчера вечером я получил письмо из Петербурга от одного из чинов нашего Министерства. < ... > Той половины бюджета, которой мы испрашиваем в представленном проекте на 1907 г., нам решительно отказано по состоянию Государственного Казначейства. < ... > Государственный контролер в своем отзыве от 20-го сентября < ... > и Министр Финансов нашли возможным на отопление и для производства выше-названных работ в Музее отпустить комитету 15 475 р. на 1907 г. Из Министерства нашего советуют настоя-

113. Венеция. Палаццо дожей

тельно ограничиться этой суммой, т. к. в противном случае грозит опасность не получить ничего. Так трудно даются теперь из Казны новые ассигнования.
<...>

Б. В. Фармаковский —
И. В. Цветаеву
Санкт-
Петербург
8 ноября
1906

Одновременно с этим письмом отправляю Вам мой новый труд «Раскопки в Ольвии в 1902—1903 г.». Это не простой отчет о работах, а обработка материала, добытого за указанные годы. В работе большая часть посвящена архитектуре, а затем есть главы, трактующие о найденных памятниках скульптуры и о керамике. С мраморных головок имеются в Комиссии гипсовые слепки, которые будут направлены на днях в Музей Московского университета.

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Москва
26 декабря
1906

Примите с Вашей милой семьей мои сердечные поздравления и наилучшие пожелания к Новому году. Чего кроме здоровья и бодрости душевной пожелать лучшему другу в наше тяжелое время, когда все не прочно и ни на что нельзя положиться? Перед Вашим отъездом за границу мы уже не увидимся: желаю Вам

114. Флоренция. Лоджия деи Ланци

отдохнуть душой и набраться новых, более радостных впечатлений, чтобы после более спокойно и с большей энергией вести к концу давно начатое и всецело озабочивающее дело Музея.

Мне И.И.Рерберг сообщил, что в последнее свидание Ю[рий] С[тепанови]ч разрешил Вам посылать счета подрядчиков в контору. Это, на мой взгляд, большое счастье и большой повод вести работы быстрее теперешнего <... >

Вы едете за границу. В Берлине опять побывайте в Kaiser-Friedrichs Museum — и поучитесь там искусству размещения предметов по стенам. <... > Зарисовывайте типы тумб. Придется играть их разнообразием в разных залах. Теперь подошла очередь мебелировки: займитесь, Роман Иванович, этим делом. <... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
5 февраля
1907

Нам, за множеством хлопот, все не удастся поговорить с Вами о делах. В Музее — постоянная помеха от посетителей, а свидеться в другом месте не позволяют то нездоровье, то постоянные недосуги.

А нам надо условиться, как, и при настоящих исключительно тяжелых обстоятельствах, провести главные работы до возможного конца. Этих главных работ — потолки и стены, полы и двери. <...>

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
17 февраля
1907

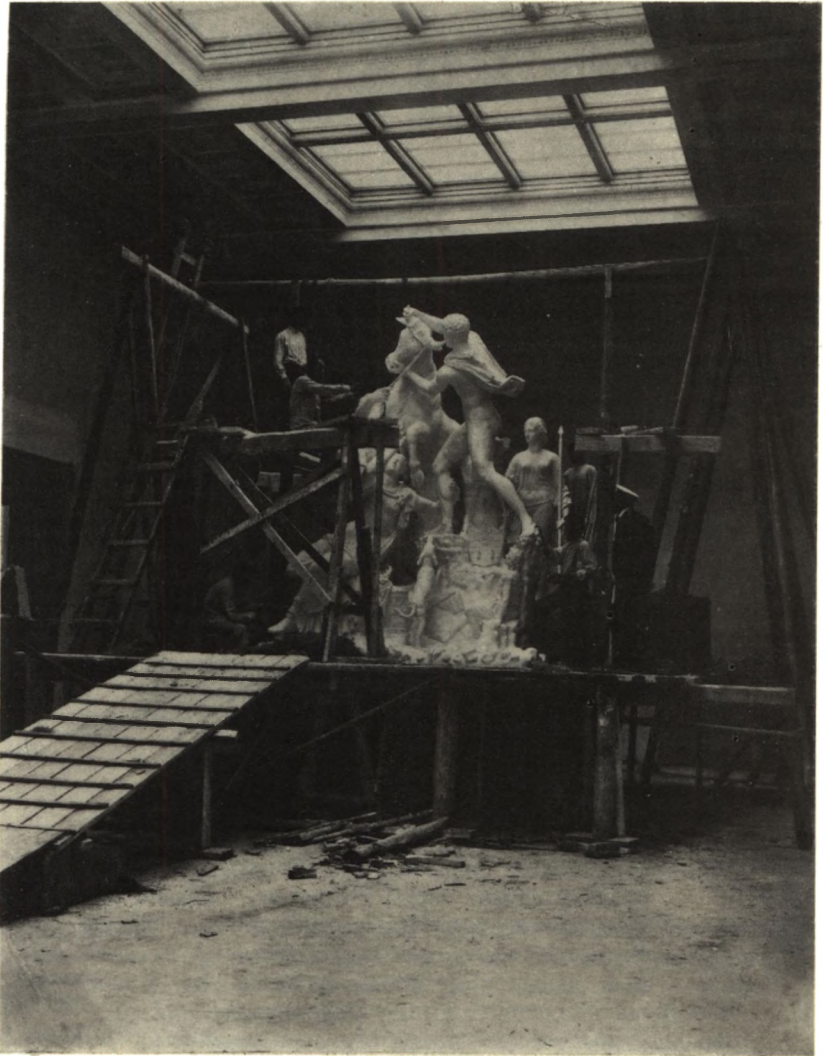
<...> Вы сетуете на меня за сделанные приобретения памятников искусств для Музея. В свое оправдание могу сказать, что разыскивание их по всей Европе стоило мне больших самопожертвований и больших трудов, принесенных мною благу Музея. Бог знает кто и когда проделал бы этот многолетний путь безвозмездно для нашего учреждения. Я вынес много лишений и всяческих неудобств ради этой высокой цели и нашел для музея много такого, что долго-долго туда не поступило бы. Без любви, без увлечения, без знания, без стремления к этому специальному знанию в нынешнем мире коллекции не собрать бы. Как-нибудь выкарабкаемся из долгов. А приобретенное навсегда будет украшать музей. В отделе Итальянско-Немецкого Ренессанса он теперь богаче всех однородных музеев Европы. И это, поверьте, не пустое хвастовство: это действительно так.

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
27 февраля
1907

Долги Музея, как выяснилось в последнем собрании Комитета, составляют 47 000 фр. в Дрездене, Париже и Берлине, около 10—11 000 руб. Кузницкому и К^о за перевозку здесь. Старый долг сверх сего за реставрацию испорченных пожаром Помпейско-Геркуланских бронз <...> — 23 500 фр. в Неаполе. Больше, за исключением кое-каких мелочей во Фрейбурге, Мюнхене и Нюрнберге тысяч на 5 марок, долгов нет. <...> но нельзя забывать, что вершится дело большой исторической важности, для России единственное. Историк, когда и праха костей дарителей не останется, помянет их теплым и справедливым словом признательности в грядущих поколениях. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
9 марта
1907

Послал нынче 9 000 фр. в École des Beaux-Arts и 500 фр. в Равенну. Все же немного легче. <...>
От Фишера я зашел в Строгановское училище, в Музей. Там я видел превосходно сделанных 2 персидских Acchèrs французской работы, купленных с Французской в Москве выставки.
<...> Взгляните, может быть, Вам и пригодится при компоновке Ассирийского зала. Завтра я буду в Университетской библиотеке, посмотрю, нет ли чего там по Ассирии. <...>

115. Пергамский зал. Монтировка Фарнезского быка

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Санкт-
Петербург
19 марта
1907

Ю[рий] С[тепанови]ч уже 2-го числа выехал за границу. Я виделся с Г.И.Котовым и говорил, он очень обрадовался, что записка о вас составлена; просите поскорее ее ему доставить, чтобы он мог немедленно отдать ее для напечатания к прочтению членов Академии <... >³⁰.

30

Речь идет о представлении
Р.И.Клейна к званию академика.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
С.-Петербур-
бург
24 марта
1907

По установленному правилу, ученые бал-
лотируются в Академии — в октябре раз в год. <... >
Надобны будут «разрезы» и образцы отделки потолков
всех «оригинальных» помещений Музея. Придется
заготовить к осени: Дворики, Ассирийский, Римский,
Центральный зал, 2-й з[ал] Возрождения. Потолки:
1) дорический, и 2) ионический.
Выеду завтра.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
23 июня
1907

Я получил известие, что кн. Юсупов собирается
посмотреть зал имени предка его жены. Ю[рий]
С[тепанови]ч говорил мне еще ранее того
о возможности пожертвования со стороны Юсуповых
какой-нибудь античной статуей, конечно, только из
Римских времен. <... >

Подумайте, Роман Иванович, об этом. Все
несчастье нашей лестничной обработки в том, что
после внесли Римские колонны цветных мраморов
<... > Сейчас же выходит колоссальный греко-
римско-итальянский винегрет, которого Вам перед
научною критикою никак не отстоять. Я бы на Вашем
месте: 1) снял здесь потолки и заменил их или
римскими или итальян. Ренессанса, 2) видоизменил
карнизы, 3) капители поставил бы *коринфские*, 4)
обработку центральной двери сделал иную, перенесши
этот наличник в зал Праксителя. Тогда все было бы
стильно и верно. <... >

И.В.Цветаев —
И.И.Рербергу
Москва
29 июня
1907

<... > Зал этот будет заставлен большими
статуями и группами: один Нил и Спящая Ариадна
столько займут места! К счастью, в пожаре не все
римское погибло. Целы статуи Августа, Траяна,
Весталки, старика в пышной тоге и пр. Есть надежда
к сохранившимся коням бичи добыть и кузов
колесницы из Берлина: дышло и один хвост этих
лошадей восстановим по фотографии. В общем
Римский зал будет очень эффектен своими скульп-
турами. Надо позаботиться о подходящем рисунке
пола, имея в виду, что стены зала будут выкрашены
в *ярко-красный* цвет, как в Помпеях. <... >

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
3 июля
1907

<... > Особый путь, путь подвижничества
и самоотречения сужден окончанию нашего пред-
приятия. Одному Вам доводится оканчивать здание,
одному мне суждено ведать коллекцией и мучиться
невозможностью уплаты 20—25 тысяч франков за
доставленные нам греческие архитектуры, теперь
украшающие Классический дворик. Если Бог их
сохранит, то многие поколения будут восторгаться
этими перлами, выше которых греческое зодчество

ничего не воспроизводило. И эти-то в Россию впервые пришедшие красавцы причиняют мне столько горя, боли и стыда перед *École des Beaux-Arts*. <... >

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
3 июля
1907

<... > Нам [Румянцевскому музею] нужно большое здание, которое бы вместило 1 400—2 000 картин и было приспособлено под библиотеку в нижнем этаже. <... > Если откажется Р[оман] И[ванович] придется обратиться к другим большим архитекторам Москвы, а может быть и Петербурга. Задача тут большая. Идет речь о постройке помещения

для публичной библиотеки, растущей каждый месяц, не говоря о картинной галерее. <... > Московская дума бедна и сама искала занять денег у Петербурга; но делу нашему может помочь самое обсуждение вопроса в городском управлении. Это участие думы и предполагаемое обсуждение в печати Москвы и Петербурга

31
Нечаев-Мальцев это предложение Цветаева оставил без ответа.

сделают наш вопрос государственным <... > Деньги потребуются, говорят, значительные — тысяча 350—400, хотя бы разделенные на 3—4 годичные срока³¹.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
3 августа
1907

Я потому откладываю сбор «Золотых дверей» Фрейбергского собора, что не вижу возможности, без вреда белизне гипсов, приступить к этому ранее полной отделки Христианского дворика, его стен и полов. Скульптуры их отличаются тонкостью рисунка, а орнаментака чрезвычайно сложная, особенно в формах растительных. Когда запылят и запачкают эти скульптурные части, после мытьем и чисткой только бесповоротно испортят их. <... >

П.В.Жуковский —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
19 августа
1907

От души благодарю Вас за Ваше интереснейшее, любезнейшее письмо от 13 Авг. и за сообщение касательно юбилея Юрия Степановича³², о котором ничего не знал. Я ему отправил 17 Авг. поздравительную телеграмму в Славянский Базар и прочел Вашу прекрасную статью в «Нов. Времени».

32
18 августа 1907 г. отмечался 50-летний юбилей государственной службы Ю.С.Нечаева-Мальцева. В этот день Комитет Музея направил к юбиляру депутацию во главе с ректором Московского университета А.А.Мануиловым, которым был зачитан приветственный адрес. Его текст см.: Записка, читанная в годичном собрании Комитета Музея 25 января 1908 г. Проф. И.Цветаевым. Приложение, с. I-V.

Напрасно Вы думаете, что я благоденствовал за границей. Я почти все время был болен <... >. Напрасно Вы также думаете, что я забыл о Музее. Разве это возможно? Я с радостью думаю в сентябре вместе с Вами его видеть и буду счастлив, если Вам пригложусь на что-нибудь. С нетерпением жду минуты тоже увидеть Романа Ивановича и поблагодарить его за заботы и чудную работу по ленте чертежей для иконостаса усыпальницы Великого Князя. Без него ничего бы не вышло из всего этого. Он, я знаю, с глубоким чувством признательности к покойному Великому Князю принял за эту неблагодарную работу и она, говорят, прелестно удалась. Я не мог

116. Пергамский зал. Общий вид

33
Усыпальница великого князя
Сергея Александровича была
сооружена в Кремле по проекту
Р.И.Клейна в 1906—1907 гг. (не
сохранилась).

ничего видеть там, так как кончают своды и все
покрыто³³.

Я собирался к Роману Ивановичу, чтобы вместе
с ним побывать в Музее, но должен был поехать
в Гатчину <... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Таруса
23 августа
1907

Я вынужден был немедленно выехать в Тарусу,
к детям, которых нужно перевезти в Москву. Перед
отъездом был у Ю[рия] С[тепановича] и видел его
в окружении управляющих. Говорить о Музее было,
конечно, некстати. <... >

Я собираюсь оставить Тарусу навсегда, —
частые отъезды в Москву уже стали тяжелы.
Переберусь в Московский дачный район. Что делать!
Подходит старость с ее недугами. Да, с будущего лета
надо крепко держаться расстановки предметов. <... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
15 сентября
1907

Вчера мне говорил Ю[рий] С[тепанови]ч, что
он сделал распоряжение о неизменной выдаче 500 руб.
в м-ц — Вам, как Ваше личное вознаграждение. <... >
Поданную Вам смету на 10 000 руб. (эту сумму он

назвал) на ближайшие работы он считает подлежащей исполнению.

Говорил он о наружных дверях (кстати бы и воротах во двор); ему хочется, чтобы они были деревянные (тогда дубовые?) и окрашенные под бронзу. <...> Он сказал, что перед отъездом *на всю зиму* в Рим, Неаполь, Палермо, Тунис он будет *еще раз* в Москве, и *тогда* Вы ему представите эти чертежи дверей. В его отсутствие их надо сделать и повесить. <...> Ю[рий] С[тепанович] в отличном настроении. <...>

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
18 сентября
1907

<...> Во франках все наши долги, за уплатою теперь в Дрезден, Берлин и Неаполь, <...> определятся приблизительно числом 42 135 фр. <...> После я, с облегченным сердцем, принялся бы за приготовление тумб для статуй и приступил бы к организации размещения гипсов и бронз. Здесь в вопросах эстетики мне обещали свое содействие Жуковский и Поленов.

Подготовив какой-либо зал, будем приглашать для консультации Васнецова. Года в 1 ¹/₂ окончится эта работа, если будем живы и здоровы. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
28 сентября
1907

Вчера, после Вас, я рассматривал распакованные вещи Луврского музея. Какова окраска гипсов под цвет черного и других цветных камней! Это — прямо художественные произведения. А эта имитация «Вавилонского», собств. Халдейского законодательства с его надписями? Она мне напомнила прямо самый камень, находящийся в Лувре и имеющий возраст 2 300 лет *до* Р.Хр. <...>

Вынуты и другие превосходные вещи, как Диана а'la Viche, статуя огромная Афины-Паллады. Как после поднимать эти сложные вещи? Необходимо устроить подъемную машину и возобновить тележку; последнюю заказывайте. <...>

П.В.Жуковский —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Санкт-
Петербург
11 октября
1907

Очень Вам благодарен за сообщение касательно избрания в академики Романа Ивановича. Я об этом ничего не знал. Вероятно письмо В.П.Лобойкова ищет меня где-нибудь за границей или лежит в Москве. С радостью подам голос за нашего славного Клейна и удивляюсь, что он еще не академик. <...>

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
20 октября
1907

<...> Нагнетения заграничных кредиторов по заготовлению предметов искусства для Музея, ввиду заключения года, достигли последней степени. Чтобы успокоить поднявшиеся протесты и жалобы, неизбежно уплатить: в Дрездене, в Albertinum 4 500 марок, в Берлинский музей около 2 400 марок и в Неаполь за

бронзы пока 5 000 фр. Касса Комитета пуста, личных средств у меня совсем нет, все мои обращения к Вогау, к Сергею Морозову, к Бугрову, к Арманду, к Журавлеву не привели ни к чему. Мне больно и стыдно перед повинными своею доверчивостью коллегами по музеям Берлина и Дрездена <...> Помогите, Юрий Степанович, этою суммою в этом горе. <...>

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
23 ноября
1907

Работы внутри здания идут, главным образом, по настилке полов: приехали из Будапешта мозаичисты и наливают полы. Ах, я продолжаю думать, что эти мозаичные полы — истинная Ахиллесова пята нашего чудного здания. Мозаика растрескалась даже в вестибюле Вашего петербургского дома, сделанная, конечно, лучшими в свое время мастерами. А велика ли ходьба у Вас, сравнительно с публичным зданием музея? Не продумали в свою пору вопроса о метлахских полах, которые были бы бесконечно прочнее, а стоимость их, как показали наши последние опыты (залы Олимпии, Пергама и др.), не выше мозаики.
<...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
8 декабря
1907

<...> Еще в Сентябре Мин[истерст]во Нар[одного] Просвещения известило нас о предстоящем получении нами 15 250 руб. в три срока, начиная с октября, в ноябре и декабре. Прошел октябрь, мы не получили ничего; миновал ноябрь, — мы не получили ничего, пришел и декабрь, а денег нет и нет, несмотря на заверение Мин[истерст]ва Нар[одного] Просвещения.

Тем временем мы должны топить огромное здание, должны вести расплату с ничем неповинным Гладковым <...> Кто же накажет этих медлителей в исполнении служебного долга? <...>

Деньги придут, но это будет уже в Святочные вакации, когда все останавливается, — и работы возобновятся только к февралю. Тем временем срок кредитам минует. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
18 декабря
1907

Юрий Степанович был ныне в отличном настроении. Едва я появился, как он повел разговор о Вашей поездке в Берлин и о том, что Вы намерены там делать. Я повторил ему, что уже писал ему о желании Вашем ознакомиться с реставрацией в античном стиле зал Старого Музея в Берлине (Altes Museum) и зарисовать классические кессоны, как они расписаны там в последнее время, а равно и другие орнаментальные детали, какие Вы найдете интересными и нужными для нашего Музея. Тогда Ю[рий] С[тепанович] немедленно вынул деньги и просил

117. Пергамский зал. Фрагмент экспозиции

передать Вам. <...> Поезжайте же и, зарисовав прелестные потолки прежней картинной Галереи Старого Музея, перенесите все лучшее в наш Музей. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
24 декабря
1907

Дети приглашены на елку к какой-то доброй учительнице гимназии, немка ушла в немецкие пределы Москвы. Я остался один и в своем одиночестве я перенесся мыслью к этому дню, проведенному в Германии вместе с Марией Александровной. В то время мы с нею жили потребностями Музея и наши речи постоянно склонялись к нему. Мы немало говорили о портале Фрейбергского собора, его die Goldene Pforte. Вот его изображение. Оно в маленьком масштабе; но зато оно полнее имеющегося у нас большого. Вглядитесь в его верхнюю часть и Вы увидите его завершение, которого в наших гипсах нет. Если есть у нас место, не отлить ли его нам самим или по этой или другой, большого размера, фотографии, которую можно выписать из Дрездена. Тогда бы этот памятник Романского зодчества был еще величественнее при его законченности <...>.

118. Римский зал. Общий вид

С мыслями о нашем общем детище заканчиваю
минующий год. Прощаюсь я с ним любовно
и с благодарным чувством: в течение его мы сделали,
что могли. Теперь конец стал уже ближе. <...>

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
27 декабря
1907

Окончены оба стеклянные дворика, Греческий
и Христианский <...> В Христианском дворике
к празднику сняли уже и подмости, которые служили
для расколеровки потолков, так что теперь это
эффектное помещение совсем готово. В Греческом
дворике уже стоят на своих местах Угол Парфенона,
Портик Кариатид, Памятник Лисикрата и капитель
Древне-Персидской колонны из Персеполиса <...>.

34
Обстоятельно состояние дел
И.В.Цветаев изложил в своем
докладе Комитету 25 января
1908 г. Местом заседания на этот
раз была стройка Музея изящных
искусств, присутствовали:
обер-гофмейстер Ю.С.Нечаев-
Мальцев, состоящий при великой
княгине Елизавете Федоровне
генерал-лейтенант М.П.Степа-
нов, Д.И.Иловыйский,
В.Д.Поленов, А.М.Опекушин,
Ф.О.Шехтель, Р.И.Клейн,
И.И.Рерберг, Н.И.Романов и др.
Приводим наиболее интересные

В этом году окончена гранитная лестница, идущая
из Христианского дворика, — фундаментальное
сооружение, ступеней которого не сотрут никакие
простонародные сапоги долго. К концу продвинута
и наша пышная красавица главная лестница. <...>
Окончены работы по искусственному мрамору колонн
и стен Центрального зала, занявшие два года. Еще три
месяца — и все штукатурные работы в музее
закончатся. Итак, идя тихой, но верной поступью,
сделано в 1907 году много существенно важного³⁴.

фрагменты этого выступления*.
<...> Вам известно с давних пор о намерении, высказанном Великим Князем Сергеем Александровичем, испросить ко времени окончания дела бронзовую статую Императора Александра III <...> Я имею почетное поручение сообщить, что наша давняя надежда иметь этот Монарший дар получает осуществление <...> и уже окончены переговоры по ее исполнению с лучшим ваятелем России за последнее полугодие, академиком скульптуры А.М.Опекушиным. <...> Три года в десятилетнем сроке возведения здания являются большим периодом, и потому строителем Музея сделано за это время очень много. <...> С тех пор все колонны заняли свои места, получил осуществление и центральный портик, явившийся в деле последним. Величественная колоннада Ионического стиля, самая большая по размерам в России, получила покрытие из медной черепицы, такая кровля считается самой прочной и когда, в свой черед, ляжет на ней патина голубого цвета, то она будет и самой красивой <...>. Наличник главного зала представляет точную копию по орнаментике оригинала, хранящегося в северном портике храма Эрехтейона на Афинском Акрополе. Отличие здесь лишь в том, что у нас, ввиду особых свойств бельгийского мрамора, поверхность его отполирована, и сам наличник исполнен в больших у нас размерах. <...> И я чувствую большую радость при сообщении, что этот из ряда вон изящный предмет исполнен

* Записка, читанная в годичном собрании Комитета Музея 25 января 1908 г. проф. И.Цветаевым. М., 1908, с. 1—73.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
2 января
1908

35
Поездка Клейна в Петербург, состоявшаяся в первых числах апреля, была связана с назначенным приемом у Николая II относительно Музея изящных искусств.

исключительно нашими отечественными рабочими, уроженцами Московской губернии, трудившимися над ним около семи месяцев, в числе 18—20 человек, ежедневно. Эта чистота и необычайная тщательность исполнения <...> возбудили 2 месяца назад искреннее удивление известного французского археолога барон De Vaue, посетившего наш Музей <...> он с восхищением воскликнул: «Это превосходная работа! И трогательное зрелище представляют эти рабочие. Если бы у нас в Париже исполнялось нечто подобное, то, по окончании, устроена была бы выставка <...>».

Два другие наличника, при благородной простоте своих форм, замечательны своим темно-зеленым с белыми пятнами мрамором. <...> Это — тот самый мрамор, из которого, между прочим, вырублены колонны храма Св. Софии в Константинополе <...>. Лишь в последние годы один английский инженер <...> нашел после долгих поисков его древние заброшенные ломки в Фессалии. Благодаря стараниям <...> Георгия Листа и его неутомимого помощника инженера И.П.Раттенка, первые образцы этого новейшего мрамора, привезенные в Россию, употреблены на украшение нашего главного <...> этого истинно-царственного входа. <...>

Из серого финляндского гранита выложен обширный внешний вход, ведущий к центральному портику главного фасада; из этого же монументального камня сложены все крыльца Музея и настланы полы по всей колоннаде; им обнесена и вся передняя площадь Музея, предназначенная для сквера. Такой массивной оградой, построенной из гранита, мы не могли бы указать нигде в нашем

Ныне я 3 раза звонил к Вам в дом и раз на стройку Музея, но Вы витали где-то далеко. Деньги 15 250 руб. Казенная палата предлагает принять в распоряжение Комитета. И.И.Рерберг говорил мне по телефону, что <...> истратив эту сумму к обязательному сроку — 10—15 февраля, определив кредиторов Казны, мы можем. <...>

Когда собираетесь в Петербург?³⁵ Хорошо, было бы, если бы Вы денька в три там покончили дело с Опекушиным и от него узнали цену статуи [Александра III, для главного белого зала Музея].

городе, за исключением только части земельного участка храма Христа Спасителя. <...> Не в столь сильной степени, но все же продолжались и живописные работы <...>. Художниками П.В.Жуковским, К.П.Степановым и г. Южаниным оконченны все картины, предназначенные для зала Итальянского Возрождения (XV в.). <...> К продолжению заготовления живописных панно ретено приступит, пригласив лучшие художественные силы России, уже по окончании главных строительных работ и после оборудования Музея существенно необходимым. Комитет по-прежнему здесь не оставляет надежды на личное участие и руководство <...> В.Д.Поленова и В.М.Васнецова. <...>

Последние три года были для нас временем исполнения предметов, заказанных за границей <...>. Многочисленные клады направлялись к нам со всех стран Западной Европы: ящики своей громоздкостью и числом причиняли много хлопот Московской Складочной таможне, в обширных сараях которой мы держали их целыми месяцами, стесненные всеишемением сухих кладовых в отстранявшемся здании. <...> Для безопасности обращения с хрупкими материалами необходимо было ограничиться самым малым количеством рабочих. Вскрывали ящики и выбирали из них стружку, солому, сено, войлок, бумагу лишь трое <...>. При этом вывозился упаковочный материал немедленно с площади Музея <...>. Это — очень трудная часть работ, занявшая более 160 дней; исполнена она [под руководством письмоводителя Комитета И.В.Дмитриева] с большой тщательностью <...>. Так постепенно, но верным шагом идут все работы Музея, приближая время его открытия.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
31 января
1908

Пора нам от слов перейти к делу. Изготовление памятника Александра III Опекушиным заставляет нас *спешить*, чтобы открыть Музей одновременно. В каком положении находится у Вас рисунок шкафа для Библиотеки?

Настоящий Klein, берлинский или дрезденский, давно бы и рисунок сделал и давно бы следил за исполнением, а Клейн московский все крылья расправляет <...> хлопает даже ими, собираясь полететь к рабочему столу; но извозчик стоит у ворот, — надо ехать. <...> При такой прыти не то что в 2 года, а и в 12 лет мы не оборудуем зал Музея. Я вот поседел, ожидая окончания работ в Римском зале <...> для него у нас масса предметов, как и вообще для зал, идущих в задней части здания: Пергамский, Римский, Средневековый, 2 зала Итальянского Ренессанса. Если мы займемся оборудованием их, у нас будет уже нечто органическое *целое*.

<...> Простите меня за эти речи; но медлить и откладывать, когда деньги лежат, ей Богу нельзя. Я перешагнул за 60, был болен — боюсь за ближайшее будущее. А увидеть дело оконченным мне, естественно, хочется.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
1 апреля
1908

Ныне ночью я думал о деле окончания Музея — и вот что приходило мне в голову. Долгом *дружбы* считаю эти думы сообщить Вам. Зная Ю[рия] С[тепанови]ча, я бы, в его отсутствие и без его участия, не стал бы много докладывать Государю о Ваших *декоративных* проектах. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
7 апреля
1908

<...> Звонюсь 3-й день, желая знать, приедете ли в Музей и даже возвратились ли из Петербурга?

Если возвратились, то как были приняты Государем? Счастливого пути. В Берлине теперь, должно быть, хорошо. Побывайте в Нюрнберге: тамошний Germanisches Museum удивительно богат.

Не знаю, найдете ли Вы полезные там образцы для развески предметов. В этом отношении не полезнее ли Friedrichs-Museum и Albertinum.

Во всяком случае теперь Ваша близкая задача этого рода прикует Ваше внимание к тому, какими средствами размещения достигается там и экономия места и эстетический эффект. <...> Кланяйтесь в Дрездене Трею и Кюнерту.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
20 мая
1908

Хотелось бы к близкому приезду Великой Княгини [Елизаветы Федоровны] и ее сестры пообчиститься. <...> Если она принимает на себя роль посредницы в деле дара Германского императора гипсами, нужно произвести впечатление близости

119. Римский зал. Фрагмент экспозиции

наших работ к окончанию. Ей становится Музей, очевидно, близок, раз она делает его наследником художественного достоинства Великого Князя [Сергея Александровича] наравне с Петербургским Музеем Александра III, отдавая нам даже большую часть. Иностранных вещей у Великого Князя было больше, чем русских портретов. Портреты Государь уже принял. Вчера я написал ее Высочеству о Танаграх, одной бронзовой греческой статуэтке, за которую В[еликий] К[нязь] заплатил 1000 фр. Нет ли у него бюстов? Есть большая копия Персея Бенvenuto Челлини. А Мадонны, виденные мною у Великой Княгини в гостиной Николаевского дворца, прелестны. Все копии (есть и оригиналы: один был на выставке «Изобр[ажения] Б[ожией] Матери», устроенной гр. Уваровой в Москве) деланы или приобретены для покойной императрицы Марии Александровны. Великая Княгиня говорила мне, что «они великолепны». Наши залы XV и XVI вв. получают прелестные цветные пятна. А это полагает начало коллекции «избранных копий живописи», копий, сделанных большими мастерами этого рода. Сначала пусть будет их — 100. Пусть дело серьезного копирования продол-

120. Средневековый зал

жится 10—15 лет. После можно перенести живопись в запасные залы, в 1-ом этаже. С этим материалом наш Музей будет вполне *Музеум Изящ. Искусств*. Собрание картин не будет велико, но это будет коллекция главных *вех* в истории европейской живописи.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
16 июня
1908

Ареghi Музея, приготовить который мне посоветовала Великая Княгиня для Вильгельма, я напечатал в «Moskauer Deutsche Zeitung» и потом сделаю на днях отдельную брошюру, набравши ее красивым шрифтом. Великая Княгиня говорила и о фотографиях Музея. Надо будет заготовить альбом, конечно, не такой большой, какой поднесен Вами Государю. <...> После этого остается Германскому Императору умилиться и приказать приготовить для нас все вещи, которые показаны в Записке, как желательные и предложенные к приобретению. <...>

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
[июнь]
1908

В деле устройства здания все так тесно, так органически вяжется с другим, что сделавши одно, не останавливаешься перед другим. Не то с коллекциями, для которых и здание воздвигается и создается для них такая чудная обстановка — с массою простора и света.

Здесь колоссальную командную роль играет и играла случайность. Есть, правда, историческая система в программе: задачей поставлено собрать к открытию музея только главное, только существенное, без чего нельзя понять эпохи и нельзя открывать залы. Но это только идея, желание, мечта. После злополучного пожара образовались в этой исторической последовательности такие огромные бреши, что и не придумаешь, как их заполнить <...> Приобретение главного предстоит в Каире и почти во всех столицах Европы. Нужно для изготовления гипсов время, на это уйдут все, остающиеся нам 2 года, нужны деньги тысяч 20—25 руб. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
25 июня
1908

<...> Не могу устоять от последнего приобретения из Делла Роббий. Это так называемое «Обожание Божией Матерью своего Младенца» — Adorazione. Что за прелесть всей композиции!

Была не была, приобрету: это будет как бы панданом к Благовещению *на той же стене*, и на такой же высоте, чтобы здесь можно было укрепить *под* нею полку для бюстов и статуэток. <...> Благовещение — Луки Делла Роббиа, Adorazione — Андреа Делла Роббиа.

Как Вы думаете: не заказать ли маленький рисунок расколеровки оригинала, по которому Нивинский мог бы раскрасить белый гипс здесь? <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Таруса
8 июля
1908

Был я у Захарьиных, в Куркино <...> Ни долготелняя профессура отца, выпустившего длинный ряд врачей, ни его выдающаяся слава и редкая талантливость никого не тронули в страшном горе старушки-матушки, только и жившей в последние годы своим «Сережей»³⁶.

От Музея возложен скромный металлический венок из незабудок с надписью: «Своему благовителю С.Г.З. Музей Императора Александра III». Мать была очень тронута этим вниманием. Металлический венок надолго сохранится в фамильной каменной часовне, сооруженной Шехтелем над фамильным склепом. <...>

36
Речь идет о кончине сына
Г.А.Захарьина — Сергея
Григорьевича.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
17 июля
1908

Сидя этот вечер один в доме, «я предаюсь моим мечтам», все о том же Музее, который только что мы оставили.

Что нам нужно непременно сделать, не ожидая лучших денежных обязательств и пользуясь лишь физической или, вернее, моральной возможностью?

Надо делать заказы тем из надежных исполнителей, кто только заказ примет. Искать исполнителей, это — наша первая задача. <...>

В стене, ведущей из Греч[еской] архаики в зал Эгинетов, надобно два пролета заложить <...> Здесь на более светлой стене надо будет исполнить деревянный фронто́н для Эгинетов, как это сделано хорошо в Берлине. <...> Я попрошу Романова, находящегося в Берлине, сделать рисунок этой рамы и окрасить его соответственно тому образцу. Это украсит и наш зал, которому, и по месту нахождения, и по материалу, суждено быть самым скучным, для публики самым неинтересным. Надо его хоть этим расцветить. <...>

Давайте же, голубчик, работать и карандашом, и мыслию, и исканием исполнителей. Жизнь уходит у Ю[рия] С[тепанович]а, у меня, да и для Вас возникают новые заботы. Пустимте «во-всю» весь запас энергии. <...>

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Москва
25 июля
1908

На этих днях окончат склейку пазов между частями «Фарнезского быка». Около него такая сильная тяга воздуха и столько несется пыли из соседних зал, что я боюсь, — он загрязнится без толку. К чему раньше времени пылить белые гипсы? <...>

Усерднейше прошу послать, в мой счет, за пудом мягкой бумаги и за бичевой, и приказать теперь же плотно окутать все фигуры этой сложной композиции, а равно и ее пьедестал заклеить.

<...> Ввиду скандалов последних лет в разных университетах, я усерднейше прошу Вас сделать плотные железные двери, которые отделяли бы Аудиторию от Музея. Мало ли какие могут быть сотрясения и как разыграются молодые страсти? Не нужно никому говорить об этом, но сделать здесь железные двери с особенно прочными запорами необходимо. <...>

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Москва
2 августа
1908

1. Думаете ли Вы приступить к осуществлению обещания заказать двери «лучшему» московскому столяру? Если столяр намечен, надобно выбрать материал и дать рисунок двери. В детских прописях написано: «дабы архитектор дал хорошо вычерченный рисунок исполнителю, сиречь подрядчику, необходимо, чтобы сам архитектор поискал в литературе образец и набросал его для черновиков», <...> Шутки в сторону, мы — в августе <...>

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Таруса
5 августа
1908

Начали ставить фронто́н храма Зевса в Олимпии. Чтобы выиграть место, мы подняли их тимпаны на возможную высоту. Место свободное под этими скульптурами мы займем статуями и рельефами.

Но не попробовать ли нам *на уклонах* тимпанов поставить и верхнее покрытие; т. е. по две *симы*?

121. Зал раннего итальянского Возрождения

Можно было бы вести их, пока позволит место. Центральные фигуры мы могли бы оставить без этого покрытия. <...> Таковы эти рамы в Дрезденском Albertinum'e. Там фронтоны стоят низко, поэтому рамы у них полные; для нас же достаточно бы одних склонов. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Таруса
10 августа
1908

Будьте добры немедленно исполнить мою просьбу. На другой же день побывайте у Ю[рия] С[тепанови]ча и попросите у него денег для уплаты Московскому и другим лепщикам за их работу. Они трудятся над склеиванием Афинских скульптур, купленных Ю[рием] С[тепановиче]м и пришедших к нам в кусках. Весь транспорт был отвратительно упакован и потому весь перебит <...> Я распорядился склеить этот дар Ю[рия] С[тепанови]ча, когда он был еще за границей. До сих пор я оплачивал этих бедных людей сам, тратя на это купоны от детских % бумаг. Но этот источник истощился, сейчас мне платить решительно нечем. <...> Я жду очередной пенсии в 237 руб., которой мне хватит только расплатиться здесь и переехать с семьей в город.

Побывайте, голубчик, в Славянском Базаре

и выясните этот вопрос, в сущности стыдный и делающий боль <...>.

Я хотел, в 40-й день, быть у Захарьиных, но льющие здесь дожди остановили меня. К тому же я должен везти дочь [Анастасию] на экзамен на этих днях, и оттого, снова между Тарусой и Москвой на одной неделе мне оказалось невозможным. <...>

И. В. Цветаев —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву
Москва
[август]
1908

Вы слышали, что г. Голенищев, человек богатый, истративший сотни тысяч на свой египетский музей, разорился на каких-то акциях и потому решил продать свое сокровище, над составлением которого он работал целую жизнь.

Боязнь, чтобы это сокровище не ушло в Британский музей, уже узнавший о продаже, заставила петербургских историков и филологов поднять хлопоты в газетах, в обществе и в правительственных сферах. Мне говорили, что был доклад об этом и Государю. Министерство нар[одного] просвещения, ознакомившись с этой коллекцией, сделало представление о приобретении этого музея в казну — для помещения его в Эрмитаж или в Академию наук; или в Музей изящных искусств Александра III в Москве. Теперь мне написали из министерства об этом и советуют принять меры к направлению этого приобретения к нам. <...>

Это — такая коллекция, что и не верится в возможность получения ее нами. Впрочем, чего же робеть? Лишь бы Дума не отклонила это приобретение, а то мы бы употребили все средства <...>.

Эрмитаж до того переполнен всяким добром, что там греческие клады лежат в темных кладовых. В Академии наук совсем нет места, потому-то мне еще прошлой зимой писал Кондаков хлопотать о направлении этого собрания к нам. А какое бы это было чудное начало для нашего музея!

И. В. Цветаев —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву
Москва
7 октября
1908

Расстановка ограничивается пока только Пергамским залом. Тяжелые и массивные горельефы требуют большой осторожности и многих соображений, поэтому, при ограниченности числа умелых и надежных формовщиков, работа движется черепашным шагом. Раньше 3-х недель и отсюда мы не выберемся. <...>

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Санкт-
Петербург
29 октября
1908

Цифра 295 т[ысяч] руб. Ю[рия] С[тепанови]ча не удивила, только он хочет уменьшить стоимость потолков — 82 т[ысячи] руб. <...> Я говорил о необходимости окончания всех работ к лету 1910 года и он думает то же. Насчет ссуды, под 30 000 руб., не склоняется нисколько, а советует просить

у Мин[истерст]ва; но у того отобраны все прежние свободные суммы: там не могут дать и рубля серебром. По мнению Ю[рия] С[тепанови]ча, надо написать на Донецкие копи, что деньги разрешены Думой и чтобы нам давали уголь и впредь...

Египетский Музей — из предметов не громоздких, а масса и совсем мелких. Он должен занимать место не более 5 аршин высоты. Нужны будут стены: окна в Греч. Дворик придется закрыть, чтобы получились площади, если мы получим. Мин[ист]р будет направлять его к нам. Опасный конкурент — *Администрация Эрмитажа*, которой хочется завладеть этим добром.

Сейчас еду в Царское село к Вел.Кн. Владимиру Александровичу — просить его похотатайствовать за нас перед Государем. *Побывайте* у Великой Княгини, [Елизаветы Федоровны], если она в Москве, и попросите ее написать Государю. Я ей оставил письмо об этом, изложив все дело. Вещей пропасть чудных в Голенищевском Музее. Для нас он был бы великим счастьем, которое не может повториться вновь. <... >

Дума послала осмотреть этот Музей и покупку находит нужной. Я вижу с депутатами, которые будут полезны в этом деле.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
5 ноября
1908

Мое время в Петербурге прошло все в хлопотах по Египетскому Музею Голенищева. Собрание, действительно, чудное по составу и прекрасно систематизированное. Есть перечень предметов, все они окружены подходящей мебелью. Крупных — сравнительно немного. Разместятся они, я думаю, в Египетском зале и Антикварии, причем придется отвести под Антикварий же и зал Библиотеки, а в Библиотечный зал обратить Аудиторию. В последнем случае придется поставить два ряда железных стеллажей для полок, с проходом посередине. <... >

Составлением плана этих полок и их размещения *надо* заняться немедленно, так как профессор Кондаков намерен подарить нам большую библиотеку по истории искусства, которая на 1/2-ну находится у него в Ялте. Другая 1/2 до его смерти останется у него в Петербурге. Это чудесный будет дар; библиотека составлялась в течение 40 лет с лишком. Ему надо послать рисуночек распределения полок. <... > Полки и стены украсим бюстами знаменитых мужей, в числе которых я поставлю Ваш на первом месте, чтобы потомство Вас хорошенько поносило. <... >

122. Зал Микеланджело. Общий вид

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
19 ноября
1908

<...> Сейчас мы стоим на мертвой точке и уже давно. Этот год — самый скудный результатами, так что и отчета, самого краткого, не напишешь. Просил я Герье справиться в Госуд[арственный] Совете, когда прошли там 30 000 руб. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
30 ноября
1908

Поздравляю Вас с блистательным выбором в гласные Московской Думы. Вот что значит Музей и Дом Мерилиза в Вашей репутации! Вы прошли в числе самых первых граждан Москвы, выше массы других, известных и полезных, деятелей. Мне было очень приятно, как счетчику, раньше других узнать о таком блестящем результате Вашей баллотировки. Сейчас отписываю об этой виктории Вашей Юрию Степановичу, посылаю ему и вырезку о выборах из «Голоса Москвы», чтобы он видел Ваш положительный триумф.

Вчера получил письмо от ген[ерала] Степанова с приглашением от Великой Княгини Елизаветы Федоровны на завтрак, 2-го декабря, во вторник. Так как имена Ваше и мое ассоциируются у Великой Княгини вместе, в связи с Музеем, то не получили ли такое же приглашение и Вы? Тогда, если можно,

123. Зал Микеланджело. Фрагмент экспозиции

поездку в Петербург отложите до вечера Вторника. Я никогда на таких завтраках не бывал, а Вы давно уже стали царедворцем. Вместе с Вами мне надежнее, а то я буду чувствовать себя, словно ходя по неокрепшему льду, в постоянном опасении провалиться. Вы же меня толканьем под столом в колено удержите вовремя от преступлений придворного этикета. От смущения или завопишь фистулой, режущей слух, или будешь молчать, словно пень. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
21 декабря
1908

Наша общая приятельница Подгорецкая обладает добрым сердцем. Вчера она мне телефонировала мысль открыть подписку в Комитете Музея в пользу пострадавших от землетрясения в Италии и просила поставить ее лепту в 2000 фр. на это дело.

<...> Она просила меня съездить к Ю[рию] С[тепанови]чу и передать ему эту мысль. <...> Начиненный этими телефонными указаниями <...> я поехал в Славянский Базар и попал там на кофей и большие пирожки с яблоками. Мою пропозицию Ю[рий] С[тепанович] выслушал и, как все придуманное на стороне, содержание оной не одобрил. Будучи старше А[нны] Гр[игорьев]ны и зная людскую породу

близко, он меня заверил, что из такого обращения к Комитету, давно ничем материальным нашему делу не служащему, ничего не выйдет. <... >

Разговор он круто повернул к Вашей смете на окончание Музея и с особой силой попросил меня передать Вам его желание, чтобы Нивинский и Вы обмеряли потолки, подлежащие росписи, и установили новую расценку этого дела. <... > Пусть бы Нивинский поставил пару рабочих в Египетский зал и поскорее определил ценность этого потолка. Сам бы он расчертил Крылатое Солнце с Уреусом на нижней стороне балок.

И. В. Цветаев —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву
Москва
[декабрь]
1908

<... > Прислали приглашение на Международный археологический съезд в Каире <... > Хочется мне перед смертью побывать в стране пирамид³⁷

37
Регулярная переписка Цветаева, касающаяся дел Музея изящных искусств, неожиданно была прервана на некоторое время чрезвычайными событиями, происшедшими в Румянцевском музее. Вот как о них сообщал Иван Владимирович*. Из опыта самозащиты И. Цветаева, директора Московского публичного и Румянцевского музеев, заслуженного профессора Московского университета <... > в январе 1909 года постигло Музей несчастье в виде кражи гравюрных листов из Отделения Изыщных Искусств,

* Спорные вопросы. Опыт самозащиты И. Цветаева, Москва — Дрезден, 1910, с. 5—6, XI—XII (на правах рукописи).

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Санкт-Петербург
21 февраля
1909

произведенной одним из наиболее старательных и частых посетителей Музея. Член известной в Москве купеческой семьи, унаследовавший от отца не одну сотню тысяч рублей, свой человек в лучших семьях коммерческого и аристократического мира Москвы, быв[ший] владелец картин, книг и гравюр, человек образованный, — он [Кознов] овладел доверием хранителя Отделения [Щурова] и совершил воровство в Музее. Директор сего учреждения, судьбою вынужденный писать настоящие, грустные для него страницы, имел счастье немедленно по обнаружении кражи, в один день открыть похитителя и большое количество украденного [всего было похищено 350 листов гравюр разных школ] и немедленно заявил о том городским властям и Министру Народного Просвещения [А. Н. Шварцу], которому он

почитал своим долгом доносить телеграммами о дальнейшем течении дела розыска похищенного. И так как Директором наибольшая часть украденного была найдена и в Музей возвращена, то, казалось бы, для Министерства Народного Просвещения наступила пора спокойного, авторитетного и осмотрительного расследования дела <... > мною было *вслед* за обнаружением кражи *создано экстренное заседание всех членов Совета* <... >. На этом совещании признано было поведение хранителя в отношении более близких к нему посетителей невозможным и на будущее время *недопустимым*. Щуров на другой же день спрашивал меня, как Совет отнесся к нему, и с того же момента он счел свою дальнейшую службу в Музее и всякую государственную службу навсегда оконченной <... >

Юрий Степанович ныне должен быть в Москве. Он здесь мне высказал желание выяснить долг Листу и то, кто же теперь будет оканчивать дело мраморов. Я сообщил ему, что Вами уже приняты меры и что от имени сына покойного Георгия Адольфовича будет вести работы по настилке пола в Большом зале Раттенек.

<... > Египтолог Голенищев указал мне только что вышедшее английское издание одной могилы с потолком в красках из *Коршунов*, олицетворяющих солнце. Это будет эффектно и верно. Их посадим на балки, а между ними площади усеём только звездами, знаками зодиака, но не картинами бытового характера, к потолку («небу») не идущими.

P.S. В Думе одни указывают срок рассмотрения штата — после Пасхи, другие — неопределенный. В приобретении Египетского музея не сомневаются, но дело не двигают. Прошу, пишу, хожу.

А.Н.Шварц —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
23 марта
1909

Вследствие письма от 16 сего марта имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что по получении мною отчета князя Чегодаева по произведенной им ревизии Московского Публичного и Румянцевского Музеев Вам будут сообщены составленные им заключения о состоянии Музеев для представления соответствующих объяснений.

А.Н.Шварц —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
27 марта
1909

Что́ я скажу, это Вы узнаете тогда, когда я получу отчет о ревизии кн. Чегодаева и когда я официально пришлю Вам пункты обвинения, признаваемые мною заслуживающими внимания и объяснения. Их Вам и нужно будет опровергать с фактами в руках³⁸.

38
Кроме того, аналогичное письмо с обещанием выслать копию с отчета кн. Чегодаева, «когда признаю нужным», Шварц отправил Цветаеву в Москву 12 апреля. В это время Иван

Владимирович с разрешения все того же министра просвещения находился в Египте (с 20 марта по 20 мая), принимая участие (в качестве депутата Московского университета) в работе II Международного конгресса

классической археологии. В составе группы русских ученых были также Д.Н.Анучин, В.К.Мальмберг, Б.А.Тураев, Б.В.Фармаковский и другие.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Каир
12 апреля
1909

Только что воротился с той стороны Нила, из царских гробниц. Наблюдал, между прочим, потолки. Звезды в 5 лучей там *особенные*. Они где желтые, где такие же, но с красным ядром в середине, а где совсем красные. Привет всем вам.

P.S. Зная, как Вы любите царские гробницы, вспоминал Вас. Кавалькада на ослах была 80 человек.

И.В.Цветаев —
Н.И.Романову
Афины
24 апреля
1909

<...> [На конгрессе в Каире] больших египтологов ни из Англии, ни из Германии не было. <...> И прекрасно они сделали, потому что это дало возможность блистать и ученостью и французским красноречием знаменитым русским ученым: Успенскому, Тураеву, Фармаковскому, Штерну, а за многогрешного, как посланца Москвы, заставили было говорить даже в первый день по открытии конгресса в Каире, и весь Египет, говорят, облекся в траур, когда по нему пронеслась весть, что я на конгресс не прибыл. Но зато на другой же день чуть не разломали здание съезда, когда узнало народонаселение Каира о моем появлении под египетским небом. Масперо, чтобы успокоить арабские толпы и удовлетворить любопытство делегатов всего мира, назначил мою конференцию через $\frac{1}{4}$ часа по моем приходе. <...> Пригодились мне тут демосфеновские приемы произнесения речи

124. В.С.Голенищев

под плеск морских волн, которым я предавался на досуге в каюте парохода, сидя у люка на койке. Речь я таким образом приладил к своей неповоротливой, владимирской семинаристской лингве — и дело сошло с таким триумфом, что чуть не лопнули окна и не провалился потолок зала от рукоплесканий. На триумфатора потом весь Каир, а после и пирамиды, и весь Верхний Египет до Нубии и Судана, умильно смотрели и указывали пальцами, не бывши на этом чтении. <...> Упоенный славой и насыщенный впечатлениями путешествия по Нилу, я отплыл из Александрии в Грецию. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Афины
6 мая
1909

Из разных стран и мест Востока я послал Вам cartes postales, напоминая о себе и Вас вспоминая.
<...>

Как идут работы в Музее? Вчера королева, беседовавшая со мною около часа, спрашивала о своем зале, о ходе работ и о времени открытия Музея. Я указал на возможность последнего будущим летом. Верите ли Вы в это? <...>

Я не имею никаких известий ни на счет того, утверждён ли Государем штат нашего Музея и прошёл ли через Думу и Государственный Совет вопрос о покупке и о направлении к нам Голенищевского собрания.

Кстати, нам коренным образом надо перефасонить потолок и отделку Египетского зала. <...>
С кн. Щербатовым в Эдфу мы нашли форму зала, как нельзя лучше подходящую к нашим размерам. <...>

В.С.Голенищев —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
2 июня
1909

Радуюсь Вашему благополучному возвращению в Москву и спешу поделиться с Вами известием о том, что дело о приобретении в казну моей коллекции в данный момент может считаться решенным, так как оно прошло Госуд[арственную] Думу и Госуд[арственный] Совет и утверждено Его Величеством. Остается мне ее передать Министерству

Народ[ного] Просвещения, но вот тут-то, как оказывается, начинаются неожиданные для меня затруднения. Вот уже три недели, что я поневоле охраняю не принадлежащие мне более вещи и все не могу добиться, чтоб их у меня взяли. <...> Я узнал от И.И.Дмитриевского, что Министр Народного Просвещения [А.Н.Шварц], изменив свой первоначальный взгляд на дело, решил испросить Государя Императора о том, куда направить вещи. Я очень был удивлен этой переменной <...> мне кажется, что Министерство Нар[одного] Просв[ещения] не желает возиться с приемом моего музея и радо бы свалить с себя эту задачу на кого-либо другого, хотя бы на

Министерство Двора, предложив мою коллекцию снова для Эрмитажа. Но мне известно, что Министерство Двора, отказавшее мне уже два раза в принятии моих вещей, когда я об этом хлопотал, и теперь не желает принять их, а потому нахожу, что Министр Нар[одного] Просв[ещения] совершенно напрасно снова желает утруждать Его Величество своим запросом. Как говорилось в Госуд[арственной] Думе, единственным подходящим местом для коллекций является Музей Изящных Искусств в Москве, и с этим я теперь вполне согласен. Вчера, когда я представлялся Министру Нар[одного] Просв[ещения], я высказал свой взгляд на этот вопрос <...>. Он обещал мне в ближайшем будущем поручить комиссии принять от меня вещи, но все же настаивал на том, что предложит на решение Государя Императора дальнейшее назначение моей коллекции. Я горячо ратовал за то, чтоб она попала к Вам в Москву и, памятуя, что Вы были согласны на уступку рукописей, я решился высказать ему мое мнение, что желательно было бы, чтоб египетские, и *исключительно только египетские* (гиероглифические, гиератические и демотические) рукописи, между которыми у меня имеется немало очень редких, были переданы в Имп. Эрмитаж, т. е. туда, где уже имеются две замечательных египетских рукописи, а чтоб все прочие рукописи (греческие, коптские, пехлевийские и т. д.) были переданы, как предполагалось раньше, в Академию Наук. По моему мнению, такое решение могло бы удовлетворить всех, и я уверен, что Вы, глубокоуважаемый Иван Владимирович, согласны со мной. Упомянул я между прочим Министру Нар[одного] Просв[ещения], что вопросом о том, чтоб моя коллекция попала в Москву, особенно интересуется Вел. Кн. Елизавета Федоровна и что, поэтому, сомнения быть не может, куда коллекция попадет. Поддержите же меня, глубокоуважаемый Иван Владимирович, со своей стороны и изложите, если возможно, кому следует, положение дела, и конечно немедленно, до предполагаемого доклада Министра Нар[одного] Пр[освещения]. Во всяком случае прошу очень Вас, не забудьте вопрос об египетских рукописях (конечно, парочку экземпляров «Книги мертвых» в рамках можно будет уступить Москве в качестве образцов египетской письменности) <...> Даже проф. Эрман, директор Берлинского египетского музея, меня с удивлением спрашивает, неужели мои египетские рукописи будут храниться отдельно от эрмитажных! <...>

Если Министр Нар[одного] Просв[ещения] исполнит то, что он мне вчера обещал, то вероятно он уже с будущей недели велит кому следует принять

125. Египетский зал. Общий вид

у меня коллекцию и, уложив ее в ящики, увезет ее от меня. Куда — не знаю. Быть может, до поры, до времени она полежит в ящиках в каком-либо безопасном от огня месте, может быть, в кладовых Эрмитажа <...>. Во всяком случае, если у меня скоро вещей не возьмут, мне придется поднять большой шум по этому поводу и, быть может, я буду принужден через посредство моего Министра (Мин[истерство] Двора) подать прошение на Высочайшее имя о том, что купленную у меня коллекцию никто не берет, чем мне наносится ущерб, так как я вследствие этого не могу продать моего дома. А вместе с тем все это так просто можно было бы уладить, если бы Министр поручил Вам, глубокоуважаемый Иван Владимирович, пожаловать сюда и взять в Москву ту часть моей коллекции, которая, так или иначе, а все же должна будет попасть к Вам!

И.В.Цветаев —
А.Н.Шварцу
Москва
4 июня
1909

Владимир Семенович Голенищев, письмом от 2 числа текущего месяца, сообщил мне слух о желании Вашего Высокопревосходительства передать приобретенную у него коллекцию египетских и восточных

126. Египетский зал. Фрагмент экспозиции

древностей не в Музей изящных искусств <...> при Московском университете, а в какое-либо другое учреждение, напр., Императорский Эрмитаж.

Это сообщение прежнего собственника собрания до такой степени расходится со всем сделанным Вами для направления этой коллекции в Москву, что означенный слух мне представляется невероятным; тем не менее члены Комитета Музея, пораженные этим известием, уполномочили меня почтительнейше просить Ваше Высокопревосходительство, если на то нет особенных причин, не изменять прежнего Вашего намерения, после того, как решение Государственной Думы, подготовленное и нашим личным ходатайством в думских кругах, уже сделалось известным чрез посредство печати на всю Россию, когда с разных концов и от лиц разных общественных положений Музей получает поздравления с этим необыкновенной научной ценности государственным даром, который, по словам наших доброжелателей, кладет такое же блестящее начало Музею Императора Александра III в Москве, какое в 60-х годах прошлого века положено

было для Московского Публичного Музея картиною Иванова «Явление Спасителя народу» и Прянишниковской галереей русской живописи <... >

Ввиду решения Государственной Думы и прежних Ваших шагов, сделанных в данном вопросе в пользу Музея, приступлено, по распоряжению руководителя нашего Комитета обер-гофмейстера Ю.С.Нечаева-Мальцева, уже и к приспособлению

127. Портрет пожилого мужчины. Фаюм. Из собрания В.С.Голенищева

помещения для Голенищевской коллекции. <... >
Прежде Вами высказана была мысль о нежелательности дробления Голенищевского собрания. Но раз Императорский Эрмитаж и Императорская Академия Наук серьезно интересуются наиболее ценными для них предметами этой коллекции и прежний собствен-

ник не стоит за неделимость его собрания, то Музей Изыщных искусств был бы счастлив принять весь остальной состав Голенищевской коллекции. < ... >

В. С. Голенищев —
И. В. Цветаеву
Санкт-
Петербург
9 июня
1909

Получив в субботу вечером от Министерства Нар[одного] Просв[ещения] экстренное приглашение на понедельник, я вчера снова являлся к Министру Нар[одного] Просв[ещения], который на этот раз меня принял так сказать в штыхи. С первых слов он стал меня упрекать за то, что я Вам сообщил, будто он в нерешимости, передать ли музей в Москву или нет.

< ... > Конечно я спокойно и даже с радостью выслушал эту нахлобучку, потому что сразу понял, что наше дело выиграно и что он сердится именно вследствие своевременно принятых Вами мер против каких-то лелеянных им планов. < ... > Ясно было, что вчера Министр так или иначе хотел выйти из неловкого положения, хотя бы пришлось сбросить во всем вину на меня! Ничего не оставалось, как признать, что весь этот инцидент произошел вследствие какого-то недоразумения (?!) < ... > В конце концов узнал от Министра, что он после доклада у Государя Императора (вероятно, в конце этой недели), немедленно пригласит Вас с Вашим помощником для получения вещей. Очевидно меры, своевременно принятые Вами, не остались без воздействия на него! Но чего Министр сердится на меня, коль во всем сам виноват!

Также только вчера мне удалось сдать самому Министру мою опись, так как сколько раз я ее ни предлагал в прошлом и в этом году как Министерству Нар[одного] Пр[освещения], так и Думе (в лице думской комиссии, посетившей мою коллекцию, так и докладчика — проф. Капустина), ее от меня, почему уж не знаю, никто принять не желал! < ... > Да, странные порядки, вводимые и терпимые теми, кто строже других и в пример другим должны бы были соблюдать законность во всех ее проявлениях! Ну, Бог даст, все кончится благополучно и вскоре я буду иметь удовольствие повидать Вас в Петербурге.

В. С. Голенищев —
И. В. Цветаеву
Санкт-
Петербург
20 июня
1909

Жду каждый день известий от Вас. Министерство послало запрос Университету прислать представителя для приема вещей. Здесь все готово к передаче³⁹.

А. Н. Шварцу. «Не запросив после ревизии кн. Чегодаева кн. Татарского от меня никаких объяснений, ваше превосходительство, 18 июня < ... > после длинного перечня моих «проступков» предложили мне подать прошение об отставке от должности Директора Московского Публичного и Румянцевс-

кого музеев, не позднее *трех* дней. Ознакомившись с содержанием этого обвинительного акта < ... > я, к изумлению моему, нашел, что *наибольшая часть фактов* моей административной деятельности, ставимых мне *в тяжкую вину*, является *плодом недоразумений* лица, составившего основу этого документа.

<...> я нашел себя вынужденным тогда же просить ваше высокопревосходительство телеграммой о сообщении мне

копия с доклада кв. Чегодаева кн. Татарского для предоставления объяснений <...>. Результатом этой моей депеши было изве-

щение от 26 июня <...> о предании меня уголовному суду в Правительствующем Сенате <...> «за нерадение по службе».

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Таруса
20 июня
1909

Нам надо *усилить* окраску стен, чтобы можно было приступить к расстановке предметов. Но как это сделать? Нивинский не будет в состоянии увеличить число рабочих без повышения месячной ему платы, по крайней мере, вдвое. А как, где найти эти 400 руб.? На Ю[рия] С[тепанови]ча надежда тщетна; он в нашем деле стал беспомощен. Поговоримте *еще* раз с ним об увеличении отпуска на *этот год* <...>

В субботу, т. е. сегодня, Мин[ист]р н[ародного] пр[освещения] подносит Государю доклад о передаче Голенищевского собрания *к нам*. Какой-то новый замысел Шварца насчет направления его в другое место не задался. <...>

Согласно Высочайшему повелению, вся коллекция идет к нам, без раздела ее между Академией Наук и Эрмитажем, как думали это насчет рукописей египетских, коптских, греческих. Материал коллекции более антикварный, чем художественный; он — отлично служит для познания религии и быта египтян, но не столько свидетельствует о состоянии скульптуры, архитектуры и бывшей у них в услужении росписи. Чтобы эта коллекция производила большое впечатление на публику, надо ее расположить просторнее теперешнего, когда витрины прямо переполнены мелкими предметами. М[инистерст]во хочет, чтобы увезены были в Москву только витрины, а ящики с предметами оставлены на хранение в кладовых Эрмитажа. Но Ю[рий] С[тепанови]ч решительно противится этому, опасаясь, как бы Эрмитаж не оттягал это собрание, которое теперь ему стало очень по душе. <...>

P.S. Ю[рий] С[тепанови]ч выезжает завтра на все лето в Москву, Владимир, Рязанское имение. Вчера он был в грустном настроении, говорил о смерти. На глазах слезы.

Б.А.Тураев —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
24 июня
1909

Вчера я был вызван в Министерство и неожиданно представлен Шварцу, который сказал, что назначит меня в комиссию по приемке коллекции В.С.Голенищева. Другими членами комиссии будут Дмитриевский и, вероятно, Вы. Нам с В.С.[Голенищевым] было бы крайне желательно, чтобы были именно Вы. Мы не имеем о Вас никаких сведений. Не слышали ли Вы о московском члене этой комиссии? От него зависит открытие ее деятельности. <...> Самая приемка не задержит, но неизвестно, когда она

40
Первоначально в комиссию по приемке коллекции Голенищева входили от министерства народного просвещения И.И.Дмитриевский, от Петербургского университета профессор Б.А.Тураев, от Музея изящных искусств профессор И.В.Цветаев.

начнется и в сколько времени мы выполним это интересное и почетное поручение⁴⁰.

Я только на днях вернулся с экскурсии по верхней Волге (от Калязина до Костромы). Интересно было после Нила пробираться по Волге — совсем другой мир, также весьма любопытный, особенно для меня, не бывшего в Ростовской области. <... >

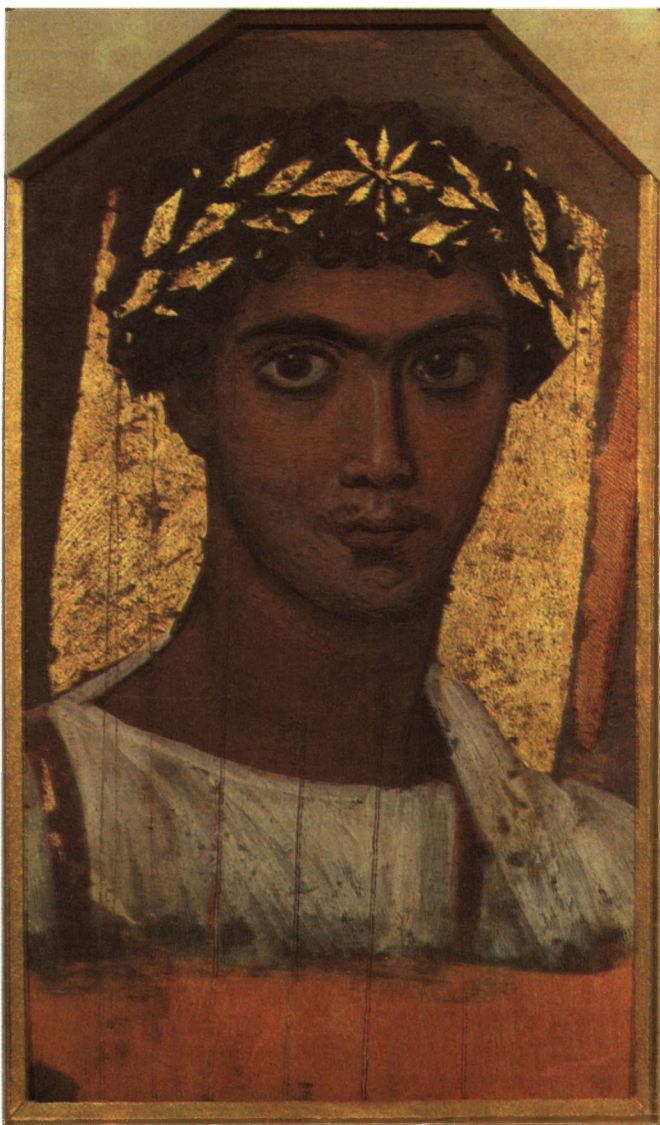
128. Погребальная пелена. Из собрания В.С.Голенищева

В.С.Голенищев —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
27 июня
1909

Видел сегодня Дмитриевского, убедил его, что Ваше присутствие безусловно необходимо. Бумага им оказывается еще не послана в Московский университет <... > прошу Вас очень не отказать в Вашем содействии и быстром приезде.

129. Юноша в золотом венке. Фаюм. Из собрания В.С.Голенищева

И.В.Цветаев —
Б.А.Тураеву
Москва
27 июня
1909

Не знаю, с Петра ли Великого или много раньше началась в России страсть к канцелярской волоките; но она живет все *crescendo*, не зная ни стыда ни совести. Чиновники имеют дело не со смыслом, не с пониманием обстоятельств дела, а лишь с очищением «бумаг». И если только нет специального указания начальника, чинуша не двинет пером и одной палочки, хотя пропадай человек и даже Россия.

Чего было бы проще, чтобы успокоить, наконец, измучившегося В.С.Голенищева, Шварцу отдать приказ телеграммой вызвать меня для приема? А вместо того началось департаментское бумагомарание: когда-то написали Попечителю Моск[овского] Учеб[ного] округа, отсюда пошла бумага в Университетское Правление, которое собирается раз в неделю. Правление постановило послать меня в ПТБург, причем надумались, что я, должно быть, в Тарусе, обычном местопребывании летом, и хотели послать бумажку в Калуж[скую] губ[ернию].

Лишь из депеши Владимира Семеновича [Голенищева] я узнал, что вопрос о направлении коллекции к нам решен и что он ждет меня со дня на день. В тот же день Попечитель округа, случайно встретившийся со мной, сообщил мне, что бумага об этом им отправлена в Университет. <...> Но завтра — воскресенье, в понедельник — Петров день, когда никакой упаковщик и Дмитриевский работать не станут. <...> Верите, что придется выехать 29 и 30 начать с 11—12 часов работу <...>⁴¹

41
Архив ГЭ, ф.10, оп.1, ед.хр. 350.

Г.К.Ульянов —
Попечителю
Московского
учебного округа
Санкт-
Петербург
7 июля
1909

Прошу разъяснить, командирован ли Цветаев университетом или поехал в Петербург самостоятельно⁴².

42
ЦГИА, ф.733, оп.145, ед.хр. 204,
л.113.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Санкт-
Петербург
7 июля
1909

Другую неделю я занят с Назаревским приемом и укладкой Голенищевской коллекции, которая оказалась на 2000 №№ больше списка, составленного к моменту продажи. Весь материал каталогизирован и включен в прекрасные, под черное дерево, витрины с зеркальными стеклами.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Санкт-
Петербург
17 июля
1909

Юрист-консультант Мин-ва нар. просвещения, видевший наш Музей, высказался по вопросу о месте хранения Голенищевского собрания за направление его в Эрмитаж, ввиду того, что наше здание не имеет ворот по заднему фасаду и ни одних оконченных

43

Из Отчета И.В.Цветаева по
приему собрания В.С.Голенищевой*
<...> В течение 11 дней работы
мы [члены приемной комиссии]
установили, что коллекция
заключает в себе <...> до 6000
предметов всякого рода. Из них
4000 были уложены в ящики,
обязаны и опечатаны мини-
стерской печатью. <...> Всякой
вещи, даже самой мелкой,
производился учеными, рабо-
тавшими здесь, строгий учет и
велась всему аккуратная запись.
Работа отлично спешегося,
дружественного между собой
ученого общества, под специаль-
ным руководством хозяина,
собственноручно упаковывав-
шего и укладывавшего с нами
особо хрупкие или наиболее
древние и delicate по составу
вещи <...> обещала быть
приведенной к благополучному
концу.

Но тут произошло для нас нечто
неожиданное <...> Управл
[яющий] м[инистерств]ом
Ульянов, до сих пор сносившийся
с нами через чиновника
мин[истерств]а Дмитревского
и дававший нам указания,
которые мы исполняли немедлен-
но, нашел, что им не был
назначен председатель комиссии
и что, следовательно, не было
доселе и самой комиссии.
Назначив председателя — члена
Со[вета] М[инист]ра

* Цветаев И.В. Спорные
вопросы, с. VIII-IX; а также архив
ГМИИ, ф.2, оп.1, ед.хр.318, л.22.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Санкт-
Петербург
25 июля
1909

прочных дверей. Формы прочных ограждений ни
снаружи ни внутри он не встретил. Здание-де открыто
всякому целый день, особенно сзади. <...>

Работа приема стала при. кн. Чегодаеве
чрезвычайно скучной, проверка бесцельной, все №№
в полной точности. Спросите об этом Ю[рия]
С[тепанови]ча. Бывают на свете сюрпризы. Что
делать⁴³!

Нар[одного] Просв[ещения]
кн.Чегодаева, он прислал к нам
инструкцию, в коей значилось,
чтобы мы все собрание приняли
поштучно, и прибывший к нам
председатель отдал приказ
вскрыть все наши 55 больших
ящиков и вынуть оттуда все
предметы. Можно было не
подвергать уже уложенное
и запаканное новому испыта-
нию и тем менее порче <...> мы
просили об этом кн.Чегодаева;
но трудно выносимый своею
нервностью по утрам, нам
председатель обидчиво отвечал:
«Нет, я службу знаю...» После
того продолжали колотить по
ящикам, распаковывать так
тщательно и любовно также
и самым Голенищевым уложен-
ное добро <...>. Напрасно
в этом хаосе, водворившемся
в Музее Голенищевой с прибы-
тием кн.Чегодаева, я обращал
внимание г.председателя также
и на большой экономический
убыток для Музея Изыщных
Искусств <...> за счет которого
производилась эта ненужная
работа распиливания больших
и крепких ящиков на мелкие

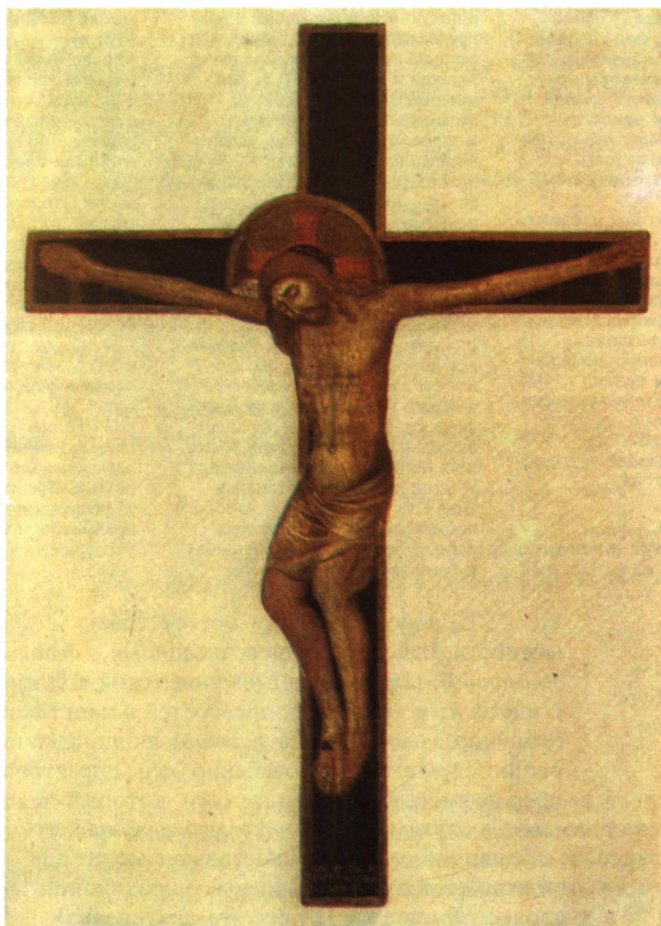
<...> но кн.Чегодаев кн.Татарс-
кий на это тоном, возражений
и сомнений не допускающим,
ответствовал: «<...> Министр
может распорядиться и деньгами
Музея».

Горько было смотреть, как
у массы предметов при этом
отпадали постаменты, как
с деревянных вещей, покрытых
гипсом и по гипсу раскрашенных,
отлетали пленки живописи, как
сломалась голова Озириса из
эпохи Птолемеев, как падали
мелкие предметы в упаковочный
материал: вату, стружки, бумагу,
веревки, и как потом вся
комиссия должна была на полу
их разыскивать. Владелец
коллекции ст[арший] сов[етник]
Голенищев отправился было
искать защиты в Совете
м[инист]ров, но председателя
оного П.А.Столыпина
в С.П[етербур]ге не было, и при
летнем петербургском безлюдии
нам поневоле пришлось поко-
ряться. Председатель кн.Чегода-
ев решил произвести приемку
предметов лично сам и потому
распоряжался всем уже единоли-
чно.

Прощу Вас, ввиду обстоятельство *особой*
важности, отнестись к нижеписанному *с особливym*
вниманием. Назначение Голенищевской коллекции
египетских и восточных древностей в наш Музей
огорчило, говорят здесь *знающие* люди, админист-
рацию Эрмитажа и особенно его директора
обер-гофмейстера Всевожского, который-де *теперь*,
во внимание к слухам *о неподготовленности* нашего
здания, с большою охотой предоставляет место для
всей этой огромной кладки в запасных залах, библиотеке
и кладовых Эрмитажа. И пока эта драгоценная
кладка будет лежать в соседстве Зимнего Дворца, так
полагают люди, к нам расположенные, станет
распространяться и поддерживаться молва «об
охлаждении Ю[рия] С[тепанови]ча к нашему Музею»
и *о падении* его денежных средств — мне Юрист-
консультант Мин-ва говорил, что нужно для окончания
Музея будто бы 600 000 руб.; ту же цифру мне назвал

и Вел. Кн. Николай Михайлович. — Эти слухи проникнут в ближайшее окружение Государя вместе с сегованием, что коллекция Голенищева *портится* от лежания в ящиках — и как знать, что не последует ходатайства о выставке предметов в Эрмитаже, хотя бы временной? <...> Нам поэтому надо, во что бы то ни стало, *спешить* отделкой Египетского зала <...>

130. Распятие. Из собрания М.С.Щекина

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
8 августа
1909

Меня знаимает вопрос о решетке, ее форме и размере, т. е. высоте. <...> Плотно огороженный решеткой и зеленью, музейский участок получит печать законченности и большей монументальности. Я, к тому же, держусь того убеждения, что здание с закрытым от взоров низом будет возбуждать

большее любопытство в зрителе, чем все оголенное.
Это уже психологический закон.

Поговоримте и насчет формы, которая в представленной модели мне не нравится своей необычностью. <...> Сделаемте прекрасную греческо-римскую решетку, всем любезную своей классической давностью. <...> Пойдем вслед за великими стариками.

В.С.Голенищев —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
13 августа
1909

Прошу Вас принять самую искреннюю, самую сердечную мою благодарность за оба Ваши добрых письма, из которых я усматриваю, что, несмотря на все наши общие горести, Вы сохранили не одни только дурные воспоминания о Вашем последнем пребывании в Петербурге. И я также, часто мысленно переносясь к ближайшему прошлому, с приятностью вспоминаю те светлые моменты, которые мне удалось провести вместе с Вами и Вашим милым помощником — добрым и терпеливым Александром Владимировичем [Назаревским]! Та бодрость духа, которую, невзирая на все неприятности, Вы постоянно здесь проявляли в борьбе с Вашими преследователями, безусловно поддерживала и меня в моменты, когда поминутно и во всем проявлявшаяся подозрительность нашего крайне оригинального председателя [кн. Чегодаева] доводила меня, так сказать, до «белого каления»! Смотря на Вас я приободрялся и, благодаря Бога, до конца благополучно все выдержал. Ну теперь все это — дело прошлого! <...>

До моего отъезда за границу в конце Сентября собираюсь завернуть к Вам в Москву, чтобы ознакомиться, если позволите, с Вашим новым музеем.
<...>

В.С.Голенищев —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
21 сентября
1909

С грустью узнаю из Вашего доброго письма о тех мучениях и неприятностях, которыми Вас все еще без устали осыпает Министерство. Это прямо ужасно! Да неужели Вы не могли бы найти защиты у Думы, которая теперь вскоре соберется и которой легко бы было найти что-либо, чтоб укротить пыл Ваших неутомимых недоброжелателей? Они набрасываются на Вас и травят Вас так, что прямо кажется, будто желают отвлечь от самих себя внимание Думы, боясь, чтоб последняя не открыла каких-либо больших прорух у них! От души желаю Вам наконец напасть на их Ахиллесову пята и, поразив их как следует, поехать на некоторое время насладиться необходимыми для Вашего здоровья отдыхом. Что мои неприятности в сравнении с Вашими! — но я жду, не дождусь, после проведенного в треволнениях лета, когда мне удастся уехать отсюда куда-либо подальше! <...> Думаю

в конце месяца съездить в Висбаден, повидать матушку, после чего из-за разных дел снова должен буду вернуться в Петербург. А удастся ли мне потом, зимой, повидать солнце юга, и какого юга — Европейского ли, или Африканского — еще решительно не знаю. Во всяком случае здесь я прямо изнываю.
< ... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Таруса
29 сентября
1909

< ... > С Назаревским мы мечтаем и начинаем приводить мечты в исполнение по покупке более импозантных памятников искусства. Ваше желание о приобретении надгробного памятника XVI в. из Нанта будет исполнено (Франц[иск] II, лежащий на чудном ложе с 4 статуями добродетелей по углам и множеством ниш по всем сторонам этого монументального ложа); гипсовый слепок этого лучшего создания Французского Ренессанса, который мы поместим в зале XVI в. насупротив гробниц Медичисов Мик[ела]нджело, будет приобретен. Этот зал будет у нас весь из больших архитектурных (весь М[икела]нджело) образцов. < ... >

Озабочивал меня отказ бедного человека, живущего во дворце на Софийской набережной, Харитоненки, в данном обещании заплатить за группу Ниобы и Ниобид, которая должна была наполнить небольшой зал. В последнее время вызвалась сделать это старушка Е.П.Захарьина. Таким образом эта работа долой с плеч. Да и вообще, благодаря сбережениям по бюджету Музея в 1910 году, можно будет залечить все раны, принесенные пожаром, и представить к лету 1911 года залы Музея значительно представленными главнейшими памятниками.
< ... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
19 декабря
1909

С ночи вчерашнего дня пришли ко мне из Петербурга депеши с известиями о заключении Сената, заседавшего по моему вопросу 17 числа в полном составе I Департамента. Посылались вечером этого дня оттуда и письма с поздравлениями и радостью моей «нравственной победе» в этом деле. Прислал вчера поздравление и седобородый ныне Юрий Степанович из Славянского Базара. Я всему этому, особенно, когда известили меня, что Сенатское собрание *единогласно* признав неосновательность обвинений Шварца, постановило: «все дело ему возратить», всему этому я очень рад, дажи и при том безразличии, при том *бесчувствии*, которое охватило мою душу после столь злостной и столь продолжительной травли меня и административной и газетно-репортерской.

И памятью, как горячо, как искренно Вы

относились все это, так тяжело ложившееся мне на сердце, время, как сильно хотели помочь, поддержать меня и здесь, и в Петербурге, я нравственным долгом считаю теперь принести Вам мою глубочайшую признательность, Вам и всей Вашей милой семье. Я постоянно видел, как искренно были Вы уверены в том, что я, как-то совершенно неожиданно, сделался предметом злобы, клевет и всяческого преследования со стороны лиц невысокой нравственной пробы, начиная от голодного газетного репортера и до

44
Цветаев имеет в виду трех мелких служащих Румянцевского музея, «неисправных, ленивых и честолюбивых», которые во время неоднократных ревизий в связи с вышеупомянутой кражей гравюр посылали доносы и жалобы на директора, тем самым сводив с ним счеты. Иван Владимирович не раз отказывался удовлетворить их претензии и повесить им денежные оклады.

министра Шварца, дружелюбно протянувшего первому свою властную десницу... Вы ни на минуту не сомневались в отсутствии моих действительных вин, кроме недостатка мужества, чтобы вышвырнуть на улицу нравственных пошляков⁴⁴ из казенной квартиры Румянцевского музея. Этого мужества у меня, действительно, не было и нет. <...>

P.S. Юрий Степанович верно телеграфирует мне: «победа не победа, а добрый урок быть острее!!»

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну

Москва
21 декабря
1909

<...> В эти дни я получил столько заявлений сочувствия и слышал такую хорошую брань по адресу недалёковидного министра, которому Сенат задал такую «вселенскую смазь», что я должен считать себя совершенно удовлетворенным и воротить мой прежний, давно меня оставивший сон.

Сам себя уважающий министр, говорят мне, теперь должен был бы примерно наказать тех писак в своих департаментах, которые его подвели <...> и написать мне письмо с извинением в том, что он сам сделался жертвою недоразумения. Но у Шварца благородства настолько не хватит, он предпочтет утереться от данного ему Сенатом урока и будет нахально твердить, что он один тут прав во всем.

Ну, да Христос с ним. Важно тут только, что Министру воротили его жалобу, как незаслуживающую уважения. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну

Москва
27 декабря
1909

Полагая, что Вы уже возвратились в Москву, посылаю Вам и Вашим мой сердечный привет с Праздником и близящимся Новым годом. Дай Бог Вам всем всего, в чем каждый из Вас полагает наибольшую радость и наивысшее счастье. Дай Бог, чтобы жил наш общий пособник в деле, за которым, с 1897 года, и Вы успели потерять много прежде пышно вившихся, непокорных волос, а я и поседел и стал лыс, как колено.

Много, за эти 11—12 лет, передумано, перепробовано и пережито; много воды с тех пор утекло без возврата. <...>

Стужа в моем доме такая, что существовать мне внизу становится тяжело; лишь детям на антресолях тепло и уютно. Я же сижу в валенках выше колен и в осеннем пальто, и, околоченный, завидую царю Давиду, который — искусник — придумал в великой старости, особый способ несомненного согревания.

Но Давид был царь, а я нет.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
[январь]
1910

Графиня Уварова с семьей просят меня показать им Музей. Уезжая на неделю в Тарусу, я обещал им сделать это, по возвращении. Между прочим я *обещал* показать им и *все* наши равнинские мозаики. Деревянные рамы, говорили мне, уже в Музее. Сделайте, пожалуйста, распоряжение чтобы *вставили стекла* и вправили копии. <... > К такой госте, как графиня, так много выдавая, *надо* приготовиться. Ее отзыв прежде всего дойдет до великой княгини и до высших сфер. <... >

Подумайте насчет бюджета, о перенесении одной статьи хозяйственных расходов в другие. <... > Но золото надо исключить, где это допустимо...

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
11 февраля
1910

Меня берет *раздумье* насчет суммы, отпущенной вчера в Строительной Комиссии Нивинскому за окраску желез[ных] перекрытий Музея. И причина и цель этой фикции ясна; но все же, в случае неблагоприятном, это может получить нехорошую огласку. Вот что надо сейчас же сделать: всю эту сумму употребить на *мебель* <... >

На *золото* Нивинскому этих денег употреблять никак не след[ует]: этакой траты никак оправдать нельзя. Золотых плафонов казна в учебно-вспомогательном учреждении Университета никогда принять на себя не может. Другое дело — *мебель*. Это отстоять можно, в случае запросов.

Будемте с этими деньгами *особенно* осторожны <... > А то меня из-за постановления Стр[оительной] Комиссии, действовавшей под моим председательством, мучила ныне бессонница.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
18 февраля
1910

Перед Вашим отъездом на дальний Юг, желаю Вам счастливого пути и наилучших впечатлений во время отдыха среди поэтической обстановки света, тепла и зеленого ландшафта. Мне не довелось проникать по Ривьере далее Сан-Ремо, Ниццы и других чудных мест ее окружения я не видал, да едва ли уже и увижу. Чем ближе конец, тем труднее становится выезд; к тому же мои заграничные поездки никогда не имеют цели отдыха, это все — деловые, музейские

131. Зал древнегреческих надгробий (не сохранился)

путешествия, имеющие целью что-нибудь высмотреть и выудить для наших коллекций. А юго-запад Франции нам не дал пока ничего. Зато южные департаменты ее хранят чудесные остатки римской архитектуры, которые очень хотелось бы посмотреть.

Поедете ли Вы назад через Париж, а если так, то на обратном пути остановитесь от одного прямого поезда до другого в Брюсселе и побывайте там в *Музее гипсовых слепков*. Только в нем да Южно-Кенсингтонском музее в Лондоне есть кафедра Николо Пизано с чудесными барельефами Рождества Христова, Поклонения Пастырей и т. д. <...> Надо бы посмотреть, хорош ли слепок, с которого они делают формы и новые отливки. Если хорош, то зажмуривши глаза, как я это делал раньше с большими заказами, вроде угла Парфенона и других вещей Греческого дворика, надо будет сделать этот заказ. Такой редкой красоты и значения памятник будет действовать на серьезных посетителей более сильно, чем десяток других предметов.

Пока мы не определили в Музей чинуш, лезущих к нам из-за квартир и «жалования», пока возможно чиновничьи деньги употреблять на приоб-

ретения предметов, станем покупать вещи первосортные и дорогие. «Авось и как-нибудь» нас с Вами вывозили не раз, они такие добрые: вывезут и в эти 1¹/₂-2 года. < ... >

В. С. Голенищев —
И. В. Цветаеву
Санкт-Петербург
3 июля
1910

Я только что вернулся из Ниццы, где пробыл безвыездно 6 месяцев, и лишь теперь, по моем возвращении, узнал о том, что еще в марте месяце я, по доброму Вашему представлению, был принят в число членов Комитета. < ... > Сердечно Вас благодарю за Вашу доброту и за это столь лестное для меня избрание, и вместе с тем страшно извиняюсь перед Вами, что, по совершенно независимым от меня причинам, я так запоздал выразить Вам всю мою глубокую признательность. < ... >

С грустью вычитал из газет о том, как снова бессовестно, гнусно поступили с Вами после того, как неправое дело, начатое против Вас, потерпело полное фиаско в Сенате. Не на счастье будет это Вашему непримиримому врагу. Все мы, Ваши друзья (а их много, очень много!), глубоко возмущены подобным бесцеремонным отношением к ученому, вся жизнь которого беззаветно была посвящена чистой науке и всему тому, что могло послужить на ее пользу. Но: «Riga bien, qui gira le dernier»*, и я уверен, что в самом непродолжительном времени Вы увидите падение с высоты величия того, кто созидал Ваше несчастье < ... > Одно лишь, берегите Ваше здоровье, Ваши силы на дальнейшую пользу родине и родной науке!

У кого нет неприятностей в сей жизни?! Вот и у меня (comparaison n'est pas raison)** снова кое-что накопилось (в семейных делах), и я решаюсь на более или менее продолжительное время покинуть здешние места. Поселюсь совсем в милой Ницце среди моих книг и занятий, и буду лишь летом наезжать в Петербург. Если, ввиду того, что я служу в Эрмитаже сверх штата, меня пожелают сохранить хотя бы на летние месяцы, то хорошо, если же не захотят — то подам в отставку. Некоторые из моих вещей и все книги пересылаю в Ниццу, а остальные пожитки осенью распродам. Не могу больше переносить здешней зимней духоты и мрака: как побывал снова на южном солнышке, так и манит меня туда! В этом году в Египте не был, но будущей зимой вероятно туда попаду. < ... >

* «хорошо смеется тот, кто смеется последним» (франц.).

** «сравнение не есть доказательство» (франц.).

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
5 июля
1910

Целую Вас на прощанье. Уезжаю ныне.
Петербург — Киль — Гамбург — Берлин — Маг-
дебург — Дрезден — Вена — Будапешт. Наберусь
разума музейского

Я Шварцем внутренне выбит из колеи. Завтра
в Сенате, в 1 час, мне выдадут копии Рапорта Шварца
обо мне. Отвечать я буду осенью <... > Милостив Бог.
Кланяйтесь Юрию Степановичу.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Дрезден
18 августа
1910

Как у нас до всего надо доходить самому, не
имея у себя дома надлежащих образцов, руководи-
телей с авторитетом и проделанного другими опыта!
А самому до всего доходить своим опытом никому
никак не следует, ввиду сложности задачи и ответствен-
ности перед критикой разума, опыта, науки, которой
если нет или недостаточно ее теперь, то она
неприменно придет со временем. Эта критика
последующего времени называется критикой истории,
самой строгой и справедливой, которая считается не
с лицами, которые давно умерли, а с делом рук, ума
и знания тех, давно умерших людей.

Эти мысли мне засели в голову и эти чувства
залегли мне в сердце, при ознакомлении с музеями,
которые изучаешь теперь, когда сам много лет провел
в музейской работе, когда знаешь более, чем 12—13 лет
тому назад, когда было более мечты, упрямой
надежды, каких-то чаяний, чем конкретного знания.
Тогда я не различал времени, которому принадлежат
виденные и изучавшиеся музеи. Казалось красивым —
и довольно. Иное дело теперь; старость что ли пришла
с ее строгими требованиями, с ее болезненно историчес-
кого осуждения, — не знаю; но несомненно, что сейчас
в Европе, у людей неоспоримого авторитета и мировой
научной славы, представление о том, что *ныне*, а не
бывало у царей в их дворцах, должны быть по
внешности Музеи искусств совершенно иные, чем то
было в XVIII и XIX столетиях. Два антипода в этом
отношении, музей XIX ст. — в Вене и Kaiser
Friedrichs-Museum в Берлине. Оба — государственные
музеи, на которые отпускались деньги из казны
щедрую рукою, как на дело национальной славы
и гордости. И какое поразительное различие принци-
пов, положенных в эти большие и славные сооружения!
В Вене устроили ослепительно пышный дворец для
предметов искусства, а в Берлине авторитет без
вопроса и сомнения, Вильгельм Бодэ, создал ис-
торическое помещение для картин и скульптур,
исключив роскошь, несвойственную эпохам, в которые
те художники жили и работали. <... > И солидно,
и просто, и уютно, и не так дорого там, где можно
было дуб заменить умелой раскраской стука. И так он

132. Панно А.Я.Головина в зале древнегреческих надгробий

сделал даже в особо больших, как бы приемных залах.
<... >

Иное дело в XVI в. — папские дворцы и дворцы римских магнатов, из семей которых выходили и самые папы и кардиналы. Там — ослепительная роскошь дворцовых помещений и необозримое море необузданной орнаментации потолков и карнизов, с золотом и яркими красками, и без золота и серебра. Там был уже спор дворцового убранства одной знатной патрицианской фамилии перед другой. И какие же художники служили им!

Нам не угоняться за этими зданиями и этими людьми. Да и нецелесообразна была бы эта погоня.
<... > Ныне требуют, чтобы памятники искусств, вносимые в музей, определяли и убранство, обстановку их помещения, чтобы здесь было строгое родство и соответствие. <... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
[Дрезден]
20 августа
1910

<... > Я вот заказал в Берлине и надгробный памятник «Кардинала Португальского» раб[оты] Росселино, большой и эффектный. Если он не уместится в з[але] XV в., перенесем его в з[ал] XVI. <... > Пусть

там будет у нас *дивное кладбище* с великолепными памятниками Микеланджело и Colombe'a. <... >

нв. Да, Голенищев сказывал мне, чтобы мы брали его собрание из Эрмитажа *скорее*, т. к. предметы от стружек (сырых) там портятся. Он просит спешить с отделкой Египетского зала. *Туда* и направьте Нивинского, как освободятся его мастера, раньше всего.

P.S. Голенищев просит не окрашивать Египетского зала в *красный* цвет, а в желтый или светло-кофейный, темно-светло-серый; зеленоватые цвета для Египта тоже *не* идут.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Дрезден
1 сентября
(н.ст.)
1910

Если можно, я намерен тут, т. е. за границей, остаться до Нового Года, так как все новые и новые материалы, усвоение которых будет украшением нашего Музея. Теперь я занят *немецкими деревянными скульптурами*, или остающимися с натуральным цветом ореха, или раскрашенными в разные цвета. Выясняется необходимость съездить для этого в Вюрцбург и в Шлейзвиг. <... >

Не дает мне спать и знаменитый своей ажурной резьбой деревянный Chorstuhl собора в Ульме. Это, кроме того, такая громада по высоте (9 с чем-то метров), что его не берет в полном объеме и фотография в соборе; нет его и ни в одном музее Европы. Но для славы себе его отформовал (бывало это везде дозволялось легко; не то — ныне, как в Италии, так и повсюду) Rotermundt в Нюрнберге. Хочется мне приобрести частичку, *вырез* из этого памятника, окрашенный под дерево — с искусством, свойственным этому мастеру (это он окрасил под бронзу Sebald-Grab нашего Христианского дворика). <... >

Трей советует *остановиться с раскраской потолков*, он, с проведением электричества в Albertinum вынужден замазывать роспись Preller'a, т. к. электричество портит всякую роспись. Где электричество, где свойство памятников, требует от нас потолков — без живописи и росписи. <... >

А.В.Назаревский —
И.В.Цветаеву
Москва
13 сентября
1910

Вы спрашиваете меня, в каком положении находятся работы по окраске Египетского зала. К сожалению <... > это дело в Музее шло некоторое время очень медленным темпом. Роман Иванович обещал поторопить Нивинского, когда я передал ему Ваше сообщение об справедливых опасениях В.С.Голенищева. <... >⁴⁵

45
Письмо направлено в Саксонскую Швейцарию, где в то время находился Иван Владимирович

после выхода из клиники. Там он готовил к изданию свою книгу «Спорные вопросы. Опыт самозащиты И.Цветаева».

В. С. Голенищев —
И. В. Цветаеву
Санкт-
Петербург
1 октября
1910

Вполне уверенный, что Вы еще находитесь за границей, я позволил себе до моего отъезда обратиться по телеграфу к Александру Владимировичу Назаревскому с вопросом, как мне поступить с вещами, которые он у меня летом видел в Петербурге и которые я обещал предоставить ему для Вашего музея. Вещи эти: 1) ящик с несколькими гипсовыми слепками и кое-какими египетскими мелочами, и 2) довольно попорченная египто-римская картина из Фаюма, в такой же рамке, как и все остальные фаюмские портреты. <... >

46
Имеется в виду отставка
министра народного просвещения
А. Н. Шварца.

Сердечно радуюсь за Вас, что Ваш злейший враг наконец исчез с горизонта и что начатые им с такой злобой против Вас преследования сами собой теперь прекратятся⁴⁶.

И. В. Цветаев —
В. С. Голенищеву
и Б. А. Тураеву
Дрезден
7 октября
(нов. ст.)
1910

Дорогие Египетские человеки <... > Шлю Вам низкий поклон из чудесного Дрездена. Называю его чудесным потому, что с большим сердцем, с большим духом этот город творит чудеса — без всяких психиатров, а так сам, собственным умом. Недаром называли Дрезден прежде Северными Афинами.

Между этими двумя городами есть что-то общее: там и здесь вам становится так хорошо, так мирно и тихо на сердце. И люди, и природа представляются такими красивыми и добрыми, а это необозримое богатство картин, скульптур, гравюр, книг дает такую обильную пищу уму, что я не знаю как ум Египетских человек, а мой бедный европейский умишко и переварить этого брашна уж никак не может. Право, тут так нам, Русским, хорошо: в лицах Саксонцев, составляющих счастливую помесь славянок и тевтонцев, которые мужчин-славян перебили, перешедши в эти исконно славянские места, а славяночек взяли себе в утешение за труды военной брани, в этих лицах до сих пор видится что-то родное. Тут даже и воры совершенно такие же, как в Москве. Там меня обворовал в Р[умянцевском] музее гравюрами купецкий сын, просадивший состояние на танцовщицу; директора здешнего музея Albertinum нагрел Or. Med. Friz Wendler, вырезавши в музейной библиотеке все таблицы и много текстов, относящихся к «сценам родов в древнем и новом искусстве». Он подкупил ученого директора своим усердием, получил привилегию уголка со столом и окном — и достойно отблагодарил за гостеприимство. Тов[ариш] здешнего Министра Нар[одного] Про[свещения] много умнее Шварца. <... >⁴⁷

47
Черновик неоконченного письма.
Архив ГМИИ, ф. 6, оп. 1, л. 4656.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
26 ноября
1910

48

Цветаев заканчивал свой ответ Сенату 28 ноября — 11 декабря 1910 года. В нем он отводил главное место тому бедственному положению, в котором находились Московский Публичный и Румянцевский музеи.

Из опыта самозащиты

И.В.Цветаева*

<...> На мою административную долю выпала забота — снабдить помещения Музеев, заключающие в себе драгоценнейшие собрания книг и предметов науки и искусств, новыми потолками, новыми полами, новыми крышами, переменять в них окна, заменять изветшавшие печи центральной системой пароводяного отопления, сберечь Библиотеку от пожара построюю особой служительской казармы и выселением из-под полов Библиотеки служительской команды, которая превратила свои подвальные квартиры в какую-то непрерывно топящуюся кухню и прачечную, работавшую не только на своих но и на сторону. Мне довелось очистить чердаки запущенного здания от годами составлявшихся куч птичьего помета, неуместное присутствие которого под кровлями Пашковского дома вывел в управление Музеем В.А.Дашкова тогдашний Директор Департамента Министерства Народного Просвещения, ныне Член Государственного Совета Н.М.Аничков. Мне довелось расчистить в саду Музея, прилегающем к Библиотеке и разным Отделениям, запущенные заросли кустарников и тем разрушить притон бездомных скитальцев и опасных людей. Мною разбиты были все здания Пашковской усадьбы на особые Отделения, из которых каждое получило свои непроницаемые железные двери; назначением последних было служить заслоном в случае пожара. Мною

* Цветаев И.В. Спорные вопросы, с.82-85.

Помогите сдвинуть с мертвой точки заготовленные необходимой мебели для Музея. Я добыл дерева на 300 рублей, чтобы заготавливать щиты для Антиквария, который приходится обратиться в зал для скульптур Французской и Немецкой XVI и XVII вв. Щиты становятся неизбежны, ввиду поступления самих

скульптур, которые, бывши приобретенными этим летом, меня теперь очень занимают. <...>

Болея флюсом, я не знаю, привезли ли Вы рисунок щита для Щекинского собрания, лежащего у нас безбожно долго в запасной кладовой. Щекину мы обещали развесить его картины *тотчас* по его отъезде. Он, равно, как и М^{ме} Левченко, спрашивают, развешены ли их картины. Нам надо сдвинуться с места и вести дело мебелировки энергично. <...>

На днях я кончаю свою сенатскую ахинею⁴⁸.

<...>

Наших молодых археологов я просил ныне поднести Адрес от Музея Московской консерватории, празднующей ныне 50-летний юбилей. Нам скоро придется праздновать такой же юбилей работы Нивинского над потолком Римского зала: может быть, М.М.Ипполитов-Иванов сочинит в честь Игн[атия] Игн[атьевича] кантату.

построен был громоотвод и улучшены противопожарные приспособления по всем зданиям. В мое управление для Отделения Изящных Искусств построены были шкафы для гравюр, витрины для Картинной Галереи <...> повешены были гардины в окнах 2-го и 3-го этажа главного здания, удвоена была площадь полов для Этнографического Отделения путем устройства нового потолка в прежнем обширном двухсветном зале. <...> Словом, по мере сил, знаний, досуга, понимания нужд Музея, я, казалось бы, старался делать все, что на опыте считал для дела более существенным, чем занесение каждого своего распоряжения в протокол или журнал <...> письменные же инструкции, как теперь вижу, были самою слабою чертою моего управления. В этом я теперь охотно сознаюсь. <...> Особо подчеркивал Иван Владимирович «необходимость экстренных мер и экстренных ассигнований на каталогизацию

залежей в Румянцевском Музее, накопившихся за время управления всех директоров этого учреждения <...> по разным отделениям» (там же, с.82). В заключение нельзя не высказать искреннего сожаления, что пишущему эти грустные строки выпало, на седьмом десятке лет, тратить так много времени и сил на судебные объяснения, на это искание в словах и действиях обвинителя материала для опровержения его документов и для самозащиты. Нельзя не пожалеть этой тяжелой доли, которая, при наличности другой моей жизненной задачи, властно требующей от меня всех сил разума, не может не казаться мелочной и по существу мало достойной двух старых профессоров Московского Университета. <...> В конце своей самозащиты Цветаев дает понять, что причиной его травмы со стороны бывшего министра просвещения было сведение старых личных счетов.

В.Д.Поленов —
И.В.Цветаеву
Москва
13 декабря
1910

<...> Я получил от Головина ответ, он кажется с удовольствием возьмет Ваш заказ и очень желал бы с Вами свидеться. Он думает уехать за границу 20 декабря, на 2 недели, спрашивает, когда Вы будете в Петербурге и как Вас увидеть. Свой адрес

49
Речь идет о заказе А.Я.Головину панно для зала древнегреческих надгробий. Напомним, что прежде в 1903-1905 гг. об этом Цветаев вел переписку с художником Мст.В.Фармаковским.

даст: Мариинский Театр.

Спрашивает тоже о цене, на этот вопрос всегда всего труднее ответить. Ввиду того, что картина не сложная и что это для такого высококультурного учреждения, то тысячу рублей можно предложить, без обиды для художника⁴⁹.

И.В.Цветаев —
Б.В.Фармаковскому
Москва
8 января
1911

Для музея, именно для помещения аттических погребальных рельефов, которых у нас изрядная коллекция, мы заказали А.Я.Головину живописное панно (7 арш. × 6¹/₂ арш.) с изображением древнегреческого кладбища, перенесши его в соседство моря и также ради декоративности населивши его кипарисами и археологически верными беломраморными памятниками известных нам архитектурных форм. На Головина указал нам его учитель Поленов, не взявшийся писать сам — за старостью. От Головина я узнал, что он, работая над декорацией «Орфей в аду», счел нужным познакомиться с петербургскими археологами-классиками и, в частности, с вами.

Это подало мне мысль бить к вам челом о помощи Александру Яковлевичу советами и книгами

50
Личный архив Т.И.Фармаковской.
В ответ на это письмо Б.В.Фармаковский сообщал из Петербурга: «Я знаком с художником Головиным. Неоднократно давал ему сведения для постановок. Конечно, и теперь я готов ему сделать всякие указания. Я должен Вам напомнить, что несколько лет тому назад по Вашему заказу картину «Керамика» готовил мой брат, который и представлял Вам эскизы <...> и читая Ваши письма, я думал, что читаю описания эскизов брата. В свое время я брату сделал разные указания. <...> Когда увижу г.Головина, я с ним поговорю об этом» (Архив ГМИИ, ф.6, оп.3, ед.хр. 4338).

с изображением форм надгробных рельефов. <...> Советую ему около Пасхи побывать в Афинах и порисовать на Дипилонском некрополе, которым я не мог налюбоваться вдоволь. <...>

Место для его картины выдалось прекрасное, в центре здания, прямо против главной лестницы, так что всякий, спускающийся с нее, будет еще раз ее видеть и под этим впечатлением станет оставлять Музей. Головин принял заказ с особой готовностью.

<...> Сам он мне очень понравился: мне сдается, что давши слово поставить нам хорошую вещь, он так и делает. Картина нам нужна к открытию Музея, которое может состояться 6 августа этого года, если верны слухи, что Опекушинский памятник импер[атора] Александра III возле храма Христа Спасителя здесь будет к этому времени готов. <...>⁵⁰.

С.И.Щукин —
И.В.Цветаеву
Москва
10 января
1911

С великим удовольствием узнал из Вашего письма, что недалеко то время, когда откроется Музей изящных искусств, на создание которого в течение долгих лет Вы бескорыстно тратили столько сил и здоровья. Высоко ценя Ваши искания и неустанные заботы о пополнении и расширении создаваемого Вами Музея, не могу не отнестись с сочувствием к устрой-

ству особого отдела образцов французской скульптуры XIX века. Но, несмотря на все мое сочувствие Вашему делу, я не могу прийти Вам на помощь своими материальными средствами, так как и сам занят мыслью создать галерею произведений новой французской живописи, долженствующей стать достоянием города Москвы.

133. В.Д.Поленов. Портик кариатид. Акварель

Желая, чтобы мой дар городу имел возможно более высокую художественную ценность, я решил не разбрасываться и сосредоточить все свое внимание и заботы на совершенствовании и пополнении существующего у меня теперь собрания картин.

Б.А.Тураев —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
14 января
1911

В.С.Голенищев 5-го января с.г. уехал в Египет на полтора месяца. Я думаю, можно ему писать на Каирский музей — наверное он там известен — или на имя Масперо с передачей. <... >

За посылаемую Вами книжку сердечно благодарю; наверное, на днях я получу ее. Пробрать Чегодаева, Ульянова и Шварца, конечно, благое дело, но едва ли что-либо в состоянии на них подействовать. Толстые шкуры! Я постоянно вспоминаю как наше пребывание в Египте, так и наши работы в петербургском Египте — в коллекции Голенищева В.С.Предвкушаю наслаждение, когда она, наконец, будет

водворена у Вас, и можно будет ее посещать... Но скоро ли это будет? Моя личная коллекция за это время успела увеличиться несколькими ценными приобретениями <... > Надеюсь, что, бывая в Петербурге, вы как-нибудь заглянете и ко мне ⁵¹.

51
Коллекция Б.А.Тураева, насчитывавшая более 400 номеров, после смерти владельца в 1920 г. была передана его вдовой Е.Ф.Тураевой в Государственный Эрмитаж.

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
21 января
1911

Работы в музее после святок наладились и теперь они идут полным ходом в разных частях здания. Нивинский все еще корпит с своими мастерами и подмастерьями в Римском и Египетском залах. <... > В Римском зале развели такую роскошь сюжетов, красок, скульптур и позолоты, что, должно быть, подражают плафонам дворцов римских кесарей, и потому переход к дубовому потолку средневековья является облегчением для зрительных нервов. Разноцветность потолков начинает для меня, бывающего под ними каждый день, становиться скучной. Я бы совсем не расписывал, например, потолка зала итальянского возрождения XV в. с его красочными Делла-Роббиями, бронзами Гиберти и Донателло, с расписными большими архитектурными вещами Бенедетто да Майано и пр. <... > Иначе будет уж очень пестро, особенно при неудачных картинах приятелей П.В.Жуковского. <... >

И.В.Цветаев —
В.С.Голенищеву
Москва
24 января
1911

Не сердитесь на меня за продолжительное молчание, ибо оно только кажущееся. Я памятью о Вас постоянно и храню о Вашем милом характере самые лучшие воспоминания. Только какой-то злой рок преследует мою переписку с Вами. <... >

Тогда как Вы под чудными небесами предаетесь Вашим любезным занятиям, мне выпала на это время скучная обязанность печатать разоблачения делам и словам министерских чиновников, то пьяного и грубого кн. Чегодаева, то тупоумного формалиста и подлизу к своему начальнику Шварцу чинушу-холопа Спешкова. Из этого акта самозащиты вышла посланная Вам книга, которую я вынужден был представить в Сенат.

Писал я ее с соображением, что если современники бывают пристрастны, то судьи, которые придут после нас, будут справедливее. Жаль потраченного на эту возню с канцелярскими бумагами времени, внимания и сил, но бывают в жизни обстоятельства, что иначе поступить нельзя. Теперь, когда с исполнением этой «самозащиты», я считаю всякие счета со Шварцем оконченными, я возвращаюсь к своим занятиям, среди которых и хотел бы окончить жизнь. Лишь бы зрение и головной мозг не изменяли. А работы по одному Музею не переделать. Многого нужно приобретать по всем отделам, а приобретенное каталогизировать и описывать, с иллюстрациями и без оных. Хотелось бы мне написать ряд биографических очерков главнейших художников итальянского Возрождения — для нашей малосведущей университетской молодежи.

Как Вы себя чувствуете после пережитого несчастья? Вас постигла катастрофа несравненно большего размера, чем меня, и пережить этот удар куда тяжелее и труднее моего. В моем отрочестве и годах до университета нищета и жестокая, суровая школа духовных провинциальных школьников, содержание которых стоило в год отцу от ... 20 руб. до 50 рублей. Можно, а Вам даже и не можно представить, какие были помещения, одежда, питание такого школьника... После такой суровой юности никакой Шварц не сделает меня таким бедняком. Для меня 3-ий класс жел[езных] дорог — обычный способ передвижения, № гостиницы за 1,5 фр., обед за 1—1,5 фр., 50 сантимов на кофей: вот Вам и жизнь моя в Париже, когда я там работаю в Музеях и библиотеках. Иное дело исчезновение привычных жизненных условий для Вас, дорогой мой! Но sursum corda!

Недаром мы возвращаемся в науку. Она дает силу становиться выше обстоятельств⁵².

52
Очевидно, имеется в виду разорение В.С.Голенищцева.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
26 января
1911

Узнайте, пожалуйста, у кого Вы найдете нужным: *когда же* собственно назначается открыть памятник Императора Александра III в соседстве нашего Музея <...> Если открытие будет отнесено на 1912 год⁵³, тогда сбережением по разным статьям нашего бюджета как-нибудь мы можем решиться на

приобретение памятников вроде кафедры Николая Пизано, стоящей без пересылки 10 000 фр. Нет у нас и такого чудесного памятника, как Ника Самофракийская, стоящая, помните, на площадке лестницы, ведущей во второй этаж Лувра. Как бы хотелось приобрести и Геракла Фарнезе для Пергамского зала. Все это такие приобретения, которые хотелось бы

53
Открытие Музея изящных искусств предполагалось в один день с открытием памятника Александру III перед храмом Христа Спасителя и состоялось в мае следующего года. В марте 1911 года Цветаев сделал свой последний отчет музейному Комитету на очередном годич-

ном собрании. Заседание состоялось в новоотстроенном здании Музея, на нем присутствовали: вице-председатель обер-гофмейстер Ю. С. Нечаев-Мальцев, попечитель Московского учебного округа А. А. Тихомиров, исполняющий должность ректора Московского университета граф Л. А. Комаровский, Московский городской голова Н. И. Гучков, Московский губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин, Московский уездный предводитель дворянства П. А. Базилевский с супругой, Д. И. Иловайский с супругой, председатель Московского археологического общества графиня П. С. Уварова, деканы историко-филологического, физико-математического и медицинского факультетов, профессора В. Ф. Миллер, В. К. Мальмберг, Д. В. Цветаев, академики архитектуры Ф. О. Шехтель и Р. И. Клейн, И. И. Перберг и другие.

Из доклада И. В. Цветаева*
<...> Особенно радостным событием за отчетный период для комитета является дарование новому Московскому Музею прав государственного учреждения, которому назначен законом 10-го мая 1909 года свой определенный штат из средств государственного казначейства, установленный в цифре 50 000 р. + 2500 р. ежегодно [го] пособия на наем квартир для служителей. Штатом установлена сумма в 10 000 руб. на ежегодное приобретение научных и художественных предметов <...>
<...> Что же касается живописи, то она *вдвигается* к нам сама

* Записка, читанная в годичном собрании Комитета Музея 27 марта 1911 г. проф. И. Цветаевым, С.-Пб., 1911, с. 1-81.

И. В. Цветаев —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву

Москва
8 февраля
1911

В. С. Голеннищев —
И. В. Цветаеву

Ницца
28 февраля/
13 марта
1911

иметь ко дню открытия, дабы этими перлами скрасить бесцветность содержания других зал.

<...> Время денежной помощи со стороны для нас миновало, как это я вижу из печального опыта обращения к С. И. Щукину за содействием в учреждении собрания главнейших французских скульптур XIX и XX вв. с Роденом во главе. <...> Наше счастье на внимание московского общества, очевидно, кончилось навсегда. С этим нужно примириться и делать приобретения по Музею только по мере остатков от назначений казенных средств. <...>

собою. Пришла она из Италия, благодаря неганданной щедрости трех лиц, которые, родившись в Москве или в московском районе, после долгой жизни за границей, и преимущественно в Италия, пожелали принести Московскому Музею <...> свои живописные собрания. Один из этих дарителей М. С. Щекин, ныне первый секретарь нашего посольства в Пекине, перед своим отъездом из Триеста, где он был генеральным консулом, в Китай, решил принести нашему Музею коллекцию *подлинных* произведений итальянских живописцев школ: сиенской, флорентийской, венецианской, умбрийской, падуанской XIV и частью XV в., а также собрание итало-греческих икон XVI—XVIII столетий. Эту коллекцию он собирал с особенной любовью и со знанием дела в течение многих лет, в разных областях Италия. <...>

Так властная действительность опровергла наши прежние расчеты дать место в новом Музее одной только скульптуре. Из вышедшего мною <...> становится ясным, что <...> наши первые коллекции по

востоку, классическому миру и миру христианскому приобрели уже *значительные* размеры. С искренней радостью испытываемого счастья мы можем сказать теперь, что и по числу и по значению собранное здесь дает неоспоримое право нашему новому Музею на *первое место* в среде всех университетских историко-художественных музеев Европы. <...>

В заключение Иван Владимирович еще раз подчеркнул значение подлинников, отметив следующий момент: «Московский уездный предводитель дворянства П. А. Базилевский, владелец замечательной коллекции восточного оружия, обещал нам выставить ее к открытию Музея у нас, на правах собственности. На правах собственности намерен выставить некоторые скульптуры итальянского Возрождения член-учредитель нашего Комитета Ф. Ф. Юсупов. Нас не оставляет надежда найти в Москве и другие подлинники, которые могут быть выставлены для ознакомления публики в нашем Музее, с таким же сохранением владельцами своих прав на них».

Потолок римского зала обещает скоро окончиться; часть подмостей уже снята, и живопись предстала нашим глазам. Нельзя отказать во вкусе Роману Ивановичу и стараниям Нивинского, который, несмотря на сравнительно молодые годы, является в Москве лучшим декораторным живописцем. <...>

На днях получил здесь в Ницце Ваше письмо от 24-го Января и Вашу книгу «Спорные вопросы», которые Вы мне послали в Египет на имя Масперо и за которые прошу Вас принять самую искреннюю мою благодарность. <...>

Сердечно тронут Вашим добрым расположе-

нием ко мне и той доброй памятью, которую Вы сохранили о наших совместных занятиях в позапрошлом году. С глубоким возмущением я из Вашего «Опыта самозащиты» ознакомился с теми гнусными приемами, к которым прибегали Ваши противники. <...> Прямо фантастичной является преступная беспечность, с которой Министерство без всякой проверки принимало возводимые на Вас министерской

134. В.Д.Поленов. Античный мотив. Акварель

комиссией обвинения, и та злобная изобретательность, с которой ревизовавшие Вас господа силились опорочить Вас! Великолепно Вы поступили, что Вашу блестящую самозащиту облекли в форму книги и сделали ее доступной Вашим современникам: такие гнусности, которыми замарало себя Министерство Шварца по отношению к Вам, не могли быть пройдены молчанием: искоренить подобные факты может лишь одна гласность!

Жаль, что Ваша книга была вызвана столь грустными обстоятельствами, как самозащита <...> а то бы прямо можно было ее приветствовать как важнейший исторический памятник нашей переходной эпохи, так как из него наши потомки ознакомятся в подробностях с закулисной деятельностью одного из Министерств, желавшего в начале XX-го века все еще, как встарь, действовать авторитетно безапелляционно

и не принимая во внимание такие пустяки (!!!), как правда и справедливость!

< ... > Теперь, что деятельность Шварца и К^о отошла в область предания, не настало ли время для окончательной перевозки древностей в Москву? Пока санний путь еще не испортился, хорошо бы их на санях доставить из Эрмитажа на станцию и далее, в Москве, со станции в Музей? Ведь нагрузка вещей на сани несравненно более удобна, чем на телеги и вообще вещи не подверглись бы такой тряске, как на колесах. Но готово ли помещение для них в Москве? Позволяю себе, во всяком случае, еще раз подчеркнуть, что долго медлить перевозкой и распаковкой не следует, так как пребывание вещей в ящиках, после известной Чегодаевской переупаковки, едва ли может быть полезно для вещей < ... > .

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
4 апреля
1911

< ... > Получил командировку в Петербург энергичный, здоровый, полный сил Назаревский. < ... > В подмогу ему послан один из наших служителей, прежний кавалерист, человек расторопный и очень толковый < ... > голенищевская кладь перевозится ныне из Эрмитажа преображенцами до Николаевского вокзала, и в полночь Назаревский со служителем садятся в товарно-пассажирский поезд, который через 2 ночи и день < ... > привезет кладь и их в Москву. 224 ящика весят свыше 1300 пудов; стоимость железнодорожной перевозки ок[оло] 1600 руб. < ... >

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
25 мая
1911

М[инистерств]во нар[одного] просвещения командировало к нам для приема голенищевской коллекции профессора Тураева; мы его поселили в квартире хранителя Мальмберга [в здании Музея изящных искусств] и приступили к вскрытию ящиков. Пока нас 5 человек, но дня через 2 придет ученик Тураева по египтологии, тогда мы поделимся на

3 группы для ускорения работ и проверки друг друга.

< ... > Пока мы лишь вносим материал в шкафы и витрины так, чтобы все вещи проверить и поставить приблизительно таким образом, как стояли они у Голенищева⁵⁴.

54
И.В.Цветаев — в Правление Московского Университета* Комиссия, в составе ординарного профессора С.-Петербургского Университета Б.А.Тураева, заслуженного профессора Московского Университета И.В.Цветаева и ординарного профессора того же Университета В.К.Мальмберга, данное ей поручение принять и по

документам проверить содержание 225 ящиков с коллекцией восточных и египетских древностей В.С.Голенищева, направленной по Высочайшему

повелению на вечное хранение в Музей изящных искусств < ... > исполнила в течение времени от 25 мая по 4 июня текущего года включительно.

* Протокол от 6 июня 1911 г.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
14 июня
1911

Отнесение открытия Музея на весну 1912 года дает нам возможность испросить у М[истерств]ва н[ародного] п[росвещения] средства на *оборудование Аудитории и Читальни*. <...> Но, чтобы иметь успех в ходатайстве, необходимы *план* оборудования и *смета* расходов. Вы знаете, я много раз просил Вас заняться этим немаловажным вопросом. <...>

Хотелось бы сплошного дуба для кафедры и парт. В Читальне самые верхи стен займут Самаринские копии; *под* картинами сплошные шкафы-полки для справочной литературы по истории искусства, энциклопедии, словари и т. д. <...>

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
21 июня
1911

«Век живи, век учись, а дураком умрешь», — как подобно другим пословицам, верна эта народная мудрость! Чем больше живешь, чем ближе подходишь к старости, тем для тебя непонятного, необъяснимого становится все больше и больше. С 1896 года мы ежедневно ведем одно *общее*, одинаково *дорогое* нам обоим дело нового Музея; за этот длинный период времени мы успели близко узнать друг друга. Вы напри[м]ер, видели, что я, ставши Директором Румянцевского Музея после милого, любезного старика Дашкова, который не каждый *год* бывал в этом Музее, и после широко образованного Веневитинова, который вскоре был разбит параличом и 1¹/₂ года директорствовал без языка и движения, я, впервые в истории Румянцевского Музея, ввел в практику *ежедневную* службу Директора в самом здании. Вся Москва, имеющая какие-либо отношения к этому Музею, знала, что от 12 часов там меня неизменно найдешь готовым для всякого рода объяснений и бесед. <...>

А меня Шварц, не бывавший в Р[умянцевском] Музее за все 28 лет моей тамошней службы ни разу, серьезно обвинял в служебном абсентеизме: вы-де в Музее не бываете месяцами, проводя время в Вашем поместье в Тарусе... В Тарусе у меня такое же поместье, как и в Китайской Империи. Живал я когда-то в Тарусе на крошечной наемной дачке, за которую платил 80—90 руб. в лето.

В Румянц[евском] Музее я описывал *гравюры* целый ряд лет, сидя по зимам в холодном помещении, которое и натопить было нельзя. Прислали из Мин[истерств]ва н[ародного] пр[освещения] ко мне ревизором несчастного алкоголика кн. Чегодаева-Татарского, который, не выдавши этого, собственноручно писанного мною большого каталога, обвинил меня перед Шварцем, а Шварц перед Государем и Сенатом в том, что гравюры Музея не имеют инвентаря и описей... Чтобы доказать ложь такого

обвинения, я вынужден был *фотографировать* мой почерк этой рукописи.

Мой хороший знакомый, здешний мануфактурист Баранов принес в дар *новому* Музею скрипку *Страдивариуса*: я, по непригодности этого дара для нашего Музея скульптуры *par excellence*, с письменного разрешения самого дарителя, передал, по всей форме, этот музыкальный инструмент в Москов[скую]

135. В.Д.Поленов. Вид Акрополя. Акварель

Консерваторию. А меня ревизор, присланный Шварцем, подверг друкратному допросу, с записью моих ответов, как я посмел отдать эту скрипку, пожертвованную-де *Румянцевскому* музею (!) <... >

В этом роде и *все другие* обвинения, с которыми Шварц выступил перед Сенатом и Государем. Его величество, получив всеподданнейший доклад прошлым летом, во время плавания по Балтийскому морю, этим словам Министра <... > Шварца поверил и соизволил [согласиться] на мое удаление от должности Директора Рум[янцеvского] Музея, без всякого внимания к 28-летней моей там службе, принесшей миллионные пожертвования Музею библиотеками, картинными галереями, коллекциями этнографическими, нумизматическими, гравюрными

и деньгами. Все это Шварцем было скрыто и Государю осталось неизвестным. Я удален «за бездействие власти».

Иначе взглянул на это судебное преследование Сенат. Прежде всего он предоставил мне право представить объяснение на обвинительный документ Мин[ист]ра н[ародного] просвещения. Я отнесся к этому серьезно и написал возражений целую книгу, которую и напечатал под заглавием «Московский Публичный и Румянцевский Музей. Спорные вопросы. Москва—Дрезден, 1910»*.

Прошу Вас ее, в свободное время перелистать, и, если она покажется Вам заслуживающею внимания и нескучною, возьмите себе этот экземпляр. <...> В Сенате она сыграла верную роль <...> на основании ее Сенат 26-го минувшего Мая постановил: Дело это, за недостаточностью обвинения «прекратить».

Нравственно я удовлетворен, но мое материальное лишение и судебная обида остаются невознагражденными. И сознание невозможности для меня довести о случившемся до сведения Его Величества <...> не может не опечаливать моего сердца.

Говорят «За Царем служба не пропадает»: что я скажу по этому поводу своим детям?..

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Вис-Баден
1 августа
1911

<...> В последнем письме я сообщил Вам о реставрациях майнцкого музея в области римского вооружения первых веков нашего счисления. Ознакомившись по собранным здесь подлинникам, насколько осторожно и верно поступают здешние археологи в своих реставрациях, я заказал Музею несколько таких предметов, которые и придут к нам в феврале 1912 года. Эти предметы: шлемы, щиты, латы <...> копья, мечи, кинжалы <...> плащ и рубашки (tunica), военные штандарты: у римлян они носили общее наименование signa <...> исполняются здешним Музеем особенно искусно и эффектно из железа, золота и даже флажки из пунцового шелка с золотой бахромой. Статую легионера, раскрашенную в разных тонах, я взял в белом гипсе <...>. Можно будет дать этому особый угол залы. Он будет интересен для учащейся и остальной публики и его не будут проходить мимо. <...>

* См. также: Цветаев И.В. Дело бывших министра народного просвещения А.Н.Шварца и директора Румянцевского музея И.В.Цветаева. Лейпциг, 1911.

И. В. Цветаев —
Р. И. Клейну
Брюссель
20 августа
(н. ст.)
1911

«Век живи, век учись». В Брюссель я прибыл в 1-й раз, просыпавши его много раз по дороге из Кёльна в Париж. <...> Брюссель мною, на этот раз, избран из-за кафедры Пизанского Баптистерия раб[оты] Николо Пизано <...>. Это был бы 3-й экз[емпляр] слепка в Европе (Лондон — Брюссель — Москва). Но я встретил в здешнем «Музее слепков» такую массу форм со скульптур древнего и нового искусства, что пришлось пополнить все эпохи античными вещами <...>. Вместе с тем здесь открылась для меня целая область *Фламандской* скульптуры и среди нее получились чудеснейшие образцы для Сред[них] веков (Готика глав[ным] обр[азом]) и эпохи XV и XVI вв.

Тут, сверх того, такое обилие *Архитектурных декоративных форм* по всем эпохам, что я набрал их порядочное количество и по Риму, и по Романск[ому] искусству, и по Готике. <...> Эти образцы архитектурных деталей надобно умно и красиво расположить около соответственных скульптур.

Из Брюсселя я ездил в гор. Charleroy на тамошнюю выставку искусств. Там я встретил одну новость относительно *окраски постаментов* статуй. Вы были совершенно правы, утверждая, по поводу окраски тумб в зале Парфенона, что *не нужно резко* отделять цвет постаментов от цвета стен. Здесь же пошли дальше и постаменты окрашиваются одним и *тем же цветом*, что и стены. Тогда памятники искусства *доминируют* над всем, имея один фон. И впечатление получается прекрасное. <...> Надо попробовать этот новый эффект и у нас, сначала в одном зале. <...>

А Брюссель — город Музеев *par excellence*. Вчера я насчитал по газетам 23—24 музея. Архитекторы Бельгии — *широкого размаха*. Их поддерживал и прежний король Леопольд, в одно и то же время аферист-купец и строитель одной из самых пышных частей города с ее *колоссальными* музеями, длиннейшими аркадами <...> несколько миллионов употребил на создание пышного Musée-Congo в одном из предместий. Создано для того волшебного парка что-то феерическое <...> Начинаю обратный путь чрез Дюссельдорф, Брауншвейг, Берлин, Дрезден.

И. В. Цветаев —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву
Дюссель-
дорф
23 августа
1911

<...> Мой путь лежит теперь в Брауншвейг, где мне между прочим нужно взять одного специалиста по бронзированию гипсов и окраске их под дерево. Белые гипсы с бронзовых и деревянных оригиналов в Германии отживают свой век; загрязненные копотью и сажей от угольного отопления, прежде белые гипсы производят отталкивающее впечатление. Пока повсюду идет их бронзирование и окраска под дерево

подлинников. Немецкие профессора-музеисты указали мне на особого специалиста этого рода в Брауншвейге, работающего для тамошнего музея. Может быть, можно бы его на $\frac{1}{2}$ года пригласить в Москву отбронзировать конные статуи Colleoni и Gattamelata и освежить другие статуи. <... >

И.В.Цветаеву —
И.В.Цветаеву —
Санкт-Петербург
27 августа
1911

Совершенно на авось посылаю Вам сию восточку в Москву, чтоб узнать, вернулись ли Вы из Вашей поездки за границу. Если да, то просил бы очень Вас сообщить мне, мог ли бы мой приезд в Москву на несколько дней быть Вам полезен при расстановке египетской коллекции в Вашем музее? Приехать в Москву мне бы возможно было в первых числах Сентября, так как я только тогда освобожусь от фотографирования предполагаемых к изданию Эрмитажных папирусов <... >

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну

Штрелен под
Дрезденом
3 сентября
(н. ст.)
1911

Может быть, в Музее Вам сказали, что я вынужден был, по указанию авторитетного, рекомендованного мне Треем, врача, лечь в клинику, где лечат меня *от слабости сердца* Digitalis'ом и запрещают спускаться из моего этажа в другой. Уходили, укатили сивку крутые горки. Ничего нет мудреного, что после 2-летних Шварцовских преследований и 8-ми недельных передвижений в исключительно жаркую пору года, да все светлое время продолжавшихся переходов зал и лестниц стольких музеев, галерей и дворцов, *сердце ослабело*. Не зная в жизни, кроме 2-х раз, лечений, я обратил на себя внимание только здесь, по окончании объезда намеченных городов, что мне нужно держаться при ходьбе стен домов, приходится садиться на бульварах, чтобы не упасть.

Ну, авось выкарабкаюсь из беды. После клиники врач назначает мне глухую, бесшумную деревеньку Саксонской Швейцарии — для отдыха. Будем ждать поправления. <... >

Б.А.Тураев —
И.В.Цветаеву

Санкт-Петербург
4 октября
1911

Узнав из письма Александра Владимировича Назаревского, что Вы ожидались в Москву еще неделю тому назад, я решил побеседовать с Вами и вспомнить те чудные часы, которые мы проводили весной над сокровищами голенищевского собрания. <... >

Каковы Ваши предположения на этот счет? Владимир Семенович пока еще здесь; мне представляется весьма желательным, чтобы он, так сказать, благословил наши труды и побывал в новом зале Вашего музея; как были бы ценны его советы и указания! Он упорно теперь отказывается ехать, ссылаясь на болезнь матери и занятия, но сегодня я говорил с ним по телефону, и мне показалось, что уломать его не представляется невозможным. <... >

В.С.Голенищев —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
13 октября
1911

С грустью узнал из Вашего письма, а также от Б.А.Тураева, о Вашем недомогании, от которого сердечно желаю Вам как можно скорее избавиться <...> спешу известить Вас, что мы с Б.А.Тураевым собираемся приехать к Вам в Москву в Среду 19-го октября <...> и таким образом мне удастся провести с Вами почти целых два дня. Б.А.Тураев вероятно останется еще на несколько дней в Москве. <...>

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
19 октября
1911

<...> Эти дни гостят у нас Голенищев и профессор-египтолог Тураев. Они приехали указать, как расставлять египетскую коллекцию. Тураев и Голенищев боятся, что с открытием музея немцы-египтологи явятся для фотографирования лучшего в коллекции и первые издадут в свет. Чтобы этого не случилось к стыду русской науки, Тураев и петербургские профессора предлагают услуги к изданию таблиц с краткими объяснениями на русском и французском языках.

Где же и на какие средства приготовить I том этого издания нашего музея? Прошу графиню Уварову дать место в трудах Восточного отделения здешнего археологического общества. <...>

Три заботы занимают меня в последнее время. Первая — долги по приобретению памятников для Музея. <...> Мне, как профессору Московского Университета, верили исполнение слепков и других репродукций в долг, надеясь на своевременную аккуратную уплату. Я и вытягивался все эти годы, стараясь платить, не роняя авторитета нашего Музея. <...> Мне бы казалось, что на все вышесказанные потребности нужно было бы 30 000 рубл. <...> Вы, Юрий Степанович, избаловали нас Вашими щедротами: не нашли бы возможным датирование Музея <...> продолжить под мои счета Вашей здешней конторе еще на 3 месяца. Эта просьба с моей стороны последняя, никакой дальнейшей доуки от Музея уже не будет. Помогите, Юрий Степанович ...

В.Д.Поленов —
И.В.Цветаеву
Москва
5 ноября
1911

<...> Пышалаю Вам кусочки мрамора из Афинского акрополя и храма Тезея, привезены отцом в 30-х годах, и из Дельф: нынешнего путешествия. Есть у меня и большие куски: фрагменты статуй и карнизов.

Работа моя продвигается, я надеюсь ее кончить к декабрю и тогда, если буду жив, привезу. Вам желаю беречься и поправляться.

И.В.Цветаев —
Р.И.Клейну
Москва
3 декабря
1911

Если можно, сделайте план 2 и 1 этажей Музея в удобной форме, на легком картончике и с обозначением особою краскою зал, коим присвоены Высочайшие имена. Такой план надобно послать и Министру

136. В.Д.Поленов. Угол Парфенона. Акварель

137. Зал библиотеки Музея изящных искусств
(не сохранился)

Нар[одного] Просвещения. Надо нам с Вами подумать: 1) о *бронзовых, вызолоченных буквах для надписей* на таких залах. Покойный Великий Князь Сергей Александрович выражал желание, чтобы это были «красивые, не казенные надписи».

2) О мраморных памятных досках с именами жертвователей на залы: «Зал сооружен *таким-то* в память *такого-то*».

3) О надписях над дверями зал: Олимпия, Парфенон, Века Фидия, Века Праксителя, Века Лисиппа и т. д. <... >

Б.А.Тураев —
И.В.Цветаеву
Санкт-
Петербург
4 декабря
1911

Получив Ваше лестное предложение, я прежде всего считаю приятным долгом выразить Вам сердечную благодарность за внимание и доверие, высказанные Вами к моим слабым силам, а также искренно признаться, что соединить свое имя с коллекцией В.С.Голенищева и Музеем Изящных Искусств я почел бы высокой честью. Быть первым описателем и хранителем таких сокровищ — счастье,

выпадающее на долю не всякого и гораздо более крупного специалиста.

К сожалению, однако, все мы «человецы плоть носящие и в мире живущие», да и не только в мире, но и в XX веке, когда нельзя быть последовательным идеалистом и когда на решение вопросов идеального порядка неизменно влияют материальные и иные соображения. <...> Однако, основываясь на том, что Вы считаете Ваше письмо написанным с целью «посоветоваться» со мной, я позволяю себе указать, при каких условиях я мог бы принять Ваше любезное предложение. 1. Я обязался бы приезжать два раза в месяц на 4 дня каждый раз <...>. 2. Я просил бы Вас отвести мне при Музее небольшую комнату для занятий и ночлега, нечто вроде кабинета хранителя. 3. Летнее время 15 мая — 15 августа считается свободным, т. е. поездки в течение его необязательными. <...>

При полном почти отсутствии пока в Москве книг по египтологии, значительная часть работы по описанию и переводу памятников Музея все равно должна будет исполняться в Петербурге. <...> Я же, при указанных условиях <...> не нарушу интересов своей деятельности в других местах в Петербурге — в Университете и Комиссии и не потерплю материально. <...>

И.В.Цветаев —
Б.А.Тураеву
Москва
8 декабря
1911

Простите, пожалуйста, меня за то, что я не побывал у Вас в последний приезд свой в Петербург. Я приезжал туда на заседание Академии художеств и пробыл там так мало, что дальше Эрмитажа я не мог попасть. <...> Пока же, вполне разделяя Ваши соображения и не изменяя нашей мечты иметь Вас первым описателем коллекции В.С. Голенищева, вполне соглашаемся на предложенную Вами комбинацию <...>

И.В.Цветаев —
Ю.С.Нечаеву-
Мальцеву
Москва
21 декабря
1911

О наградах. В.Д.Поленов совершил минувшим летом путешествие по Греции за свой счет и там написал этюды для картин: А. Виды Дельф — 1) Парнас и соседние горы, 2) Храм Аполлона, 3) Здание дорического стиля «Сокровищница Афиняи», восстановленное французами после раскопок и 4) ущелье Кастальского источника; В. Виды Афин — 1) общий вид Акрополя, 2) Пропилеи, 3) угол Парфенона, 4) Эрехтейон. По этим этюдам он написал 8 картин, которые и принес в дар нашему музею⁵⁵. Поленову уже под 70 лет, он член основатель нашего Комитета: не было бы возможным ходатайствовать ему о титуле превосходительства?

55
Сообщая об этом событии, газета «Утро России» писала 17 декабря 1911 г.: «Все эти картины будут выставлены, как дар Московскому университету, на ближайшей выставке «передвижников».

138. Зал Северного Возрождения (не сохранился)

И.В.Цветаев —
Б.А.Тураеву
Москва
21 декабря
1911

<... > Почтительнейше прошу Вас, если Вы найдете это возможным, вступить в отправление обязанностей заведующего египетским залом 2 янв[аря] буд[ущего] года. Первым делом Вашим Вы, может быть, поставите размещение предметов Голенищ[евского] собрания по витринам, т. к. зал для сего собрания уже готов. <... >

И.В.Цветаев —
В.С.Голенищеву
Москва
6 января
1912

Возвратившись из Калужской губ[ернии], куда я ездил в тиши лесов и в глубине ее снегов отдохнуть и укрыться от праздничного деятельного безделья, я нашел Ваш солнечный и теплый, как лучезарный Ваш Юг, привет. Спешу откликнуться на Ваши строки сердечным ответом и такими же пожеланиями Вам всего хорошего и приятного на длинный-длинный ряд лет.

Вы пишете о тепле, зелени, солнце; у нас изредка и на очень короткое время солнце проглядывает, но без тепла и его живительной силы. Кругом снега и снега, в воздухе такой холод, который красит наши носы и обмораживает ланиты. Я ехавши в поле ночью при 30⁰-ном морозе невольно стонал от этой стужи и как ни старательно варежкой оттирал щеки, все же отморозил их. Вам это в лучах горячих солнца может

139. Анфилада греческих залов (не сохранилась)

показаться сказкой, но для меня это было весьма ощутительной болью.

И в такой-то мороз северные люди оказываются способными развивать в себе большую внутреннюю теплоту! Любо-дорого посмотреть теперь на Б.А.Тураева — какой горячей любовью проникнута его работа по разбору и расстановке предметов Вашего

140. Зал Праксителя (не сохранился)

141. Зал Лисиппа (не сохранился)

собрания. Он поселился в Музее, в непосредственной близости к Вашей коллекции, и занят их размещением с утра до вечера — с той безграничной любовью, которая отличает людей святых от грешных.

Он приедет через 2 недели и, надеюсь, не только расставит все собрание, но и напишет краткий путеводитель по Египетскому залу ко дню открытия Музея. Теперь уже и Московские власти говорят открыто о назначении нашего праздника на 2-ю половину мая.

Борис Александрович мечтает о 2-х выпусках издания «Памятников Голенищевского собрания Восточных древностей» к весне. Дай ему Бог сил, — и я порадуюсь первый, если это ему удастся. Но мне жаль, если это повредит его здоровью. По его словам, на помощь ему придут петербургские ученые — Кондаков, Ростовцев, Жебелев, Фармаковский. Но ведь эти помощники только в греко-римских вещах. Весь же собранный Египет всей тяжестью падет на его плечи. Если предприятие состоится, не откажите, Владимир Семенович, в Вашем дружеском содействии.

142. Зал Афродиты Милосской (не сохранился)

И. В. Цветаев —
Ю. С. Нечаеву-
Мальцеву
Москва
6 января
1912

Приехавший сюда профессор Тураев с увлечением принялся за дело расстановки коллекций Голенищева по витринам. К февралю он надеется расстановку окончить, чтобы затем заняться составлением краткого путеводителя по египетскому залу — к весне. Для путеводителя по ассирийскому залу я думал бы пригласить ассириолога Никольского. Он очень постарел, но эту работу он исполнит. <...> Описание зал мира греческого и римского я возьму в свои руки. Христианские залы опишет Назаревский. Хотелось бы путеводитель снабдить в тексте иллюстрациями главнейших предметов.

М. В. Никольский —
И. В. Цветаеву
Санкт-
Петербург
27 мая
1912

Сердечно радуюсь <...> тому, что Вам удалось привлечь в состав Музея глубокоуважаемого моего друга, проф. Б. А. Тураева для заведывания коллекцией В. С. Голенищева. Это поистине счастье, ниспосланное судьбой. Благодаря ему Вы получите в будущем и полное описание колоссальной египетской коллекции. Был бы счастлив, если здоровье и другие обстоятельства доставили и мне возможность принять участие в описании ассиро-вавилонских памятников, к каковому участию любезно приглашал меня Борис Александрович [Тураев].

Н.В.Поленова —
И.В.Цветаеву
Берлин
21/8 июня
1912

Газеты принесли мне сюда, в мою тихую санаторию в Берлин, известие о состоявшемся освящении Музея Александра III, и мне захотелось непременно написать Вам, чтобы поздравить Вас с этим великим для Вас событием. Когда знаем

56
Открытие Музея изящных искусств было приурочено к официальным торжествам в Москве по случаю трехсотлетия дома Романовых и столетия Отечественной войны 1812 года. Оно состоялось 31 мая 1912 г. (по старому стилю). На следующий день крупные газеты Москвы, Петербурга и других городов России вышли с подробными описаниями этого важного события, отдавая должное внимание «новому храму искусства», «дворцу искусства» и т.п. Почти графетно в «Московских ведомостях», «Голосе Москвы», «Биржевых ведомостях», «Колоколе» и других газетах повторялось: «<... > садик Музея был красиво убран живыми цветами. На площадках у входа кипы цветущих растений. Перед музеем устроена красиво декорированная арка. Вся окрестность музея задрاپирована флагами и зеленью. Против

и видим, сколько Вы полагали сил физических и духовных на создание этого замечательного памятника, как Ваша любовь к этому делу создала музей, подобного которому нет ни в Берлине, ни в Дрездене, потому что существующие здесь не могут сравниться с Вашим музеем, не можем не преклониться перед той силой любви, давшей Вам возможность осуществить это дело. Дай Бог, только, чтобы наши современники так обставили дело, чтобы история видела, как тесно связано именно Ваше имя с этим созданием и могла бы на веки вечные прославлять имя Ивана Владимировича Цветаева. А я маленький атом во всей нашей многомиллионной России, но атом воодушевленный глубокой любовью к искусству, позволяю себе сказать Вам и мое сердечное спасибо⁵⁶.

музея расположился соединенный хор учащихся московских учебных заведений под руководством Ипполитова-Иванова». Далее следовал длинный список титулованных почетных гостей, в котором тонули имена

основателя и архитектора музея. Спустя десятилетия этот лучезарный день был воссоздан в очерке Марины Цветаевой «Музей Александра III» и в книге «Воспоминания» Анастасии Цветаевой (см. ниже).

А.И.Яковлев —
И.В.Цветаеву
Москва
6 октября
1912

Спасибо Вам за привет, за внимание и за ласковое участие, а всего более за то неизменное Ваше доброе участие, которое выпало мне в удел со времени моего появления в Москве. Это доброе отношение нельзя ни измерить, ни оценить — нельзя измерить его укрепляющее и ободряющее значение для меня

и нельзя оценить, *каким огромным вкладом оно было в моей личной жизни и научной работе. Скажу только, что в минуты разочарования в людях, я вспоминаю Вас, дорогой Иван Владимирович, и снова возвращается ко мне уверенность в людях и сила, и правда, и творчество, а успешное завершение Вашего огромного дела заставляет верить, что вера в свое дело — любовь к нему не остаются без утешения и награды для творца.*

П.С.Уварова —
Д.В.Цветаеву
Москва
4 сентября
1913

<... > Получила только на днях известие о кончине Вашего брата, высоко ценимого мною Ивана Владимировича. Известие это меня поразило как громом, т. к. еще весьма недавно он переписывался совершенно весело, *восторженно отзывался о той пользе, которую приносит его Музей молодежи.* <... > Очень, очень, но жаль и как ученого и как

человека, и в особенности, как *влюбленного Директора Искусства.*

143. И.В.Цветаев и Ю.С.Нечаев-Мальцев у входа в Музей. 1912

Д.И.Иловайский
Дорогой памяти И.В.Цветаева⁵⁷

57
Газета «Кремль», 1913,
№№ 53, 54, 55.

Надеюсь, мой «Кремль» достаточно ознакомил своих читателей с деятельностью, с учеными и служебными заслугами недавно почившего заслуженного профессора, бывшего директора Румянцевского музея и основателя Музея изящных искусств им. Александра III (№ 37—39, 41—42, 45—47) <... >.

Он сосредоточил остаток сил и энергии над окончанием своего страстно любимого детища, т. е. Музея изящных искусств. <... >

Бедный, симпатичный труженик! Он хотя и не надеялся на долгие годы, но, по-видимому, не ожидал такой скорой развязки, смерть застала его среди приготовленной к новому задуманному им большому ученому труду.

Последнее свое лето Иван Владимирович проводил близ города Подольска, Московской губернии, в небольшой частновладельческой усадьбе, где он нанимал комнату со столом. Несколько писем, которыми он подарил меня за это лето, близко и наглядно знакомят нас с подольской обстановкой, наблюдениями, планами и занятиями. Позволяю себе привести некоторые выдержки.

Усадьба Поливаново Кларк, 10 июня
<Пишу Вам из Подольского у[езда], где меня Лера (дочь) устроила на лето пансионером в одной помещицкой семье <... > Около дома сад, соприкасающийся с 80 десятинами леса, изрезанного для ходьбы просеками и дорожками. От Подольска в пяти верстах глинистой и в дождливую погоду скверной дороги. Мне предписано молочное и овощное питание. Чудесного молока (здесь) столько, что хотя бери из него ванны, а овощи вырастут. В Тарусу на лето я не поехал, следуя совету доктора, нашедшего для меня более удобным поселиться в новой обстановке.

<... > Мне здесь очень хорошо: тихо, уютно, хозяева люди скромные и деликатные. Дом просторный, стол питательный и вкусный, в доме чистота и порядок.

Вид из моей комнаты в сад и в сторону от него на огород и на волнуемое ржаное поле. Коровы, телята, свинки, поросята, куры, утки, кошки, собаки, между ними два сенбернара — народ хороший. Ждем осиновых и белых грибов, как установится вожделен-

ное тепло, кажется с нынешнего дня приближающееся к этим местам. По крайней мере, ныне первый солнечный день. Привез я с собой маленькую толику литературы по вопросу о храмах Востока, мира Классического, Этрурии и первых веков христианства.

Хочется на прощание с жизнью и кафедрой написать книгу на эту тему и издать ее с большим количеством иллюстраций — развалин, планов, реставраций. Коли пошлет Бог веку года 3, эту тему обработать можно».

19 июня

«После продолжительного ненастья здесь настала и стоит целую неделю чудесная погода. Сенокос подходит к концу, и из моего никогда не закрываемого окна видно, как в соседней деревне крестьяне вышли косить рожь, которая быстро падает под их дружными косами. В этой лесной стороне запашка у помещиков малая, а у крестьян, кормящихся главным образом колоссальных размеров фабрикой швейных машин Зингера, и совсем крошечная. Травы и нивы «выше среднего», но нет тут ни фруктов, ни садовых ягод; ранняя весна повлекла за собою поздние морозы, которые и побили яблоки и кустарники в цвету. Пришлось пользоваться вволю лишь лесной земляничкой, нет никаких других ягод, которыми богата, например, Владимирская губерния (родина автора письма).

Семьей, в которой живу, я по-прежнему доволен; состоит она из трех лиц, двух супругов и сына студента. Люди тихие, вина и не видящие, деликатного нрава; супруги доселе не возвысили гневного или обиженного гласа, хотя на выставку посылай за такое исключительное согласие.

Если бы не адски скверная дорога до Подольска в дождливую погоду, я бы остался здесь на зиму.

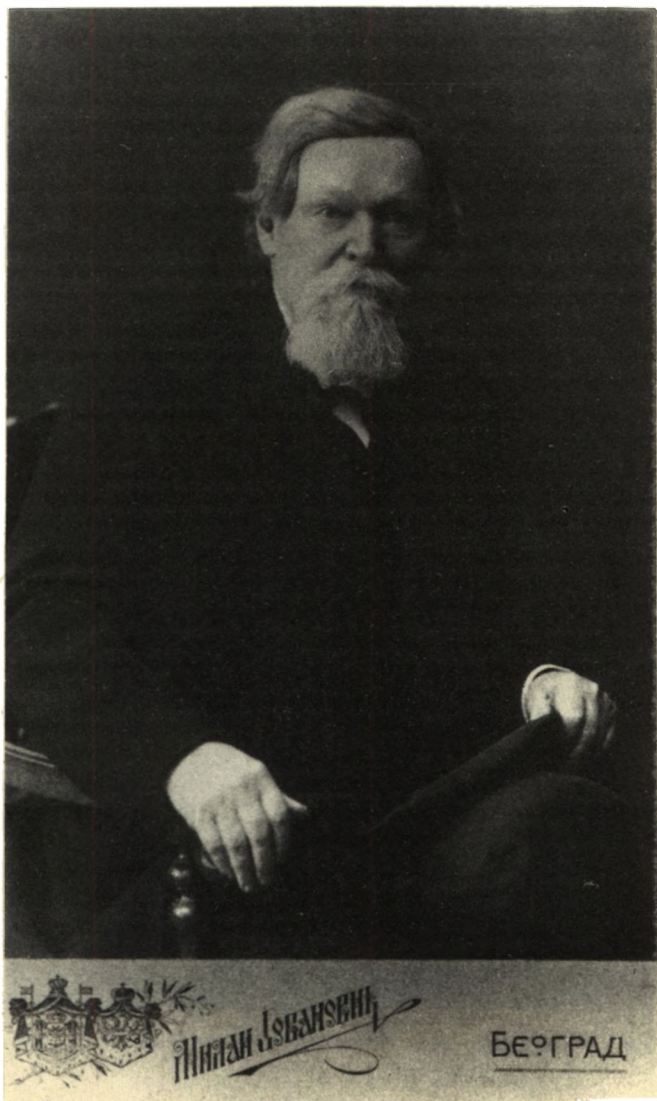
А детям пора жить своим умом.

Знакомлюсь с литературой о храмах древнего мира: это будет курс лекций, а потом, коли жизни хватит, и напечатать с иллюстрациями».

16 августа

«Такого дня как вчерашний, с его теплом, осенней прозрачностью воздуха и ничем не возмутимой с утра до заката тишиной, когда не шевелится ни один листик на деревьях, я не встречал за все это пестрое, на 6/7 непогожее лето.

Такая тишина маленькой усадьбы укрепляет во мне желание оставить с этой осени Москву, чтобы

144. Д.И.Иловайский

145. Р.И.Клейн. 1910-е

поселиться где-нибудь по железным дорогам, у одиноких помещиков, или домовладельцев на пансион, освободив себя от прислуги и забот по хозяйству.

Службу сосредоточу на трех последних днях недели, чтобы с вечера субботы до вечера среды сидеть в деревне и, обложившись литературой, кропать свою последнюю в жизни книгу.

За лето знакомился с литературой Египетских храмов. Знакомство с Голенищевым и Тураевым открыло мне написанное о раскопках последних лет в Египте и специально о храмах, этой теме, раз-

146. Великий князь Петр Николаевич

рабатываемой в последние годы египтологами совместно с архитекторами.

Литература этого рода, снабжаемая множеством иллюстраций, на английском, французском, немецком языках, очень обширна. Чтобы сосредоточиться на этой работе, мне нужен абсолютный покой в течение целых дней, а этого в Москве при моих разбросанных службах иметь я не могу. Хотелось бы сохранить силы на 3¹/₂ года, когда мне стукнет 70 — срок, за которым должно последовать прекращение профессорской службы. Как ни бодрись, а на 8-м

десятке будешь представлять для молодежи только комическую фигуру, с постоянным умалением памяти и знаний. Да и к чему тянуться? Велика милость Божья, если сохранить жизнь до 70, когда припомнишь — все мои учителя сослуживцы и сверстники улеглись на покой куда раньше».

Эти строки были написаны ровно за две недели до смерти. Безжалостная, она не дала ему пожить еще три с половиной года, и задуманный крупный вклад в русскую научную литературу остался несбывшейся мечтой. < ... >

**Третья
часть**

**Статьи, очерки,
воспоминания учеников и сподвижников**

**В.В.Розанов
Памяти Ивана Владимировича Цветаева**

**В.К.Мальмберг
Иван Владимирович Цветаев**

**А.В.Назаревский
Из воспоминаний об И.В.Цветаеве**

**С.А.Жебелев
Памяти И.В.Цветаева**

**Ю.В.Готье
Памяти И.В.Цветаева**

**П.С.Уварова
И.В.Цветаев — творец Музея изящных искусств**

**Д.С.Недович
Воспоминания ученика**

**Н.Н.Клейн
Памяти И.В.Цветаева**

**А.А.Сидоров
Из воспоминаний об Иване Владимировиче Цветаеве**

В.В.Розанов
Памяти Ивана Владимировича Цветаева¹

Малоречистый, с тягучим медленным словом, к тому же не всегда внятным, сильно сутуловатый, неповоротливый, Иван Владимирович Цветаев или — как звали его студенты — Johannes Zwetajeff, казалось, олицетворял собою русскую пассивность, русскую медленность, русскую неподвижность. Он вечно «тащился» и никогда не «шел». «Этот мешок можно унести или перевезти, но он сам никуда не пойдет и никуда не уедет». Так думалось, глядя на его одутловатое с небольшой русой бородой лицо, на всю фигуру его «мешочком», — и всю эту беспримерную тусклость, серость и неясность.

«Но, — говорит Платон в конце «Пира» об особых греческих «тайниках-шкафах» в виде фавна: — подойди к этому некрасивому и даже безобразному фавну и раскрой его: ты увидишь, что он наполнен драгоценными камнями, золотыми изящными предметами и всяким блеском и красотой». Таков был и безвидный неповоротливый профессор Московского университета, который, совершенно обратное своей наружности, являл внутри себя неутомимую деятельность, несокрушимую энергию и настойчивость, необозримые знания самого трудного и утонченного характера. Цветаев — великое имя в древнеиталийской эпиграфике (надписи на камне) и создатель Московского музея изящных искусств. Он был великим украшением университета и города.

Жизнь каждого ученого рассказывается трудами его... Так, говорить «о Цветаеве» — значит говорить о волгоминозных изданиях его, гораздо более известных и раскупаемых в Германии, Франции и Англии, нежели в России, где «музы» все еще зябнут, — и говорить о многих годах тех личных усилий, личных разговоров, личных упрашиваний и разъяснений, из которых каждое в отдельности не могло быть легким, которые остались в тени и темноте, но которые камешек за камешком поднимали и воздвигали чудное здание «Музея изящных искусств» на месте бывшей московской «Пересыльной тюрьмы», что на «Колымажном дворе». <...> Подробно все это и будет восстановлено... Нельзя не пожалеть вообще, что жизнеописания людей науки, в противоположность жизнеописаниям романистов и стихотворцев, как-то странно заброшены в России. Нет сносной и даже кажется никакой биографии Менделеева, Бутлерова и целого ряда наших знаменитых математиков. А между тем труды их и личности их сложили всю умственную жизнь России в ее отчетливых и многозначительных линиях...

1
«Новое время», 1913,
19 сентября.

Ввиду этой-то «общей жалости» и нерадения мне хочется поделиться с читателями двумя письмами Ивана Владимировича Цветаева, где он, — в ответ на мои письменные расспросы и личные о нем воспоминания, как о профессоре-наставнике университета, — дает интересные сообщения, которые могут пригодиться его биографу, да и прочтутся вообще с интересом всяким, кто посещал Музей изящных искусств в Москве:

«От брата моего Димитрия (Д.В.Цветаев, тогда профессор русской истории в Варшавском университете) я слышал, что вы меня помните и поминаете добрым словом. Как бы я желал видеть вас в Москве через 2—3 месяца, чтобы за это доброе чувство показать вам новый беломраморный Музей изящных искусств <... > .

Новое учреждение, юридически принадлежащее Московскому университету, стало, среди однородных институтов Европы, вторым или третьим, уступая лишь дрезденскому Albertinum'у и берлинскому музею слепков. Через 2—3 месяца главные подготовительные работы будут окончены и если последует соизволение Государя, Музей может быть в конце августа или в начале сентября открыт». <... >

Предыдущее письмо от 21 мая 1911 года. Следующее от 3 июня 1911 года: «Исключительную радость доставило мне ваше любезное письмо от 25 мая; я говорю «радость», потому что какое другое чувство в старом профессоре может возникнуть при неожиданной вести, что его добром вспоминают его давнишние слушатели, слушатели юных лет его учительской деятельности? Но вы, по доброте сердца, очень высокою мерою оцениваете мои тогдашние профессорские свойства: силы мои были небольшие, старание использовать их и сделать, на что хватало умения, было — но это и все. Счастьем я объясняю и неожиданные диалектологические (изучение диалектов и говоров) успехи по древней Италии; молодая любознательность была устремлена на самые источники дела, какими служили итальянские надписи, — и молодая отвага путешествий по итальянским захолустьям, каковы напр[имер], Аbruццы, вознаградилась неожиданными результатами. Это было очень давно, в пору давно минувшей юности, и я, вынужденный направить интересы в иную область знания, вспоминаю об этом, как о чем-то светлом, чистом, но уже давно-давно миновавшем вместе с первой половиной жизни.

В 1888 году у меня составилось решение занять кафедру изящных искусств, к которой подготовляли меня те же, вами добродушно вспоминаемые, «оски» («Собрание Осских надписей», изданное на латинском языке И.В.Цветаевым около 1880 года). Из-за них, а потом и из-за остальных Италиков, — Сабинян, Вольсков, Пелигнов, Фалисков и проч[ей] братии, — я должен был работать по всем музеям Италии; <... > [И меня] потянуло сначала читать курсы по сакральным и бытовым «Римским древностям», а потом заняться классическою скульптурой. Кафедра искусств пустовала, я предложил факультету свои услуги под условием 1½ годичной командировки за границу. Там составилась план организации Музея скульптуры при университете. Дело это меня мало-помалу увлекло и стало дорогим. <... >

Соберитесь посмотреть музей весною, как хотите — в день открытия, до открытия, когда будет все стоять на своих местах, или после открытия. Мы всегда будем рады показать вам все, нами собранное. И я уверен, что богатство содержания не уступит достоинству внешнего вида здания».

Музей этот, необыкновенно густо посещаемый, как говорят его теперешние «отчеты», и являющийся прямо учебным заведением по искусству, — собирается стать таким же любимцем Москвы и России, как Третьяковская галерея. И даже проезжие через Москву, как приходилось слышать, неизменно осматривают: 1) царь-колокол, 2) царь-пушку, 3) храм Спасителя, 4) Третьяковскую галерею, 5) Музей изящных искусств... Не могу для любителей фольклора не передать впечатления одной простолюдинки, когда, открыв дверь первого же зала, она глянула на греческие скульптуры. Заслонив рукой лицо, эта несчастная воскликнула:

— Ой, страсти какие! Сколько мертвецов!!!

И несмотря на все увещания «старших», не вошла в зал.

Да, конечно, «мертвые»... Долго я размышлял над этим восклицанием. И смеюсь, и горюю, и рвет сердце недоумением. Нам — «статуя», «великолепие»; для крестьянки — «страсть» (страх), «мертвое тело», «покойник». Черт знает что такое. Не знаю, где правда, — в нашем ли восхищении, в ее ли жизненном страхе. Она прямо сказала, что «от страха умрет», если ее принудят войти в зал.

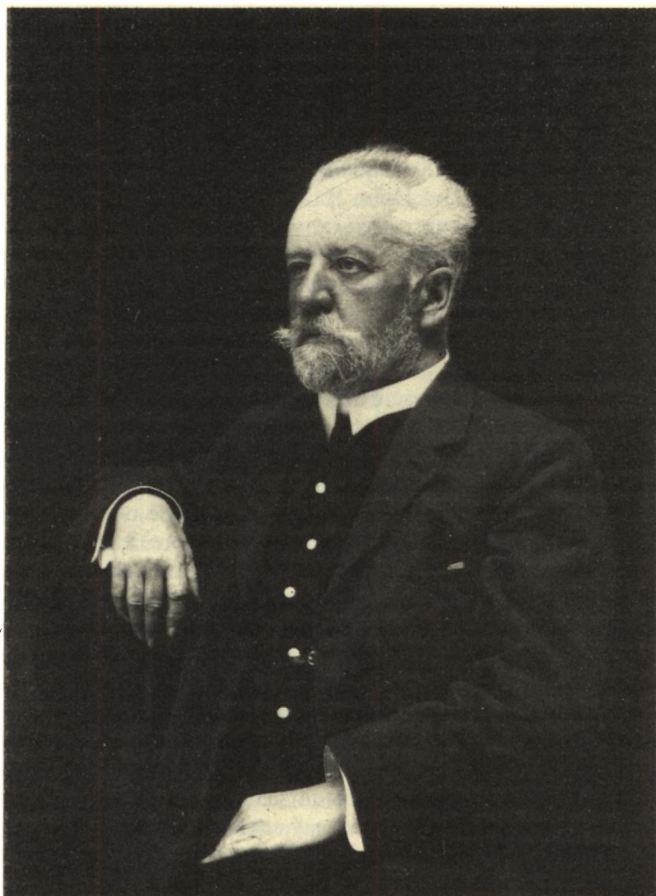
«Да почему мертвые, глупая? Каменные!!!»

— Не шевелятся, не живые, — а человек как есть.

Ну, Господь с нею.

Нужно пожелать, чтобы одна волна энтузиазма поддержалась следующею второю волною энтузиазма. Нужно, чтобы Музей начал наполняться подлинниками. Ежегодно в Петербург и в Москву приезжает Турок (образованный) Осман Нурри-бей, собиратель на всем востоке, в Малой Азии, в Сирии и Палестине, в Персии, не говоря уже об Европейской Турции, — античных монет, и обогащает продажею их все музеи Европы, Британский Музей, Парижское собрание медалей и монет, Берлинский мюнц-кабинет. Монеты — один из великих памятников древнего искусства. Если бы Московский Музей изящных искусств получил возможность ежегодно покупать тысяч на 5—7 рублей монет и выставил их в открытых витринах, как это сделано в Эрмитаже, то посетители Музея, студенты, гимназисты, — получили бы портретную галерею всех древних царей, полководцев, вообще великих мужей древности, сделанных в то время, часто с изумительным мастерством портретного сходства. Это дивная школа древней истории, — и особенно нельзя не подумать о милых гимназистах, которые заглядятся и на портрет Юлия Цезаря, и на изумительный портрет нумидийского царя Юбы, в его высокой шапке и с характерной бородой, совершенно напоминающий наших горцев Кавказа, самого свирепого вида...

А древние языческие храмы, а сцены цирковой борьбы на динариях, и величавые боги, и красавицы-богини... Все есть на монетах, в золоте, серебре и бронзе. Нужно, чтобы сюда хлынула волна пожертвований.

147. В.К.Мальмберг

Вечная память Ивану Владимировичу Цветаеву. Имя его в просвещении России вместе с именем благородного Ю.С.Нечаева-Мальцева и других жертвователей на этот Музей никогда не будет забыто.

В.К.Мальмберг
Иван Владимирович Цветаев²

Уже с весны 1913 года Иван Владимирович стал жаловаться на недомогание. Первый сильный приступ грудной жабы случился с ним 25-го апреля. Вот что пишет сам Иван Владимирович из Тарусы (Калужской губ[ернии]) в письме (от 28-го апреля 1913 г.),

²
Отчет Императорского московского университета за 1913 г., ч.1.

М., 1914, с.1-19. (Печатается в извлечениях.)

адресованном младшему хранителю Музея Изыщных Искусств имени Императора Александра III в Москве, Н.А.Щербакову: «Я тут болею: 25 числа, нанявши лошадей для переезда на железную дорогу, я в один момент, нежданно, подвергся приступу грудной жабы, которая держала меня 24 часа. Сбежались местные врачи, лечили банками и каплями. Очень ослабел» ...Врачи посоветовали ему поселиться в санатории, но Иван Владимирович предпочел жить в деревне. Он снял себе скромную комнату с пансионом в имении Поливаново-Кларк под городом Подольском. За три дня до кончины (27 авг[уста]) с Иваном Владимировичем случился второй серьезный припадок. По собственному желанию он был перевезен в Москву. Созванный на другой день консилиум врачей объявил, что положение опасное, но не безнадежное. Увы, эти надежды не оправдались, — на другой день (30 августа, в час пополудни) его не стало.

Иван Владимирович, сын священника, родился в селе Дроздове, под городом Ивановом-Вознесенском, 4 мая 1847 г. Начальное образование получил в Шуйском духовном училище, среднее — во Владимирской семинарии, а высшее образование в Императорском С.-Петербургском университете, где в 1870 г. окончил Историко-Филологический Факультет со степенью кандидата и был удостоен золотой медали за сочинение на предложенную Факультетом тему «Критическое обозрение текста Тацитовой Германии».

Как блестяще окончивший курс кандидат, Цветаев с осени 1870 г. был оставлен на два года при Университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре римской словесности со стипендией Министерства Народного Просвещения, в размере 600 рублей в год; стипендия эта была затем продлена еще на год. Второй год приготовления к учебному званию Ивана Владимировича совпадает с преподавательской деятельностью в среднем учебном заведении (он преподает греческий язык в 3 С.-Петербургской гимназии), а третий год — в высшем учебном заведении (по приглашению Варшавского университета Иван Владимирович исполняет должность доцента по кафедре римской словесности).

В 1873 г. Иван Владимирович, по сдаче экзамена на степень магистра римской словесности, защитил в С.-Петербургском университете магистерскую диссертацию <... >.

В 1877 г. Иван Владимирович был приглашен на должность доцента римской словесности советом Московского университета. В том же году (24 октября) он защищает в С.-Петербургском университете диссертацию на степень доктора римской словесности. <... >

Продолжавшаяся более сорока одного года учено-преподавательская деятельность Ивана Владимировича делится на два периода, из которых первый обнимает собою 17 лет, а второй — 24 года. Первый период посвящен преподаванию и трудам по классической филологии, второй — по истории искусств и созданию Музея изящных искусств имени императора Александра III.

Первым искусствоведческим трудом является пространный очерк Цветаева «Погребальные обычаи древних римлян» (Русский Вестник, 1887 г., № 2 и № 3); затем последовал ряд работ по

школьному вопросу в Риме: 1. Школы древних римлян (Русский Вестник; 1888 г., №№ 3 и 10); 2. Высшая школа древних римлян (там же, 1893 г., №№ 5 и 6); 3. Из жизни высших школ римской империи (там же, 1902 г., № 2). Из этих работ самая обширная — последняя, прочитанная с некоторыми сокращениями, в качестве речи на акте Московского университета 12-го января 1902 года и встреченная в печати с большим сочувствием. Извлечения из этого «этюда» (как называет свой труд Иван Владимирович) появились вскоре в различных литературных органах Петербурга и Москвы. Полностью этот очерк напечатан был также в журнале «Вопросы философии и психологии» за 1902 г. и затем вышел отдельно вторым изданием в том же году. <... >

Непосредственно к античной археологии относятся два сообщения Ивана Владимировича, читанные им в 1894 г. в годичном заседании Императорского московского археологического общества 9-го марта («Древне-греческие терракоты из собрания его императорского высочества великого князя Сергея Александровича», напечатано в № 5 «Русского Обозрения») и в Московском Обществе Любителей Художеств 12-го ноября («Скульптура города Танагры»). <... >

Если первый период создал Ивану Владимировичу крупное имя в науке как в России, так и за границею, то второй период доставил ему неувядаемую славу человека, деятельность которого вышла далеко за пределы университетского преподавания. Значение Ивана Владимировича в этом, втором периоде его деятельности, помимо учено-преподавательской, заключается не в том, что он напечатал, а в том, что он сделал. <... >

Почившему выпало на долю редкое счастье видеть, что идея его воплотилась в реальные формы в размерах, далеко превзошедших его первоначальные скромные начинания. Задуманный покойным, достойный первого русского университета учебно-вспомогательный аппарат при кафедре истории античного искусства разросся неустанными трудами Ивана Владимировича до размеров грандиозного хранилища образцов художественного творчества Классического и Мусульманского Востока, античного греко-римского мира и эпохи христианской.

Предназначенный первоначально для потребностей преподавания истории искусств питомцам Московского университета, Музей идет ныне навстречу художественным запросам широких кругов русского общества, привлекая в стены свои сотни тысяч посетителей со всех концов России.

Иван Владимирович поистине может считаться избранником судьбы, — немало у нас людей и талантливых, и преданных своему делу, и энергичных, но не многим суждено совершить подобное великое дело.

А. В. Назаревский Из воспоминаний об И. В. Цветаеве³

До сих пор не верится, что нет Ивана Владимировича Цветаева. Все кажется, что вот-вот он войдет в Музей со сложенными руками, приветливо бодрым жестом, как всегда, поздоровается с нами, подойдет с ласковой шуткой к каждому, в своей серой тужурке с поясом; и начнет своим ярким, полным красочности языком излагать свои пожелания, думы, сомнения. Сядет он, затем, за своим столом, низко наклонившись, и будет долго-долго писать своему неизменному другу из Дрездена; напишет два-три письма к своим итальянским сотрудникам или музейным поставщикам, в полушутливом и деловом тоне на прекрасном итальянском языке; призовет к действительному участию старого или нового пособника родному делу.

А ранним утром в призыве телефона невольно ждешь его голоса с мягким и одновременно властным зовом к разработке вопроса о создании нового отдела Музея или скромных подробностей об установке какого-либо римского портретного бюста. Он болел душой и над устройством фриза из Фигалии и над установкой консолей под памятники Возрождения, над устройством зала Северного Ренессанса и над тонированием бюста Александра Великого.

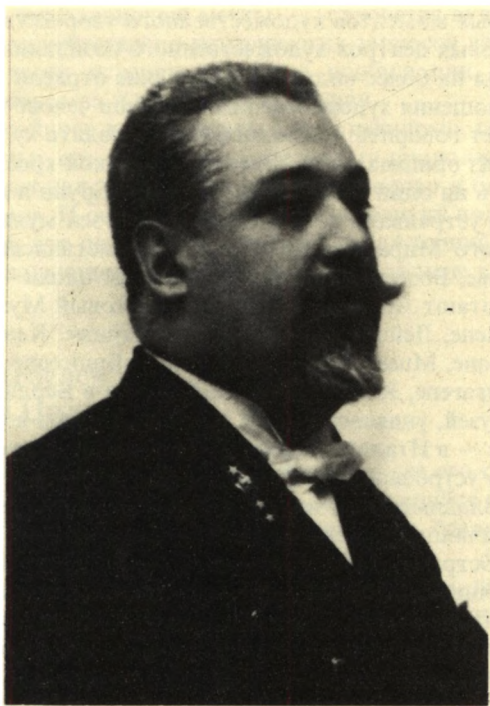
Помним его на лекциях, когда он говорил «Вы видите перед собой удивительное создание Микеланджело — его колоссального Давида», — когда он звал к красоте своих слушателей и слушательниц по Университету и Курсам в залах Музея, с поднятыми к памятнику руками, с его мягким и теплым проникновением к рассматриваемому предмету. Не забудут его почтительно-любовного отношения к Голенцевскому собранию во время приема его в Петербурге. Сопутствовавшие тому времени невзгоды не угасили его радости передачи родному своему детищу — нашему Музею — драгоценных подлинников всемирно ценимой коллекции.

С нежным благоговением он, — старый профессор, — окутывал упаковочной ватой скарабеи и цилиндры, амулеты и ушебти. И это непосредственное единение с бесценными оригиналами классического Востока — гордости Музея — заглушало боль личного горя и вливало в душу его нравственную бодрость и еще более углубленную веру в действительную силу издавна начатого святого дела.

«Место свято не будет пусто», много раз говорил почивший Иван Владимирович. Исторически незабываемыми трудами Ю. С. Нечаева-Мальцева воздвигся, именуемый народной молвой, дворец искусств в Москве. Благодаря его художественной воле притекли сюда многие памятники Египта, античного Греко-Римского мира и христианской эпохи.

³ Отчет о соединенном заседании Высочайше утвержденного Комитета по устройству Музея изящных искусств им. императора Александра III и Совета

Императорского московского университета, посвященном памяти И. В. Цветаева и Ю. С. Нечаева-Мальцева. М., 1914, с. 35-39.

148. А.В.Назаревский

Но Иван Владимирович, духовный творец святого храма сего, посвященного культу художественного творчества, свыше 20 лет устным и печатным словом, паломническим подвигом ходатайств пред сильными властью и материальными средствами лицами, воплотил идею создания художественно-исторической хрестоматии для широких кругов нашего общества и в первую голову для специалистов в деле изучения истории искусств античного Востока, Эллинизма, Рима и Христианского Мира.

«Место свято не будет пусто», — говорил он, — и в святая святых его пришли наиболее чуткие силы художественно-образованных кругов Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода и других городов России. Интеллигентные и в то же время щедрые пособники двинулись навстречу новому началу — началу художественного образования народных масс. А теперь на этот призыв стекаются сотни тысяч людей со всех концов нашей родины, учеников и учителей, членов профессиональных организаций, массы лиц из среды еще мало подготовленных к художественным вопросам обывателей и круги близких к художественно-историческому делу специалистов.

Чего же хотел Иван Владимирович? Он жаждал посеять в душе отчужденных от искусства сородичей семена художественной формы. Он ясно чувствовал, что необходимо начать с наиболее ярких

и выразительных моментов художественного творчества. Он избрал несколько узловых центров художественного созидания и, исходя из них, разветвлял на более подробные и мелкие отрасли основные моменты воплощения художественных идеалов человеческого гения. Едва ли следует говорить о невозможности создать художественную хрестоматию из оригинальных памятников, такой хрестоматии не в силах создать ни один музей мира. Велькер, Брунн и их до сего дня продолжатели устраивали ретроспективные музеи муляжей. Начали они с Античного Мира, перешли в Древнехристианский Мир, в Средневековье, Возрождение и более поздние эпохи — до наших дней. Так работают Albertinum в Дрездене, Новый Музей в Берлине, музеи в Мюнхене, Лейпциге, Трокадеро в Париже, Кенсингтонский Музей в Лондоне, Musée du Cinquantenaire в Брюсселе и более новые музеи в Копенгагене, Kaiser Friedrichs-Museum в Берлине, Магдебургский Музей, университетские музеи Германии в Страсбурге, Бонне и новые — в Италии, где обилие подлинников не останавливает ученые силы в устройении музеев муляжей.

Иван Владимирович ясно чувствовал, что в пластике первым и основным началом является форма и она чище, если можно так выразиться, абстрактнее, отвлекаясь от свойств материала — камня, бронзы или глины, сказывается в гипсе. Один из величайших скульпторов современности, недаром, выразился, что чище всего его творчество выражается в гипсе, несмотря на ставимые этому материалу упреки в ватообразности и непрозрачности: моделировка и контуры ясно говорят художественному взору, в своем чистом, хотя бы примитивном и резком виде. И это Иван Владимирович сознавал, определенно и убежденно проповедывал. Но рядом с чистой формой он пожелал все-таки видеть и воссоздавать памятники, тонами своими близкие к оригиналам. Он, по совету крупнейшего специалиста дела музейного устройства в Германии проф. Трея, призвал из Брауншвейга талантливого художника-декоратора, научившегося давать редкую иллюзию оттенения подлинных бронз, а нередко и камня.

Этому примечательному организатору выпало на долю счастье видеть осуществление заветной мечты всей своей жизни. Из намеченного им университетского музея для преподавания истории и теории искусств вырос всероссийский Музей для просвещения инертных еще в художественном отношении народных масс нашей родины. Он видел, как вливались в созданное им учреждение волны алчущих художественного образования всех слоев нашего общества, с заложенным искони, но все еще подспудным, еще дремлющим стремлением к идеалу красоты. И переполнившие залы его Музея, вопреки всем ожиданиям, народные массы радостно изумляли его.

Но он не мог удовлетвориться посещением толпы людей, не могущих вполне сознательно отнестись к развитию искусства. Он призвал к жизни давно задуманный им институт руководителей этих мест, толмачей малопонятного им языка художественной формы. И тут надежда его не обманула. Групповые осмотры с объяснениями наших молодых, но сильных знанием дела и горячим увлечением руководителей и руководительниц, доставили ему минуты искреннего удовлетворения и счастья. Не удалось лишь почившему видеть

осуществления его давнишней мечты — устройства аудитории для обслуживания художественно-исторических запросов всех и каждого, будь то в области истории искусства вообще или истории прикладного искусства и эстетических учений.

Дух покойного в эти минуты здесь, невидимо, среди нас. Он зовет всех верных его заветам к деятельности продолжению и, насколько хватит сил, к завершению столь широко и благородно задуманного дела. И он, принявший на себя великий подвиг служения искусству, ждет, что по проложенному им среди терний пути двинутся деятели последующих поколений дальше и дальше к завещанной им цели.

С.А.Жебелев Памяти И.В.Цветаева⁴

< ... > Воспитанник СПб университета, где его главным наставником был Н.М.Благовещенский, занимавшийся позже в Бонне у Бюхелера, И.В.Цветаев первоначально работал, главным образом, в области римской филологии. < ... >

Не берусь по некомпетентности судить о том, насколько работы Ивана Владимировича, посвященные исследованию итальянских диалектов, сохраняют свое значение по настоящее время. Считаю необходимым, однако, отметить, что эти работы вызвали, в свое время, чрезвычайно сочувственные отзывы не только со стороны отечественных ученых (И.В.Помяловского и Ф.Е.Корша), но и со стороны ученых иностранных (L.Havet, M.Bréal, Victor Henry, Bücheler). Составленные Иваном Владимировичем сборники итальянских диалектических надписей служили долгое время, да служат отчасти и теперь, опорой в исследованиях первоклассных специалистов по итальянской диалектологии, как голос ученого, лично обследовавшего и изучившего памятники древних племен в Сицилии и провинциях южной Италии. А по поводу докторской диссертации Ивана Владимировича L.Havet в свое время писал: «Появление этого труда является симптомом ощущаемого уже движения, которое рано или поздно, должно привести к тому, чтобы русский язык стал новым научным языком, знание которого неизбежно для ученых западных». Появления на свет сборника осских надписей было признано М.Бреалем «Эпохой» в истории изучения итальянской диалектологии. < ... >

Отмечу еще статьи Ивана Владимировича, посвященные описанию его путешествий по Италии (1883 и 1888), Греции (1892 и 1893) и ряд статей-характеристик отечественных и иностранных ученых, как-то: Анджело Май, Велькера, Н.М.Благовещенского, И.В.Помяловского, В.И.Модестова, Г.Брунна, Дж.Б. де Росси и других.

В 80-х годах XIX в. в направлении ученой и преподавательской деятельности И.В.Цветаева произошла перемена: с кафедры

4
Записки классического отделения
Императорского русского

археологического общества.
Т.VIII, с.352-362. (Печатается
в извлечениях.)

классической филологии он перешел на кафедру истории и теории искусства. < ... > На долю Ивана Владимировича выпала тяжелая задача прежде всего надлежащим образом оборудовать эту кафедру, и Иван Владимирович с горячею энергией принялся за осуществление этой задачи. Прежде всего он задался мыслью составить учебный атлас античного ваяния и осуществил эту мысль в течение 1890—96 гг., выпустив в свет, в ограниченном количестве экземпляров, в 4-х выпусках, фотографические снимки с наиболее характерных памятников античного искусства. Назначение атласа было чисто учебное, и идею составления его должно приветствовать, но способ выполнения путем фотографирования памятников в большей их части не с оригиналов или слепков, а с существующих изданий, по своей дороговизне, оказался мало практичным, и атлас Ивана Владимировича почти не вышел за пределы Московского университета, вернее, того скромного Кабинета изящных искусств, какой тогда при университете существовал. Но И. В. Цветаев прекрасно сознавал, что историю искусств можно и должно преподавать не по атласам и книгам, а по слепкам со статуй, по моделям архитектурных зданий, по копиям с памятников живописи. < ... >

Я не могу излагать здесь историю создания «Цветаевского Музея», как он в общезнании назывался и продолжает называться. Если бы судьба продлила век Ивана Владимировича, он, несомненно, написал бы историю своего Музея и изложил бы ее так же красноречиво, как он постоянно знакомил нас с постепенным ходом работ по созданию Музея в ежегодно, начиная с 1899 г. появлявшихся отчетах о деятельности Комитета музея. Теперь написать историю создания Музея будет ближайшей задачей музейной администрации. История эта, несомненно, будет очень поучительна: она покажет, что значит в каждом крупном деле личная энергия, твердая вера в ту пользу, какую дело должно принести в будущем, безграничная любовь к нему. Эта история создания Музея докажет, что не оскудела еще просвещенными меценатами родина наша, которые готовы были тратить десятки и даже сотни тысяч рублей на оборудование в Музее так называемых именных зал. < ... >

Успех, какой встретил новооткрытый музей не только у московской, но и вообще у русской публики, превзошел всякие ожидания. Вот что писал мне И. В. Цветаев 29 сентября 1912 г.: «Благожелания, сыпавшиеся на Музей весною, были, очевидно, очень искренны и оттого они начинают сбываться. Посетители еще раньше, чем мы успели напечатать в газетах об открытии Музея для публики, сами как бы силком овладели входом в Музей. Стали собираться толпы перед дверями с просьбой пустить посмотреть. Стоят и не отходят. Сначала мы назначили определенный час для сторонних гостей, чтобы не смешивать их с экскурсантами-школьниками, отнявшими у нас все лето и прошедшими в числе многих тысяч... Экскурсанты слынули, в конце августа явились тысячи «Потешных» со своими директорами, инструкторами и даже попечителями учебных округов. Выехали из Москвы и эти; тогда московская публика, не дожидая объявления администрации, овладела Музеем сама. Каждый день бывает от 500 до 600 человек, а по воскресеньям валом валит из храма Спасителя, прямо от обедни. Мы, когда писали

проект штата, на швейцарскую назначили 2-х служителей. А по воскресеньям бывает посетителей до 1500 человек».

После этого письма прошло ровно 11 месяцев, когда я 29 минувшего августа был в Московском музее, посетителей в нем было за этот день зарегистрировано 1600 человек.

Отрадно было смотреть на эту толпу, двигавшуюся чинно по залам Музея, толпу, в значительной своей части пришедшую «с улицы» и тем самым внесшую в атмосферу музея какое-то особенно радостное настроение. Чувствовалось, что Музей существует и будет существовать не только для науки, но и для народа, который кормит эту науку и который сам имеет теперь возможность хоть отчасти кормиться от нее. Иван Владимирович хотел «сделать новый Музей живым учреждением и понятным для посетителей, хотя бы со средним образованием». Это желание покойного осуществилось в полной мере.

Благодаря стараниям И.В.Цветаева и его сотрудников по Музею, почти с самого же начала его существования, сделано было все, чтобы облегчить пользование Музеем для массы: изданы прекрасные недорогие путеводители, открытки со снимками хранящихся в Музее памятников с пояснительным текстом к ним, на каждой вещи Музея висит ярлычок, кратко ее поясняющий, в утренние часы молодые люди из окончивших курс студентов руководят общими и специальными экскурсиями, при Музее заведена формовская, изготовляющая за недорогую цену гипсы и пр. Но не только о массе публики позаботился И.В.Цветаев: за год с небольшим своего функционирования Музей успел уже издать в свет три выпуска «Памятников Музея», где нашли достойное издание и объяснение некоторые из оригиналов, хранящихся в музее (главным образом, из Голенищевского собрания). Таким образом, получил удовлетворение и ученый мир. Остается удовлетворить учащуюся молодежь и просвещенную публику: оборудовать готовую уже великолепную аудиторию, приобрести эпидиаскоп, а в особенности позаботиться о том, чтобы Музей был доступен и по вечерам, т. е. устроить в нем электрическое освещение.

За 15 месяцев своего директорства И.В.Цветаев поставил, как говорится, Музей на крепкие ноги, и можно быть уверенным, что будущность его обеспечена. Уже немедленно после открытия Музея Иван Владимирович был обеспокоен «О его сохранности и о приобретении для него возможных подлинников». «Надо пошукать, — писал он мне, — нельзя ли организовать такую коллегия с постоянным капиталом, положим в 10000 руб., которым, в подходящем случае, мог бы Музей располагать, не теряя времени. Пишу проект о такой коллегии платоспособных Amis du Musée Alexandre III à Moscou». Я не сомневаюсь в том, что если бы судьба сулила прожить Ивану Владимировичу хотя бы еще года три, такой проект нашел бы свое осуществление. За это говорит энергичный характер Ивана Владимировича, его не знающая усталости деятельность, его умение находить подходящих людей, привлекая их в Москву и в свой Музей, когда то оказывалось нужным, и из Юрьева, и из Петербурга, и из других мест.

Работая и хлопоча над созданием Музея, Иван Владимирович

не имел досуга отдаться писательской деятельности по истории искусства. <...> Об этом можно сожалеть, так как покойный отличался большим умением ясного и обстоятельного изложения; но ставить в вину отсутствие «писательства» в деятельности Ивана Владимировича мы, конечно, не вправе. Он не потому не писал, что не интересовался своим предметом или не имел желания писать, но потому, что ему приходилось слишком много писать, говорить и действовать в эпоху создания музея. И я уверен, что напиши и напечатай Иван Владимирович вдесятеро больше того, что он написал и напечатал, все же он не принес бы той пользы и своему предмету и Московскому университету и всей России, какую он принес созданием своего Музея. «Цветаевский» музей, являющийся, в полном смысле слова, «приобретением навеки», послужит вечным памятником неутомимой и полезной деятельности покойного, деятельности столь же славной, сколь и некичливой, деятельности, результаты которой говорят сами за себя и будут всегда говорить и нам, его современникам, и тем, кто после нас будет работать в области археологии и истории искусства.

Ю. В. Готье Памяти И. В. Цветаева⁵

Моя встреча с Иваном Владимировичем произошла в ту эпоху моей жизни, когда мне пришлось делать первые шаги в сфере практической деятельности. Это было в 1898 году. Вскоре затем наступил десятилетний период, когда я почти изо дня в день встречался с ним в обстановке, для него быть может мало интересной, во всяком случае серой, будничной, но при которой можно было хорошо присмотреться ко многим чертам его характера; дружеское расположение, которым Иван Владимирович стал дарить меня уже в ближайшие годы моего с ним знакомства и которое продолжалось до последних дней его жизни, позволило мне стать к нему ближе, чем это позволяют обычные отношения между начальником учреждения и одним из его помощников по службе.

Мне кажется, что первое мое яркое впечатление от Ивана Владимировича относится к самому концу истекшего столетия; в 1899, помнится, году учреждалась в Румянцевском музее строительная комиссия по ремонту его давно изветшавших зданий; на одном из предварительных совещаний, происходивших в квартире тогдашнего директора музея, благороднейшего и милейшего М. А. Веневитинова, присутствовал и Иван Владимирович. Уже тогда всецело занятый созданием музея изящных искусств, Иван Владимирович кроме своих прямых обязанностей хранителя отделения изящных искусств, мало принимал участия в делах всего Румянцевского музея и, в частности, в деле его управления. Я не думал поэтому, что в заседаниях, где должны были решаться скучные и мелкие

5
Протокол обыкновенного
заседания Императорского
московского археологического

общества 29 ноября 1913 года. —
«Труды Московского археологического общества», т. 24.

вопросы, касавшиеся организации ремонтных работ, Иван Владимирович выйдет из своей обычной роли несколько сдержанного наблюдателя. Велико было мое удивление, когда я услышал, как Иван Владимирович спокойно, хладнокровно, и вместе с тем со знанием дела, энергией и деловитостью взял в свои руки направление этого заседания, и один за другим разъяснял запутанные, как многим казалось, вопросы, связанные со строительным делом. Спокойствие с одной стороны, энергия с другой — вот две черты, которые меня в нем поразили в этот вечер; дальнейшая совместная с ним деятельность убедила меня, что эти две черты — краеугольные камни, дающие ключ к уразумению всей его общественной деятельности.

Я не знаю, было ли это спокойствие врожденным свойством его души; думается скорее, что оно было выработано той суровой школой жизни, какую Иван Владимирович прошел в молодые годы; он обладал великолепной выдержкой, дававшей ему возможность в совершенстве владеть собой во все самые трудные минуты жизни и хладнокровно смотреть в глаза опасности; но выдержка эта всегда была в нем соединена с жившей в нем надеждой, пожалуй даже больше, с непоколебимой верой, что намеченная цель будет достигнута, что правда, как он себе ее представлял, окажется победительницей. Мне вспоминаются некоторые его разговоры 1905—1906 годов: был в то время момент, когда Иван Владимирович опасался, что щедрая рука, помогавшая созидать его музей, может оскудеть вследствие событий, которые тогда переживала Россия. Детище Ивана Владимировича уже выросло, и было вчерне готово, но впереди оставалось немало труда; видя, что по обстоятельствам, не зависящим от нас и притом неодолимым, ход дела, наполовину законченного, может приостановиться, он не мог не тревожиться за будущность музея, не мог не переживать смутного тяжелого чувства; он этого и не скрывал; но несмотря на это ни на минуту не опускал рук и не переставал обдумывать будущий состав музея, вел обширнейшую переписку по поводу сделанных или предполагаемых заказов, спокойно высказывая замечания — «ну что же, будем работать потише; но ведь теперь уже музей не станет; дело настолько подвинуто вперед, что остановить его нельзя, и так или иначе до конца оно будет доведено». Позднее, в самые, быть может, тяжелые годы своей жизни, когда дело шло об его добром имени и репутации, какое железное самообладание нужно ему было, чтобы найти силу и написать целую книгу в защиту своей деятельности от наветов врагов!

Подобное спокойствие и самообладание может быть уделом только человека, который верит в свое дело и знает, как идти к поставленной цели; это последнее Иван Владимирович знал хорошо и если можно думать, что спокойствие и самообладание в нем выработала жизнь, то его энергия была Божиим даром, которого он не зарыл в землю. Музей имени Императора Александра III обязан своим существованием именно этой, из ряда вон выходящей, энергии; не мне излагать героическую повесть возникновения этого нового просветительного учреждения Москвы; я ограничусь только несколькими воспоминаниями, несколькими мыслями, слышанными в разное время от Ивана Владимировича. Он составил себе в Москве

репутацию человека, который особенно счастливо умеет находить деньги для культурных целей; действительно, не многим удалось привлечь такое материальное сочувствие задуманному делу; но каким трудом, какими усилиями достигал этого Иван Владимирович. Он сам высказывал, как нелегко ему было обращаться с первыми просьбами о денежных пожертвованиях на музей, и добавлял при этом, что его всегда поддерживала одна мысль — мысль о том, что он просит не для себя — «просить не для себя, а на общее дело легко», говорит он. Но ведь не только вопрос о средствах преодолела неудержимая энергия Ивана Владимировича — его же усилиями двинут был и направлен вопрос о здании, вопрос о программе музея, и т. д. И помимо непосредственных своих трудов по созданию своего музея, Иван Владимирович проявлял такую же упорную, не знавшую препятствий энергию. Беззаветно служа своей идее, он умел и других заставлять служить ей. Личным примером, дружеской просьбой заставлял он своих сподвижников отдавать свой труд излюбленному им делу; в иных случаях подробно объясненное поручение, настойчивое указание на необходимость работы заставляли даже не соглашавшихся с ним идти по начертанной им стезе. Конечно, далеко не всегда препятствия, выроставшие на пути, удаляемы были сразу; но и в подобных случаях настойчивая энергия Ивана Владимировича не слабела: если через препятствия нельзя было перешагнуть, он выжидал благоприятного стечения обстоятельств, ожидал иногда долго, по целым годам вынашивая свою мысль и вновь возвращаясь к ней тогда, когда полагал, что создавалась обстановка, благоприятная для его планов.

Кипучая энергия и душевная сила Ивана Владимировича покажется особенно яркой, если ее сравнить с его личной скромностью, с полным отсутствием требовательности для себя лично. Присматриваясь со стороны к личным вкусам и привычкам Ивана Владимировича, можно было постороннему подумать, что никакой личной жизни, никаких личных желаний у него не было: по образу жизни это был истинный спартанец, не только не гонявшийся за роскошью, но совершенно в ней не нуждавшийся; даже более — органически чуждый ей. Много лет назад, по указаниям врачей, Иван Владимирович усвоил себе раз навсегда привычку ходить пешком. В его скромной, немного согнутой фигуре, торопливой походкой направившейся ежедневно из Трехпрудного переулка к Храму Христа Спасителя, а в сумерки возвращавшегося той же дорогой домой, не всякий бы признал человека, державшего в своих руках судьбы двух крупных просветительных учреждений Москвы. Есть — значило для него только утолить голод и поддержать свои силы.

Надо было слышать, с каким добродушным юмором сам он рассказывал о лукулловских обедах, которыми иногда угощал его один из сотрудников по музею изящных искусств.

Не помню я, чтобы Иван Владимирович искал отдыха для отдыха, и не думаю, чтобы и с этой стороны в нем была какая-нибудь склонность к усвоению привычек сибарита. Сколько раз он переживал мучительное московское лето, чтобы только быть при деле, которое наполняло его душу в последние 20 лет жизни. Обычно, когда это только зависело от него самого, его отлучки были

недолговременными и обуславливались советами врачей щадить свое здоровье, беречь свои силы. Да даже когда он летом уезжал на несколько недель в Тарусу или, как это бывало в последние годы его жизни, под Троицу в Вифанию, разве его отдых был воздержанием от всех дел. О противоположном могли бы дать свидетельства служащие почтовых отделений, ближайших к месту его отдыха. Сосредоточившись на досуге, Иван Владимирович обдумывал дальнейшие планы, касавшиеся и его любимого музея и всех его других ученых и житейских дел, и излагал их в своей переписке, равной которой почти не найдешь в наше время телеграфов и телефонов. И его путешествия за границу не были исканием покоя или погоней за развлечениями: что бы ни привлекало его в чужие края — нездоровье близких людей, ученая командировка, — все было для него средством к углублению своих познаний в области искусства и к обогащению московского музея изящных искусств: для него он приобретал вещи и слепки по всем странам Западной Европы, его пропагандировал он на археологическом конгрессе в Каире и о нем же думал в 1910 году, когда, потрясенный всем, что поизошло с ним в Москве, он занимался летом в Дрезденском Альбертинуме. Об ученом труде по архитектуре, мысль о котором возникла у него несомненно в связи с его деятельностью в музее Александра III, мечтал он истекшим последним летом, которое он проводил в окрестностях Москвы.

Иван Владимирович был человеком с почтенным именем в русской филологической науке; но не мне освещать заслуги его в этой области, тем более, что самые крупные его труды, сюда относящиеся, были написаны задолго до того времени, когда я близко с ним познакомился; не мне говорить и о том, что сделал он для распространения у нас симпатий и знания в сфере истории искусства; но мне бы хотелось сказать два слова об одном по крайней мере его труде — мне, как историку, наиболее близком. Можно предположить, что в последние 10—15 лет, поглощенный текущими делами, отчетами комитета по постановке музея и своей обширной перепиской, он не имел возможности уделять время научной работе; что это было не так, свидетельствует его речь, произнесенная на университетском акте 1902 года — «Из жизни высших школ римской империи». В печатном издании речь разрослась в обширное, тщательно отшлифованное исследование, в котором филолог и историк искусств проявил себя тонким и полным вкуса историком культуры, увлекательно рассказавшим о профессорах Греции и Рима, об учащейся молодежи классического мира и о том, как много общего было в жизни греко-римских студентов с современными их эпигонами. Читая эту работу, я всегда думал, как жаль, что Иван Владимирович не специализировался в занятиях древней историей; русская историческая наука имела бы в его лице крупное имя.

Мне хотелось бы в заключение сказать несколько слов об отношении Ивана Владимировича к людям вообще и к тем, кого он любил, в частности. Нет человека, у которого не было бы врагов: были враги и у Ивана Владимировича, были люди, которые его не любили, были и такие, которых он не любил; но, за немногими исключениями, неизбежными в жизни, природная доброта сердца и философски-спокойное мирозерцание, выработанные в нем

жизнью, заставляли его благожелательно смотреть на ближнего. Благожелательное настроение переходило у Ивана Владимировича в искреннее расположение всякий раз, когда он видел, что между ним и другим лицом, встреченным им на жизненном пути, устанавливается известная внутренняя связь, а расположение становилось истинно дружеским, когда он убеждался, что эта связь прочна и что с другой стороны к нему питают такое же искреннее чувство.

Для людей, которых Иван Владимирович имел основания считать своими друзьями, он был всегда готов сделать всё, что в его силах: отказа не бывало. Нужно было ободрить первые шаги молодого человека, попавшего в Москву из провинции — Иван Владимирович следил за ним, как за родным сыном. Надо было помочь человеку в беде — безразлично, материальной или нравственной, Иван Владимирович утешал, помогал и делом, и советом, ходатайствовал, писал письма, сам ходил к тем, от кого зависело дело, не зная устали и проявляя ту самую настойчивость, то самое упорство, какие были ему свойственны во всей его ученой и общественной деятельности. За тех, кого он считал своими друзьями, он готов был действительно положить свою душу.

Иван Владимирович ушел от нас слишком недавно, чтобы можно было теперь же подвести итоги его деятельности и исчерпывающим образом охарактеризовать его личность; можно сказать одно: он не зарыл таланта, данного ему Богом. Вооруженный недюжинной энергией и редким самообладанием, вышел он на широкий жизненный путь и выиграл битву жизни. Те, кто его знал, не забудут его, а дело, созданное им в Москве, всегда будет о нем напоминать.

П. С. Уварова И. В. Цветаев — творец Музея изящных искусств⁶

Позвольте мне, господа, как члену Совета Музея изящных искусств, пополнить доклад Юрия Владимировича Готье и сказать несколько слов об Иване Владимировиче Цветаеве, как деятеле или скорее творце этого Музея.

Мы знаем, что еще в 18 столетии Московским университетом были сделаны попытки к насаждению среди университетской молодежи понятий об эстетике и истории художеств, знаем, что в ту далекую, славную эпоху истории нашего Университета не только профессора эстетики и истории художеств, как Сохацкий, Буле, Гарилов и Надеждин, но и профессора русской словесности, как Поповский, Барсов, Мерзляков и Давыдов, считали своей обязан-

⁶ Протокол обыкновенного заседания императорского Московского археологического общества 29 ноября 1913 года. — «Труды Московского археологического общества», т. 24. (Печатается в извлечениях.) Заседание происходило под

председательством пожизненного председателя общества графини П. С. Уваровой, в числе присутствовавших был Д. В. Цветаев. В конце заседания священник Миловский рассказал о случае из ученического периода Ивана Владимировича Цветаева,

когда он чуть было не сгорел, но был спасен учителем Шуйского духовного училища И. П. Чуриловским. Именно Чуриловский — талантливый латинист, своими уроками и беседами зародил в Цветаеве любовь к классическому миру и его искусству.

149. Графиня П.С.Уварова

ностью развивать в молодом поколении понятия и любовь к прекрасному, преподавая ему основы античного искусства.

Позднее, уже в 19 столетии, по тем же стопам шли С.П.Шевырев, Ф.И.Буслаев, П.М.Леонтьев, и служили своим изящным пером и увлекательным словом художественному просвещению не только университетской молодежи, но и нашей публике. Шевырев, профессор русской словесности, но вместе с тем и горячий поклонник итальянской литературы и искусства, первый заговорил о необходимости для Москвы исторической скульптурной галереи, а П.М.Леонтьев, поклонник античного искусства, взялся, по возможности, за осуществление мысли своего сотоварища приобретением для Университета некоторых слепков с произведений греческой и римской скульптуры.

В том же направлении, но уже в 60-х годах прошлого столетия, работал К.К.Герц, пополняя коллекции, собранные Леонтьевым, новыми, необходимыми для его лекций образцами.

Но все эти попытки обогатить Московский университет собранием скульптурных произведений так и оставались попытками, и нашей университетской молодежи до последнего времени

приходилось на лекциях по истории искусств довольствоваться почти только одними фотографическими снимками.

Этому-то горю в конце прошлого столетия и задумал наконец помочь Иван Владимирович Цветаев. <... > Он пропагандирует мысль о Музее и с кафедры, и в гостиных, и в дружеских беседах, пропагандирует и на страницах различных повременных изданий, выпускает особые брошюры о Музее, его задачах, составе, месте, размерах и организации; хлопочет перед Городским управлением об отпуске места под постройку Музея и, когда намеченное городом место оказывается слишком отдаленным от центра, старается при помощи его высочества великого князя обменять его на более достойное того Музея, о котором мечтает, о необходимости устройства которого проповедует. Он же выработывает проект устава Музея, положений его Комитета; он же принимает участие в обсуждении планов Музея, его распланировки и, привлекая к составлению его коллекций массу жертвователей, производит расценку внутренних помещений Музея, дабы дать возможность жертвователям соразмерить свои силы и даровать необходимые средства на устройство и оборудование той или иной залы.

<... > припомним все это, и нам станет ясно, кому именно Москва обязана своим Музеем изящных искусств, кого именно следует считать его творцом!

Мне могут заметить, что Иван Владимирович находился в особо благоприятных условиях, что у него были сильные покровители и хорошие помощники. На это отвечу: — да, много сделано для Музея их высочествами великим князем Сергеем Александровичем и великой княгиней Елизаветой Федоровной, которая и поныне не оставляет Музей своим милостивым вниманием; строился музей опытным и талантливым архитектором Клейном; Строительный комитет и Совет Музея работали добросовестно; жертвователи прибывали; Юрий Степанович Нечаев-Мальцев доставлял Музею необходимые денежные средства как на постройку, так и на оборудование и приобретение коллекций; художники наши Г.И.Семирадский, В.Д.Поленов, В.М.Васнецов и другие не отказывали Музею в содействии и советах, но... как часто при таких же условиях дело стоит и не движется, не имея во главе человека с энергией, преданностью и любовью к делу, который нашелся для Музея изящных искусств в лице И.В.Цветаева. Отдадим же ему должную дань признательности и уважения, в надежде, что ни Москва, ни ее Университет, ни Музей, ни подрастающее поколение, ни мы все — не забудем творческих заслуг Ивана Владимировича Цветаева по созиданию Музея, и что имя *творца* Музея навсегда останется за ним.

Д.С.Недович
Цветаев — профессор
Воспоминания ученика⁷

<...> Все культурное человечество нашего времени можно разделить на два разряда: людей, которые делают науку, и людей, которые ею пользуются. Иван Владимирович Цветаев, памяти которого посвящено настоящее заседание, должен быть всецело отнесен к первому разряду, — к славной плеяде творцов науки. <...>

Когда в 1908 году я поступил в Московский Университет, Цветаев уже был седой заслуженный профессор. Кто из его учеников не помнит, как Иван Владимирович в сопровождении служителя, несущего толстые волюмы, тихой старческой поступью входил в аудиторию № 6 Историко-филологического факультета, где его встречали слушатели, немногочисленные — уже потому, что историков искусства на Руси вообще мало. Кто не помнит его медленную речь с некоторыми ускорениями к концу фразы, кто не помнит его вдумчивый взгляд?

Надо упомянуть, что все отделение истории искусств и археологии было представлено двумя профессорами и 5—10 студентами. Один из двух столпов группы был покойный Цветаев. Совершенно удивительно, как он мог всюду успевать: ведь в эти преклонные годы на его ответственности лежали два музея и два высших учебных заведения; такое совмещение обязанностей административных, ученых и учебных свидетельствует о той работоспособности, которая с годами не покидала его. Конечно, вследствие такой массы дела и нельзя бы, казалось, рассчитывать на систематичность университетских занятий Ивана Владимировича, который к тому же и прихварывал нередку; но в те немногие утренние часы, которые он успевал посвятить лекциям, он давал нам все, что мог.

В силу недостатка лекторов, при которой покойный принужден был представлять собой, так сказать, половину группы, курсы его отличались необыкновенным разнообразием: он читал римское искусство — и перед глазами слушателей возникало постепенное развитие форм античного храма и развертывались картины восстановленных Помпей с их богатой и яркой жизнью форума и терм; он читал искусство древнего Востока — и мы видели сфинксов Египта и крылатых быков Ассирии; он читал искусство христианской эпохи — и мы спускались за ним в катакомбы Рима, изучая гробницы и рассматривая потолки покрытые росписью; он читал скульптуру Греции — и гипсовые группы как будто оживали перед нами...

Но кроме знаменательного многообразия сюжетов, на которых останавливался лектор, я не могу не отметить и тех практически жизненных черт, которыми всегда были украшены слова

⁷
Известия общества преподавателей графических искусств в Москве, 1913, № 10, с.386-390.

профессора: будучи опытным путешественником, изъездив все страны, искусство которых мы изучали, Иван Владимирович бесподобно умел охарактеризовать особенности того или иного путешествия, сообщить удобный маршрут и рассказать — каких расходов требует описываемая страна. Таким образом, слушатели уже на лекциях получали предварительные сведения о тех городах, музеях или раскопках, которые они надеялись впоследствии посетить. Некоторые истории имели юмористический оттенок: таково например было описание путешествия на ослах по берегу Нила; и конечно эти житейские подробности, освежая картину, весьма содействовали мысленному переносу в другую эпоху либо в другую часть света.

Таковы были лекции. Что же касается практических занятий, то Иван Владимирович всегда любил выполнять определенную программу, и потому сам назначал темы для рефератов, указывая в то же время важнейшие пособия. Примечательна была его заботливость в этом отношении. Дело в том, что Иван Владимирович из-за множества тех лиц, с которыми ему приходилось иметь дело, плохо помнил своих слушателей и нередко смешивал их друг с другом. И вот, чтобы оградить себя от собственной забывчивости, наш профессор в тот год, когда студент должен был закончить свой университетский курс, просит оставить ему рукопись лучшего реферата. Таким образом каждый ученик покойного был представлен документально, и профессор имел возможность мотивировать перед факультетом свое впечатление от научного развития того или иного слушателя.

Эта заботливость проявлялась во всем. Что касается меня лично, то я не могу не вспомнить о том периоде, когда выбрав тему для кандидатского сочинения, тему весьма специальную, — я затруднялся в работе недостатком необходимейших книг, которых нельзя было найти ни в одной библиотеке Москвы; Цветаев, как директор музея, пошел навстречу моим нуждам, — и с его санкции требуемые пособия были выписаны в библиотеку музея Александра III, где я мог их получить. При этом спешу заметить, что я отнюдь не занимал привилегированного положения сравнительно со своими коллегами: совершенно то же внимание покойный обнаруживал и по отношению ко всем остальным. Его доверие к своей тесной аудитории простиралось настолько далеко, что когда открытие нового музея было ознаменовано *Высочайшим* присутствием, — юные историки искусства получили честь присутствовать при этом торжестве.

Я невольно перешел здесь от Университета к Музею; и это не случайно. Ведь когда Музей открыл свои двери для изучающих художественные памятники древности, — оба наших профессора перенесли, как свои лекции, так и практические занятия из однообразной аудитории в залы, где мы уже не принуждены были более прибегать к паллиативу волшебного фонаря, но могли взглядом и прикосновением исследовать точные слепки с тех статуй, которые служили темой данной лекции. Памятник, воспроизведенный уже не в двух измерениях, а представленный пластически, так что его можно было обозреть со всех точек зрения, воодушевлял и окрылял лектора. Иван Владимирович водил нас по всему музею

и с такой любовью описывал историю приобретения каждого рельефа, каждой головы, что совершенно очевидно было личное отношение его к каждому произведению, которое он добывал с такими трудами. Радостно было видеть старика, окруженного этими гипсами; невольное уважение чувствовалось перед этой неослабной энергией, перед этим тихим упорством, которое десятилетиями добивалось поставленной цели и наконец добилось, свидетельством чему служит одно из прекраснейших зданий нашей столицы.

Но этот музей имеет две стороны. Одна сторона его — чисто учебная: слепки должны служить для изучения и измерения их специалистами; таким образом первая цель музея — это готовить молодых историков искусства к их будущей научной деятельности. Что касается второй стороны, то характер ее — общеобразовательный: предоставить памятники искусства общедоступному обзору. И вот — чтобы оба эти пункта не противоречили один другому и чтобы Музей со всей возможной полнотой удовлетворял своему назначению — Цветаев учредил при музее особые должности — ассистентов. Сюда выбирались специалисты, заканчивавшие университетское образование, и на них было возложено ответственное дело воспитания общественного вкуса. В определенные часы ассистенты должны были проводить по залам музея различные экскурсии и сопровождать осмотр памятников связным изложением того генезиса форм и того развития художественных идей, которые знаменовались отдельными произведениями. Таким путем учебное назначение музея и его общественное назначение были гармонически примирены: с одной стороны, историки искусства привыкали давать себе ясный отчет в своих исторических воззрениях; с другой стороны, публика, жаждущая эстетических впечатлений, но не имеющая достаточного опыта, чтобы дисциплинировать их, находила словоохотливого руководителя, который умел выделить основные черты искусства и, конечно, не скрывал при этом своего красноречия или эрудиции. Насколько это учреждение, основанное покойным директором, оказалось жизненно и целесообразно, показывает то громадное число экскурсий и просто групп любителей, которые музей Александра III и теперь пропускает через себя.

Все это развитие происходило на моих глазах.

Теперь я позволю себе припомнить те впечатления, которые связаны с весной 1913 года. Это был год второго (и последнего) выпуска группы истории искусств и археологии. Для нас это было яркое время, что случается лишь раз в жизни, время напряжения молодых сил. Еще немного, и *alma mater* должна была открыть свои двери и выпустить из недр своих новых граждан науки. И мы были преисполнены энергии, как будто ходили на пружинах. Была теплая весна, и мне невольно запомнилось, как Иван Владимирович сменил теплый вязаный жилет и свой зимний сюртук старинного покроя на коричневатый летний костюм.

Группа выпускала пять своих питомцев. Предстоящие экзамены волновали нас; но вот прошел первый — и волнение понемногу улеглось. И когда сессия прошла — обнаружили

блестящие результаты: все историки искусства на всех экзаменах получили высший балл.

Да не подумает кто-либо, что я хочу здесь похвалить себя или своих коллег. Напротив, я говорю об этом лишь потому, что заслуга здесь совсем не наша. Мы были лишь добросовестны; успех же обусловливался тем, что наши руководители сумели создать дружную школу, которая и проявила себя с должной отчетливостью. Вся группа держалась лишь на дух столпах⁸, зато столпы эти были мраморные; ибо им удалось вынести на плечах своих то, что другим бы, пожалуй, не вынести; создать семью специалистов, и притом семью очень широкую. Ведь среди нас оказался и историк искусства древней России, и западного Возрождения, и классической Греции. Судите сами, какова же должна была быть эрудиция двух наших профессоров.

Но вот прошли экзамены — и семья учащихся и учащихся сплотилась еще теснее. Увы, это было в последний раз. Вещественный памятник этого единения сохранился в виде снимка со всех семерых, сидящих на ступенях греческого дворика в музее Александра III. Я хорошо помню, как в то утро Иван Владимирович напомнил, что «теперь — время завтрака», и пригласил нас всех в «Петергоф». Там за круглым столом мы звенели бокалами, заливая вином живую непринужденную беседу, причем покойный немало рассказывал нам эпизодов из своей жизни, особенно из времени заграничных путешествий. И на следующий день мы ужинали вместе; раздавались тосты за процветание любимой специальности, за музей и за тех тружеников, которых хотелось видеть еще долгие годы на поприще родной науки. Кто знал, что это была, может быть, последняя радость Ивана Владимировича, который, видя вокруг себя подрастающее поколение преемников, и сам молодел душой. Не думалось тогда о смерти, и мы расставались преисполненные надежд, веря, что встретимся столь же радостно.

Но случилось то, чего никто не ожидал и не хотел: один из столпов ушел от нас, и ушел навсегда. Закрылась группа истории искусства — и вскоре затем Ивана Владимировича не стало. < ... >

Н. Н. Клейн Памяти И. В. Цветаева⁹

Прошло более 30-ти лет с того времени, когда я, еще студенткой Высших женских курсов и Московского археологического института, поступила на службу в Музей изящных искусств, но образ дорогого Ивана Владимировича Цветаева до сих пор, как живой, живет в моем сердце.

Есть люди, воспоминание о которых освещает ярким теплым светом самые трудные, тяжелые минуты жизни — вспоминая их, невольно думаешь: «не так уж плохо в этом мире, если такие люди, как Иван Владимирович, существуют на свете». А я к тому же имела

⁸ Имеются в виду И. В. Цветаев и В. К. Мальмберг.

⁹ Машинопись. Архив ГМИИ.
Текст написан в 1947 году.

150. Н.Н.Клейн

счастье не только жить, но и работать вместе с ним. Поступила я в Музей в 1912 году, сейчас же после его открытия. Тогда штат Музея был невелик — директор, старший и младший хранители, ученый секретарь, библиотекарь — он же смотритель здания, реставратор, две канцелярские «дамы», да мы «барышни», как нас тогда называли [пятеро]. Попастъ в Музей было чрезвычайно трудно, все равно, что выиграть 200 тысяч, и считалось особой честью.

Наплыв публики в Музей был колоссальный. <...> Первые объяснения посетителям давали — сам Иван Владимирович, профессор В.К.Мальмберг (тогда старший хранитель), Н.А.Щербаков (младший хранитель) — по античному искусству, а по средним векам и Возрождению — ученый секретарь А.В.Назаревский. Египет показывал профессор Б.А.Тураев, периодически приезжавший из Петербурга. Помогали также оставленные при университете «подающие надежды» молодые историки искусств Д.С.Недович и А.А.Сидоров.

Затем желающих получать объяснения оказалось так много, что Иван Владимирович предложил подготовиться нам, молодым сотрудницам, для ведения групп рабочих, учащихся и служащих. Таким образом, Иван Владимирович явился инициатором экскурсионного дела и не только у нас в Музее, но и во всей России, так как только после нашего опыта началась организация экскурсий

в Румянцевском музее, Третьяковской галерее, Историческом музее, а затем и в других городах.

Отношение его к нам, сотрудницам, было исключительное, мы были действительно его сотрудниками, хотя младшими, но равными. Он был прост и доступен. С любым делом и вопросом можно было прийти к нему. Он не только с вниманием и охотой выслушивал, но и по-отечески интересовался нашими делами, экзаменами, научными работами. Лично ко мне неоднократно подходил, когда я сидела в библиотеке с вопросом: «Ну, а над чем вы сейчас работаете, Надежда Николаевна?» — «Греческие храмы сейчас сдаю», говорю я. «Ну, работайте, работайте» — и чувствовалось в интонации его голоса, как он понимал и ценил стремление к знанию.

Одной из сотрудниц, у которой были сложные семейные обстоятельства, он сказал, будучи назначен почетным опекуном Елизаветинского института: «Работайте спокойно, всех ваших мальчиков и девочек устрою, если жив буду, чтобы вы целиком могли отдаться науке». И это не было словами и красивыми обещаниями. В это время, когда еще мысль о женском образовании далеко не имела сочувствия в Министерстве народного просвещения и правительственных кругах, Иван Владимирович явился ярким поборником женского образования, что и доказал на практике, стараясь всеми силами, где и как был в состоянии, помочь женщинам на пути к высшему образованию и устройству их в научных учреждениях.

Музей открывался в 11 часов утра. И вот до прихода публики Иван Владимирович, как правило, обходил все залы, чтобы удостовериться, все ли в порядке. Как сейчас вижу его сутулую фигуру с круглой, лысой головой, заложенными за спину руками и глядящими исподлобья зоркими глазами, проходящую по второму этажу Музея.

Очень верно и метко охарактеризовал Ивана Владимировича с внешней и внутренней стороны В. В. Розанов в своей статье «Памяти И. В. Цветаева». <... > А мне хочется прибавить «не было бы Ивана Владимировича, не было бы Музея».

А. А. Сидоров

Из воспоминаний об Иване Владимировиче Цветаеве¹⁰

<... > А вместе с тем, конечно, когда меня пригласили принять участие в этом вечере, я почувствовал исключительную потребность действительно прийти сюда и сказать кое-что, кое-что вспомнить, кое-что подчеркнуть, потому что память — это коварная, роковая сила; она порою совершенно неожиданно вызывает к жизни давным-давно забытую черту, которая, пожалуй, нужна и не только человеку, который ее бережет, но и тем, которым она передается.

Сегодня гораздо меньше говорили (что было совершенно естественно) о деятельности И. В. Цветаева как ученого и как

10
Из стенограммы заседания
Ученого совета ГМИИ
им. А. С. Пушкина, посвященного

50-летию со дня смерти
основателя музея и его первого
директора, профессора
И. В. Цветаева, 27 ноября 1963 г.

преподавателя, как профессора Московского университета. А я с ним встречался скорее как студент с профессором. Уже потом, сравнительно совсем недавно, лет пять-шесть тому назад, когда я начал большой труд по истории русского искусствovedения, — вот здесь мне и пришлось по-новому перечитать труды И.В.Цветаева по нашей специальности. И сегодня, когда я слушал рассказы о подлинном подвиге И.В.Цветаева, о создании Музея, я хотел бы мои воспоминания ориентировать так, чтобы они сразу же, может быть, кое-что и осветили.

Вспоминаю я одну беседу, в которой я был очень скромным, молчаливым слушателем. Это было в 1912 году, когда в одном из пустых еще совершенно залов нового здания Музея, там, внизу, где сейчас хранятся чудеснейшие картины, а раньше была просто большая пустота; это был зал будущей неосуществленной аудитории, — вот там я случайно, где-то скромно подобравшись к периферии зала, встретил довольно оживленную беседу трех тогдашних деятелей Музея изобразительных искусств. Это были И.В.Цветаев, профессор В.К.Мальмберг и А.В.Назаревский, удивительно колоритная фигура, старший хранитель, о котором тоже можно будет где-нибудь рассказывать анекдоты. И когда они втроем о чем-то горячо говорили, подходя к ним, я сразу воспринял, что здесь действительно представители трех вариантов нашей единой науки об искусстве, которую мы тогда ревностно и последовательно изучали в университете.

Оно действительно так и было. Я потому и вспомнил этот эпизод, что Иван Владимирович, когда выслушал то, что ему говорили его собеседники, сказал нечто, что я запомнил и что для меня сегодня как-то сразу и всплыло из глубин моего воспоминания.

Иван Владимирович, очень любезный, очень вежливый и вместе с тем достойный, умный, принципиальный собеседник, В.К.Мальмбергу сказал следующее:

— Мы с вами разные люди, и разных мы с вами придерживаемся школ. Мы реалисты, и вы и я, но не совсем одинаковые. Вы, Владимир Константинович, рассматривая греческое искусство, видите в греческом памятнике живого человека того времени. Вы смотрите какую-нибудь Метопу и сразу же видите там движение какого-нибудь греческого гимнаста. А я вижу жизнь, но вижу жизнь не там, где искусство ее воплотило, потому что ведь искусство же остается искусство, а я вижу жизнь рядом с этим произведением, ту жизненную атмосферу, историческую среду, которая в конце концов это искусство и родила.

А.В.Назаревский, немного махательно потрясая своей бородой, сказал:

— Так вы, значит, Иван Владимирович, сторонник историко-формальной школы?

Иван Владимирович на это вот что ответил:

— А я этим горжусь. Вы вот, дорогой Александр Васильевич, представитель так называемого искусствovedения, которое сейчас рождается. Ну, и пожалуйста, только помните, что никогда вы искусство целиком не охватите, будете в пределах формы.

Вот это я невольно сегодня вспомнил, потому что это

151. И.В.Цветаев и В.К.Мальмберг с выпускниками Московского университета А.А.Сидоровым, Д.С.Недовичем и другими

действительно было как-то верно. Мой непосредственный учитель В.К.Мальмберг действительно учил нас видеть в произведениях античной пластики живых людей, как бы заменять мрамор живой плотью конкретного персонажа. Назаревский был одним из первых представителей школы чистого дольфинианства, модной тогда в Москве. А что касается Цветаева, то я думаю, что он должностно хранил и умел передавать своим слушателям учение об искусстве, как о большом культурном факте и факторе истории. И по форме именно

в его очень скромных лекциях это и звучало. Это звучало и в его работах, которых было сравнительно не так много опубликовано в то время. Это звучало и здесь, когда он строил Музей, — я позволяю себе это говорить, потому что с Р.И.Клейном его соединяли хорошая дружба и полное единомыслие; когда Цветаев и Клейн расхаживали здесь, то они этот самый белый зал, в котором мы здесь сегодня встретились, мыслили, как зал русской славы. Это именно такой хороший, большой культурный замысел, и хорошо, что он сегодня достойно полон воспоминаниями, докладами об И.В.Цветаеве, — он заслужил долю русской славы, которая здесь крайне скромно и достойно его венчает.

(Я позволяю себе так говорить — немножко в его стиле...)

Как преподаватель, И.В.Цветаев был, как я вам сказал, скромен, отнюдь не велеречив, очень деловит, учил своих студентов думать, очень любил сопоставления, но не между отдельными памятниками искусства, то есть не играл он в компаративизм, а учил видеть, что в данном памятнике вызывало к жизни большое и серьезное знание (опять-таки повторяю) о культуре того времени. Мальмбергу никогда не приходило бы в голову сопоставлять Праксителя с учениями поздних платоников, тогда как Цветаев блестяще знал греческую философию и греческую изящную литературу.

Не знаю, знакомы ли присутствующие с замечательными очерками Цветаева по истории древнеримской высшей школы. Это одна из лучших его научных работ. Они не искусствоведческие, а вместе с тем они так много нам дали и так много еще могут дать в дальнейшем. Вот что, по-моему, очень хорошо показывает силу его широкого культурного взгляда на искусство.

Но вместе с тем И.В.Цветаев был не только ученый профессор и хороший педагог. Он великолепно умел жить. В свое время, — опять-таки мои современники, надеюсь, помнят, — ректором Московского университета перед революцией был почетный профессор Любавский М.К., историк, человек, который имел склонность и был принят в соответствующие правительственные круги, руководя таким большим делом, как Московский университет. Он однажды на заседании филологического факультета, на котором я, опять-таки как совершенно молоденький, присутствовал, про И.В.Цветаева выразился так: «Это прирожденный министр финансов», — потому что так искусно добывать деньги из совершенно неожиданных источников, как это Иван Владимирович умел, да еще к тому же настраивать дающих деньги к благодарности, — они его благодарили за то, что он деньги от них получал, — «это никакому графу Витте никогда не удастся».

Надо сказать, что Иван Владимирович этих своих почтенных московских богачей, которые жертвовали деньги на ту или другую залу Музея, действительно умел с таким изяществом обойти, так их великолепно уговорить, так их чудесно обыграть, что между ним и ими всегда оставались самые хорошие отношения. Деньги куда-то уходили, строился Музей, приобретались слепки, в какой-то мере слава была этим богачам обеспечена строчкой в каталоге или надписью, но выигрывал от этого в первую очередь университет, то

есть мы, и затем Москва, то есть опять-таки мы. И я помню, как Иван Владимирович однажды пришел опять-таки сюда, в Музей, с сияющей совершенно нотой выражения и выразился так, что я его сначала не понял; ему была свойственна манера несколько шутливо говорить о своих знакомых: «Я сегодня у Юши вытащил сто тысяч». Так называемый «Юша» — это был небезызвестный Нечаев-Мальцев, самый знаменитый миллионер-жертвователь на Музей. Какими путями это Ивану Владимировичу удавалось — неизвестно, но во всяком случае это было так.

Иван Владимирович был человеком и с юмором, и с иронией, — а ирония и юмор это ведь не одно и то же. Я позволю себе вспомнить один такой эпизод из наших с ним встреч. Это было как раз перед открытием Музея, когда вся Москва была заполнена знатью и царствующим домом и т. д. Я пришел задним ходом в канцелярию и вижу — там какая-то суматоха. Иван Владимирович выскочил со стороны и спросил:

— Вы не могли бы под мою диктовку кое-что записать?

— Пожалуйста.

Он меня повел в свой кабинет, мы с ним вдвоем остались, и он мне вполголоса говорит:

— Представьте себе, какая неприятность. Нам сейчас сообщили, что на открытии Музея наследник, конечно, не может быть, но ему нужно что-то подарить в память открытия Музея. Что ему подарить?.. Садитесь, пишите!

И Иван Владимирович начинает размышлять вслух:

— Восемь лет мальчику... Надо подарить что-то детское...

«Мальчик, обнимающий гуся» — № 1. Записали?

— Записал.

— Пишите вторую строчку: «Гусь, обнимаемый мальчиком».

Записали?

— Записал.

— Пишите: «Мальчик на коленях матери». Записали?

— Записал.

— Пишите: «Мать, ласкающая мальчика». Записали?

Так составляли мы этот альбом. А после открытия Музея, когда мы пришли в норму, Иван Владимирович как-то мне сказал: «Помните, мы с вами писали текст альбома для наследника с мальчиками? Я получил за это соответствующую награду — почетного опекуна». А ему такое звание действительно дали...

И я позволю себе напомнить еще два штриха из запаса моих воспоминаний.

В порядке некоторого семинара уже здесь, в помещении Музея, мы стали изучать классику средних веков. Мне был поручен доклад об епископе Бернварде. В.К.Мальмберг говорит: «Что вам стоит заниматься такими отвратительными червяками?» Цветаев на него обиделся. Он сказал: «Я могу как угодно любить античное искусство, но в нашем Музее будет вся история искусства представлена. Как историк, я не могу закрыть глаза ни на что из того, что было». И когда он произнес это «было» с чувством большой уверенности, я невольно почувствовал к нему колоссальное уважение.

Я совершенно не помню, что я тогда прочитал об этом

152. Великий князь, наследник Алексей Николаевич

епископе Бернварде. Цветаев остался доволен — это я помню, это всегда запоминается, но в комментариях к моему докладу он меня стал упрекать за то, что я недостаточно показал фигуру этого самого средневекового епископа, бывшего деятелем искусства на фоне того отвратительного кровопролития (это его выражение. — А.С.), которое тогда царило во всей средневековой Европе. Его нужно было показать, как публичного деятеля феодального общества. Я этот упрек запомнил.

Но сегодня я особенно бы хотел это мое слово закончить воспоминаниями об Иване Владимировиче как о человеке. Он был гораздо старше нас, но он был такой ласковый с нами, такой милый — это совершенно трудно себе даже представить. Совершенно без всякого запанибратства так называемого, совершенно соблюдая свои пропорции отношений. Ведь он был вдвое-втрое старше нас. Он так мило посидел с нами в греческом дворике, когда мы делали последнюю фотографию нашего выпуска, группы «К» (группа археологии Московского университета), он мило повел нас после экзаменов в ресторанчик и угостил там хорошим обедом за свой счет. И только потом, когда все яства были испробованы, и странным образом в этот момент (это был уже 1913 год, Музей был в работе) у него была нота чисто человеческая, очень теплая, меланхолическая; бывает и такая... Он говорил о том, как ему было трудно в его жизни, вспомнил его конфликт с Шварцем, к которому он относился с несколько негодующим презрением, вспомнил очень многие

неприятности, которые ему приходилось выслушивать, переживать, вспомнил он, как ему было трудно доставать те слепки, которые в Музее были, как совершенно равнодушно отнесся к той критике, которую был встречен Музей в определенных кругах, например, в журнале «Аполлон», но кончил он на поразительной ноте, которую я тоже запомнил, и запомнил до конца.

Нас было пять студентов, которые только что кончили университет, Мальмберг и он. Обратившись к старшему, к Мальмбергу, он его спросил:

— Вы, конечно, как немец, русских поэтов не знаете. Но Гете-то вы, конечно, читали. А помните ли стихотворение Баратынского «На смерть Гете»?

Мальмберг, по правде сказать, покраснел, сказал:

— Нет, что-то не помню.

И тогда Иван Владимирович ему шепотком, немножко стесняясь, прочитал это великолепное стихотворение. И когда там встретились эти знаменитые строки:

Предстала, и старец великий смежил
Орлиные очи в покое;
Почил безмятежно, зане совершил
В пределе земном все земное! —

он посмотрел на нас всех и сказал:

— А знаете, я сейчас переживаю это про самого меня. Я совершил все, что мог.

Это произвело на нас всех огромное впечатление.

**Четвертая
часть**

Воспоминания дочерей

**Валерия Цветаева
Москва девяностых и девятисотых годов**

**Марина Цветаева
Музей Александра III**

**Лавровый венок
Памяти проф. И.В.Цветаева**

Открытие музея

**Анастасия Цветаева
Наш отец и его детище — музей. Наша мать**

Валерия Цветаева

Москва девяностых и девятисотых годов¹

Я помню Москву, непохожую на теперешнюю. Главные улицы были более чем вполтину уже теперешних. Мало было многоэтажных домов, дома строили по большей части деревянные. Много особняков с садами и особнячков с двориками за заборами от улицы.

Езды было мало, автомашин совсем еще не было; их заменяли извозчики с пролетками или санями и ломовики с полками, запряженными сильными лошадьми — «битюгами».

Электричества не было, переулки, тихие тупички по вечерам освещались высокими фонарями с керосиновой лампой внутри; в сумерки фонарщики, с лестницей в руках, перебежали от фонаря к фонарю, зажигая свет.

Нам трудно поверить, что 50 лет назад, даже в центре Москвы, не везде в домах был водопровод, что утром по улицам ездил водовозы с бочками воды, что многим надо было с ведром ходить за водой к уличной водоразборной колонке.

На перекрестках и площадях столицы располагались многочисленные рынки. На площади, под навесами и без них, на прилавках всякая снедь — овощи, мясо, сало, молоко, яйца, мед, грибы и прочее. В стороне коновязь для лошадей, на телегах или санях картошка, зерно, сено и выведенная на продажу скотина...

Как непохоже было строительство тех лет на теперешнее. Вручную, заступом рыли котлованы, вручную обрабатывали камень; металл не сваривали, а клепали, все тяжести перевозили на лошадях.

Площадь [Колымажную] опять обнесли забором и во двор будущего музея потянулись по Москве обозы с кирпичом, песком, известью, начался подвоз гранита и мрамора.

По улицам Москвы громадные глыбы мрамора медленно везли гигантские лошади-тяжеловозы, запряженные по 2—3 тройки сразу. Но случалось, что дроги ломались и камень оставался ночевать на мостовой близлежащих к стройке улиц — Арбате, Знаменке (ул. Фрунзе), у Пречистенских (Кропоткинских) ворот.

Площадь завалена была стройматериалом. Мрамора навезли столько, что «ступить негде», писал проф. Цветаев. Для тонких работ по мрамору выписаны были рабочие итальянцы, специалисты-мраморщики. Тверские каменотесы работали по граниту. Из конца в конец, скрежеща, перекатывались вагонетки с обтесанными кусками камня. Дымились огромные творила с известью. Шла кладка здания.

¹
Фрагменты из книги: *Цветаева В.И. Записки. Москва — Таруса. 1959—1960. Ч.1-3, с.1-324, (Машинопись, Архив ГМИИ.)*

153. Валерия Ивановна Цветаева с художником
Федором Петровичем Рейманом. Италия. 1903

За три года строительства действительность переросла мечту. «Задача, когда-то рассчитанная мною в форме обычных университетских построек, — писал проф. Цветаев, — стала миллионным предприятием, которому посылают свои мраморы и гранит горы Урала, Норвегии, Венгрии, Греции, Бельгии, своих художников и рабочих Италия, Австрия, Германия, не говоря о России.

По ходу дел очевидно стало, что московскому музею будет принадлежать одно из первых мест не только в России, но и среди музеев всего мира».

Заказы, сделанные за границей, прибывали в Москву. Университет в тесноте своих помещений отказался хранить все возраставшее имущество Музея. Пришлось в недостроенное здание, где не было еще полов, громоздить один на другой бесчисленные ящики, иные и очень большого веса. Для этой работы нужны были умелые и осторожные руки — их не хватало.

«При каких обстоятельствах приходится нам организовывать наши коллекции в Москве!» с волнением говорит И. В. Цветаев в письмах того времени, «артельщики московской таможни, вскрывая наши клады, способны в одну минуту уничтожить то, что с таким трудом было доставлено из самых дальних углов Европы, что проехав огромные расстояния, разрушается по прибытии в Москву.

А что благополучно минует московскую таможню, тому грозит опасность от возчиков наших транспортных контор на пути от таможни до Музея.

Здесь новая беда от дворников и случайных рабочих, помогающих «свалить кладь». Делается это крайне грубо. Все незнание: неумелость!»

Работы по камню, железу, настилка полов, роспись потолков, окраска стен, работы штукатурные и лепные, столярные, распаковка ящиков и установка памятников по залам — все шло одновременно.

Дело, начатое с малого, получило неожиданный размах. И. В. Цветаев черпал силы в этой удаче, крепко верил в счастливый конец. В радостный час вспоминал старинную шутку: «дай, Господи, нашему теленку да волка съест!»

В Москве рабочий день И. В. Цветаева шел обычно в следующем порядке: вставал он рано, с 6 ч. до утреннего завтрака занимался у себя в кабинете. Лекции в Университете или на Высших женских курсах, или в Консерватории шли до 11-30 утра, а с 12 до 4 час. ежедневная служба в Румянцевском музее. По совету врачей, путь от Румянцевского музея до дома старался делать пешком и непременно соблюдать час отдыха перед обедом в 6 час. Вечером очередные кабинетные занятия, переписка или заседания.

Положение отца облегчало нашей семье доступ к научным и художественным хранилищам Москвы: Румянцевскому музею, директором которого он был, принадлежала библиотека (в ней хранилось все, что выходило в печати), картинная галерея и этнографический отдел этого музея, открытые для посетителей, были нам хорошо знакомы (сколько экскурсий водила я туда впоследствии!).

Среда и жизнь Московского университета были нам близки, поскольку отец был из старейших, заслуженных профессоров, а временами и деканом историко-филологического факультета.

Регулярно присылаемые повестки о заседаниях Исторического общества, Археологического, общества «Любителей Российской словесности» при Московском университете облегчали возможность посещать эти заседания, если было к тому желание.

Московская консерватория, где отец читал курс истории искусства, предоставляла ему 2 именных места на все симфонические концерты в Колонном зале.

Все эти условия, само собою, вовлекали в интересы духовной жизни столицы.

Жить и учиться в Москве было счастливым уделом.

Таруса. Новый дом Добротворских

Каждую весну, чуть ли не 20 лет подряд переезжали мы на лето в небольшую усадьбу, принадлежавшую городу Таруса. Там в маленьком зимнем доме, стоявшем в саду над самой Окой, из года в год, без всяких сторожей, благополучно зимовало все наше хозяйство: посуда, всякая утварь, книги, мебель и даже рояль.

К нашему приезду Е.А.Добротворская (тетя Лена) обычно вызывала знакомую женщину, разделялся небольшой огород, цветник наполняли цветочной рассадой, дом и все кругом него принимало вид прибранный, живой, веселый. По-весеннему полноводной стояла Ока. Вскоре зацветал старый яблоневый сад, зацвела сирень и не было для нас места милее нашего Тарусского гнезда. И было за что его любить: выйдешь с утра, — ослепительно на солнце сверкает река, красавицы плакучие березы еще мокры от ночного тумана, всюду кругом нетоптанная, вся в росе, густая трава; воздух душист, пьешь его не напьешься!

Прежний владелец не интересовался своим садом, запустил его: гигантские полудикие груши затемняли все кругом, множество корявых яблонь, устаревших сортов, говорило о том, что сад давно не знал ухода. Целы были в нем и остатки каких-то давнишних малопонятных чудачеств. Так вдоль старой липовой аллеи, у каждого дерева стоял «часовой»: из доски вырезанный, расписанный красками «солдат» в мундире начала 19-го века, с султаном на кивере и при оружии. В целом, вдоль аллеи, получался какой-то бутафорский почетный караул. Но и с балконов дома в сад глядели огромные фигуры таких же «часовых».

Кто все это придумал? По какому случаю? Как можно было в повседневной жизни годами терпеть подобное вокруг себя?

Муж тети Лены, Иван Зиновьевич Добротворский, земский врач, энтузиаст своего дела, отдавший смолоду и до самой смерти всю свою силу Тарусе, энергичный хозяин и неутомимый труженик — быстро покончил с беспризорностью в новом своем хозяйстве. Сад был подчищен и обновлен посадкой молодняка новых для Тарусы сортов яблонь («Добрый крестьянин», «Черное дерево», «Лимоновка» и др.), заведены были доброкачественные груши и сливы, устойчивые в климате Калужской губернии, и через 5—6 лет сад отблагодарил за заботу обильными урожаями отличных плодов.

Дом тоже подвергся основательной переделке, чистке,

154. Вид Тарусы

перестройке, после чего стал таким удобным, теплым, весь белый внутри, с новыми белыми кафельными печами, светлыми окнами, такой приветливый и по-старинному просторный.

В нем были замечательные старинные, камнем выложенные подвалы, в прихожей от старины сохранились оконные рамы с цветными стеклами, сохранилась большая «девичья» комната с печью-лежанкою. Внутренняя лестница вела в теплый зимний мезонин, с балкона которого открывался широкий вид на Оку и Заречье, на город, весной утопавший в белизне цветущих садов.

Был в новом доме Добротворских еще и заветный шкаф со стеклянной дверцей, а в нем книги с полными собраниями сочинений Толстого, Гончарова, Некрасова, все произведения Тургенева, Достоевского и многое др., все в простых как учебник переплетах, все в полной сохранности и без запрета для нас.

В уединенной комнате мезонина стояло большое, старинное кресло. Сколько было тут нами прочитано и сколько счастливых часов пережито.

Дом, семья Добротворских были, быть может, самой сильной моральной опорой для меня в детстве и юности; да во многом мерилом остались и навсегда.

Глухим углом была тогда Таруса, стоявшая в стороне от железной дороги, не имевшая даже своей полной средней школы. Не легко было семьям, желавшим дать детям образование, посылать их

155. И.В.Цветаев с семьей на даче в Тарусе

156. И. В. Цветаев с семьей на даче в Тарусе

учиться в Тулу, Калугу, Москву и содержать их отдельно от семьи, на стороне.

Для удовлетворения своих культурных потребностей приходилось самим приходить себе на помощь. Так, сообщая выписывали каталоги садоводств и любительский посадочный материал для своих садов; в складчину выписывали все лучшие журналы того времени и по очереди ими пользовались: журналы приходили на имя врача, инициатора всего этого дела. Иван Зиновьевич прошнуровывал новый номер, вписывал фамилии участников подписки и срок кому, какого числа передавать № следующему подписчику. Можно было платить и полвноса, если соглашаешься пользоваться № в последние очереди. Таким образом, при малых затратах подписчики обеспечивали себе «Русскую мысль», «Русское богатство», «Исторический вестник», «Вестник Европы», «Журнал для всех» — все ходовые журналы. Использованный годовой комплект поступал в фонд местной библиотеки.

Редки были публичные лекции, спектакли, концерты. Не было еще кино.

Бывали любительские спектакли местными силами, существовал убогий духовой оркестр. Случалось, заезжали акробаты-силачи, выступавшие на бульваре вместе с фокусниками, глотавшими шпагу и горящую паклю.

Зимой на реке расчищали каток. В ходу было катанье с гор на салазках, на подрезах. А летом, помню, семейные поездки на лодках (так называемые «шикники») вверх или вниз по Оке в какое-нибудь особенно красивое место — в сосновый бор, к горному ручью или в лесную сторожку и т. п. Вверх чаще всего ехали до Велегова, имения, оставленного престарелыми хозяевами на попечение сторожа, показывавшего посетителям комнаты старого дома, будто еще вчера жилые — с раскрытой книгой на столе, нотами на поупитре рояля, шитыми подушками на диванах, картинами на стенах. Позже имение было куплено Барановым, теперь там санаторий.

Вниз по Оке ездили в Бёхово, бывшее имение художника Поленова, позже построенного в сосновом бору, ближе к реке. Сейчас там музей имени В.Д.Поленова.

Натальин день в Поленове

26-го августа по старому стилю, Натальин день, именины Натальи Васильевны Поленовой. В этот день Поленово гостеприимно принимало всех ехавших из Тарусы на лошадях, на лодках, шедших пешком.

Помню один такой день. Все гости приглашены были участвовать в предполагавшейся к вечеру иллюминации, просили всех клеить фонарики и клеить, кто может, картины из прозрачной цветной бумаги, которые вставлялись вместо стекол в большие фонари. Всюду лежал картон, груды разноцветной папиросной бумаги, коробки всех размеров, банки с клеем, кисти.

За самый удачный фонарь обещан был этюд работы В.Д.Поленова.

Все взялись за дело: кто вырезал кружочки на куске картона и подклеивал их прозрачной цветной бумагой для простенького фонаря «цветной горошек», кто чертил, выдумывал что-то посложнее.

Молодые художники, из постоянных в Поленове гостей, готовили целые картины-транспаранты. А у реки молодежь с В.Д.Поленовым затеяли соорудить из бумаги большой воздушный шар.

К вечеру все было готово: у костра шар нагрели и он, при общем ликовании, поднялся немного в воздух. Фонари развесили по саду, по кольцевой дорожке, зажгли внутри их свечи и засветилась целая выставка прозрачных картин.

Сама именинница, Наталья Васильевна Поленова, склеила фонарь с большим цветком ириса — лилового с желтым. Помню фонарь «Извержение вулкана», какую-то «лунную ночь», «лебеди на воде» и что-то в модном тогда стиле «модерн».

Картин и пестрых фонариков было много. В общем все вместе выглядело нарядно, интересно. Затея удалась. Все остались довольны так необычно проведенным днем.

Домой, в Тарусу, двинулись поздно. Обратный путь в темноте продлил собою неожиданности целого дня.

«Мне минуло 16 лет и сердце было в воле»

Окончен институт. Я опять дома.

В день рождения получила я цветущее деревце белой азалии — подарок любезной Сусанны Давыдовны [Мейн]. Отец передал мне письмо, в котором говорил о значении этого дня для меня, о близости самостоятельной жизни и деятельности, о своем взгляде на жизнь «труд *conditio sine qua non* [условие, без которого нет], разумного существования» писал он; говорил, что доволен видеть меня такой, как я есть, жалел, что матери моей не довелось дожить до радостного дня моего совершеннолетия.

Письмо это — замена душевной беседы, глубоко меня тронуло.

Теперь у меня дома своя отдельная комната. Но с какой детской наивностью убрала я ее: всюду, где только возможно, расставлены были безделушки, у окна, в полчеловеческого роста высотой, гипсовый мальчик с соколом на руке, стены сплошь увешаны картинками, фотографиями, рисунками — плохим и хорошим, вплоть до раскрытых вееров, казавшихся мне похожими на пестрые крылья бабочек.

Теперь решаюсь, не теряя времени, поступить на историко-филологический факультет Высших женских курсов (основанных проф. В.И.Герье) и только что открытых. Отец советовал мне подождать с год, заняться языками, почитать, оглядеться. Но я боялась залениться, потерять привычку к обязательной учебе и настояла на поступлении без всякого перерыва.

Первую лекцию на нашем курсе читал проф. Лопатин — «Введение в историю древней философии». Начал он с общего обзора, что для неподготовленной аудитории было трудновато. Слушала я его с неослабным вниманием. Каково же было мое изумление, когда по окончании лекции, почувствовала я, что повторить, пересказать своими словами только что слышанное, мне совсем не по силам! Потрясенная таким открытием, забралась я на подоконник и, не сдержавшись, горько, горько расплакалась.

Приятный сюрприз

Видя, что в кабинете отца книжные полки запылились, решила я сделать отцу приятный сюрприз: все его книги перебрать, перетереть, полки вычистить, все заново на место убрать.

Выбрав день, когда посвободнее и никто не мешает, взялась я за работу: начала снизу, часть за частью, книга за книгой, по лесенке добралась я до самых далеких верхних полок.

Трудновато, но чистоту навела: все блестит. Книги убрала как покрасивее: большие к большим, толстые к толстым, маленькие на отдельную полку, и тонкие одна к другой в створнку.

Беспорядка как не бывало — все выглядит совсем по-другому, даже не узнаешь.

Вечером отец, чем-то расстроенный, зовет меня:
— Это ты перепутала всю библиотеку?

157. В.Д.Поленов в мастерской

— Я чистила, убрала...

— Так, что теперь ничего найти невозможно! Запомни — никогда не касайся моих книг.

Мне было очень обидно и очень жаль — сюрприз получился совсем неприятный.

Брат и сестры

С младшими братом и сестрами, которых я была приблизительно на 10 лет старше, большой близости у нас не получилось. Я понимала, что нет вокруг них той заботливой осторожности, в которой они все трое нуждались. Были они детьми незаурядными. Мое мимоходное баловство — ласка, мало что для них значила.

Брат, внешне похожий на нашу с ним мать, красивый, был характера замкнутого. Наблюдательный, с собственным мнением, трезвой оценкой окружающего, в общении был он скуп на проявление чувства. Природу любил чутко, с детства привык ее понимать.

Впоследствии чуткость эту и любовь перенес на искусство. Он обладал вкусом, интересом и знаниями в области искусствоведения. По летам живя в деревне, увлекался охотой.

158. И.В.Цветаев с дочерью Валерией

Таким помню я брата своего Андрея.

Сестра Марина (впоследствии трагической судьбы поэтесса Марина Цветаева), едва овладев подобием грамотности, детскими каракулями на всех случайных клочках писала стихи. Внешне тяжеловесная, неловкая в детстве, с светлой косичкой, круглым розовым лицом, с близорукими светлыми глазами, на которых носила долгое время очки, Марина характером была неподатлива, грубовата. Заметен был в ней ум и, с детства, собственный внутренний мир. Слабая ориентировка в действительности в дальнейшем превратилась в до странности непонимание реального окружения и равнодушие к другим. Забегая вперед скажу, что с возрастом внешность Марины менялась к лучшему, она выросла, выровнялась. 16-ти лет, будучи еще в гимназии, Марина выкрасила волосы в золотой цвет, что очень ей шло, очки носить бросила (несмотря на сильную слепоту), гимназию кончат не стала. Жила своей внутренней жизнью. 18-ти лет (1910 г.) напечатала первый свой сборник стихов «Вечерний альбом». 20-ти лет напечатала вторую книгу стихов «Волшебный фонарь».

Младшая сестра, Ася, подвижная, находчивая, ловкая, в детстве с мальчишескими ухватками, была небольшого роста, худенькая, с легкими светлыми волосами, нежным цветом лица, как и Марина, и тоже близорукая. Ася обладала блестящей памятью, быстротой мысли и, впоследствии, обрацавшим на себя внимание, даром слова. Характера была она открытого, живого, довольно дерзкого, в детстве надоедавшая всем назойливым требовательным, ноющим плачем по всякому поводу. Становясь старше, оставалась трудной в быту и трудной самой себе.

20-ти лет (1914 г.) напечатала первую свою книгу «Королевские размышления», а 22-х лет вторую «Дым, дым, дым».

Сестер сближала с их матерью общая одаренность, мучительная тяга к чему-то, надрыв в горе и в радости (так ярко сказавшийся в стихах Марины — например в «Поэме Конца»). Надрыв, приводивший к поступкам иступления, часто общая для них всех трех субъективность восприятия (окраска звука и т. п.) и эгоцентризм, безотчетно переходивший порою в холодный цинизм, находивший для себя почву в сложившихся обстоятельствах.

Болезненные явления приписываю я наследственности из семьи Мейн: сестра старика Мейна была психически ненормальной.

Таким детям с ранних лет нужно было руководство, прежде всего, ровное, богатое душевным теплом. Мар[ия] Ал[ександровна] сама была человек порывистый, несдержанный. Отец поощрял в детях, поддерживал, не жалея средств, все, что могло повысить их культурный уровень: общее образование, знание языков, помощь репетиторов и гувернанток, занятия музыкой, путешествия; но личное повседневное руководство разве мог он взять на себя? Да педагогика и не была его призванием. Я избегала столкновений с Мар[ией] Ал[ександровной]. Отец, видимо, понимал мою линию поведения, и сам шел на многие уступки ради покоя, весь поглощенный своей работой и делами Музея.

Я не вернулась в наш «Трехпрудный» дом, поселилась рядом с местом работы; домой к своим заходила и, бывало, ночевала и день,

и два. Как-то после такого перерыва, вернувшись в снимаемую комнату, вижу: новые обои, все побелено. Это отец, не говоря ни слова, прислал маляра, и в мое отсутствие все было сделано.

Вот какой он был, а казалось, что только о делах своих думает. Нет, ему было больно, что не дома я живу, хоть и не говорил о том никогда. Он все видел и так многое понимал. Удивительный, удивительный человек и характер. После всяких дел загляну, бывало, в «Трехпрудный» и вижу: отец в кабинете, в валенках, потому что пол холодный, сидит, низко пригнувшись к письменному столу, пишет, а за спиной, с безмолвного согласия, примостился заслуженный старый черный кот Васька, оба пригrelись друг другом: как говорит Анатолий Франс, дарят друг другу самое дорогое, что есть у живого, — свое животное тепло; у нас внизу, в больших комнатах, всегда было холодно. Подойдешь и молча положишь отцу апельсин или черносливы от Елисеева. Суетливых ласк или сердечных излияний у нас не бывало, но обо всех крупных поворотах в моей жизни он знал, и я его мнение знала. Помню его слова, что он уверен, что я никогда не сделаю ничего такого, от чего он бы «перевернулся в гробу». Он говорил, что ценит в людях ему дорогой дух инициативы. Спасибо ему — это свойство он мне передал, и оно обогатило мне жизнь.

Неожиданный удар

Тем временем в жизни И. В. Цветаева настали очень тяжелые годы.

Несколько постоянных служб (из них главные Московский Университет и Румянцевский музей), неизбежные ежегодные утомительные деловые — музейские путешествия, как и вся тяжесть самых разнообразных дел созидаемого Музея, держали его в непрерывном нервном напряжении.

Опоры, отдыха искал он в семье, но в этом судьба ему отказала.

После первой женитьбы остался он вдовцом с двумя малолетними детьми. Женившись вторично, вновь попадает он под неожиданный удар, еще раз расколовший семью.

Большую тяжелой стремительной формы туберкулеза Марию Александровну пришлось увезти на юг и с нею двух девочек младшего школьного возраста.

В дальнейшем на несколько лет потянулась для И. В. Цветаева изнурительная жизнь в разъездах между Москвой и заграничными курортами для туберкулезных, где лечилась больная, а дети, вслед за матерью, жили и учились в школах-интернатах то в Швейцарии, то в Шварцвальде.

В один из заездов к больной жене и двум девочкам, жившим в пансионе в сосновых лесах Шварцвальда, заметил он, что небольшой прилегающий к пансиону сад полон зреющих слив — величайший для десятилетних детей соблазн залезть на дерево, украдкой поохотиться в чужом саду.

Не говоря своим ни слова, оплатил он хозяину весь урожай

садика, чтобы дети могли брать вволю не таясь, не обманывая. Эта мера спасла положение и запомнилась. Впоследствии Марина Цветаева написала:

Тишь и зной, везде синеют сливы,
Усыпительно жужжанье мух,
Мы в траве уселись молчаливо —
Мама «Лихтенштейн» читает вслух.

В пятнах губы, фартучек и платье,
Сливу руки нехотя берут...
Мы лежим от счастья молчаливы,
Замирает детский дух.
Мы в траве, вокруг синеют сливы,
Мама нам читает вслух.

Всеми переживались тяжелые дни Цусимы и сдачи Порт-Артура. Грянули события 1905 года. И в Москве Декабрьское восстание. В личной жизни И.В.Цветаева выяснилась необходимость вернуть семью в Россию и, среди всех дел, найти для того возможность и время. Больную и детей на зиму перевез он пока в Крым. Для дальнейшего передвижения, к весне, ремонтировался принадлежавший городу Таруса зимний домик над Окой, куда, в знакомые и любимые места, просилась больная.

Весной пришла для И.В.Цветаева срочная необходимость выехать в Крым, в Ялту.

В письме к Нечаеву-Мальцеву 21 мая 1906 г. читаем: «Я переживаю здесь очень тяжелые дни. Что делается в Москве? Числа 28-го надеемся приехать в Тарусу. При благополучии 31-го надеюсь быть в Москве. Здоровье больной безнадежное. Больная страдает не одной чахоткой, но и совершенно разбитыми нервами, астмой и крайней слабостью сердца».

«Был на почтовом дворе, законтрактовал 2 ландо и подводу под багаж. Больная так слаба, что до экипажа придется нести ее в кресле».

После долгого и трудного пути семья была водворена в привычную по летам дачную обстановку. Через 2 месяца пришел неизбежный конец.

Осенью, бывая на Ваганьковском кладбище на новой могиле, И.В.Цветаев пишет: «Есть своя притягательная сила у кладбищ, у близких дорогих могил. Трудно противостоять ей в дни несчастий».

Бывая эти недели на Ваганьковском, я научился многому, увы нелестному, в человеческом сердце: забывчиво оно и неблагодарно: надгробные памятники запущены, никем не посещаемы. Крайне бесполезно проставлять служебные и общественные титулы почивших: грустью веет от всех этих «статских» и «действительных тайных Советников», выгравированных когда-то столь старательно по заказу родных.

На месте последнего покоя все одинаковы без различия званий и положений.

Потомки не поддерживают могил — нередко видишь памятник поверженным, с надписью вросшею в землю».

159. Марина Ивановна Цветаева. 1926

Тревоги последних двух лет надломили силы И. В. Цветаева — он слег, заболел, как тогда называли, «нервным ударом».

«Я люблю формы жизни простые», — говорил отец, скромный и нетребовательный в личной жизни. В этой нетребовательности забывал он о годах своих, не следил за здоровьем, вспоминал о нем, только когда видел, что стоит уже на границе большой беды. Спокойный, благожелательный и доступный, не любил он людей вялых, безразличных. «Чего не сделает сильная воля!» — говорил он. И сам был примером кипучей энергии, вдохновенного, самоотверженного труда и любви к знанию.

Таким я помню отца своего.

Марина Цветаева Музей Александра III²

«Звонили колокола по скончавшемуся императору Александру III, и в это же время отходила одна московская старушка. И, слушая колокола, сказала: «Хочу, чтобы оставшееся после меня состояние пошло на богоугодное заведение памяти почившего государя». Состояние было небольшое: всего только двадцать тысяч. С этих-то двадцати старушкиных тысяч и начался музей». Вот в точности, слово в слово, постоянно, с детства мною слышанный рассказ моего отца, Ивана Владимировича Цветаева, о происхождении Музея изящных искусств имени императора Александра III³.

Но мечта о музее началась раньше, намного раньше, в те времена, когда мой отец, сын бедного сельского священника села Талицы, Шуйского уезда, Владимирской губернии, откомандированный Киевским университетом за границу, двадцатипятилетним филологом впервые вступил ногой на римский камень. Но я ошибаюсь: в эту секунду состоялось решение к бытию такого музея, мечта о музее началась, конечно, до Рима — еще в разливанных садах Киева, а может быть, еще и в глухих Талицах, Шуйского уезда, где он за *лучиной* изучал латынь и греческий. «Вот бы глазами взглянуть!» Позже же, узрев: «Вот бы другие (такие же, как он, босоногие и «лучинные») могли глазами взглянуть!»

Мечта о русском музее скульптуры была, могу смело сказать, с отцом сорожденная. Год рождения моего отца — 1846 г.⁴

Город Таруса, Калужской губернии. Дача «Песочная». (Старый барский дом исчезнувшего имения, пошедший под «дачу»). Дача Песочная в двух верстах от Тарусы, совсем одна, в лесу, на высоком берегу Оки, — с такими березами... Осень. Последние —

2
Цветаева М.И. Поклонюсь Москве. Поэзия. Проза. Дневники. М., 1989, с.325-331.

3
Позволим себе привести этот рассказ И.В.Цветаева: «В ноябре 1894 г., под печальный перезвон колоколов, когда вся Москва молилась по своему безвременно почившему государю, останки которого тогда находились в Архангельском соборе Кремля, угасала на Малой Дмитровке русская женщина, сделавшая очень много добра и пользы другим. Узнав о причине

траурного жюна соседнего храма, она душеприказчиком своим завещала на словах выделить Московскому Университету, по ликвидации ее коммерческих дел, такую сумму, какая окажется возможною, для Музея изящных искусств, и просит о присвоении этому учреждению имени только что почившего императора» (*И.В.Цветаев.* Отчет и речь. М., 1904, с.65-66).

Напомним, что сумма «старушкиных денег», завещанных на начало Музея, составила 150000 рублей, благодаря усилиям душеприказчиков К.А.Казначеева,

инженера-технолога, ставшего затем членом-учредителем Комитета и членом Строительной комиссии Музея изящных искусств, и кандидата Московского университета, управляющего московским отделением Волжско-Камского банка М.С.Нагаткина, также вошедшего в число членов-учредителей Комитета по устройству Музея изящных искусств.

4
Автор допускает неточность: год рождения И.В.Цветаева — 1847.

160. И. В. Цветаев с дочерью Мариной. 1905

ярко и мелко-розовые, безымянные, с чуждым запахом, узнаваемые потом везде и всегда, — цветочки в колях. Папа и мама уехали на Урал за мрамором для музея. Малолетняя Ася — бонне: «Августа Ивановна, а что такое — музей?» — «Это такой дом, где будут разный рыб и змей, засушенный». — «Зачем?» — «Чтоб студент мог учить». И, радуясь будущей учености «студента», а может быть, просто пользуясь отсутствием родителей, неожиданно раздражается ослепительным тирольским «иодль». Пишем папе и маме письмо, пишу — я, неграмотная Ася рисует музеи и Уралы, на каждом Урале — по музею. «А вот еще Урал, а вот еще Урал, а вот еще Урал», — и, заведя от рвения язык почти за край щеки: «А вот еще музей, а вот еще музей, а вот еще музей...» Я же, с тоже высунутым языком, честно и мощно вывожу: «Нашли ли мрамор для музея и крепкий ли? У нас в Тарусе тоже есть мрамор, только не крепкий...» Мысленно же: «Нашли для нас kota — и уральский ли? У нас в Тарусе тоже есть коты, только не уральские». Но написать, по кодексу нашего дома, не решаюсь.

В одно прекрасное утро вся дача Песочная заполняется кусками разноцветного камня: голубого, розового, лилового, с ручьями и реками, с целыми видами... Есть один — как ломоть ростбифа, а вот этот, пузырчатый, точно синий вскипевший кофе. На большой правильный квадрат белого, чуть серого, чуть мерцающего камня мы даже и не смотрим. Это-то и есть мрамор для музея. Но уральского kota, обещанного, родители не привезли.

Одно из первых моих впечатлений о музее — закладка.

Слово — закладка, вошедшее в нашу жизнь, как многие другие слова, и утвердившееся в ней самостоятельно, вне смыслового наполнения, либо с иносмысловым. Мама и Лёра шьют платья к закладке. Дедушка приедет на закладку из Карлсбада. Дай бог, чтобы в день закладки была хорошая погода. На закладке будет государь и обе государыни. В конце концов, кто-то из нас (не я, всегда отличавшаяся *обратным* любознательности, то есть абсолютным фатализмом): «Мама, а что такое закладка?» — «Будет молебен, потом государь положит под камень монету, и музей будет заложен». — «А зачем монету?» — «На счастье». — «А потом её опять возьмёт? — «Нет, оставит». — «Зачем?» — «Отстань». (Монету — под камень. Так мы в Тарусе хоронили птиц, заеденных Васькой. Сверху — крестик.) На закладку нас, конечно, не взяли, но день был сияющий, мама и Лёра поехали нарядные, и государь положил монету. Музей был заложен. Отец же три дня подряд напевал свой единственный за жизнь мотив: три первых такта какой-то арии Верди.

Первое мое видение музея — леса. По лесам, — как птицы по жердям, как козы по уступам, в полной свободе, высоте, пустоте, в полном сне... «Да не скажи же ты так! Осторожней, коза!» Эту «козу» прошу запомнить, ибо она промелькнет и моем последнем видении музея.

Мы с Асей впереди, взрослые — отец, мать, архитектор Клейн, еще какие-то господа — следом. Спокойно-радостный повествующий голос отца: «Здесь будет это, встанет то-то, отсюда — туда-то...» (Это «то-то», «туда-то» — где это отец всё видит? А как ясно видит, даже рукой показывает!) Внизу, сквозь переплеты перекладин — черная земля, сверху, сквозь те же переплеты — голубое небо. Кажется, отсюда так легко упасть наверх, как вниз. Музейные леса. Мой первый отрыв от земли.

А вот другое видение. Во дворе будущего музея, в самый мороз веселые черноокие люди перекатывают огромные, выше себя ростом, квадраты мрамора, похожие на гигантские куски сахара, под раскатистую речь, сплошь на р, крупную и громкую, как тот же мрамор. «А это итальянцы, они приехали из Италии, чтобы строить музей. Скажи им: «*Vuon giorno, come sta?*» [Доброе утро, как поживаете?] В ответ на привет — зубы, белей всех сахаров и мраморов, в живой оправе благороднейшей из улыбок. Годы (хочется сказать столетия) спустя, читая на листке почтовой бумаги посвященную мне О.Мандельштамом «Флоренцию в Москве» — я не вспомнила, а увидела тех итальянских каменщиков на Волхонке.

Слово «музей» мы, дети, неизменно слышали в окружении имен: великий князь Сергей Александрович, Нечаев-Мальцев, Роман Иванович Клейн и еще Гусев-Хрустальный. Первое понятно, ибо великий князь был покровителем искусств, архитектор Клейн понятно тоже (он же строил Даргомиловский мост через Москву-реку), но Нечаева-Мальцева и Гусева-Хрустального нужно объяснить. Нечаев-Мальцев был крупнейший хрусталезаводчик в городе Гусеве⁵, потому и ставшем Хрустальным. Не знаю почему, по непосредственной ли любви к искусству или просто «для души» и даже для ее спасения (сознание *неправды* денег в русской душе невытравимо), — во всяком случае, под неустанным и страстным воздействием моего отца (можно сказать, что отец Мальцева обрабатывал, как те итальянцы — мрамор) Нечаев-Мальцев стал главным, широко говоря — единственным жертвователем музея, таким же его физическим создателем, как отец — духовным. (Даже такая шутка по Москве ходила: «Цветаев-Мальцев.»)

Нечаев-Мальцев в Москве не жил, и мы в раннем детстве его никогда не видели, зато постоянно слышали. Для нас Нечаев-Мальцев был почти что обиходом. «Телеграмма от Нечаева-Мальцева». «Завтракать с Нечаевым-Мальцевым». «Ехать к Нечаеву-Мальцеву в Петербург». Почти что обиходом и немножко канитферштаном, которого, прибавлю в скобках, ни один ребенок, к чести детства, не понимает в его настоящем юмористическом смысле, то есть именно в самом настоящем: человеческом (бедный, бедный Канитферштан!).

— Что мне делать с Нечаевым-Мальцевым? — жаловался

5
Правильно: город Гусь-Хрустальный.

161. Анастасия и Марина Цветаевы. 1911

отец матери после каждого из таких завтраков, — опять всякие пулялды и устрицы... Да я устриц в рот не беру, не говоря уже о всяких шабли. Ну, зачем мне, сыну сельского священника — устрицы? А заставляет, злодей, заставляет! «Нет уж, голубчик вы мой, соблаговолите!» Он, может быть, думает, что я — стесняюсь, что ли? Да какое стесняюсь, когда сердце разрывается от жалости: ведь на эту сторублевку — что можно для музея сделать! Из-за каждой дверной задвижки торгуется, — что, да зачем — а на чрево свое, на

162. Панорама набережной Москвы-реки с храмом Христа Спасителя; справа в глубине — Музей изящных искусств. 1920-е

этих негодных устриц ста рублей не жалеет. Выкинутые деньги! Что бы мне — на музей! И завтра с ним завтракать, и послезавтра, так на целые пять сотен и назавтракаем. Хоть бы мне мою долю на руки выдал! Ведь самое обидное, что я *сам* музей обедаю...

С течением времени принципом моего отца с Нечаевым-Мальцевым стало — ставить его перед готовым фактом, то есть счетом. Расчет был верный: счет — надо платить, предложение — нужно отказывать. Счет для делового человека — судьба. Счет — рок. Просьба — полная свобода воле и даже просто своеволию. Все расстояние от: «Нельзя же *не*» до: «Раз можно *не*». Это мой отец, самый непрактичный из неделовых людей, учел. Так Нечаев-Мальцев кормил моего отца трюфелями, а отец Нечаева-Мальцева — счетами. И всегда к концу завтрака, под то самое насильное шабли. «Человек ему — *свой* счет, а я *свой, свои...*» — «И что же?» — «Ничего. Только помычал». Но когда мой отец, увлекшись и забывшись, события (конец завтрака и свершившийся факт заказа) опережал: «А хорошо бы нам, Юрий Степанович, выписать из-за границы»... — настороженный жертвователь, не дав договорить: «Не могу. Разорен. Рабочие... Что вы меня — вконец разорить хотите? Да это же какая-то прорва, наконец! Пусть государь дает, его же родителя — имени...» И чем меньше предполагалась затрата — тем окончательнее отказывался жертвователь. Так, некоторых пустяков он по старческому и миллионщику упорству не утвердил никогда. Но когда в 1905 году его заводы стали, тем нанося ему несметные убытки, он ни рубля не урезал у музея. Нечаев-Мальцев на музей дал три миллиона, покойный государь триста тысяч. Эти цифры помню достоверно. Музей Александра III есть четырнадцатилетний бессеребряный труд моего отца и три мальцевских, таких же бессеребряных миллиона. Где же пуды цветаевско-мальцевской переписки⁶, которую отец, чтобы дать заработать, дал одной из своих

⁶
Как указывалось выше, 6 томов, включающих переписку, хранятся в архиве ГМИИ.

племянниц, круглолицей поповне и курсистке Тоне, переписывать от руки в огромный фолиант, который бедная Тоня, сопя и корпя и ничего не понимая (была медичка!), тоскливо называла «моя плешь»? Помню, что за трехмесячную работу девушка получила тридцать рублей. Таковы были цены. Но такова еще была особая — музейная! — бережливость отца. «И тридцать рублей зарабатывает, и, по крайней мере, знать будет, что такое музей и как он строится. Лучше — чем с подружками чай распивать!»

Ближайшим сотрудником моего отца была моя мать, Мария Александровна Цветаева, рожденная Мейн. Она вела всю его обширную переписку и, часто, заочным красноречием своим, какой-то особой грацией шутки или лести (с французом), строкой из поэта (с англичанином), каким-нибудь вопросом о детях и саде (с немцем) — той человеческой нотой в деловом письме, личной — в официальном, иногда же просто удачным словесным оборотом, сразу добивалась того, чего бы только с трудом и совсем иначе добился мой отец. Главной же тайной ее успеха были, конечно, не словесные обороты, которые есть только слуги, а тот сердечный жар, без которого словесный дар — ничто. И, говоря о ее помощи отцу, я прежде всего говорю о неослабности ее духовного участия, чуде женской причастности вхождения во все и выхождения из всего — победителем. Помогать музею было прежде всего духовно помогать отцу: верить в него, а когда нужно, и за него. Так, от дверных ручек упирающегося жертвователя до завитков колонн, музей — весь стоит на женском участии. Это я, детский свидетель тех лет, должна сказать, ибо за меня этого не скажет (ибо так глубоко не знает) — никто. Когда она в 1902 году заболела туберкулезом и выехала с младшими детьми за границу, ее участие не только не ослабло, но еще усугубилось — всей силой тоски. Из Москвы то в генуэзское Нерви, то в Лозанну, то во Фрейбург шли подробные отчеты о каждом верхушском приросте ширящегося и высящегося музея. (Так родители, радуясь, отмечают рост ребенка на двери и в дневнике.) И такие же из Нерви, Лозанны и т. д. любовные опросные листы. Когда позволяло здоровье, верней болезнь, она, по поручению отца, ездила по старым городкам Германии, с которой был особенно связан мой отец, выбирая и направляя, торопя и горяча, добиваясь и сбавок и улыбок. (А у делового немца добиться улыбки...) Не забывали и мы с Асей нашего гигантского младшего брата. В каждом письме — то из Лозанны, то из Фрейбурга, после описания какого-нибудь *tour du lac* [прогулка по озеру] или восхождения на очередной шварцвальдский холм, приписка, сначала, по малолетству, совсем глупая: «Как Васька? Как музей?» — но со временем и более просвещенные. К одиннадцати годам и я втянулась в работу, а именно, по летам, когда мы все съезжались, писала отцу его немецкие письма. (Отец языки знал отлично, но, как самоучка, и пища и говоря, именно *переводил* с русского. Кроме итальянского, который знал как родной и на котором долгие годы молодости читал в Болонском университете.) Как сейчас помню «Hildesheimer Silberfund» [Гильдейгейский серебряный клад] и «Professor Treu». Зато какое сияние гордости, когда в ответном письме за каким-то № в конце приписка: «Grüssen Sie mir ihr liebenswuerdiges und

pflichttreues Töchterlein» [передайте от меня привет вашей милой и добросовестной дочурке]. Немецкую переписку отца я вела до самой его кончины (1913 г.)

Теперь расскажу о страшном его и матери, всех нас, горе, когда зимой 1904-1905 года сгорела часть коллекции музея (очевидно, та деревянная скульптура⁷, которую и заказывали в Германии). Мне кажется, это было на Рождество, потому что отец был с нами во Фрейбурге. Телеграмма. Отец молча передает матери. Помню ее задохнувшийся, захлебнувшийся голос, без слова, кажется: «А-ах!» И отцовское — она тогда была уже очень больна — умиротворяющее, смиренное, бесконечно-разбитое: «Ничего. Даст бог. Как-нибудь». (Телеграмма, сгоряча, была: музей горит). И его безмолвные слезы, от которых мы с Асей, никогда не видевшие его плачущим, в каком-то ужасе отвернулись.

Мать до последней секунды помнила музей и, умирая, последним голосом, из последних легких пожелала отцу счастливого завершения его (да и ее!) детища. Думаю, что не одних нас, выросшими, видела она предсмертным оком.

Говоря о матери, не могу не упомянуть ее отца, моего деда, Александра Даниловича Мейна, еще до старушкиных тысяч, до клейновского плана, до всякой зримости и осязаемости, в отцовскую мечту — поверившего, его в ней, уже совсем больным, неустанно поддерживавшего и оставившего на музей часть своего состояния. Так что спокойно могу сказать, что по-настоящему заложен был музей в доме моего деда, А. Д. Мейна, в Неопалимовском переулке, на Москве-реке. Все они умерли, и я должна сказать.

Лавровый венок (памяти проф. И. В. Цветаева)

Года за два до открытия музея отцу предложили переехать на казенную директорскую квартиру, только что отстроенную. «Подумайте, Иван Владимирович, — соблазняла наша старая экономка Олимпиаевна, — просторная, покойная, все комнаты в ряд, кухня тут же — и через двор носить не нужно, электричество — и ламп наливать не нужно, и ванна — и в баню ходить не нужно — всё под рукой... А этот — сдать...» — «Сдать, сдать! — с неожиданным раздражением отозвался отец. — Я всю жизнь провел на высокой ноте! — И, уже самому себе, отъединенно: В этом доме родились все мои дети... Сам тополя сажал... — И совсем уже тихо, почти неслышно, а для экономки и вовсе непонятно: — Я на это дело положил четырнадцать лет жизни... Зачем мне электричество?!

7

Напомним, что сгорела часть коллекции гипсовых слепков и помпейско-геркулановской бронзы.

163. Вестибюль Музея

А квартиру отдать семейным служащим, как раз четыре квартирki выйдут, отличные... Две комнаты и по кухонке...» — Так и было сделано.

В эту же весну отец из Германии привез от себя музею — очередной подарок: машинку для стрижки газона. — «А таможене не платил, ни-ни. Упаковал ее в ящичек, сверху заложил книжками и поставил в ноги. — А это что у вас здесь? — Это? — Греческие книжки. — Ну, видят — профессор, человек пожилой, одет скромно, врать не будет. Что такому и возить, как не греческие книжки! Не парфюмерию же. Так и провез без пошлины. Помилуйте! Да на пошлину вторую такую стрижку купить можно». (Никогда не забуду, как он на самосеяном газоне перед музеем — первый — ревниво,

164. Парадная лестница Музея

почтительно, старательно и неумело, ее пробовал.). Думаю, что это был единственный за жизнь противозаконный поступок моего отца. Впрочем, он для музея был готов на несравненно — большее, во всяком случае — дольше. Сидит он у какой-нибудь москворецкой купчихи, потягивает чаек и улещает: — «Таким-то образом, матушка, всем и радость, и польза будет. А что племянник? Племянник все равно промотает». Старушка, упавшим голосом: — «Пропустит.»

Отец: — «А покойник их, небось, по полтиннику собирал. Племянник пусть сам наработает. Я ведь тоже в детстве босиком бегал...»
Помню, что таким способом, только на этот раз у старушки высокопоставленной, отец, в конце очень долгих концов, отстоял для музея прекрасный подлинник: мраморную голову императора Тита, которая и поныне украшает музей.

Отношение к строящемуся музею было разное. Помню известного московского педагога Вахтерова, в 1909 году говорившего мне, тогда — гимназистке: — «Зачем музей? Сейчас нужны лаборатории, а не музеи, родильные дома, а не музеи, городские школы, а не музеи. Ничего! Пусть строят! Придет революция, и мы, вместо всех этих статуй, поставим койки. И парты. А что строят — ничего. Стены нам пригодятся». В общем, интеллигенция и молодежь относились равнодушно, и отец в своем деле (как каждый любящий — в своем!) был одинок. Но он этого не замечал — или миновал. Зато, как же он радовался малейшему сочувствию, малейшему «музейному» вопросу, как охотно сам путеводил — шестидесятипятилетний старик и безумно занятый человек — наших сверстников, мальчишек и девчонок, сам показывая и рассказывая, обстоятельно отвечая на самые наивные вопросы. Убеждена, что не более ревностно — раз от всей души, значит, больше нельзя! он потом показывал музей верхам России. Разница между путеводимыми тонула и даже сгорала в неизменности вдохновения. Усилить это вдохновение могло только чужое вдохновение. Оно редко — везде.

Не могу не рассказать об одном его путевождении. Поступил к нам дворник, прямо из деревни, — семнадцати лет, круглолицый, кареглазый, с щеками пышущими, как те печи, которые он так жарко и с таким жаром топил, — по имени Алексей, и, действительно, божий человек, даже божие дитя: не пил, не курил, только спал. Зато — спал непробудно.

И вот, это самое «божие дитя», однажды, мне: — «Барышня, как бы мне посмотреть нашего барина заведение? Говорят, сам государь на освящение пожалует, так как бы мне уж заодно...» За утренним чаем я, отцу: — «Папа, ты не можешь показать Алексею музей?» — «С удовольствием. Кто такой Алексей?» — «А это наш дворник. Он очень интересуется...» — «Гмм... навряд ли он... А впрочем, пусть посмотрит...» — За вечерним чаем того же дня: — «Водил, папа, Алексея? — «А как же!» — «Ну, как?» — «Да видишь ли, как человек неспросенный и даже придурковатый, он, завидев всех моих Гераклов и Венер, так застыдился — и даже испугался, что, представь себе, всю дорогу шел слепой. Да, да, да. Закрылся локтем и таким манером прошел по всему музею. — Да ты, Алексей, гляди! Сейчас ничего такого нет! — Куда там! Красный, как рак, взглянет на секунду из-под локтя и, как ошпаренный, опять зажмурится. Тут я его и отпустил». Утром Алексей приходит топить печку. — «Ну, что, Алексей, понравился тебе музей?» — «Здание хорошее». — «Почему же ты все время шел слепой?» — Алексей, шепотом: — «Женщины голые...» — На кухне же объяснялся вольнее: — «Конечно, барину видней, и медали у них все, а я человек деревенский, а всё — чудно! На старости лет, а чем занялись! Баб голых поставили да мужиков! Да еще освящать задумали... Да поп — увидит — как плюнет! Музей!»

За какой-то срок до открытия музея в доме прошел слух, что отцу «за музей» дают «почетного опекуна». Слух подтвердился, и начались разговоры о мундире. — «Шить настоящим золотом, — говорил отец сокрушенно, — и подумать страшно, во что это золото обойдется...» — «Ничего, папа, не поделаешь! Дали опекуна — давай мундир!» — «Я не против мундира, но есть мундир и мундир... Зачем мне, старому человеку, золото?» — «Папа, но это форма!» — «Знаю, знаю, но когда подумаешь, что на этот мундир такого же, как я когда-то босоногого, — в Рим отправить можно... Семьсот целковых! (И, уже с улыбкой:) — Да весь опекун того не стоит!» — Мундир, конечно, был сшит. Был в нашем зале впервые надет и обозрен. Чудесный, древесный, весь в каких-то цветочках. — «Папа, не огорчайся! Ведь это же для музея!» (С доброй улыбкой, но все же со вздохом:) — «Вот, разве уж, для музея!» — Сшили отцу мундир, стали шить дочерям платья («дамы в белых городских, закрытых»). Нечего говорить, что отец за материей отправился сам, — в какой-то свой магазин, «к одному моему знакомцу, с которым я уже тридцать лет торгуюсь...» — «Материю нужно, прежде всего, прочную, — музей открывается раз, а белое платье всегда пригодится, а фасоном советую шить самым простым, две прямые полы, например, и схватить лентой, а сзади пустим клин». (В спасительность клина во всех дамских туалетах отец верил свято.) Шила нам наша вечная Олимпиавна, по призванию домашняя портниха. Нечего говорить, что отец на всех примерках присутствовал. — «Только не обтягивайте, Александра Олимпиаевна, не обтягивайте! Материи за глаза, а Марина и так худая, — уж не знаю, с чего, — чтоб не вышло, как кость. Припустите, припустите!» — Олимпиаевна же, во всем с отцом соглашалась, под машинный шумок, шила по-своему, то есть по-нашему. Самое трогательное, что, когда отец увидел нас в готовом, то есть, по существу, для него неузнаваемом, он, гордясь и восхищаясь, свой покрой и клин узнал!

Поверят мне или нет, если скажу, что отец несколько вечеров до открытия музея, в нашей бывшей детской, сам, самолично, учил нас с Асей делать придворный реверанс?! — «Я сколько раз видал на приемах и отлично знаю. (Приподымая полы пиджака и приседая:) — Ногу за ногу, колено согнуть, в талии согнуться, застыть, — и... нет, пожалуйста, без козых скачков! — *вот так*. Конечно, ваша мама вам бы лучше показала...»

— «Говорила я вам, не спешите замуж, — нашептывала Олимпиаевна, выдергивая последнюю наметку, — пригодится вам ваше девичество... Вот и вышло по-моему. Были бы барышнями — были бы сейчас фрейлинами, каждый день бы видели государя с государыней. А то, — вышли замуж за мальчишек!» — «Александра Олимпиаевна!» — «А я бы на вас шила — всё такое тонкое, воздушное, девическое, придворное... А вот теперь, за гимназистами-то замужем, всю жизнь и будете ходить в простом суконном... Эх!»

За день до открытия музея, рано утром, за отцом из музея спешно приехал курьер. — «Что такое?» — «Не могу знать, только просили поскорее и во всем обычном...» — Отец сразу отправился. Вернулся довольно скоро. — «Зачем вызывали?» — «А показать молодой государыне музей». — «Одной?» — «Да. Она, бедняжка,

страдает нервами, не выносит скопления людей, вот и решила посмотреть заранее». — «Как же это было?» — «Слуга вез кресло на колесах, я шел рядом». — «Она что-нибудь спрашивала?» — «Нет, ничего. Так и проехала молча по всем залам». — «И даже не сказала, что понравилось?» — «Нет. Она, должно быть, бедняжка, совсем больная: лихорадочные щеки, взгляд отсутствующий... Я сначала, было, называл залы, а потом и перестал: вижу — не до меня. Ни разу не взглянула ни направо, ни налево, так и проглядела в одну точку. Но под конец все-таки сказала: — «Благодарю вас, профессор»... Бедная женщина! Бедная женщина!»

Так это у меня и осталось, невиданным мною видением: в ранний час утра, в катящемся кресле, по пустым залам, между белых статуй...

В день открытия музея — майский, синий и жаркий — рано утром — звонок: Звонок — и венок — лавровый! Это наша старая семейная приятельница, обрусевшая неаполитанка, приехала поздравить отца с великим днем. Никогда не забуду. Отец в старом халате, перед ним седая огнеокая красавица, между ними венок, который та упорно старается, а тот никак не дает надеть. Мягко и твердо отбиваясь: — «Помилуйте, голубушка! Старый профессор в халате — и вдруг венок! Это вам нужно надеть, увенчать красоту! Нет уж, голубушка, увольте! Сердечно вам благодарен, только разрешите мне этот венок... Экая вы, однако, приткая!» Итальянка, сверкая глазами и слезами, а венок для верности над головой отца придерживая: — «От лица моей родины... Здесь не умеют чтить великих людей... Иван Владимирович, вы сделали великое дело!» — «Полноте, полноте, голубушка, что вы меня конфузите! Просто осуществил свою давнишнюю мечту. Бог дал — и люди помогли».

Вторым подарком был наш, детский, на него и был положен венок, ибо это был поднос. Подарок не такой бездарный, как может показаться сразу. Во-первых, папа постоянно пьет чай у себя в кабинете. Во-вторых, пока что, на подносе будут лежать визитные карточки всех предстоящих посетителей. (Усердная Олимпиаевна: — «Письма буду носить Ивану Владимировичу на серебряном подносе, как графу или князю! Чем он хуже! (и, уже начало легенды): Сам царицу в кресле катал!») В-третьих, и, в-главных: есть место для даты, а дата — всё. Поднос поднесен, и опять извечный припев: — «Зачем мне, старому человеку, серебряный поднос? Это вам с Асей нужно, вы теперь замужем, гостей принимать будете... Спасибо, спасибо. Прекрасный поднос, массивный, хлебниковский... Только жаль, что так на меня потратились...»

Никогда не забуду: под первым лучом того майского солнца в белом зале, на ломберном столике, на серебряном подносе — лавровый венок.

Август 1933

Открытие Музея

Белое видение музея на щедрой синеве неба. По сторонам входа двойные ряды лицестов, от долгого стояния прислонившихся ряд к ряду спинами и тем каждую шеренгу являющих многоликосдвуликим — но каким младоликим! — Янусом. Первое при входе — старик в долгополой шубе (май!) «А где тут у вас раздеваются?» — «Пожалуйста, ваше превосходительство». — «А нумера даете? А то шуба-то небось бобровая, как бы при торжестве-то...» Тесть моего отца, древний историк И[ловайский].

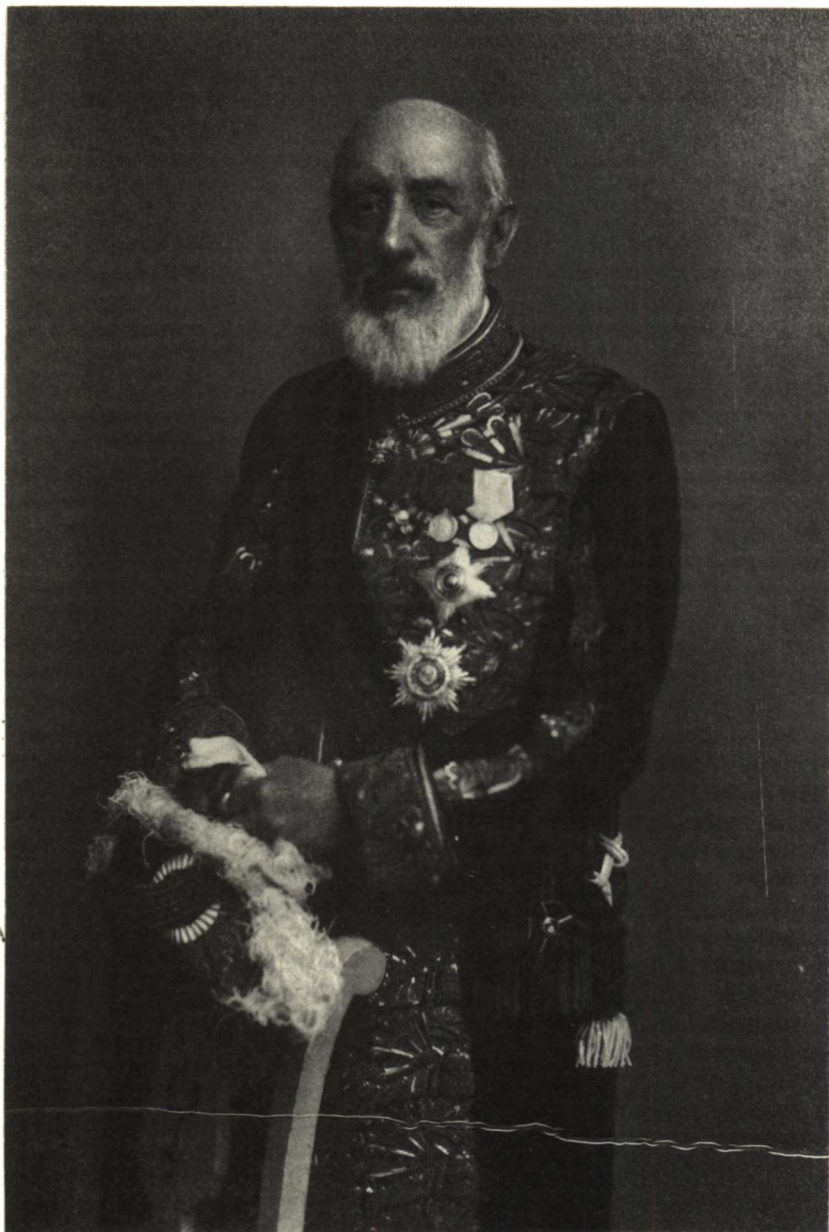
Белое видение лестницы, владычествующей над всем и всеми. У правого крыла — как страж — в нечеловеческий и даже не в божественный: в греческий рост — микеланджеловский Давид. Гости, в ожидании государя, разбредаются по залам. Вдруг — звон, грохот, испуг, отскок, серебряные осколки и потоки: это восемнадцатилетний зять моего отца задел поднос с кавказскими водами, побжежавшими и засверкавшими, как породившие их источники. Старички, удостоверившись, что не бомба, успокаиваются.

Старики, старики, старики. Ордена, ордена, ордена. Ни лба без рытвин, ни груди без звезды. Мой брат и муж здесь единственно-молодые. Группа молодых великих князей не в счет, ибо это именно группа: мраморный барельеф. Мнится, что сегодня вся старость России притекла сюда на поклон вечной юности Греции. Живой урок истории и философии: вот что время делает с людьми, вот что — с богами. Вот что *время* делает с человеком, вот что (взгляд на статуи) — с человеком делает *искусство*. И, последний урок: вот что время делает с человеком, вот что человек делает со временем. Но я об этом, по молодости лет, не думаю, я только чувствую жуть.

Старость, в ее главной примете: обесцвеченность, пересиливает даже удар, по глазам, золота, ибо вся эта старость залита золотом: чем старше, тем золоче, чем дряхлее — тем блистательнее, чем тусклее око — тем ослепительнее грудь. Тоже статуи, но иным. Если великокняжеское юношество статуи по форме: живой мрамор, сановники — статуи по материалу: гипсу Rigidité [Одеревенелость] (русского точного слова нет) старых, полых, заполненных смертной известью костей. Никогда не забуду, как один такой старичок, споткнувшись на лестнице, так и остался лежать, только ворочая головой, пока мой муж, сбежав к нему сверху, осторожно, но настойчиво не поставил его на ноги — как куклу. Сказав «кукла», я назвала дам. Белые, одинаковые, с одинаково-длинными шеями, особенно длинные от высоких, стягивающих горло, воротников, в одинаково-высоких корсетах, с одинаково-высокими «подъездами» причесок, может быть, молодые, может быть, старые, если и молодые, так старые, не старые-пожилые, — какого-то возраста, которого нет в жизни, собирательного возраста, создаваемого днем, местом и туалетом — а может быть, и ровным верхним рассеянным фотографическим стереоскопическим музейным светом... Куклы во всей торжественности, устрашительности и притягательности этой вовсе не детской вещи. Тройная белизна: стен, седин, дам — только

165. И.В.Цветаев в парадном мундире. 1913

166. Ю.С.Нечасв-Мальцев в парадном мундире. 1913

фон, только берега этому золотому неустанно ползущему старческому Пактолу галунов и орденов. И еще одно разительное противоречие: между новизной здания — и бесконечной ветхостью зрителя, между нетронутостью полов и бесконечной изношенностью идущих по ним ног. Видения (статуи), привидения (сановники), сновидения (тот живой мраморный цветник) и куклы... Смело скажу, что статуи в тот первый день музейного бытия казались живее людей, не только казались, но — были, ибо каждую из них, с живой заботой отлитую мастером, со всей заботой живой любви собственноручно вынимал из стружек мой отец, каждую, с помощью таких же любящих, приученных к любви простых рук, устанавливал на уготованном ей месте, на каждую, отступив: «Хороша!» Этих же сановников и дам, казалось, никто уже, а может быть, и никто никогда не любил, как и они — никого и ничего... Настоящий музей, во всем холоде этого слова, был и вокруг, а в них, был — они, были — они. Но стой: что-то живое! Среди общего белого дамского облака совершенно неожиданно и даже невероятно — совершенно отдельная, самостоятельная *рябая* юбка! Именно юбка, над которой блузка «с напуском». Закоренелая «шестидесятница»? Обедневшая знатная? Нет, богатейшая и консервативнейшая жена консервативнейшего из историков, консерватизм свой распространившая и на сундуки, то есть решившая, вопреки предписанию («дамы в белых городских закрытых»), лишние пять аршин белого фая — сохранить. И в удовлетворении выполненного долга, в зачарованном кругу одиночества своей рябой юбки, еще выше возносит свою тщательно прибранную, надменную, молодую еще головку маркизы с двумя природными *ассгосче-сәуг*'ами [локонами на висках]. И так сильно во мне тяготение ко всякому одинокому мужеству, что, отлично зная мутные источники этого, не могу — люблюсь! Но церемониймейстер не любит. Кидая быстрые и частые взгляды на оскорбляющий его предмет и явно озабоченный, куда бы его и как бы его подальше убрать, он забывает о нем только под напльвом другой заботы: никто не становится в ряд, кроме купеческих старшин с бородами и с медалями, как вошедших — так выстроившихся. «Господа, Mesdames... Их величества сейчас будут... Прошу... Прошу... Дамы — направо, господа — налево...» Но никто его не слушает. Слушают грузного, массивного, с умным лицом, сановника, который с плавными и вескими жестами что-то говорит — одному — для всех (Витте). Старшины глядят на Белого Орла на Нечаеве-Мальцеве, полученного им «за музей». «Господа... Господа... Прошу... Их величества...»

Все мы уже наверху, в том зале, где будет молебен. Красная дорожка для царя, по которой ноги *сами* не идут. Духовенство в сборе. Ждем. И что-то близится, что-то должно быть, сейчас будет, потому что на лицах, подобием волны, волнение, в тусклых глазах — трепет, точно от быстро проносимых свеч. «Сейчас будут... Приехали... Идут!.. Идут!..» «И как по мановению жезла» — выражение здесь не только уместное, но незаменимое — сами, само — дамы вправо, мужчины влево, красная дорожка — одна, и ясно, что по ней сейчас пойдет, пройдет...

Бодрым ровным скорым шагом, с добрым радостным

выражением больших голубых глаз, вот-вот готовых рассмеяться, и вдруг — взгляд — прямо на меня, в мои. В эту секунду я эти глаза увидела: не просто голубые, а совершенно прозрачные, чистые, льдистые, совершенно детские.

Глубокий plongeon [ныряние] дам, живое и плавное опускание волны.

За государем — ни наследника, ни государыни нет —

Сонм белых девочек... Раз... две... четыре...
Сонм белых девочек? Да нет — в эфире
Сонм белых бабочек? Прелестный сонм
Великих маленьких княжен...

Идут непринужденно и так же быстро, как отец, кивая и улыбаясь направо и налево... Младшие с распущенными волосами, у одной над высокими бровями золотая челка. Все в одинаковых, больших, с изогнутыми полями, мелкодонных белых шляпах, тоже бабочек! вот-вот готовы улететь... За детьми, тоже кивая и тоже улыбаясь, тоже в белом, но не спеша уже, с обаятельной улыбкой на фарфоровом лице государыня Мария Федоровна. Прошли. Наша живая стена распрямляется.

Благослови, владыко!

Молебен кончен. Вот государь говорит с отцом, и отец, как всегда, чуть склонив голову набок, отвечает. Вот государь, оглянувшись на дочерей, улынулся. Улынулись оба. Церемоний-мейстер подводит государыне Марии Федоровне московских дам. Нырок, кивок. Нырок, кивок. В этих нырках что-то подводное. Так водоросли ныряют на дне Китежа... Государь, сопровождаемый отцом, последовал дальше, за ним, как по волшебной дудке Крысолова, галуны, медали, ордена...

Воздух, после молебна, разреженнее.оборот некоторых голов на статуи. Называют имена богов и богинь... Одобрительные возгласы...

Старая отцова поклонница, обрусевшая итальянка, все время скромно державшаяся в тени, — если можно сказать «тень» о месте, где всё свет, — выступив и, с отчаянием великих решений, схватив отца за рукав: «Иван Владимирович, вы должны выйти!» И, как заклинительница, трижды: «Выйти — и встать, выйти и встать, выйти и встать!» И, странно, без малейшего спору, точно не прослышав смысла слов и повинувшись только интонации, мой отец, как в глубоком сне, вышел и встал. Чуть склонив набок свою небольшую седую круглую голову — как всегда, когда читал или слушал (в эту минуту читал он прошлое, а слушал будущее), явно не видя всех на него глядящих, стоял он у главного входа, один среди белых колонн, под самым фронтоном музея, в зените своей жизни, на вершине своего дела. Это было видение совершенного покоя.

— Папа, а что государь с тобой говорил? — «А скажите, профессор, что за красивая зала, где мы слушали молебен, такая светлая, просторная?» — «Греческий дворик, Ваше Величество». —

167. Групповой портрет. В центре Марина и Ася Цветаевы
Нерви, «Русский пансион». 1903

«А почему он, собственно, греческий, когда все здесь греческое?» Ну, я начинаю объяснять, а государь дочерям: «Марья! Настасья! Идите сюда и слушайте, что говорит профессор!» Тут я ему: — «Помилуйте, Ваше Величество, разве таким козам может быть интересно, что говорит старый профессор?...»

— Папа, а на меня государь посмотрел! — Так на тебя и посмотрел? — Честное слово! — Отец философски: — Все может быть, нужно же куда-нибудь смотреть. — И перенеся взгляд с меня на последний портрет матери, где она так похожа на Байрона: — Вот и открыл Музей.

И оглядываясь еще дальше — на другого путеводного женского гения, замыкая назад арку духовной преемственности, со всей силой творческой и старческой благодарности:

— Думала ли красавица, меценатка, европейски-известная умница, воспетая поэтами и прославленная художниками, княгиня Зинаида Волконская, что ее мечту о русском музее скульптуры суждено будет унаследовать сыну бедного сельского священника, который до двенадцати лет и сапогов-то не видал...

Анастасия Цветаева

Наш отец и его детище — музей. Наша мать⁸

Уступчивый и нетребовательный в жизни, отец проявлял невиданную настойчивость в преодолении препятствий на пути к созданию задуманного — такого и в Европе не было — Музея слепков, а препятствий было много. Занятость и усталость несколько и никогда не делали его раздражительным. Простой, добродушный и жизнерадостный, он в домашнем быту был с нами шутлив и ласков.

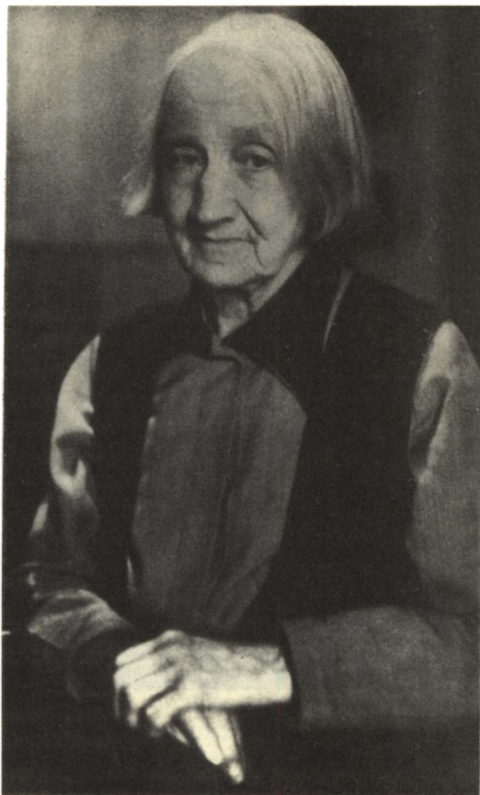
Помню я его седеющим, слегка сутулым, в узеньких золотых очках. Простое русское лицо с крупными чертами; небольшая редкая бородка, кустившаяся вокруг подбородка. Глаза — большие, добрые, карие, близорукие, казавшиеся меньше через стекла очков. Его трогательная в быту рассеянность создавала о нем легенды. Нас это не удивляло, папа всегда думает о своем Музее. Как-то сами, без объяснений взрослых, мы это понимали.

Папе шел сорок шестой год, когда родилась Марина, сорок восьмой — когда родилась я.

В нашей матери, Марии Александровне Цветаевой, урожденной Мейн, отец нашел себе верного помощника по труду — созданию Музея. Свободно владея четырьмя иностранными языками, она не раз ездила с отцом в художественные центры Европы, вела всю его переписку. Маме в годы моих ранних воспоминаний исполнилось тридцать лет. В отце ее была сербская и немецкая кровь, мать ее была поляка. Высокая, темноволосая (в раннем детстве наша мама носила прическу, затем сняла косу, и над высоким лбом ее я помню волнистые волосы). Черты ее удлиненного лица не были так женственны и гармоничны, как у первой жены отца, — та была красавица, — но высокий лоб, блеск жарких, умных глаз, нос с горбинкой (длиннее, чем требовал канон красоты), рот — в уголках его затаилась тонкая горечь, гордая посадка головы — во всем этом была суровая юношесственность.

Мать знала покойную Варвару Дмитриевну, урожденную Иловайскую, — бывала с отцом на раутах у Цветаевых. Любовалась ею, ужаснулась смерти ее от родов и голосу, обращенному над могилой к вдовцу: «На чаек с вашей милости!» Об этом она писала в своем дневнике.

Вечерами отец сидел в кабинете, погруженный в работу. Заграничную его переписку по делам начинавшегося Музея вела мать. Горели две стеариновые свечи под зелеными абажурами; полуседая уже голова папы склонялась над бумагами, блестели очки; знакомая

168. Анастасия Ивановна Цветаева. 1980-е

рука (руки у меня мамыны, у Муси были папины) быстро выводила, каждую отдельно, чернильные буковки своеобразного, типа славянской вязи, почерка.

Профессор Брандт, маленький, чернобородый, — и от бороды ли, широкой и во все стороны, угольно-черной, или от необычайного пылающего взгляда черных глаз, был он нам, детям, человеком из сказки, совсем отдельно от всех папиных посетителей. Языковед профессор Брандт в те годы был увлечен эсперанто; схватив кого-нибудь из нас, пробежавшего, он заставлял нас, знавших немецкий, французский, угадать, что он скажет на эсперанто, и ликовал от наших ответов. Из папиных учеников помню еще его ученика, молодого Аполлона Аполлоновича Грушка, высокого, изысканно вежливого. У него были классически правильные черты лица. Помню характерно русское, доброе лицо Николая Ильича Романова. Он был голубоглаз, носил бороду. Часто бывал у папы, тоже ученик его и друг, молодой тогда ученый Алексей Иванович Яковлев, высокий, плотный, приветливый. С нами он всегда шутил. Он был сын Ивана Яковлевича Яковлева, известного языковеда, составителя чувашской письменности.

169. Анастасия и Марина Цветаевы. 1905

Наш дом

Дом, куда второй женой вошла мама, где родились Марина и я, был дан в приданое Д.И.Иловайским дочери своей, Варваре Дмитриевне, матери Лёры и Андрюши. Дом, обожаемый именно нами — Мусей и мной (Лёра и Андрюша относились к нему прозаически), был не наш. Мы росли в чужом доме. Наследниками его были Лёра и Андрюша. Выросши, мы должны были в будущем его покинуть.

С улицы (в Трехпрудном переулке, меж Тверской и Бронной) — № 8, одноэтажный, деревянный, крашенный — сколько помню его, с 1897 года, — коричневой краской, с семью высокими окнами, воротами, над которыми склонялся разлапый серебристый тополь, и калиткой с кольцом; нажав его, входили в немощеный, летом зеленый двор; мостки вели к полосатому, красному с белым парадному, — над ним шли антресоли.

Под антресолями со стороны двора — низкие комнаты: передняя, столовая, бывшая девичья и спальня. Зала — угловая пятиколонная комната, очень высокая, как и все фасадные комнаты. В зале — рояль и два зеркала между окон на улицу. Узкие высокие, с подобием столиков — полки. По наружным стенам — филодендроны в кадках. В наружном углу — полукруглый зеленый диван; его выемка глубока и уютна. На белых с золотом обоях — высоко висит

над залой портрет. Молодая женщина нежной и приветливой красоты с полу-улыбкой смотрит с портрета из рамы красного дерева. Это — Лёрина и Андрюшина мама. Молча смотрит она на жизнь оставленного ею дома, на нас, на наши, ей на смену пришедшие, дни.

Из залы — в низкую столовую, где круглый стол и самоварный столик с желтой медной доской; окно; на стенах репродукции с картин Рафаэля — Мадонна с младенцем и Иоанн Креститель, в круглой, тяжелой черной раме, ивановское «Явление Христа народу». Позднее мы видели его оригинал в папином Румянцевском музее.

Дверь из залы вела в гостиную (одно время в ней стоял и папин письменный стол; тогда следующая комната звалась «мамина гостиная»). В первой за залой комнате (зала и комнаты за ней шли анфиладой), в гостиной по углу — вогнутые белые кафельные печи. Цвет гарнитура темно-красный; ковер на полу; на столе, крытом бархатной скатертью, стоячая лампа с затейливым стеклянным абажуром; меж окон — полукруглое ореховое трюмо на ножках. Зеркало отражало висящую с потолка люстру — свечей на двенадцать, радужные огоньки хрустальных подвесков. В углах на белых круглых колоннах-постаменты — бюсты греческих богов. По стенам — картины в золотых рамах, главным образом мамина работа: Шильонский замок, копии пейзажей — высокие деревья, морская даль.

Следующая комната, где стены были почти сплошь заняты рядами папиных книжных полок, снизу доверху, и маминым книжным шкафом, — была угловая, очень холодная. Сидя за своим маленьким письменным столом, мама зимами держала ноги в меховом мешке. Высоко, — в раме, — голова Зевса. Ниже — филин на ветке. И фасад (с колоннадой) будущего папиного Музея. Я любила, залезши под огромный папин письменный стол, рыться в его корзине для ненужных бумаг, рисовать на них. На стене резная овальная полка с севрским и саксонским фарфором. Низкий, пузатый пепельно-зеленоватый диванчик, и тяжелые, низкие мягкие кресла, сплошь крытые тем же штофом. Ковер — на весь пол: серый, и по нему вязь желтоватых листьев.

Таруса

Летами мы жили в Тарусе, куда ездили всем домом с Курского вокзала до Ивановской станции (Тарусской) и оттуда семнадцать верст по невероятной (обрывами, то глинистой, с глубокими колеями, то песчаной) дороге — до парома (позже — до станции Ока и оттуда паромом).

За Окой на холмах виднелась Таруса. Также рано запомнилось слово «Поленово», неотделимое от на закате мерцавшей розовым огоньком поленовской церкви села Бёхово, за Окой. Там жил папин знакомый полуженик, Василий Дмитриевич Поленов.

Дачу мы снимали у города, много лет подряд.

Простой серый дощатый дом под ржавой железной крышей. Лесенка с нижнего балкона сходит прямо в сирень. Столбы качелей;

старая скамья под огромной ивой еле видна — так густо кругом. В высоком плетне — калитка на дорогу. Если встать лицом к Оке, влево грядки, за ними — малина, смородина и крыжовник, за домом крокетная площадка.

Две террасы (одна над другой, столбиком); балюстрада нашей детской доверху проложена перекладинами, чтобы мы не упали. Перед террасами — площадка меж четырех тополей; между двух из них — мои детские, стульчиком, с загородками качели. А настоящие качели между четырех орешников, носящих наши четыре имени: Лёра, Андрюша, Муся и Ася.

Внизу, под дачей, — пески, Ока, луг. Позади дачи — «большая дорога» — молодым леском выход в поле. Вся усадьба, некогда звавшаяся «Песочное», часть когда-то большого имения. Деревня Пачёво — далеко за полем, куда ведет «большая дорога». Пачёвская долина — волшебные дубравы с высохшим руслом речки — вожденная цель прогулки. Полноценнее, счастливее детства, чем наше в Тарусе, я не знаю и не могу вообразить.

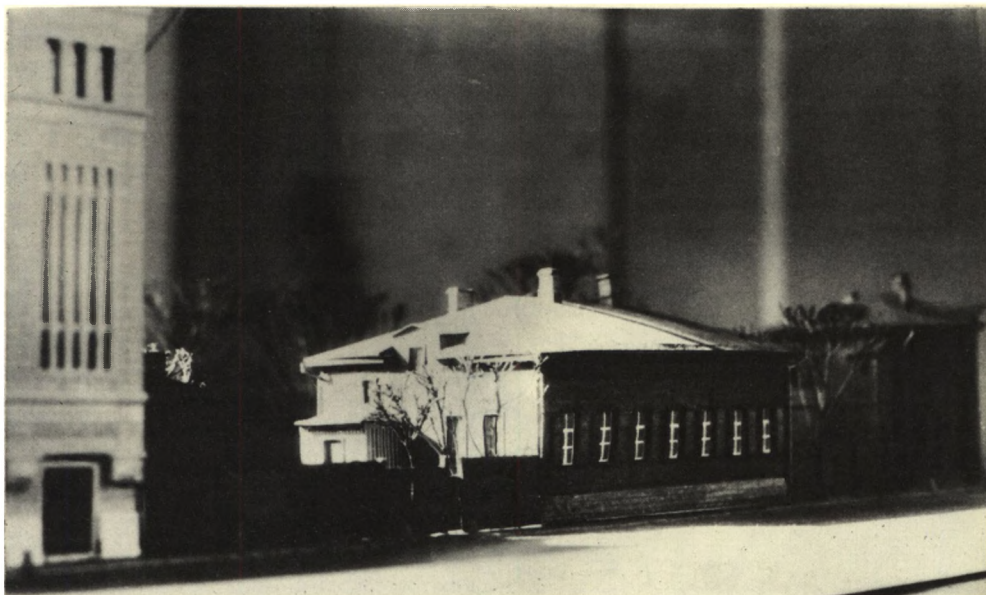
Санкт-Блазиен

Наша гостиница при самой дороге, которая ведет в мамин санаторий. У хвойного леса зелено-синие ели. Стеклянные террасы, где лежат больные.

У нас с папой две смежные комнаты во втором этаже. Мама! Свидание было вчера. Она нашла нас очень выросшими. Иногда мы ходили гулять с папой. Часто папа шел, задумавшись о Музее, не замечая, сколько пройдено, и на этих прогулках — вперед и вперед по ландшафтрассе — я, как меньшая и слабее здоровьем, иногда изнывала. Но сказать об этом было стыдно, и я не просила пощады. Мы заходили в придорожные гостинички соседних сел и деревень, закусывали и шли дальше. И в наступающей тишине нашей нескладной беседы какая-нибудь из нас (Марина, старше и зорче), чтобы прервать эту даль, это молчание меж нас и соединиться с папой, задает вопрос — о Музее. И вот, точно только это и было надо назвать, папин рассказ о любимом, чем занято сердце, чему отдано столько труда, прочной и доброй крышей протягивается над нами.

— ... Опыт, дети, показал и то, — говорит папа, — что учиться приходится не только у специалистов, но иногда и у людей, от которых ожидать помощи, по-видимому, было бы трудно; к примеру, — у старых служителей европейских музеев. Один такой случай был со мной во Фрейбурге — вашем, другой — Наумберге.

Ваш Фрейбург-в-Брайзгау славен, главным образом, своим собором XIII века, замечательным архитектурным сооружением. И вот, гуляя по Фрейбургу, я зашел в один магазин религиозных изваяний, чтобы спросить, нет ли там копий портала и деталей собора. Ответ был отрицательный, но один из рабочих посоветовал мне побывать в конторе Строительной комиссии собора и там навести справку. Я прямо оттуда пошел по данному мне адресу. Но был час обеда. Я никого в бюро не нашел, вынужден был вступить

170. Дом Цветаевых в Трехпрудном переулке (не сохранился). Макет .

в беседу со старым, седым слугой этого учреждения. Старый служитель, услышав, чего я ищу в моем путешествии, дал мне нужный адрес того завода, и я сейчас же отправился туда. И вы, дети, будьте всегда всесторонне внимательны ко всякой работе, которой вы будете заняты, и не пренебрегайте простыми людьми — никогда...

Путь в Россию. Севастополь

Севастополь. Большая гостиница. В ней пахнет, как в Генуе из ресторана, и также звенит оркестр музыки... Мама болеет. Мы тут проживем несколько дней... На другой день Маруся осталась с мамой, я с папой иду по улицам Севастополя. Ветер. Витрина книжного магазина. Смотрит ли папа на книги? Как я увидела маленькую книжечку «Загадочных картинок», мою страсть находить: «где кучер?» «где девочка?» — находить их в изгибах деревьев, в очертании крыш, в облаке... Сердце замирает. Попросить папу купить? Невозможно! Никогда! Мы никогда не просим. Ведь просить — стыдно. Это мы знали с детства. Я стойчески ухожу от окна. Но когда я шагаю с папой по тротуару, боль в сердце достигает такой остроты, расставание с загадочными картинками превышает мои силы.

— Папа, — говорю я, не помня себя от стыда, — там в окне книга. Маленькая. «Загадочные картинки»...

Больше я не могла говорить.

— Картинки? — отозвался вызванный из задумчивости папа. — Так тебе их купить?

171. Марина Цветаева за роялем в родительском доме

И он повернул, я — за ним. Я шла в горячем вихре стыда. Но счастье его смело. Когда папа заплатил за него двадцать пять копеек серебряными монетками и книжка оказалась в моих руках, я шла назад счастливая. Но когда мы вошли в комнату, где нас ждала мама, и она увидела в моих руках купленное, я, должно быть, выдала лицом непрочность моего счастья. Мама сразу поняла, что не папа выбрал мне эту книжку, — это ей было ясно. Она ничего не сказала. Она только на меня поглядела. И стыд победил счастье. Оторвавшись от книги, неумолимый взгляд Маруси уже шел за каждым моим движением, беспощадно-насмешливо. Глаза ее были чуть суженными, в невыразимом презрении. И только папа, давно забыв о покупке, не замечал этой трагической пантомимы.

Дома

Мама вошла в дом сама, устранившись от помощи, высокая, в своей дорожной длинной тальме, и в ее походке, во всей ее стати этого входа в нашу старую дачу в этот час не было, казалось, ни тени болезни. Она прошла в свою новую, — направо из сеней, окнами в жасмин, — комнату, перестроенную для нее из двух маленьких комнаток пристройки, где когда-то гостили у нас Надя и Сережа Иловайские, теперь оба умершие от чахотки. Вспомнила ли мама в той комнате о них, двадцатилетних? Умылась, переделась и вышла к вечернему столу, как в былые годы, — казалось, без усилия, одна.

Как будто не было этих лет, мы все сидим за столом среди веток сирени, окунутых в кувшины; косые лучи солнца, как встарь, зажигают синие каемки тарелок и чашек, желтую медь самовара. Прислуга носит кушанья, рыжие крынки молока, и янтарный огонек горит в вазочке яблочного варенья. Шум, говор, вопросы и ответы — вперемешку, рассказы обо всем сразу и блаженство быть дома, в воплотившемся сне, превосходит всю страсть ожидания! Папа, Лёра, Тетя, Андрюша, мама, Мы! Все!

Но недолго сидит за столом мама. Она встает и подходит к роялю! «Расстроен немного», — говорит она, в то время как большие белые пальцы ее пробегают арпеджио по клавишам.

— Пригласим настройщика, Маня, — говорит папа, радостно глядя, как она садится за рояль, слыша, как из-под рук ее несутся звуки давно не слыханной силы. Ведь она давно не играла! С начала ухудшения, с зимы...

А мама открывает тетрадь нот, прижимая пальцами страницы, и улыбается Лёре, начинает петь, и Лёра подходит к роялю, и они поют в два голоса, как пели до Италии, до всего...

Смерть мамы

Этот вечер был единственный. Здоровья мамы хватило на одно торжество приезда. Нет, не то. Никакого здоровья не было — но торжество свидания с родным домом, родными деревьями и полями дало ей силы на этот вечер. Но не только это! Она гордо вошла в дом такой, как его почти четыре года назад покинула: сама, без помощи, не снизойдя принять болезнь во внимание. Отстранила ее — и вошла.

Утрами Маруся и я играли на рояле. Звукам Марусиной игры мама радовалась. Когда же я изнывала над гаммами, Ганоном и маленькими этюдами — из маминой комнаты через две открытые двери часто доносилось среди кашля: «Правая врет! Левая врет!» В жару было так трудно преодолевать лень...

Настал июль, шли его первые дни. Мама перестала спать. Ей не хватало воздуха. Она дышала с трудом. Она не спала уже трое или четверо суток. Она все сидела поперек кровати, когда бы мы ни входили ... Она позвала нас обеих прощаться. Мы пришли. Мамин взгляд встретил нас у самой двери. Кто-то сказал: «Подойдите...» Мы подошли. Сначала Марусе, потом мне мама положила руку на голову. Папа, стоя в ногах кровати, плакал навзрыд. Его лицо было смято. Обернувшись к нему, мама пыталась его успокоить. Затем нам: «Живите *по правде*, дети! — сказала она, — *по правде* живите...»

Выражение ее голсса звучит во мне до сих пор. И папины сдерживаемые рыдания.

Добротворские взяли меня к себе. Сколько я прожила у них — я не знаю. Папа болел, дядя Ваня (как теперь и я звала Ивана Зиновьевича) лечил его, выжидая возможность перевезти в Москву. Так полтора или два месяца спустя папиных рыданий у постели мамы его здоровье рухнуло. Ни переезда нашего в Москву, ни первых дней в московском доме — не помню. Папу положили в клинику. В доме жили Лёра, Андрюша и Люда. Я жила с ней в бывшей детской, где

мама мечтала устроить нам две комнатки, разделенные занавеской. Марусе и мне... Маруся жила в интернате.

Была осень 1906 года. Нам минуло четырнадцать и двенадцать лет.

Без мамы. Варвара Алексеевна

Когда вернулся из клиники папа, произошло событие, которым он нас с Марусей (она приезжала домой с субботы на воскресенье) задумал, добрый отец, дать радость, облегчить пустоту без мамы; помня нашу страстную привязанность к нашей второй ялтинской учительнице Варваре Алексеевне Бахтуровой, папа, списавшись с ней, выписал ее из Крыма — к нам в дом. Горбатая, смеющаяся, обаятельная, в какой-то серой нарядной тальмочке, с чемоданчиками, сияя от встречи с нами, она вошла в наше исчезнувшее детство и поселилась в нижней близ черного хода, свободной, когда-то «девичьей» комнате (где мама в раннем детстве нашем вынимала из компартиментов комода — крупы, муку, кофе, чай, сахар). Занялась, против склонности своей, хозяйством, стала пытаться наладить нашу распавшуюся жизнь. Мы встретили ее ласково, — но полгода, легшие между нами со дня расставания, странным образом нарушили прежний пыл отношений: он не повторился! Как это могло стать? Такая умница, нас так любившая, — у нас в доме; почему она осталась среди нас — одинокой? Осенним ли, зимним ли днем мы с Марусей печально, ласково попрощались с нею, проводили ее, со стыдом и пустотой в душе, до извозчика.

В ту зиму, когда папа вернулся домой из клиники, его стал часто навещать Иловайский. Он приходил к своему осиротевшему, вторично осиротевшему зятю. Когда-то, много лет назад, он приходил к нему после смерти своей дочери. Со стены на портрете она все еще сияла красотой — улыбка, локон, голубой корсаж, роза. Он медленно проходил мимо, ее не видя, не подымая к ней головы. Зала, гостиная, кабинет. Так было годы и годы, в течение которых место его дочери было занято мамой. В памяти моей смутно — то есть без фактов, — но твердо живет воспоминание о том, что Дмитрий Иванович с большим уважением относился к маме и что часто беседа велась троим.

Бывал у нас дядя Митя. Младший брат папы был похож и не похож на него. Не застав брата, ожидая его, он загребал меня за плечо по-медвежьи и, обняв, шагал и шагал по зале, опустив густую седую бороду (лопатой), уйдя в свои думы, забывая, что с ним шагаю, томясь, и я. Как и все братья его, пройдя суровую школу бедности, некогда семинарист, он теперь был профессором и писал ученый труд о Василии Шуйском.

У папы — до глубокой ночи на его большом столе, заваленном бумагами, две горящих свечи под абажуром. Его согнутая фигура над столом. И, как годы спустя, всегда тот же ответ, когда, вдруг охваченная жалостью к папе, бьющемся над Музеем годы и годы, спросишь, прощаясь на ночь: «Папа, что ты делаешь?» — «Учусь, голубка...» Ночь.

172. И.В.Цветаев с дочерью Анастасией. 1910

Нередко папа звал Марину (если ее не было — меня) писать под его русскую диктовку немецкие или французские письма по делам Музея. И теперь еще слышу его голос: — Ма-ру-ся... Напишем-ка с тобой французское (или немецкое) письмецо...

О маме не говорили. И было одно в доме — по папиной ошибке, не сознанный им, — что отравляло нам воспоминание о маме: ее портрет в гробу.

Лето 1908 года в Тарусе. Переплетное ремесло

Папа ездил по делам Музея за границу, с нами побыл недолго. Но когда приезжал в Тарусу на отдых — брал лопату, шел в огород и работал там с увлечением.

Лёра тоже бывала в Тарусе неподолгу, ездила летами в самые разнородные места, — я запомнила из ее позднейших поездок — и Лондон, и Крым, и Алтай, где она скакала верхом по диким местам со старым, опытным проводником.

Как и год назад, Марина и Андрей уехали в Москву к началу гимназических занятий, а меня оставили еще пожить у Добротворских. На осенних хлебах — яблоках, сливах, грушах, на отличном домашнем столе Добротворских — молоко, масло, творог от своих коров, яйца от своих кур, смоквы и мармелады своего изготовления. Живя у Добротворских, я выразила желание учиться переплетному делу. Папа дал согласие, и Елена Александровна пригласила старенького тарусского переплетчика — давать мне уроки переплетения. Но чем более я увлекалась процессами склеивания и обрезания книг, тем прохладней относился к моему увлечению старичок переплетчик. Вскоре Катя, прислуга Добротворских, открыла этот

173. И.В.Цветаев с сыном Андреем. 1909

секрет: бедный старичок встревожился, что растит себе конкурента... Смеясь, я старалась разрушить его подозрения.

К моему дню рождения папа в Москве подарил мне полный набор переплетных инструментов — большие деревянные тиски на деревянных винтах; помню круглый нож, помню из них и другие ножи, и то, как трудно было обрезать книги и зажимать их в тиски. Может быть, оттого и продлилось это увлечение недолго и недолго моя комната пахла столярным клеем и переплетным коленкором. В ту осень нам минуло: Марине шестнадцать, мне четырнадцать лет.

Возвращение папы из Каира

Все последнее время папа собирался в Каир, на конгресс археологов. Настал день отъезда. Мы провожали его на вокзал, неловко толклись рядом с ним на перроне, жалея его за таких нескладных детей, на него не похожих, не умеющих выразить ему то живое чувство к нему, которое ожило в нас, бесполезное без

проявления и тягостное своею беспомощностью. Папа слал нам письма с пути, из Афин и из всех городов, через которые ехал. Увы, события последующих лет уничтожили все, что я хранила. Чудесные письма! Полные зоркого глаза на все, ко всему интереса, благожелательности, теплого юмора. Сколько дружеского восхищения трудом человеческим, какое вхождение во все, что кругом. Сколько тонкой, разносторонней наблюдательности! И какая скромность о себе... Но почему-то он не получал наших ответных писем.

Был жаркий день, когда мы и Андрей поехали встречать папу. На вокзале — мне помнится — низкая крыша у перрона, мало народу, долгое ожидание. Наконец вот поезд! Глаза смотрят с тревогой — люди идут, где же папа? Неужели мы пропустили его... О, вот он! Мы бросаемся навстречу. В сером своем пальто, в шляпе с полями, очки... Но неузнаваемый цвет лица! Восклициания, поцелуи.

— Папа, ты как негр! Как кафр!

— Да-а, там солнышко — не щадит... Ну, а вы тут как, без меня? Дошли ли к вам, наконец, мои письма?

— Доходили, но неаккуратно. А наши ты получал?

Рассказ за рассказом. Едем домой. Дома, распаковав чемодан, папа раздает нам подарки. Помню бусы — египетские. Какне-то каменные, яркие, пестрые, удивительные. «А это вот из Афин, а это...»

Немного смущаясь, что это — как в сказке — подарки с пути, мы набрасываем на головы легкие шелковые шарфы. Марина в зеленовато-серебряном — вдруг на миг — как русалка: глаза-то морские, зеленые!

— А это, Андрюша, тебе... А вот это — Лёре...

Марина с вдруг забившимся сердцем:

— Папа, а я поеду в Париж?

— Поедешь, поедешь...

Лето 1910 года. Дрезден. Победа недостойного министра Шварца.

Шел разговор о поездке за границу. Папа хотел ехать в Германию по делам Музея и взять нас с собой, чтобы мы не забывали язык. Он списывался через германских знакомых с одной семьей под Дрезденом, где он намеревался устроить нас на пансион, а сам — ездить по городам, откуда в Москву должны были высылать коллекции слепков, делаемых первоклассными немецкими мастерами.

Дрезден — густые купы деревьев, светлая Эльба в каменных берегах, лучащаяся жара солнца и, как всегда в пути, усталость от хождения по чужому городу. Магазины нас не прельщали, мы покупали необходимое наскоро и были рады прохладной тени деревьев на пути к фундаментальным серым зданиям музеев. Мы входили в музей уже привычно, сразу переносясь в детские годы, когда столько музеев мы обошли с папой (Вена — Мюнхен — Генуя — Лозанна — Фрейбург). Музеи — это был некоторым образом дом. Все музеи были немного папины. И папин был памятник знаменитому филологу Моммзену, о котором мы слышали с детства почти как о Зевсе, — что-то древнее, ученое, драгоценное, с чем связан папа. Я не помню, в каком городе я видела этот памятник. Но я помню великолепье знаменитой «Брюллевской террасы» между музеями и Эльбой, вид на нее — и с нее в нежную

жару утра, и трепет слова «Альбертинум» еще до входа в музей. Прохлада зал и имя профессора Трей, папиного друга.

А в то время когда мы с Мариной мирно жили в Норвежском домике, в «Московском вестнике» появилось сообщение, что ввиду увольнения со службы директора Румянцевского музея И. В. Цветаева министерство народного просвещения распорядилось о передаче музейного имущества и дел хранителю Музея. Следовала фамилия.

Каково же было душевное состояние папы, когда одним росчерком пера был так несправедливо отнят у него Румянцевский музей, на пользу которого он столько лет потрудился! В борьбе нечестного министра и честного профессора победил — первый!

Происками Шварца папа был уволен с места, где он беспорочно прослужил столько лет! Но Марина и я об этом узнали только при свидании с папой.

Пешком по Саксонской Швейцарии

Приехав в Дрезден, мы пустились в пешеходное путешествие — втроем, папа и мы две, по Саксонской Швейцарии. Глаз не успевал смотреть, грудь — дышать. Крутизна гор — не хуже Тироля; резкость теней, зеленое золото освещенных лужаек, блеск водопадных струй, тропинки, уходящие в глубь лесов. Горные речки. Как я устала! Нет, они еще идут бодро. Но впереди — деревня, привал.

Как, еще не взрослая, я не до конца понимала, что значило для папы «увольнение с должности», и притом без пенсии, такое чудовищно несправедливое. Я радовалась, что он избавился от части работы.

— Теперь ты не будешь так уставать, папа! И уж скоро откроется твой Музей!

...Теперь, когда я уже на почти десяток лет старше, чем тогда был наш отец, я, разбираясь в его архиве, прихожу в глубокое восхищение. С каким мужеством вынес он свое «увольнение от должности»! Как, подавив в себе чувства печали и негодования, — он даже на самое короткое время не прерывал своего труда по созданию нового Музея! Полученный удар не сделал его ни разочарованным в служении просвещению, ни озлобленным. Деловито и самоотверженно продолжал он работать день за днем, как пчела, собирая мед в соты, отдавая делу последние свои силы.

В середине лета, получив вопиющую по несправедливости отставку, он участвовал в оскорбительной процедуре передачи своим заместителям дел и инвентаря Румянцевского музея (из них один и был клеветник). А в июле он выезжает в научную командировку за границу для пополнений нового Музея. Неумоимо и увлеченно трудится он в музее Берлина и Дрездена, затем уединяется в глухой деревушке Саксонской Швейцарии и работает над оправдательными документами, опровергая клеветническую ревизию. И он еще находит в себе силы захватить за нами, взять с собою, на пешеходную многодневную экскурсию по горным дорогам Саксонской Швейцарии, чтобы и мы полюбовались тамошней живописной природой.

174. Римский зал Музея. Фрагмент экспозиции

Берет меня с собой в нужные ему для Музея города — Виттенберг, Магдебург...

В эту осень нам минуло — Марине восемнадцать, мне шестнадцать лет.

Время

Однажды, в зимний день, посыльный передал мне нарциссы, мои любимые цветы с Лозанны. Это случилось, когда папа был дома. Может быть, в первый раз папа вдруг осознал, что я расту, уже девушка, — и покосился на меня суровым взглядом из-под нахмуренных бровей и очков.

— Кто это присылает тебе зимой — живые цветы? — спросил он строго.

— Один студент. Он с Кавказа. Мы познакомились на гимназическом балу (словом «студент» я хотела себя защитить, что — взрослый, не мальчик...).

Но папе оно прозвучало иначе.

— Студент! — сказал он. — А думала ли ты, что такое зимой — цветы для кармана студента? Сколького он должен был лишать себя, чтобы тебе купить и прислать этот букет? Вот — подумай. В нашей семье себе не позволяли таких вещей...

— Но, папа, я же не просила его... — сказала я беспомощно и устыженно.

— О таких вещах не просят, — а их отстраняют. Мама была очень скромна и в нарядах и в украшениях. Я — студентом — снимал за городом сапоги, берег их. Мы живем подножным кормом, — что заработаем, на то живем. Не позволяй больше таких вещей. Запрети.

И он ушел к себе. Навстречу мне шел Андрей.

— Что, матушка, попало? «Мы живем подножным кормом», наверное, да?

И смеясь, он унесся вверх по лестнице, и оттуда донеслась мандолина. Слов папы он не слышал. Но папа не раз повторял их, и он шутя о них догадался.

Открытие Музея

31 мая 1912 года — был день открытия Музея изящных искусств. Моя сестра Марина дала гротескное, как ей свойственно, описание этого торжества. Я опишу, что помню.

О папе я не берусь говорить — оно и в слова не ложится. Я помню нас, его родных, его близких друзей из младшего ему поколения — профессора-классика Аполлона Аполлоновича Грушка и Алексея Ивановича Яковлева (тоже уже профессора тогда?), часто нас посещавших. Они, как и мы, с трепетом ждали великого дня. Я знаю, что их было много, и кроме них все папины соратники по Музею, и любимые и любящие ученики (из них я встретила на торжестве пятидесятилетия музея профессора Алексея Алексеевича Сидорова, Веру Константиновну Андрееву-Шилейко и Ксению

Михайловну Малицкую, самих уже старых, сказавших о папе слова сердечной и восхищенной преданности). Знаю, что их было, не названных мною — множество. Но мне было в те дни только семнадцать лет! И я помню ту сосущую тревогу о папе в нас, его непослушных и трудных детях, в нас, таких разных от двух папиных браков, в нас четырех.

Папа, безмерно утомленный, ложился спать уже всегда поздно ночью. Видя его резко постаревшим за последнее время, мы понимали, что он именно теперь может рухнуть, *не дожить* до открытия Музея!

Я не помню ни министра Витте, ни древнего сановитого старичка в золотом мундире, ни Иловайских (Маринины воспомина-ния). Но я бы хотела не забыть в том дне архитектора Романа Ивановича Клейна и другого сподвижника папы, главного жертвователя, на средства коего много лет рос Музей, — Юрия Степановича Нечаева-Мальцева. В апофеозе папином, потоком солнечной теплоты освещенном Мариной, этим двум принадлежит заслуженная ими честь. Приезды, приезды. После многих движений приглашенных по главной лестнице цветного мрамора, прилегающим за колоннадами галереям, церемониймейстер расставляет нас, рассекая на двое: мужчин — по одну, дам — по другую сторону близящегося «следования высочайших особ». Душно. Тесно. Томительно. Где папа? Каким светом залиты мрамор, зеленый и розовый, лестницы, торжественная белизна залы. Стекланные потолки стремят в хлад Музея весь блеск весны. Было бы упоительно, если б немножечко больше сил... Как долго!

Как во сне помню пробежавшее по рядам волнение, напряжение сил, сердцебиение. Пролетающую фигуру церемониймейстера, — царская фамилия вошла в Музей.

Я вижу папину немного сутулую, уютную фигуру в черном профессорском сюртуке рядом с царским мундиром. Наклоненная круглая седая голова папы выше головы царя. Мрамор, свет, блеск под солнечными потолками через стекланные потолки. Цветные колонны лестницы, белоснежные — в зале Славы...

Близоруко шурясь, искали мы глазами своих среди блиставших орденами, звездами и мундирами сановников, представителей знати и просвещения Москвы, а может быть, и России. И, думаю, все это покрывалось накаленным волнением за папу, за его волнение сегодня, его путь сейчас бок о бок с сильными мира сего, в этот его долгожданный, неповторимый день. И было тихое торжество радости в наших своевольных, своенравных, не в него пошедших сердцах: не папе дарят что-то сейчас сильные сего мира, а он дарит всем, кто сейчас здесь, всей России — созданный им Музей!

Как мало радости принесли ему — мы... И как много — этот его сын, в мрамор заключивший все сокровища истории. Этот наш, сегодня венчаемый, брат! «Колоссальный младший брат!» — как сказал тогда кто-то из нас.

Папа проходил с «высочайшими гостями» по залам Музея, показывая и разъясняя, как всегда поглощенный предметом беседы, а мы, стоя в рядах белоснежных «высокопоставленных» дам, отыскивали близорукими глазами наших юных мужей в их первых на

Смерть папы

28 августа с папой случился припадок грудной жабы. Он был в Клину (под Клином?) в той семье, где устроился на пансион на лето. Испугавшись, видимо, ответственности за исход серьезной болезни, папу отправили в Москву с сыном-студентом. Трясая дорога на лошади до станции, езда в поезде, доставка папы через Москву в Трехпрудный — было все то, чего было нельзя делать. Папа, уложенный в постель, был в тяжелом состоянии, но когда я, узнав 28-го, приехала и пошла к нему в спальню, ему было уже лучше, он разговаривал, и доктор Зеленин (ассистент профессора Плетнева, который пользовал папу) дивился и хвалил папин организм, смогший вынести такие испытания во время сердечного приступа.

Марина и Лёра, брат Андрей — все были в доме. Папа, как всегда, был добр, спокоен и терпелив. В тот же день был мой разговор с папой, верней, его разговор со мной? или я еще раз была у него на следующий день, 29 августа?

Папина — мамы с папой когда-то — спальня. Низкие потолки, прохлада, уют десятилетия знакомой комнаты. Папа лежит на давно иначе, чем в детстве нашем, стоящей кровати: если войти из коридорчика — впереди, у правой стены; если из кабинета — направо же, за дверь. Столик, комод, сундук? Почти нет вещей. Четыре окна. Два — напротив папы, во двор, к мосткам, к сараю и кухонному флигелю; два — в акации и тополя, где в детстве качали колодец. Лицо папы, родное, доброе, сейчас больное, с близоруким взглядом от снятых очков. Руки поверх одеяла. Пахнет лекарствами.

— Ася, — говорит папа тихим голосом (мы в комнате были одни — я хожу по комнате медленным шагом, стараюсь ступать бесшумно), — я слышал, что у тебя не ладится твоя семейная жизнь. Что же, можно и исправлять ошибки. Вот я поправлюсь и в этом году поеду в Италию. Там буду писать мою последнюю, вероятно, книгу об архитектуре древнеримских храмов. Поедем со мной — ты, крестник и няня. Там ты сможешь отдохнуть, поправиться. Потом займешься чем-нибудь, что выберешь — будешь что-нибудь изучать; может быть, поучишься какому-нибудь прикладному художественному ремеслу.

Пока я жив, — продолжает он, видя, что я согласно слушаю, не возражаю, — всегда будет у тебя с сыном кров над головой, и все, что вам надо для жизни, обдумай, голубка...

И я подхожу и целую папу застенчиво и благодарно, и мы говорим об Италии.

Если это было 28 августа, то 29-го я или еще раз приезжала в Москву или звонила по телефону, и мне ответили, что ничего тревожного нет. 30-го я собиралась ехать, но пошла позвонить. Был полусонный, полулунный день, зелень веток сверкала солнцем, летели желтые листочки. Я сняла черную, выгнутую колоколом трубку с коричневого выступа телефонного ящика:

— 1—81—08!

Голос Марины:

— Я слушаю!

— Это я, Ася! Как папа?

- Ася, все кончено. Папа скончался.
- Господи!.. Когда, Марина?
- Около четырех часов дня.

Поезд, московские улицы. И я даже не помню теперь, как я вошла в дом, где был папа — в спальне еще? Я совсем, нацело позабыла дом в те часы? Я помню папину смерть — в совсем другом доме: он полон людей, неизвестных. Зала? Это она? Вся затянута черным. Гроб стоит высоко, и папа в опекунском мундире (грудь в золоте), о котором он так огорчался, что он стоит *восемьсот* рублей... Он должен был оплатить этот чин, ему так ненужный, он — скромнейший человек, вечный труженик...

Милый, дорогой папа! Он всю жизнь копил для детей, отказывая себе во всем, ездил во втором классе только в России, за границей — в третьем, редко брал извозчика — конка, трамвая и пешком для моциона — и скопленное за жизнь распределил с трогательной отцовской заботливостью и справедливостью. Я не помню Марину. Лёра плачет. На ней что-то черное. На цыпочках проходит Андрей. Солнце по черной зале.

Елена Александровна Добротворская плачет навзрыд, глядя на папу в гробу, сложившего руки. Ее еле произносящий голос: «Все заботы отошли...»

Лицо папы было не только спокойным — оно почти улыбалось. Выражение почти довольства, почти радости, в морщинах у уголков глаз, в тайне закрытого рта под седыми усами? Папа — спал. Ничего мертвого. Его большой лоб, лысина с добрым ободом седых волос, круглая голова, скромная, легшая на покой в подушку. Я потом долго подолгу десятилетия спустя в это лицо глядела — маска из гипса, в верхнем ящике маминого комода, со мной долго жившая...

Я больше ничего не помню — ни похорон, ни кладбища, Ваганьковского. Призрачная толпа, призрачный катафалк, призрачная могильная яма. Трафарет торжественных похорон в душе умер.

Папу похоронили слева от могилы мамы — Марии Александровны Цветаевой, урожд. Мейн (тридцать семь лет). Папе было шестьдесят шесть лет.

Свежий песчаный холм, венки.

Это совсем близко от входа, налево, напротив начинающейся (крайняя стена) церкви кладбища.

В сороковой день после смерти папы скончался его соратник по Музею изящных искусств Юрий Степанович Нечаев-Мальцев, на средства коего было воздвигнуто здание Музея.

Снова вспоминаю. Папа часто бывал у нас. Заходил, делая крюк, идя из Музея, справлялся, не холодно ли с наставшей осенней непогодой, распорядился присылкой березовых дров первого сорта.

Я показывала ему, как удалось в маленькой столовой, отставив вперед стол, поместить у стены им подаренный мне гарнитур гостиной мебели красного дерева с медными прокладками стиля «жакоб» (им выбранный мне без меня, с экономкой) и за его чинные, строгие очертания мне не нравившийся, о чем я также чинно, из деликатности, молчала, благодаря и хваля. Позднее я сумела еще с одной перестановкой мебели (при переезде) продать этот гарнитур

176. Музей изящных искусств в Москве. Общий вид. 1912

в уверенности, что папа, раз увидав его утвердившимся у меня, о нем позабудет.

Так и вышло. Правда, у меня очень билось сердце, когда он в первый раз после этой проделки, после исчезновения «жакоба», вошел в нашу столовую, но, занятый своими мыслями, он, наоборот, нашел, что у нас все очень хорошо, даже стало как-то просторней, чем ему прежде казалось, а то что-то уж больно густо было наставлено. Я благодарно, в сердечной тронутости, усаживала его за чайный стол.

Борис⁹, не более папы замечавший все бытовое, никогда ни во что не вмешивавшийся в доме и хозяйстве, оживленно рассказывал папе что-то из прочтенного им в книгах. Папа слушал явно одобрительно и мягко, издали начал разговор о необходимости систематического учения, о выборе факультета.

Теперь я часто бывала у Марины. Мы ездили вместе к папе на кладбище.

А когда в конце лета 1914 года мы вновь оказались в Москве, это была уже другая Москва — военная. Шли маршевые роты. В наш дом в Трехпрудном, №8, где мы родились и выросли, мы никогда не вернулись. Брат вскоре отдал его под лазарет для раненых, которых уже свозили в Москву. С уходом дома, где еще незримо с нами жили папа и мама, с началом войны, кончилась наша юность.

177. Музей изящных искусств — Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. Современный вид

Ты, чьи сны еще не пробудны,
Чьи движенья еще тихи,
В переулок сходи Трехпрудный,
Если любишь мои стихи.
    О, как солнечно и как звездно
    Начат жизненный первый том,
    Умоляю — пока не поздно,
    Приходи посмотреть наш дом!
Будет скоро тот миг погублен,
Погляди на него тайком.
Пока тополь еще не срублен,
И не продан еще наш дом.

.....
Этот мир невозвратно-чудный
Ты застанешь еще, спеши!
В переулок сходи Трехпрудный,
В эту душу моей души.

В эту осень нам исполнилось — Марине двадцать два,
мне — двадцать лет.

Приложения

Список иллюстраций

Указатель имен

Список иллюстраций

1. Село Дроздово Шуйского уезда
2. Дом Цветаевых в селе Талицы
3. Шуйское духовное училище
4. И.В. Цветаев среди сотрудников Румянцевского музея
5. И.В.Цветаев. 1880-е
6. М.А.Цветаева. 1903
7. Фрагмент письма И.В.Цветаева сыну Андрею 22 января 1903 с видом палаццо делла Синьория (палаццо Веккьо) во Флоренции
8. Музей в лесах. 1904
9. Фрагмент портика Музея и храм Христа Спасителя
10. Могила И.В.Цветаева на Ваганьковском кладбище в Москве
11. Неаполь. Уличная сцена
12. Неаполь. Вид лагуны
Акварель
13. Итальянский пейзаж
14. Р.И.Клейн. Итальянский мотив. 1880-е
Акварель
15. Помпеи
16. Помпеи. Храм Аполлона
17. Помпеи. Фрагмент
18. Руины Древнего Рима. Форум Романо
19. Пьяцца делла Синьория во Флоренции
20. Р.И.Клейн. Храм св.Виталия во Флоренции. 1880-е
Акварель
21. В.Д.Иловайская. 1870-е
22. И.В.Цветаев. 1870-е
23. Княгиня З.А.Волконская. 1830-е
Гравюра
24. Ф.И.Буслаев
25. К.К.Герц
26. Больничный корпус Московского университета
27. Кабинет изящных искусств Московского университета
28. Бюсты римских императоров в кабинете изящных искусств Московского университета
29. Пустырь на площади бывшего Колымажного двора
30. Великий князь Сергей Александрович в кабинете изящных искусств Московского университета
31. Члены комитета по устройству Музея изящных искусств в кабинете изящных искусств Московского университета
32. Ю.С.Нечаев-Мальцев. Конец XIX века
33. Великий князь Сергей Александрович
34. Император Николай II

35. А.Д. и С.Д.Мейн
36. Групповой портрет жертвователей на Музей изящных искусств
37. Братья Арманда
38. М.А.Морозов
39. Ф.Фламенг. Портрет княгини З.Н.Юсуповой
Холст, масло
40. Почетная грамота Е.Е.Арманда
41. Почетная грамота А.Ф.Дерюжинского
42. В.М.Васнецов. 1885
43. Ф.О.Шехтель
44. Р.И.Клейн. 1880-е
45. Дом Р.И.Клейна в Олсуфьевском переулке. 1890-е
46. Р.И.Клейн. Проект Музея изящных искусств. 1898
47. Г.Д.Гримм. Конкурсный проект Музея изящных искусств
1896
Тушь, акварель, отмывка
48. П.С.Бойцов. Конкурсный проект Музея изящных искусств
1896
Тушь, отмывка
49. М.С.Шуцман. Конкурсный проект Музея изящных искусств
1896
Тушь, акварель, отмывка
50. Гостевые трибуны на площади Колымажного двора
17 августа 1898
51. Праздник закладки Музея изящных искусств
17 августа 1898
52. И.В.Цветаев, Р.И.Клейн, члены царской семьи
на церемонии закладки Музея изящных искусств
53. Место закладки памятных знаков
54. Закладка фундамента Музея
55. Центральный зал Музея. Вариант проекта
Тушь
56. Центральный зал Музея. Осуществленный проект
57. Центральный зал Музея. Осуществленный проект
58. Р.И.Клейн. Парфенон. 1899
Акварель
59. Р.И.Клейн. Памятник Лисикрата в Афинах. 1899
Акварель
60. Национальный музей в Будапеште
61. Р.И.Клейн. Египет. Пальмы. Конец 1890-х
Акварель
62. Остров Филэ. Храм Исиды
63. Р.И.Клейн. Вид храма на острове Филэ. Конец 1890-х
Акварель
64. Р.И.Клейн. Храм в Карнаке. Конец 1890-х
Акварель
65. И.В.Цветаев, Р.И.Клейн, Ю.С.Нечаев-Мальцев, И.И.Рерберг
в группе итальянцев-мраморщиков
на Колымажном дворе
66. Владимирские рабочие на стройке Музея

67. Профессор Трей, работающий над восстановлением фронтона храма Зевса в Олимпии
68. Полировка мраморных колонн на заводе Г.Листа. Подпись под фотографией сделана рукой И.В.Цветаева
69. Ломка белого мрамора на Урале
70. В мраморном карьере
71. И.В.Цветаев, М.А.Цветаева на разработках уральского мрамора
72. Р.И.Клейн. Эскиз главной лестницы Музея
Рисунок
73. Парадная лестница. Осуществленный проект
74. Парадная лестница. Осуществленный проект
75. Парадная лестница. Осуществленный проект
76. Вид Нерви
77. Музей в лесах. 1900-е
78. И.В.Цветаев и Р.И.Клейн на стройке Музея
79. Двор Барджелло во Флоренции
80. Греческий дворик во время строительства
81. Установка угла Парфенона в Греческом дворике
82. Греческий дворик. Осуществленный проект
83. Греческий дворик. Фрагмент
84. Итальянский дворик в процессе строительства
85. Итальянский дворик. Часть экспозиции
86. «Золотые ворота» Фрейбергского собора в Итальянском дворике
87. Итальянский дворик. Фрагмент
88. Письмо И.В.Цветаеву сыну Андрею с видом Женевского озера и впадающей в него рекой Роной. Фрагмент
89. Письмо И.В.Цветаева сыну Андрею 24 июля 1904 с видом уголка Фрейбурга. Фрагмент
90. Последние леса на боковом фасаде Музея
91. Последние леса на боковом фасаде Музея
92. Главный портик Музея во время строительства
93. Ассирийский зал
94. Великая княгиня Елизавета Федоровна
95. Зал архаики
96. Зал Олимпии. Фрагмент экспозиции
97. Зал Олимпии. Фрагмент экспозиции
98. Зал Фидия. Парфенон. Фрагмент экспозиции
99. Зал Фидия. Парфенон. Фрагмент экспозиции
100. Зал Фидия. Парфенон. Продольная сторона
101. Зал Фидия. Парфенон. Продольная сторона
102. Зал Фидия. Парфенон. Общий вид (не сохранился)
103. Зал греческого искусства конца V века до н.э.
(не сохранился)
104. Зал греческого искусства конца V века до н.э.
(не сохранился)
105. Зал Ниобид (не сохранился)
106. Зал Ниобид (не сохранился)
107. Ф.П.Рейман. Древнеримская катакомба
Акварель

108. Ф.П.Рейман. Деталь росписи древнеримской катакомбы
Акварель
109. Ф.П.Рейман. Копия фрески «Тайная вечеря»
Акварель
110. Ф.П.Рейман. Фрагмент росписи одной из катакомбных стен
Акварель
111. Ф.П.Рейман. Одна из капелл катакомбы
Акварель
112. Ф.П.Рейман. Вид древнеримской катакомбы
Акварель
113. Венеция. Палаццо дождей
114. Флоренция. Лоджия деи Ланци
115. Пергамский зал. Монтировка Фарнезского быка
116. Пергамский зал. Общий вид
117. Пергамский зал. Фрагмент экспозиции
118. Римский зал. Общий вид
119. Римский зал. Фрагмент экспозиции
120. Средневековый зал
121. Зал раннего итальянского Возрождения
122. Зал Микеланджело. Общий вид
123. Зал Микеланджело. Фрагмент экспозиции
124. В.С.Голенищев
125. Египетский зал. Общий вид
126. Египетский зал. Фрагмент экспозиции
127. Портрет пожилого мужчины. Фаюм
Из собрания В.С.Голенищева
128. Погребальная пелена
Из собрания В.С.Голенищева
129. Юноша в золотом венке. Фаюм
Из собрания В.С.Голенищева
130. Распятие
Из собрания М.С.Щекина
131. Зал древнегреческих надгробий (не сохранился)
132. Панно А.Я.Головина в зале древнегреческих надгробий
133. В.Д.Поленов. Портик кариатид
Акварель
134. В.Д.Поленов. Античный мотив
Акварель
135. В.Д.Поленов. Вид Акрополя
Акварель
136. В.Д.Поленов. Угол Парфенона
Акварель
137. Зал библиотеки Музея изящных искусств (не сохранился)
138. Зал Северного Возрождения (не сохранился)
139. Анфилада греческих залов (не сохранилась)
140. Зал Праксителя (не сохранился)
141. Зал Лисиппа (не сохранился)
142. Зал Афродиты Милосской (не сохранился)
143. И.В.Цветаев и Ю.С.Нечаев-Мальцев у входа в Музей. 1912
144. Д.И.Иловайский
145. Р.И.Клейн. 1910-е

146. Великий князь Петр Николаевич
147. В.К.Мальмберг
148. А.В.Назаревский
149. Графиня П.С.Уварова
150. Н.Н.Клейн
151. И.В.Цветаев и В.К.Мальмберг с выпускниками Московского университета А.А.Сидоровым, Д.С.Недовичем и другими
152. Великий князь, наследник Алексей Николаевич
153. Валерия Ивановна Цветаева с художником Федором Петровичем Рейманом. Италия. 1903
154. Вид Тарусы
155. И.В.Цветаев с семьей на даче в Тарусе
156. И.В.Цветаев с семьей на даче в Тарусе
157. В.Д.Поленов в мастерской
158. И.В.Цветаев с дочерью Валерией
159. Марина Ивановна Цветаева. 1926
160. И.В.Цветаев с дочерью Мариной. 1905
161. Анастасия и Марина Цветаевы. 1911
162. Панорама набережной Москвы-реки с храмом Христа Спасителя; справа в глубине — Музей изящных искусств. 1920-е
163. Вестибюль Музея
164. Парадная лестница Музея
165. И.В.Цветаев в парадном мундире. 1913
166. Ю.С.Нечаев-Мальцев в парадном мундире. 1913
167. Групповой портрет. В центре Марина и Ася Цветаевы. Нерви, «Русский пансион». 1903
168. Анастасия Ивановна Цветаева. 1980-е
169. Анастасия и Марина Цветаевы. 1905
170. Дом Цветаевых в Трехпрудном переулке (не сохранился)
Макет
171. Марина Цветаева за роялем в родительском доме
172. И.В.Цветаев с дочерью Анастасией. 1910
173. И.В.Цветаев с сыном Андреем. 1909
174. Римский зал Музея. Фрагмент экспозиции
175. Письмо И.В.Цветаева сыну Андрею 22 сентября 1904 года с видом Большого сада в Дрездене. Фрагмент
176. Музей изящных искусств в Москве. Общий вид. 1912
177. Музей изящных искусств — Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
Современный вид

Фронтиспис:

Профессор Иван Владимирович Цветаев

Указатель имен

- Айвазовский И.К. 124, 125, 126, 138
Айналов Д.В. 153
Аксеро, братья /фирма/ 172
Александр I 57
Александр II 86, 95, 98, 99, 107
Александр III 25, 65, 69, 70, 75, 77, 80, 83, 87, 88, 91, 99, 102, 110, 147, 148, 153, 164, 165, 166, 167, 168, 177, 181, 184, 192, 201, 202, 213, 237, 279, 280, 281, 283, 286, 296, 316, 319, 337, 339, 350, 352, 357, 359, 361, 366, 367, 368, 377, 393, 398, 440
Александра Федоровна, императрица 88, 119, 176, 395, 404, 405
Алексеев А.И. 207, 249
Алексеева В.А. 99, 102, 105
Алексей Николаевич, наследник 374, 375, 410, 438
Алисофф А., см. Самарина Е.Н.
Амари 39
Анджелис Саббатино де, см. Саббатино А. де
Андреева-Шилейко В.К. 426
Аничков Н.М. 315
Антокольский М.М. 38
Антокольские 38
Анучин Д.Н. 291
Арманд А.Е. 74, 160
Арманд Е.Е. 113, 435
Арманды, братья 106, 141, 276, 435
Армбрустер Л. 181, 192, 233
Астраган /?/ 152
Базанова Ю.И. 97, 102
Базилевский П.А. 230, 320
Байрон Д.-Г. 411
Бакалович С.В. 177, 184
Баранов И.А. 201, 324
Баранова Е.А. 74, 75
Барановы 75, 385
Баратынский Е.А. 58, 376
Барков В.В. 113
Барсов Е. 362
Басин 57
Бахрушины А.А. и А.П. 102
Бахтурова В.А. 420
Бек Г. 45
Беклемишев В.А. 121
Белелюбский Н.А. 134, 153, 163
Белосельский-Белозерский А.М. 57
Бенардаки Е.И. 79
Бенуа Л.Н. 125, 126
Берг В.П. 120
Берновард 274, 375
Бернацкая М.Л. 16
Бернин Дж. Л. 60
Бирч (Бёрч) С. 148
Благовещенский Н.М. 12, 355
Блуменау 170, 171
Бобринский А.А. 147
Богданов А.П. 100
Боголепов Н.П. 73, 80, 97, 119, 129
Бодэ В. 161, 206, 207, 250, 311
Боевы 102
Бойе Р. де 279
Бойцов П.С. 122, 435
Болонья Дж., см. Джамболонья 60
Бонги 36, 45
Бонди (ателье) 197
Борисов-Мусатов В.Э., см. Мусатов 217
Боссе Г.А. 126
Боткин В.П. 64
Ботта (фирма) 95
Брандт Р.Ф. 92, 413
Бреаль М. 355
Броджи 230
Бромлеи, братья 160, 167
Бругли Э. 66, 92, 94
Бруни Ф. 57
Брунн Г. 354, 355
Брусов П.С. 143
Бруччяни (ателье) 162, 253
Брюллов К.П. 57
Бугров 276
Буле 362
Булочкин С.А. 75, 76
Буслаев Ф.И. 62, 64, 363, 434
Бутлеров А.М. 346
Быховский Н.Н. 158
Бюльман 207
Бюхелер Ф. 13, 355
Вальгер 141
Васильев А.Л. 29
Васнецов А.М. 174
Васнецов В.М. 73, 115, 124, 125, 134, 138, 144, 151, 153, 165, 166, 168, 173, 174, 176, 177, 178, 180, 181, 182, 183, 184, 210, 212, 213, 275, 279, 364, 435
Вахтеров В.П. 403
Веденяпин 130
Великие княгини 410, 411
Велькер Ф. 45, 58, 354, 355
Вельфлин Г. 7
Вендлер Ф. 314
Веневитинов М.А. 58, 323, 358
Верещагин В.П. 124, 125, 138
Верне О. 57
Верроккьо Андреа дель 161, 196, 197
Виктория 42
Вилло 148
Вильгельм II 83, 282
Винкельман И. 59, 65
Виноградов П.Г. 97
Вита Дж. де 42
Вита К. де 42, 43
Витте С.Ю. 81, 82, 107, 108, 373, 409, 427
Витториа К., см. Кавалли В.
Вишер П. 210
Владимир Александрович, великий князь 287

- Вогау Г.М. фон 276
Волконская З.А. 25, 56, 57, 58,
59, 60, 61, 62, 63, 64, 411,
434, 440
Волконский С. 107
Всеволожский И.А. 303
Вяземский П.П. 58
- Гаврилов М.Г. 362
Гальберг С.И. 57
Ганон 419
Гарручи Р. 38, 46, 47, 49
Гейне 59
Гельбиг В. 45
Гергард 45
Герц К.К. 15, 63, 64, 363, 434
Герье В.И. 92, 98, 99, 288,
386
Гете И.-В. 376
Гжельский А.И. 82
Гиберти Л. 196, 197, 210, 318
Гладков В.Л., см.
Гладков В.Л.
и Козлов В.А.
/мастерская/ 130, 276
Голенищев В.С. 9, 21, 135,
137, 286, 287, 290, 292,
293, 294, 295, 297, 298,
299, 300, 301, 302, 303,
304, 305, 310, 313, 314,
318, 319, 320, 322, 327,
328, 330, 331, 332, 335,
336, 342, 437
Голицын В.М. 77, 109
Головин А.Я. 79, 174, 180,
192, 217, 312, 313, 316,
437
Гонзага П. 161
Гримм Г.Д. 121, 435
Гросс 148
Грушка А.А. 413, 426
Гучков Н.И. 320
- Давыдов И.И. 58, 362
Данилов 129
Дашков В.А. 315, 323
Дельвиг А.А. 58
Демидов-Сандонато Э.П.
/Демидов/ 203
Демосфенов А.Н. 152, 158,
163
Демская А.А. 4, 11, 137
Депре К.С. 120
Державин Р.И. 160
Дерюжинский А.Ф. 114, 435
Дёрпфельд В. 125, 162
- Джамболонья, см.
Болонья Дж.
Дмитриев И.В. 213, 234, 235,
236, 237, 251, 264, 267,
279
Дмитриевский И.И. 293, 299,
300, 302, 303
Добротворская Е.А. 381, 421,
430
Добротворские 381, 382, 419,
421
Добротворский И.З. 381, 384,
419
Долгорукий С.В. 113
Долгорукие 113
Доменикино 61
Донателло 79, 161, 191,
195, 197, 210, 216, 267,
318
Достоевский Ф.М. 382
Думберг К.Е. 147
- Екатерина II 116
Елизавета Федоровна,
великая княгиня 88, 141,
176, 239, 244, 245, 249,
278, 280, 281, 282, 287,
288, 294, 308, 364, 436
- Жебелев С.А. 335, 345, 355,
356, 440
Жуковский В.А. 58
Жуковский П.В. 137, 142, 160,
166, 174, 181, 182, 183,
184, 191, 201, 207, 208,
233, 249, 273, 275, 279,
318
Журавлев 276
Журавский 276
- Загоскин М.Н. 58
Залеман Г.Р. 168, 171,
178, 181, 233
Залесский — «Залесский
и Чаплин» /фирма/ 167
Захаров Н.А. 157, 163
Захарьин Г.А. 76, 79, 90, 103,
283
Захарьин С.Г. 76, 79, 264, 283
Захарьина Е.П. 76, 79, 283,
306
Захарьины 79, 90, 152, 283,
286
Зверев Н.А. 73, 80, 81, 97, 99,
108, 129, 138
Зеленин /врач/ 429
- Иванов А.А. 159
Иванов М.М. 38
Иезбера К.Ф. /Иезбер/ 96
Иловайская В.Д., см.
Цветаева В.Д.
Иловайская Н. 418
Иловайские 427
Иловайский Д.И. 14, 27, 54,
92, 160, 278, 320, 339,
341, 406, 414, 420, 437
Иловайский С. 418
Ипполитов-Иванов М.М.
315, 337
Истомин В.К. 73, 80, 81, 82,
87, 92, 132, 160, 178
Истомин, полковник 82, 83,
86
- Каваллари К. 39
Каварокки Р. 51
Каввадиас А. 162
Кавалли В., см.
Витториа К. 161
Каган Ю.М. 7, 11, 12, 14
Казначеев К.А. 99, 160, 393
Каляев И.П. 73, 245
Камби К. 200
Каммучини 57, 61
Канова А. 57, 60, 126
Капустин 298
Киреевский И.В. 58
Клейн Е.Р. 152, 168, 246
Клейн Н.А. /урожденная
Бек/ 86, 132, 152, 153,
168, 189, 246
Клейн Н.Н. /урожденная
Папуш/ 345, 368, 369,
370, 438, 440, 441
Клейн Р.И. 9, 10, 11, 16,
37, 48, 69, 73, 77, 79, 80,
82, 83, 84, 85, 86, 87, 89,
90, 91, 92, 93, 94, 98, 99,
108, 109, 110, 111, 116,
117, 118, 119, 120, 121,
123, 125, 128, 129, 130,
132, 133, 134, 135, 136,
137, 138, 139, 141, 142,
144, 145, 148, 149, 150,
151, 152, 153, 154, 155,
156, 157, 158, 159, 160,
161, 163, 165, 166, 167,
168, 169, 171, 175, 177,
178, 181, 182, 183, 184,
185, 187, 188, 193, 194,
197, 198, 199, 201, 203,
205, 207, 208, 209, 210,

- 211, 212, 213, 219, 220,
222, 224, 227, 228, 230,
231, 232, 234, 236, 238,
240, 241, 242, 243, 244,
245, 246, 248, 249, 250,
251, 252, 253, 254, 255,
256, 258, 259, 260, 261,
262, 263, 264, 265, 266,
267, 268, 269, 270, 271,
272, 273, 274, 275, 276,
277, 278, 279, 280, 282,
283, 284, 285, 286, 287,
288, 289, 290, 291, 292,
293, 299, 302, 303, 304,
306, 307, 308, 311, 312,
313, 315, 319, 320, 323,
326, 327, 328, 342, 364,
373, 396, 427, 434, 435,
436, 437
- Клейн Э. 152
- Клыков В.М. 245
- Ключевский В.О. 14, 98
- Ковалевский Н.О. 38
- Козко Н.А. 91
- Козлов В.А., см.
- Гладков В.Л. и Козлов В.А.
/мастерская/
- Козлов И.И. 58, 130
- Кознов М.П. 290
- Колесников И.А. 74, 76, 100,
105, 145, 160
- Колесникова К.Ф. 145, 232
- Коломб М. 251, 313
- Комаровский Л.А. 320
- Кондаков Н.П. 144, 145, 147,
153, 166, 286, 287, 335
- Кондратьев Д.Ф. 79, 80, 105
- Коровин К.А. 174, 180, 192,
217
- Королева Греции,
Ольга Константиновна
293
- Корш Ф.Е. 14, 355
- Котарбинский В.А. 125
- Котов Г.И. 271
- Кочубей В.П. 126
- Кузницкий 270
- Кузьмин Р.И. 126
- Куинджи А.И. 181
- Кунстхардт 250
- Курциус Г. 45
- Кюнерт 280
- Ланчигани Ф. 160, 199
- Лаурана Ф. ди 161
- Левченко А.В. и Т.В. 315
- Лейден 141
- Лелли Дж., В., Л.
/мастерская/ 196, 197,
210, 240
- Леонтьев П.М. 64, 363
- Лепешкин С.В. 102
- Лепсиус К. 243
- Лисикрат 148, 251, 435
- Лисипп 89, 217, 219, 228, 330,
335, 437
- Лист Г. 144, 154, 157, 158,
160, 163, 165, 166, 169,
170, 171, 279, 290, 436
- Лобойков В.П. 275
- Лонжерье А. де 148
- Лопатин Л.М. 386
- Любавский М.К. 373
- Любке 207
- Люгевиль К.Я. 12
- Маи А. 355
- Майано Бенедетто да 161,
197, 209, 210, 318
- Маковский В.Е. 217
- Маковский К.Е. 125, 138
- Максимилиан 210
- Малицкая К.М. 427
- Мальберг В.К. 291, 320,
322, 345, 349, 368, 369,
371, 372, 373, 374, 376,
438, 440
- Мальцев А.П. 162
- Мальцов И.С. 72, 126
- Мальцова С.С. /урожденная/
Мещерская/ 72
- Мандельштам О.Э. 396
- Мануилов А.А. 273
- Маральяно 184, 193, 194
- Марианджелло 37, 38
- Мария Александровна,
покойная императрица
281
- Мария Федоровна, вдов-
ствующая императрица
88, 176, 281, 395, 410
- Мартьянов П.К. /псевдоним
«Эзоп-Кактус»/ 126
- Масперо Г. 291, 318, 320
- Матвеев И.Е. 83, 207
- Медичи Л. 60
- Медичи 161, 191, 198, 230
- Мейн А.Д. 16, 55, 91, 95, 100,
101, 105, 130, 131, 141,
142, 240, 262, 389, 390,
395, 400, 435
- Мейн М.А., см.
- Цветаева М.А.
- Мейн С.Д. 101, 131, 152, 214,
386, 435
- Менделеев Д.И. 346
- Менгс А.-Р. 59
- Мерзляков А.Ф. 362
- Микеланджело 60, 61, 65, 79,
191, 195, 202, 230, 248,
252, 288, 289, 306, 313,
352, 437
- Миллер В.Ф. 14, 92, 97, 103,
151, 320
- Миллер Г. 34
- Мильовский 362
- Михаэлис 162
- Мицкевич А. 58
- Модестов В.И. 91, 355
- Моммзен Т. 13, 38, 43, 45,
423
- Монье 90, 227
- Мормоне 233
- Морозов А.А. 100
- Морозов И.А. 100
- Морозов М.А. 74, 76, 77, 105,
107, 109, 160, 212, 435
- Морозов Савва Т. 74, 76, 78,
100
- Морозов С.Т. 100, 276
- Морозова В.А. 100
- Морозова М.Ф. 74, 76, 99,
100
- Морозовы 97, 139
- Морозовы-Видуловичи 100
- Мосолов Н.С. 105
- Мсерианц Л.З. 201, 213
- Муромцев Л.М. /А.М.-?/ 77,
82, 105
- Мусатов, см.
Борисов-Мусатов В.Э.
- Мясоедов Г.Г. 217
- Нагаткин М.С. 99, 393
- Надеждин Н.И. 63, 362
- Назаров А.А. 74
- Назаревский А.В. 8, 302, 305,
306, 313, 314, 322, 327,
336, 345, 352, 353, 369,
371, 372, 438, 440
- Недович Д.С. 9, 345, 365, 366,
367, 369, 372, 438, 441
- Нейнгарт Б.А. 94
- Некрасов Н.А. 382
- Некрасов П.А. 73, 80, 81, 96,
97, 99, 160
- Нелидов 224
- Нерва 202

- Нечаев С. Д. 72
Нечаев-Мальцев Ю. С.
/Нечаев-Мальцов/ 9,
16, 20, 57, 66, 67, 72,
73, 81, 82, 86, 88, 90,
92, 93, 94, 95, 103, 104,
105, 107, 108, 116, 118,
119, 120, 121, 123, 124,
125, 126, 127, 132, 133,
134, 135, 136, 138, 139,
140, 143, 154, 155, 156,
157, 158, 159, 160, 162,
163, 165, 166, 167, 168,
171, 172, 173, 175, 176,
177, 178, 179, 180, 181,
182, 183, 184, 187, 188,
191, 192, 193, 194, 196,
197, 198, 200, 201, 202,
203, 204, 205, 206, 208,
209, 210, 211, 214, 216,
217, 220, 223, 225, 226,
228, 229, 231, 233, 236,
240, 241, 242, 244, 245,
248, 249, 250, 252, 253,
254, 256, 257, 258, 259,
262, 263, 264, 265, 266,
267, 269, 270, 271, 272,
273, 274, 275, 276, 278,
280, 282, 284, 285, 286,
287, 288, 289, 290, 297,
299, 303, 306, 307, 311,
318, 320, 322, 325, 326,
328, 331, 336, 338, 349,
352, 364, 374, 375, 376,
380, 382, 383, 384, 386,
388, 389, 390, 391, 396,
398, 408, 409, 427, 428,
430, 434, 437, 438
Нечаева А. С. 244
Нечаева С. С. 94
Нечаевы 126, 263
Нечаевы-Мальцевы 93
Нивинский И. И. 283, 290,
299, 308, 313, 315, 318,
320
Николай II 72, 80, 82, 83, 84,
85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93,
99, 107, 109, 110, 118, 119, 132,
133, 134, 139, 161, 176, 177,
257, 279, 280, 281, 282, 286,
287, 293, 294, 298, 299, 304,
323, 324, 325, 347, 364, 366,
395, 398, 403, 404, 406, 409,
410, 411, 427, 434
Николай Михайлович,
великий князь 304
Никольский М. В. 336
Норов А. С. 58
Нурри-бей Осман 348
Ньютон 148
Онганья 220
Опекушин А. М. 121, 278, 279,
280
Павлов Н. Ф. 58
Паис 203
Пановский Э. 7
Паскале Г. 33, 34
Пасхалова 97
Паттурелли 33
Петр Великий 302
Петр Николаевич, великий
князь 343, 438
Петра Дж. де 13, 29,
30, 31, 32, 36, 38, 40,
201
Пизано Н. 229, 309, 319, 320,
326
Пикко Дж. де 229
Платон 346
Плетнев П. А. 429
Погодин М. П. 58, 63, 64
Подгорецкая А. Г. 79, 103,
160, 179, 240, 264, 289
Поленов В. Д. 115, 124,
125, 137, 150, 159, 166,
173, 175, 176, 177, 178,
180, 181, 182, 184, 188,
191, 192, 193, 199, 208,
211, 216, 217, 220, 233,
275, 278, 279, 316, 317,
321, 324, 328, 329, 331,
337, 364, 385, 387, 415,
437, 438
Поленова Н. В. 337, 385
Поленовы 115
Поляков А. 79
Поляков И. Л. 79
Поляков Л. С. 79, 105, 160
Поляковы 79
Помяловский И. В. 355
Помяловские 80, 91
Попов К. С. 67
Поповский 362
Пракситель 89, 95, 105, 191,
219, 330, 334, 373, 437
Преллер Ф. 313
Прове И. К. 77, 78, 105
Прове Ф. И. 160
Протопопов С. А. 100, 105,
119, 141
Пушкин А. С. 10, 58, 370,
432
Пэрк А. А. 213, 234, 262
Раич С. Е. 58
Раттенок И. П. 279, 290
Рафаэль 61, 65, 191, 415
Ребеккини Г. А. 51
Рейман Ф. П. 38, 49, 67, 89, 90,
145, 168, 195, 256, 257,
259, 260, 265, 266, 379,
436, 437, 438
Репин И. Е. 174
Рерберг И. И. 126, 145, 157,
160, 161, 166, 171, 256,
258, 261, 263, 269, 272,
278, 279, 320, 435
Риццони А. А. 38
Ричль Ф. 13, 45
Роббиа делла 194, 195, 210,
221, 283, 318
Роббиа Андреа делла 79, 161,
283
Роббиа Лука делла 79, 142,
161, 197, 214, 216, 267,
283
Роден О. 8
Розанов В. В. 7, 8, 345, 346,
370, 440
Романов Н. И. 7, 96, 108, 116,
159, 161, 234, 235, 278,
284, 291, 413
Романовы 337
Россеино А. 161, 197, 312
Росси Дж.-Б де 355
Ростовцев М. И. 335
Рот В. К. 171
Ротенмундт 313
Рукавишников И. М. 107
Саббаттино А. де, см.
Анджелис Саббаттино де
201, 240
Саванарола 198
Садон 225, 230
Салинас 39
Самарин А. Д. 320
Самарин Д. Ф.
Самарина Е. Н. (псевдоним
«мадемуазель
А. Алисофф») 250
Самосский Н. И. 74
Самосский Ф. 74
Сахарова Е. В. 137, 211, 217,
233
Сведомский (?) 177

- Семирадский Г.И. 124, 125,
126, 138, 174, 176, 177,
364
- Сергей Александрович,
великий князь 68, 70, 73,
75, 77, 80, 81, 82, 83, 84,
86, 88, 90, 91, 92, 93, 98,
99, 102, 103, 104, 106,
116, 133, 134, 139, 160,
176, 178, 179, 190, 194,
211, 212, 228, 229, 240,
245, 273, 274, 279, 281,
330, 351, 364, 396, 434
- Сергий, митрополит 74
- Серов В.А. 174, 217
- Сеттиньяно Дез. да 161
- Сидоров А.А. 8, 345, 369, 370,
371, 372, 373, 374, 375,
376, 426, 438, 440, 441
- Сидоров А.С. 147, 148
- Сиракузский, граф 40
- Скребицкая М.С. 95, 105
- Слуттер 226
- Смирнова Л.М. 4, 11, 137,
440
- Снигиревский А.В. 38
- Соколов Ф.Ф. 12
- Сократ 38
- Солдатенков К.Т. 77, 102
- Солодовников 97
- Сольяно А. 31, 201
- Сохацкий 362
- Спешков И.П. 318
- Спиноза 38
- Способин А.Д. 161
- Срезневский И.И. 12
- Станкевич А.В. 102
- Стасов В.В. 145, 146, 147, 148
- Стахеев Н.Д. 74
- Степанов К.П. 201, 207, 208,
213, 233, 248, 279
- Степанов М.П. 160, 178, 213,
278, 288
- Столыпин П.А. 303
- Строганов Г.С. 34
- Строганов С.Г. 146, 147, 198
- Строцци Бернардо 161
- Сфорца 161
- Тацит 12, 13
- Титов И.В. 105
- Тихомиров А.А. 128, 160, 320
- Тициан 61
- Толстой И.И. 91
- Толстой Л.Н. 382
- Толстопятов А. 74, 75
- Тоны, братья 57
- Торвальдсен Б. 57, 60, 61
- Траян 42, 43, 174
- Трей Г.Т. (Егор Егорович)
139, 142, 164, 166, 167,
171, 181, 196, 199, 207,
280, 313, 327, 354, 399,
424, 436
- Трескин Н.Н. 92, 96, 103, 108,
116, 160
- Третьяков П.М. 102, 121, 122
- Троицкий М.М. 92, 98
- Трубцкой П.Н. 77
- Трухачев Б.С. 426, 431
- Тураев Б.А. 291, 299, 300, 302,
314, 318, 322, 327, 328,
330, 331, 332, 333, 335,
336, 342, 354, 369
- Тураева Е.Ф. 318, 328, 342
- Тургенев И.С. 382
- Уваров А.С. 48
- Уварова П.С. 77, 103,
154, 160, 216, 241, 254,
281, 308, 320, 328, 337,
345, 362, 363, 438, 440,
441
- Ульянов Г.К. 302, 303, 318
- Успенский Ф.И. 291
- Ушкова 75
- Фармаковская Т.И. 316
- Фармаковский Б.В. 214,
216, 219, 268, 291, 316,
335
- Фармаковский Мст.В. 214,
216, 217, 230, 247, 316
- Фидий 89, 167, 244, 245, 246,
247, 248, 330, 436
- Фиэзоле Мино да 161
- Фиорелли Дж. 40, 41, 46, 148
- Фишер К.А. 161, 270
- Фишер Петер Ф. Старший
210
- Флаксман 61
- Фламенг Ф. 112, 435
- Франс Анатоль 390
- Фрате дель 49
- Фролов В.А. 220
- Хавет Л. 355
- Харитоненко 306
- Хенри В. 355
- Хлудов В.А. 100
- Хомяков Д.А. 166, 184
- Хрущов И.П. 173
- Цветаев А.И. 10, 15, 20, 24,
55, 133, 168, 214, 229,
232, 264, 387, 388, 389,
406, 414, 415, 416, 419,
421, 422, 423, 426, 428,
429, 430, 431, 434, 436,
438
- Цветаев В.В. 12
- Цветаев Д.В. 12, 228, 320,
337, 347, 362, 420
- Цветаев И.В. 5, 6, 7, 8, 9, 10,
11, 12, 13, 14, 15, 16, 17,
18, 19, 20, 21, 22, 23, 24,
27, 28, 29, 30, 32, 34, 36,
38, 40, 42, 44, 46, 48, 50,
52, 53, 54, 55, 56, 58, 60,
62, 64, 65, 66, 68, 70, 71,
72, 73, 74, 76, 78, 80, 82,
83, 84, 86, 88, 90, 91, 92,
94, 95, 96, 98, 99, 100,
102, 104, 106, 108, 110,
112, 114, 115, 116, 118,
120, 122, 124, 126, 128,
130, 131, 132, 133, 134,
135, 136, 137, 138, 140,
141, 142, 143, 144, 145,
146, 147, 148, 150, 151,
152, 153, 154, 155, 156,
157, 158, 159, 160, 161,
162, 164, 165, 166, 168,
169, 170, 171, 172, 173,
174, 175, 176, 177, 178,
179, 180, 181, 182, 183,
184, 186, 187, 188, 190,
192, 193, 194, 196, 197,
198, 199, 200, 201, 202,
203, 204, 205, 206, 207,
208, 209, 210, 211, 212,
213, 214, 216, 217, 218,
219, 220, 222, 223, 224,
225, 226, 227, 228, 229,
230, 231, 232, 233, 234,
235, 236, 238, 240, 241,
242, 243, 244, 245, 246,
247, 248, 249, 250, 251,
252, 253, 254, 255, 256,
258, 259, 260, 261, 262,
263, 264, 266, 267, 268,
269, 270, 271, 272, 273,
274, 275, 276, 277, 278,
279, 280, 282, 283, 284,
285, 286, 287, 288, 289,
290, 291, 292, 293, 294,
295, 296, 298, 299, 300,
302, 303, 304, 305, 306,
307, 308, 310, 311, 312,

- 313, 314, 315, 316, 318,
319, 320, 322, 323, 324,
325, 326, 327, 328, 330,
331, 332, 334, 336, 337,
338, 339, 340, 342, 344,
345, 346, 347, 348, 349,
350, 351, 352, 353, 354,
355, 356, 357, 358, 359,
360, 361, 362, 364, 365,
366, 367, 368, 369, 370,
371, 372, 373, 374, 375,
376, 377, 378, 380, 382,
383, 384, 386, 388, 389,
390, 391, 392, 393, 394,
395, 396, 397, 398, 399,
400, 401, 402, 403, 404,
405, 406, 407, 408, 409,
410, 411, 412, 414, 415,
416, 417, 418, 419, 420,
421, 422, 423, 424, 426,
427, 428, 429, 430, 431,
432, 434, 435, 436, 437,
438, 440, 441, 442
- Цветаев П. В. 12
- Цветаев Ф. В. 12
- Цветаева А. И. 10, 16, 19, 24,
55, 72, 131, 133, 136, 165,
194, 200, 204, 236, 264,
286, 337, 377, 387, 389,
390, 391, 395, 396, 397,
399, 400, 404, 405, 412,
413, 414, 416, 417, 418,
420, 421, 423, 424, 426,
429, 430, 431, 438, 440,
441
- Цветаева Антонина 399
- Цветаева В. Д. 10, 14, 15, 16,
27, 52, 54, 55, 412, 414,
420, 434
- Цветаева В. И. 10, 15, 24, 55,
72, 114, 136, 152, 204,
212, 214, 264, 339, 377,
378, 386, 387, 389, 390,
392, 395, 414, 415, 416,
419, 421, 423, 428, 429,
430, 438
- Цветаева Е. В. 12
- Цветаева М. А. 10, 16, 19, 20,
21, 55, 56, 72, 110, 114,
115, 126, 129, 130, 131,
132, 133, 136, 152, 165,
178, 180, 183, 184, 186,
189, 193, 194, 199, 200,
204, 221, 223, 236, 238,
240, 261, 262, 263, 277,
377, 389, 390, 391, 394,
395, 396, 397, 399, 400,
404, 411, 412, 414, 415,
416, 417, 418, 419, 420,
421, 426, 429, 430, 431,
434, 436, 441
- Цветаева М. И. 5, 10, 11, 12,
16, 19, 24, 55, 72, 73, 133,
136, 165, 168, 194, 200,
204, 236, 263, 264, 277,
337, 377, 387, 389, 390,
391, 392, 393, 394, 395,
396, 397, 399, 400, 404,
405, 412, 413, 414, 416,
417, 418, 419, 420, 421,
422, 423, 424, 426, 427,
428, 429, 430, 431, 432,
438, 440, 441
- Цветаевы 10, 12, 16, 417, 434,
438
- Цветков И. Е. 129
- Чаплин, см. «Залесский
и Чаплин» /фирма/
Чегодаев 291, 298, 299,
303, 305, 318, 323
- Челлини Б. 281
- Чивитали Маттео 161
- Чуриловский И. П. 362
- Шаталов Н. Ф. 95
- Шварц А. Н. 21, 23, 98, 136,
245, 290, 291, 293, 295,
296, 298, 299, 302, 306,
307, 311, 314, 318, 319,
321, 322, 323, 324, 325,
375, 423, 424
- Шевырев С. П. 58, 61, 62, 64,
363
- Шелапутин Г. 139
- Шелапутин П. Г. 97, 120
- Шеффер Г. 98
- Шехтель Ф. О. 76, 116, 125,
278, 283, 320, 435
- Шпалмер 230
- Штейн фон 51
- Штерн В. 291
- Штрингер 207
- Шульц И. Ю. 78, 79, 107
- Шуцман М. С. 123, 435
- Щедрин С. 57
- Щекин М. С. 304, 315, 320, 437
- Щербатов Н. А. 293, 350, 369
- Щербатов А. А. 154, 160
- Щукин С. И. 316, 320
- Щуров 290
- «Эзоп-Кактус» см.
Мартьянов П. К.
- Эрман И. 294
- Эфрон А. С. 72
- Эфрон С. Я. 406
- Юба 348
- Южанин С. Н. 207, 233, 249,
279
- Юрьевич С. А. 95
- Юсупов Н. Б. 116, 272
- Юсупов Ф. Ф., князь граф
Сумароков-Эльстон
Старший 67, 90, 115,
116, 264, 272, 320
- Юсупова З. Н. 103, 112, 115,
116, 272, 435
- Юсуповы 74, 272
- Яковлев А. И. 337, 413, 426
- Яковлев И. Я. 413
- Ян Отто 45
- Янелли Г. 32, 33

Содержание

Л.М.Смирнова	5
Музей — дело жизни	
Летопись жизни,	12
ученой и просветительской деятельности И. В. Цветаева	
Первая часть	
У истоков музея	
Отрывки из книги «Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг.»	29
Памяти княгини З.А.Волконской	57
Записка о Музее изящных искусств имени императора Александра III при Императорском Московском университете	65
Вторая часть	
Создание Музея изящных искусств в Москве	
Из дневника	72
Из переписки И.В.Цветаева 1899—1913 годов	135
Третья часть	
Статьи, очерки, воспоминания учеников и сподвижников	
В.В.Розанов	346
Памяти Ивана Владимировича Цветаева	
В.К.Мальмберг	349
Иван Владимирович Цветаев	
А.В.Назаревский	352
Из воспоминаний об И.В.Цветаеве	

С.А.Жебелев Памяти И.В.Цветаева	355
Ю.В.Готье Памяти И.В.Цветаева	358
П.С.Уварова И.В.Цветаев — творец Музея изящных искусств	362
Д.С.Недович Цветаев — профессор Воспоминания ученика	365
Н.Н.Клейн Памяти И.В.Цветаева	368
А.А.Сидоров Из воспоминаний об Иване Владимировиче Цветаеве	370

Четвертая часть

Воспоминания дочерей

Валерия Цветаева Москва девяностых и девятисотых годов	378
Марина Цветаева Музей Александра III	393
Лавровый венок (памяти проф. И.В.Цветаева)	400
Открытие музея	406
Анастасия Цветаева Наш отец и его детище — музей. Наша мать	412

Приложения

Список иллюстраций	434
Указатель имен	439

Ц 27

И.В.Цветаев создает музей/Составители А.А.Демская, Л.М.Смирнова. — М.: «Галарт», 1995. — 448 с., ил. (Из научно-художественного наследия). ISBN 5-269-00718-5

В книгу вошли дневник, обширная переписка основателя Музея изящных искусств в Москве и посвященные ему мемуары. Среди последних — воспоминания дочерей Ивана Владимировича — Валерии, Марины, Анастасии.

Ц 4901000000-02 без объявл.
084(02)-95

ББК 85.101

Цветаев создает музей

Составление и комментарии
Александры Андреевны Демской,
Людмилы Михайловны
Смирновой

Редакторы И. А. Гутт,
Е. И. Буторина
Художник А. А. Кузнецов
Художественный редактор
Н. Г. Дреничева
Технический редактор
И. Г. Алексеева
Корректоры З. В. Белолуцкая,
Е. Н. Куткина,
И. А. Шорсткина

ЛР №062531 от 20.04.93
Сдано в набор 8.05.92
Подписано в печать 25.01.95
Формат 60 × 100/16
Бумага мелованная
Гарнитура шрифта таймс
Печать офсетная
Усл. п. л. 31,08
Усл. кр.-отт. 47,73
Уч.-изд. л. 30,40
Зак. 972
Тираж 7500
Изд. № 1-405

Издательство
«Галарт»
125319, Москва,
ул. Черняховского, 4а

Набор произведен в
АО Типография «Новости»

Изготовление иллюстрационных
диапозитивов в МГП «Первая
Образцовая типография»

Типография А/О «Внешторгиздат»
125576, Москва, Илимская, 7

